

Анджей САПКОВСКИЙ

СЕЗОН
ГРОЗ

Annotation

Прошло двадцать восемь лет с момента появления в свет рассказа «Ведьмак», пятнадцать лет – с тех пор, как была поставлена точка в последнем томе цикла. И вот – новый, неожиданный и долгожданный роман Анджея Сапковского «Сезон гроз». Не продолжение и не приквел о юном Геральте, но еще одна история о ведьмаке, история о его верном взбалмошном друге Лютике, история о чародейке, знакомой нам по прежним книгам цикла...

Это – «Сезон гроз», книга, пронизанная молниями, громом, ветрами, магией и отблесками обнаженных мечей. Придворные интриги и древние тайны чародеев, новые диковинные твари и все те же чудовища в людском обличье, а также – фирменная ирония Сапковского, виртуозное переплетение сюжетных линий, неожиданный финал, яркие и берущие за душу страницы...

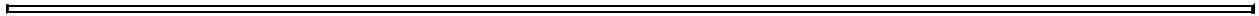
Все это – в новом романе от мастера польской фантастики! Впервые на русском!

- [Сапковский Анджей](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Интерлюдия](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Интерлюдия](#)
 - [Интерлюдия](#)
 - [Интерлюдия](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Интерлюдия](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)

- [Глава четырнадцатая](#)
- [Интерлюдия](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Интерлюдия](#)
- [Интерлюдия](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [Интерлюдия](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Интерлюдия](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Эпилог](#)
- [Пара слов от переводчика и редактора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)

Сапковский Анджей

Сезон гроз

Фантастический роман

*От упырей, от окаянцев,
от тварей длиннопалых
и от тварей, что по ночам стучатся,
Избави нас, добрый Боже!*

*Молитва просительная, известная как «The
Cornish Litany», датируемая XIV–XV вв.*

*Говорят, что прогресс разгоняет тьму. Но всегда,
всегда будет суца тьма. И всегда во тьме будет Зло,
всегда будут во тьме клыки и когти, убийство и кровь.
Всегда будут твари, что по ночам стучатся. А мы,
ведьмаки, – суци, чтобы постучаться к оным.*

Весемир из Каэр Морхена

Глава первая

Кто сражается с чудовищами, должен остерегаться, чтобы самому не стать чудовищем. Если долго смотришь в бездну, бездна тоже смотрит в тебя.

Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла^[1]

Смотреть в бездну, по-моему, – полный идиотизм. В мире есть множество вещей куда более достойных того, чтобы на них смотреть.

Люттик. Полвека поэзии

Жил он лишь для того, чтобы убивать.

Лежал на прогретом солнцем песке.

Ощущал вибрации прижатыми к тверди щетинками и перистыми усиками. Хотя вибрации все еще были далеко, Идр чувствовал их отчетливо и явственно, мог определить по ним не только направление и скорость движения жертвы, но и ее вес. Для большинства хищников, что охотились сходным образом, вес жертвы имел значение первостепенное: красться, нападать, догонять означало расходовать энергию, что и приходилось восполнять энергетической ценностью пищи. Большинство подобных Идру хищников отказывалось от нападения, если добыча была слишком мала. Но не Идр. Идр существовал не для того, чтобы жрать и поддерживать род. Не для того был он создан.

Жил он для того, чтобы убивать.

Осторожно двигая конечностями, он вылез из ямины, переполз через трухлявый ствол, в три прыжка пересек бурелом, призраком метнулся через поляну, нырнул в поросший папоротником подлесок, утонул в чащобе. Двигался быстро и бесшумно, то бегом, то, словно огромный кузнечик, скачками.

Нырнул в сухостой, припал к земле сегментированной броней брюха. Вибрации грунта становилась все отчетливей. Импульсы от вибрисов и щетинок Идра складывались в картинку. В план. Идр уже знал, как добраться до жертвы, в каком месте пересечь ей дорогу, как обратить ее в

бегство, как длинным прыжком пасть на нее сзади, на какой высоте ударить, рубануть острыми, словно бритвы, жвалами. Вибрации и импульсы уже вздымали в нем радость, которую Идр познаёт, когда жертва забьется под его тяжестью, эйфорию, которую доставит ему вкус горячей крови. Наслаждение, которое он испытает, когда воздух прошьет вопль боли. Он слегка вздрагивал, раскрывая и смыкая клешни и педипальпы.

Колебания почвы были предельно отчетливы, а еще они сделались дифференцированы. Идр уже знал, что жертв больше, скорее всего три, возможно – четыре. Две сотрясали землю привычным образом, вибрации от третьей указывали на малую массу и размер. Четвертая же – если и вправду была некая четвертая – вызывала колебания спорадичные, слабые и нечеткие. Идр сделался недвижим, напряг и выставил над травую антенны, исследовал движение воздуха.

Вибрация почвы наконец-то донесла сигнал, которого Идр дожидался. Жертвы разделились. Одна, меньшая, осталась позади. А та четвертая, та неотчетливая, исчезла. Это был ложный сигнал, обманчивое эхо. Идр его проигнорировал.

Маленькая добыча еще больше отделилась от остальных. Почва затряслась сильнее. И ближе. Идр напряг задние конечности, оттолкнулся и прыгнул.

* * *

Девочка испуганно вскрикнула. Вместо того чтобы убегать, она замерла на месте. И непрерывно кричала.

* * *

Ведьмак кинулся к ней, в прыжке выхватывая меч. И тут же понял: что-то не так. Его обвели вокруг пальца.

Мужчина, тянувший тележку с хворостом, заорал и на глазах Геральта взлетел на сажень вверх, кровь же из него брызнула широко и обильно. Он упал, чтобы тотчас взлететь снова, на этот раз двумя истекающими кровью кусками. Уже не кричал. Теперь пронзительно вопила женщина, как и дочь, – замершая и парализованная страхом.

Не веря, что ему это удастся, ведьмак все же сумел ее спасти. Подскочил к забрызганной кровью женщине и сильно толкнул, отшвыривая

ее с тропинки в лес, в папоротники. И сразу понял, что это тоже было хитростью. Фортелем. Ибо серый, плоский, многоногий и невероятно быстрый силуэт уже удалялся от тележки и первой жертвы. Двигался ко второй. К по-прежнему кричавшей девочке. Геральт метнулся следом.

Если бы та стояла на месте – он наверняка бы не успел. Но девочка поняла что к чему и стремглав кинулась наутек. Серая тварь, однако, добралась бы до нее быстро и без усилий – добралась бы, убила и вернулась, чтобы вдобавок прикончить и женщину. Так бы и случилось, не будь там ведьмака.

Он догнал тварь, прыгнул, придавил каблуком одну из задних конечностей. Не отскочи в тот же миг, лишился бы ноги – серая тварь с невероятным проворством вывернулась, а ее серповидные клешни клацнули, промахнувшись лишь на волос. Прежде чем ведьмак восстановил равновесие, тварь оттолкнулась от земли и атаковала. Геральт парировал рефлекторным, широким и довольно бестолковым ударом меча; отбросил тварь. Урона ей не нанес, но перехватил инициативу.

Сорвался с места, подскочил, рубя от уха, развалив панцирь на плоской головогрудь. Прежде чем ошеломленная тварь опомнилась, вторым ударом отсек ей левое жвало. Тварь кинулась на него, взмахивая лапами, стараясь прободать, словно тур, оставшимся жвалом. Ведьмак отрубил и его. Быстрым обратным ударом отхлестнул одну из педипальп. И снова рубанул в головогрудь.

* * *

До Идра наконец-то дошло, что он в опасности. Что должен убежать. Должен убежать, убежать далеко, зарыться куда-нибудь, укрыться. Он жил лишь затем, чтобы убивать. Чтобы убивать – он должен регенерировать. Должен убежать... Убежать...

* * *

Убежать ведьмак ему не позволил. Догнал, наступил на задний сегмент туловища, ударил сверху, наотмашь. На этот раз броня головогрудь уступила, из разлома брызнула и полилась густая зеленоватая сукровица. Тварь дергалась, конечности исступленно молотили по земле.

Геральт ударил мечом, напрочь отрубая плоскую голову от остального

тулова.

Тяжело дышал.

Вдали загремело. Поднявшийся ветер и быстро темневшее небо возвещали близкую грозу.

* * *

Альберт Смулька, новоназначенный волостной жупан, уже при первой встрече напомнил Геральту брюкву – был округл, неопрятен, толстокож и совершенно никакков. Другими словами, не слишком-то отличался от прочих служащих волостного уровня, с какими Геральту приходилось иметь дело.

– Получается, что это правда, – сказал жупан. – Что как ведьмак ты в работе справный.

– Йонас, предшественник мой, – продолжил он через минутку, так и не дождавшись никакой реакции от Геральта, – нахвалиться на тебя не мог. Подумать токмо, а я полагал – дурит он. Стало быть, не доверял я ему, выходит. Знаю ж, как быль сказкой обростает. Особенно у люда темного, у того, где что ни слово – так чудо али диво, али иной какой ведьмак сил нелюдских. А тут – нате, вылезает, что оно правда истинная. Там, в бору, за речушкой-то, людишек поперемерло – не счесть. А поскольку там дорога к городку прямая, они тудой и ходили, дурни... На погибель собственную. На предупрежденья невзирая. Нонче такое уж времечко, что по пустошам лучше не шляться, по лесам не лазить. Всюду чудища, всюду людоедцы. В Темерии, на Тукайском взгорье, давеча жуткое дело стряслось, пятнадцатерых людей упырь какой-то в углежогском хуторке поубивал. Хутор тот Роговизной звался. Слышал наверняка ж. Нет? Но правду говорю, чтоб я сдох. Даже чернокнижники, болтают, в той Роговизне следствие вели. Ну, да что болтать? Мы нынче здесь, в Ансегисе, в безопасности. Благодаря тебе.

Он вынул из комода шкатулку. Развернул на столе лист бумаги, макнул перо в чернильницу.

– Обещал ты, что страшилище убьешь, – сказал жупан, не поднимая головы. – Получается, слов на ветер не бросаешь. Человек ты верный, как для бродяги... Да и людишкам тамошним жизнь спас. Бабе и девке. Поблагодарили они хоть? Пали в ножки?

Не пали, поиграл желваками ведьмак. Потому как еще в себя не пришли. А пока придут – я уж отсюда и уеду. Пока они поймут, что я их

использовал как приманку, в самонадеянной гордыне уверенный, что сумею защитить всех троих. Я уеду, прежде чем до девочки дойдет, что из-за меня она теперь полусирота.

Чувствовал он себя погано. Наверняка был это результат использованных перед боем эликсиров. Наверняка.

– Сей же монструм, – жупан посыпал бумагу песком, а потом стряхнул песок на пол, – истинная мерзость. Я глянул на труп, когда принесли... Что оно такое было?

Геральт тоже сомневался в видовой принадлежности твари, но не собирался признаваться.

– Арахноморф.

Альберт Смулька пожевал губами, тщетно пытаясь повторить.

– Тьфу ж ты, как звали – так звали, пошло оно псу под хвост. Это тем мечом ты его засек? Этим вот клинком? Можно глянуть?

– Не можно.

– Ха, верно, потому что зачатое лезвие. Да и дорогое поди... Лакомый кусочек... Ну, мы-то здесь ля-ля-ля, а времечко бежит. Договор исполнен, пора платить. Но сперва – формальности. Распишись-ка на фактуре. Значится, крестик поставь или иной какой знак.

Ведьмак взял поданный ему счет, повернулся к свету.

– Гляньте на него, – кривясь, покачал головой жупан. – Типа чего, читать умеет?

Геральт положил бумагу на стол, толкнул в сторону чиновника.

– В документ, – сказал тихо и спокойно, – вкралась ошибка. Мы договаривались на пятьдесят крон. Счет составлен на восемьдесят.

Альберт Смулька сплел пальцы, положив на них подбородок.

– Это не ошибка, – он тоже понизил голос, – а, скорее, знак признания. Ты убил страшное страшилище, а оно наверняка ведь непростая была работенка... Сумма никого не удивит...

– Не понимаю.

– Ага, как же. Не изображай невинность. Сказать мне хочешь, что Йонас, когда здесь правил, не выставлял тебе таких фактур? Голову на отсечение дам, что...

– Что – «что»? – оборвал его Геральт. – Что он завывшал счета? А разницу, на которую облегчал королевскую казну, делил со мной напополам?

– Напополам? – жупан скривился. – Ты не слишком-то, ведьмак, не слишком. Подумать только, важный какой! Ты с разницы треть получишь. Десять крон. Для тебя оно и так премия немалая. А мне больше надлежит

получать хотя б из-за положения моего. Урядникам державным следует быть состоятельными. Чем урядник державный состоятельней, тем и державы престиж выше. Да что бы ты о таком знал?... Наскучил мне уже наш разговор. Подпишешь счет или как?

Дождь стучал по крыше, снаружи лило как из ведра. Но уже не гремело, гроза уходила.

Интерлюдия

Двумя днями позже

– Милости просим, уважаемая, – властно склонил голову Белогун, король Керака. – Милости просим. Слуги, стул!

Свод комнаты украшал плафон – фреска, представлявшая парусник меж волн, тритонов, гиппокампов и созданий, напоминавших омаров. Фреска же на одной из стен была картой мира. Картой, как давно удостоверялась Коралл, предельно фантастической, с реальным положением суши и вод не имеющей ничего общего. Но симпатичной и выполненной со вкусом.

Два пажа приволокли и установили тяжелое резное кресло. Чародейка села, возложив руки на подлокотники так, чтоб ее усеянные рубинами браслеты были хорошо видны и оказались в центре внимания. На завитых волосах ее возлежала еще и рубиновая диадема, а в глубоком декольте – рубиновое кольцо. Все специально для аудиенции у короля. Она хотела произвести впечатление. И производила. Король Белогун таращил гляделки, не понять – на рубины или на декольте.

Белогун, сын Осмика, был, можно сказать, королем в первом поколении. Отец его сколотил немалое состояние на морской торговле и, как поговаривали, на морском разбое. Прикончив конкурентов и монополизировав каботажные рейсы, Осмик провозгласил себя королем. Акт самозванной коронации, по сути, лишь формализовал статус кво, а потому не возбудил серьезных возражений, как не вызвал и протестов. Во время предыдущих малых войн и войнушек Осмик разрешил конфликты – пограничные и властные – с соседями, Верденом и Цидарисом. Стало ясно, где Керак начинается, где заканчивается, и кто в нем правит. А коль правит – то он король, и надлежит ему носить таковой титул. Естественным образом титул и власть переходят от отца к сыну, а потому никто и не удивился, что после смерти Осмика на трон сел его наследник, Белогун. Правда, сыновей у Осмика было чуть поболее, как минимум еще четверо, но все они отреклись от права на корону, а один вроде бы даже добровольно. Так вот и вышло, что Белогун правил в Кераке уже лет двадцать с гаком, согласно семейной традиции извлекая прибыль с верфей, транспорта, рыболовства и пиратства.

Нынче же король Белогун давал прием: на троне, на возвышении, в

собоyleм колпаке, со скипетром в руке. Величественный, словно жук-навозник на коровьей лепешке.

– Почтенная и милая сердцу нашему госпожа Литта Нейд, – приветствовал он. – Возлюбленная наша чародейка Литта Нейд. Ты изволила снова провести Керак. И должно быть, снова надолго?

– Мне полезен морской воздух. – Коралл провокационно положила ногу на ногу, демонстрируя туфельку на модной нынче пробке. – По милостивому разрешению вашего королевского величества, конечно.

Король повел взглядом по сидевшим подле сыновьям. Долговязые, словно орясины, оба они ничем не напоминали отца: костистого, жилистого, однако ростом, увы, не вышедшего. Да и братьями они не казались. Старший, Эгмунд, черный, словно ворон. Ксандер, чуть помладше, блондин, почти альбинос. Оба поглядывали на Литту без симпатии. Их явно раздражала привилегия, в силу которой чародеи в присутствии королей сидели, а аудиенции им давали на стульях. Однако привилегия была распространена широко, и никто, почитавший себя цивилизованным, не смел ею пренебречь. А сыновья Белогуна весьма желали сойти за цивилизованных.

– Милостивое разрешение, – медленно проговорил Белогун, – мы дадим. С определенной оговоркой.

Коралл подняла руку и принялась внимательно разглядывать ногти, демонстрируя, где именно она видала оговорки Белогуна. Король знака не воспринял. А если и воспринял, то умело это скрыл.

– Дошло до ушей наших, – засопел он гневно, – что бабам, которые детей не желают, уважаемая госпожа Нейд предлагает магические декокты. А тем, кто уже в тяжести, помогает плод сбросить. Мы же здесь, в Кераке, такую процедуру полагаем аморальной.

– То, на что у женщины есть природное право, – сухо ответствовала Коралл, – не может быть аморальным *ipso facto*^[2].

– Женщина, – король сел на троне ровно, худощавый и поджарый, – имеет право ожидать от мужчины лишь два дара: лето встретить в тяжести, а на зиму получить лапти из тонкого лыка. Как первый, так и второй дар должны заякорить женщину в доме. Ибо дом является местом для женщины соответствующим, природой ей предписанным. Женщина с большим пузом и цепляющимся за подол потомством от дома не удалится, и в голову ей никакие глупости не придут, а сие гарантирует также и спокойствие духа мужчины. Спокойный же духом мужчина способен тяжело трудиться заради умножения богатства и благосостояния своего владыки. Трудящемуся же в поте лица своего и без передыху, спокойному за чету

свою мужчине в голову не придут также и никакие глупости. А коли женщине некто подскажет, что может она рожать, когда пожелает, а когда не пожелает – то и не должна, да когда некто вдобавок подскажет ей способ и подсунет средство, тогда, почтенная, общественный порядок начнет рушиться.

– Верно, – вмешался принц Ксандер, уже давненько ждавший okazji, чтобы вмешаться. – Именно так.

– Женщина, отвергающая материнство, – продолжал Белогун, – женщина, кою не удерживают в доме живот, люлька и мальцы, вскоре уступит похоти, и се дело очевидное, неминуемое. И тогда же мужчина утратит внутреннее спокойствие и равновесие духа, в былой его гармонии что-то вдруг разладится и засмердит, да что там – окажется, что он ни гармонией никакой не обладает, ни сообразностью. Особенно той сообразностью, что обосновывает ежедневную его страду в поте лица своего. А также выйдет наружу, что результаты той страды в поте лица его присваиваю я. Ну а от мыслей подобных один лишь шаг до крамолы. До комплота, бунта, мятежа. Поняла ль ты, Нейд? Кто дает бабам средства против беременности или помогающие ее прервать, тот подтачивает общественный порядок, подзуживает к бунтам и крамоле.

– Верно! – вмешался Ксандер. – Точно сказано!

Литта плевать хотела на видимость авторитета и властности Белогуна, она знала прекрасно, что как чародейка – неприкасаема и единственное, на что способен король, – трепать языком. Однако Коралл удержалась от подробного высказывания о том, что в королевстве его разлад и смрад ощутимы уже давно, что сообразности в нем – кот наплакал, а единственная гармония, здешним обитателям известная, это музыкальный инструмент, разновидность аккордеона. И что втягивать в это еще и женщин, материнство или отказ от оногo – доказательство не только мизогинии, но и кретинизма.

– В твоих пространных речах, – сказала она вместо этого, – то и дело возникал мотив умножения богатства и достатка. Я прекрасно тебя понимаю, поскольку и собственный достаток мне любезен чрезвычайно. И ни за что на свете я не откажусь от того, что достаток сей мне обеспечивает. Полагаю я, что женщина имеет право рожать, когда хочет, и не рожать, когда не хочет, но не стану на эти темы спорить, поскольку каждый имеет право на какие-то там убеждения. Обращу лишь внимание, что за оказание женщинам медицинской помощи я беру плату. Это довольно значимый источник моих доходов. У нас экономика свободного рынка, король. Не вмешивайся, очень тебя прошу, в источник моих доходов. Поскольку мои

доходы, как тебе прекрасно известно, это еще и доходы Капитула и всего братства. А братство исключительно скверно реагирует на попытки свои доходы уменьшить.

– Уж не пытаешься ли ты мне угрожать, Нейд?

– Как бы я посмела? Более того, я предлагаю далеко идущие помощь и сотрудничество. Знай, Белогун, что если в результате проводимого тобою давления и грабежа дойдет в Кераке до беспорядков, если вспыхнет здесь, высокопарно выражаясь, факел бунта, если подступит сюда взбунтованная чернь, чтобы выволочь тебя за чуб, сбросить с престола, а после того вздернуть на сухой ветви... Вот тогда ты можешь рассчитывать на мое братство. На волшебников. Ибо мы придем на помощь. Не допустим ни бунта, ни анархии, поскольку они и нам не на руку. Оттого взыскивай и умножай богатство. Умножай спокойно. И не мешай умножать другим. Очень прошу и всерьез тебе советую.

– Советуешь? – распетушился, привстав с кресла, Ксандер. – Ты советуешь? Отцу? Отец – король! Короли не слушают советов, короли приказывают!

– Сядь, сын, – скривился Белогун, – и сиди тихо. А ты, чародейка, напряги-ка слух. Хочу тебе кое-что сказать.

– Ну?

– Беру я себе новую женку... Семнадцати лет... Вишенка, скажу тебе. Вишенка в крему.

– Мои поздравления.

– Делаю я это по причинам династическим. В заботе о преемственности и достатке державы.

Дотоле молчаливый, будто камень, Эгмонт вскинул голову.

– Преемственность? – рявкнул, и злой блеск в его глазах не ускользнул от внимания Литты. – Какая такая преемственность? У тебя шестеро сынов и восемь дочек, считая ублюдков! Мало тебе?

– Сама видишь, – махнул костистой рукой Белогун. – Сама видишь, Нейд. Надобно мне позаботиться о преемственности. Следует ли мне оставлять королевство и корону тому, кто таким вот манером обращается к родителю? К счастью, я еще живой и правлю. И править намереваюсь долгонько. Как сказал уже – женюсь...

– Ну и?

– Когда бы... – король почесал за ухом, взглянул на Литту из-под прищуренных век. – Когда бы она... Моя новая жена, значит... Обратилась бы к тебе за оными средствами... Я запрещаю их ей давать. Поскольку мне те средства не по нраву! Поскольку это неестественно!

– Так мы можем договориться, – очаровательно улыбнулась Коралл. – Вишенке твоей, обратиться она ко мне, я их не предоставлю. Клянусь.

– Вот и славно, – просиял Белогун. – Видишь, как расчудесно мы нашли общий язык. Главное ж – взаимное понимание и двустороннее уважение. Даже не сойтись во мнениях можно красиво.

– Верно, – вмешался Ксандер. Эгмунда передернуло, он тихо выругался.

– В рамках уважения с пониманием, – Коралл, накручивая рыжий локон на палец, взглянула вверх, на плафон, – равно как и в заботе о гармонии и благосостоянии твоей державы... Есть у меня некая информация. Доверительная информация. Я презираю доноительство, но обман и преступление презираю еще сильнее. А речь, мой король, идет о дерзком финансовом обмане. Есть те, кто пытаются тебя обкрадывать.

Белогун склонился на троне, и лицо его искривилось по-волчьи.

– Кто? Имена!

Глава вторая

Керак – город в северном королевстве Цидарис, в устье реки Адалаттэ. Некогда столица отдельного королевства К., кое в результате дурного правления и пресечения властвующей ветви захирело, утратило значение и было поделено и поглощено соседями. Имеет порт, несколько фабрик, морской маяк и около 2000 жителей.

Эффенберг и Тальбот.

Encyclopaedia Maxima Mundi, том VIII

Залив щетинился мачтами и полнился парусами, белыми и разноцветными. Крупные корабли стояли на прикрытом мысом и волноломом рейде. В самом порту, у деревянных молов, чалились судна поменьше и совсем махонькие. На пляжах почти все свободные места занимали лодки. Или остатки лодок.

На носу мыса, исхлестанный белыми волнами прибоя, вздымался морской маяк белого и красного кирпича, обновленный реликт эльфийских времен.

Ведьмак тронул шпорой бок кобылки. Плотва вскинула голову, раздула ноздри, словно и сама радовалась запаху моря, несомому ветром. Понукаемая, двинулась через дюны. К близкому уже городу.

Город Керак, главный мегаполис одноименного королевства, раскинулся вдоль обоих берегов устья реки Адалаттэ и разбит был на три отдельные, явственно отличные друг от друга зоны.

На левом берегу Адалаттэ находились порт, доки и промышленно-торговый район, охватывавший верфь с мастерскими, а также предприятия по переработке, склады и ангара, торжища и базары.

Противоположный берег реки, территорию, называемую Пальмирой, заполняли лачуги да хибары бедноты и работного люда, дома и лавки мелких торговцев, бойни, мясные прилавки и многочисленные, оживающие преимущественно в сумерках, кабаки да таверны. Ибо Пальмира была и районом развлечений, запретных удовольствий. Также, насколько знал Геральт, здесь запросто можно было лишиться кошелька или получить нож

под ребро.

Подальше от моря, на левом берегу, за высоким частоколом из толстенных бревен располагался, собственно, сам Керак: кварталы узких улочек меж домами богатых купцов и финансистов, факториями, банками, ломбардами, мастерскими швецов и сапожников, магазинами и магазинчиками. Наличествовали здесь также постоянные дворы и места развлечений высшего разряда, предлагая, впрочем, ровно те же улады, что и портовая Пальмира, но за куда большие деньги. Центр квартала состоял из четырехугольного рынка, здания городской ратуши, театра, суда, таможенной конторы и домов городской элиты. У входа в ратушу на постаменте высился жутко обгаженный чайками памятник основателю города, королю Осмику. Была это явная липа, приморский город возник задолго до того, как Осмик прибыл сюда бес его знает откуда.

Повыше, на взгорье, стоял замок и королевский дворец, в формах и абрисах довольно нетипичных, поскольку ранее был он древним храмом, перестроенным и расстроеным после того, как оставили его жрецы, разочарованные полным отсутствием интереса со стороны народа. От храма сохранилась даже кампанилла, сиречь колокольня с большим колоколом, в который нынче властвующий в Кераке король Белогун приказывал бить ежедневно в полдень и – к неизбывной злобе подданных – в полночь.

Колокол заголосил, когда ведьмак въехал меж крайними хибарами Пальмиры.

Пальмира воняла рыбой, стиркой и кружалом, толкотня на улочках была ужасная, проезд стоил ведьмаку изрядного времени и терпения. Он вздохнул с облегчением, когда наконец-то добрался до моста и переехал на левый берег Адалаттэ. Вода смердела, разнося комья грязной пены, результат работы стоявшего выше по реке кожевенного заводика. Отсюда недалёко было до дороги, ведущей к окруженному частоколом бургу.

Он отвел лошадь в конюшни под бургом, заплатив за пару дней наперед и оставляя конюху бакшиш, чтобы гарантировать Плотве должный присмотр. Направился к караульне. В Керак можно было попасть лишь через караульню, после прохождения контроля и сопровождающих оному малоприятных процедур. Ведьмака эта необходимость несколько раздражала, но он понимал ее цель – обитателей бурга за частоколом не слишком радовала мысль о визитах гостей из портовой Пальмиры, особенно сошедших на сушу моряков из чужедальних стран.

Он вошел в караульню – деревянный сруб, в котором находилась, как он знал, кордегардия. Полагал, будто знает, что его ждет. Ошибался.

В жизни своей доводилось ему посещать различные кордегардии. Малые, средние и большие, в закоулках мира близких и весьма отдаленных, в регионах, отягченных цивилизацией в большей и меньшей степени, а то и вовсе не отягченных. Все кордегардии мира смердели затхлостью, путом, кожей и мочой, как, впрочем, и железом со смазкой для консервации оружия. То же было и в кордегардии Керака. Вернее, было бы, когда бы классические кордегардные запахи не забивала тяжелая, душная, под потолок встающая вонь пердежа. В меню гарнизона здешней кордегардии, несомненно, преобладали крупносеменные стручковые, навроде гороха, бобов и цветной фасоли.

Гарнизон же был исключительно дамским. Состоял он из шести женщин. Сидевших за столом и увлеченных полуденной трапезой. Все дамы жадно хлебали из глиняных мисок нечто, что плавало в реденьком перцовом соусе.

Самая высокая из стражниц, видать, комендант, отодвинула от себя миску, встала. Геральт, который всегда полагал, что некрасивых женщин не бывает, внезапно почувствовал настоятельную необходимость пересмотреть свои убеждения.

– Оружие на лавку!

Как и все присутствующие, стражница была острижена наголо. Волосы успели чуток отрасти, покрыв лысую голову неопрятной щетиной. Из-под расстегнутого камзола и расхлюстанной рубахи виднелись мышцы пресса, при виде которых сам собою вспоминался большой перетянутый рулет. Бицепсы стражницы, дабы остаться в рамках гастрономической образности, были размером со свиные окорока.

– Сказала же – оружие на лавку! – повторила она. – Оглох?

Одна из ее подчиненных, все еще склоненная над миской, чуток приподнялась и перднула, истово и протяжно. Ее подруги заржали. Геральт обмахнулся перчаткой. Стражница глядела на его мечи.

– Эй, девочки! Давайте-ка сюда!

«Девочки» встали, без охоты, потягиваясь. Все, как заметил Геральт, одевались в стиле скорее свободном и легком, а главное, позволявшем прихвастнуть мускулатурой. На одной были короткие кожаные штаны с распоротыми по шву штанинами, чтобы втиснуть голени. А вверх от талии одеждой ей служили в основном переkreщивавшиеся ремни.

– Ведьмак, – сказала она. – Два меча. Стальной и серебряный.

Вторая, как и все – высокая и широкая в плечах, приблизилась, бесцеремонным движением распахнула рубаху Геральта, ухватила за серебряную цепочку, выудила медальон.

– И знак есть, – подтвердила. – На знаке волк, с зубами ощеренными. Выходит, и взаправду ведьмак. Пропускаем?

– Устав не запрещает. Мечи он сдал...

– Именно, – спокойно включился в беседу Геральт. – Сдал. И полагаю, они пребудут пока в охраняемом депозите? И я получу их назад по расписке? Каковую мне сейчас выдадут?

Стражницы, щеря зубы, окружили его. Одна толкнула, словно бы невзначай. Вторая громко перднула.

– Вот тебе расписка, – фыркнула она.

– Ведьмак! Наемный убийца чудовищ! А мечи отдал! Сразу! Покорный, как пацанчик!

– Хреняшку свою тоже бы сдал, если бы приказали.

– Так прикажем, а? Что, девки? Пусть вынет из штанов!

– Подивимся, какие там у ведьмаков хреняшки!

– Хватит, – рявкнула комендант. – Разыгрались, дырки. Гонсхорек, ну-ка сюда! Гонсхорек!

Из соседнего помещения появился лысоватый и немолодой милсдарь в бурой епанче и шерстяном берете. Едва войдя – раскашлялся, снял берет и принялся им обмахиваться. Без слова принял обернутые ремнями мечи, сделал Геральту знак, чтобы шагал следом. Ведьмак не заставил себя упрашивать. В наполнявшей кордегардию смеси газов, газы кишечные уже начинали преобладать.

Помещение, в которое они вошли, разделяла толстая железная решетка. Милсдарь в епанче заскрежетал в замке большим ключом. Повесил мечи на крючок подле прочих мечей, сабель, кордов и ножей. Раскрыл потрепанную амбарную книгу, карябал там медленно, неторопливо, непрерывно кашляя и с трудом переводя дыхание. Наконец он вручил Геральту расписку.

– Я так понимаю, мои мечи здесь – в безопасности? Под ключом и охраной?

Бурый милсдарь, тяжело дыша и похрипывая, затворил решетку и показал ему ключ. Геральта это не убедило. С любой решеткой можно совладать, а звуковые эффекты от флатуленции дам-стражей по-любому заглушат попытки взлома. Однако выхода не было. Надлежало завершить в Кераке то, ради чего он прибыл. И покинуть город как можно скорее.

Кабак или же – как гласила вывеска – австерия «Natura Rerum»^[3] располагалась в не слишком большом, но довольно изящном строении кедрового дерева, с остроугольной крышей и высоко торчащей трубой. Фасад дома украшало крыльцо, уставленное раскидистыми алоэ в деревянных кадках. Из помещения доносились кухонные запахи, главным образом печеного на решетках мяса. Запахи были столь соблазнительны, что ведьмаку «Natura Rerum» сразу же показалась Эдемом, садом наслаждений, островом счастья. Местом успокоения благословенных, млеком и медом истекающим.

Оказалось, однако, что Эдем оный – как и всякий Эдем – охраняем. Был у него свой цербер, страж с мечом огненным. Геральту выпала оказия увидеть его в действии. Цербер, мужик невысокий, но кряжистый, на его глазах изгнал из садов наслаждений худого юнца. Юнец протестовал – покрикивал и жестикулировал, что, похоже, цербера нервировало.

– Тебе запрещено входить, Муус. И ты хорошо об этом знаешь. Так что – ступай себе. Я повторять не стану.

Юнец торопливо отшагнул от ступеней, чтобы избежать толчка. Был он, как заметил Геральт, преждевременно лысеющим, реденькие и длинненькие белесые волосы начинали расти в районе темени, что, в общем-то, производило впечатление куда как мерзкое.

– Драл я вас и ваш запрет! – распалялся юнец с безопасного расстояния. – Нет в вас милосердия! Да вы и не одни, к конкурентам пойду! Индюки надутые! Парвеню! Вывеска золоченая, а на сапогах – дерьмо все то же! И значите для меня ровно столько же, как дерьмо это! А говно – говном и останется!

Геральт слегка обеспокоился. Лысеющий юноша, хоть и мерзкий экстерьером, выглядел вполне себе по-господски, может, и не по-богатому, но в любом случае куда изысканней его самого. А потому, если именно изысканность являлась решающим критерием...

– А ты куда, спрошу-ка, – холодный голос цербера прервал течение его мыслей. И подтвердил опасения.

– Это эксклюзивное заведение, – продолжил цербер, загораживая собой лестницу. – Понимаешь значение слова? Это типа исключительное. Для немногих.

– Отчего не для меня?

– Не платье красит человека, – стоявший двумя ступеньками выше цербер мог смотреть на ведьмака сверху вниз. – И ты, чужеземец, ходячая иллюстрация этой народной мудрости. Твое платье ничуть тебя не красит. Может, и украшают тебя иные – скрытые – вещи, вникать не стану.

Повторю: это эксклюзивное заведение. Мы не рады здесь людям, одетым как бандиты. Равно как и людям вооруженным.

– Я не вооружен.

– Но выглядишь совсем даже наоборот. Оттого – будь добр, направь стопы куда-нибудь в другое место.

– Погоди-ка, Тарп.

В дверях заведения появился смуглый мужчина в бархатном кафтане. Брови – кустистые, взгляд – пронзительный, а нос – орлиный. И крупный.

– Похоже, – поучал цербера орлиный нос, – ты не в курсе, с кем имеешь дело. Не знаешь, кто к нам заглянул.

Затянувшееся молчание цербера свидетельствовало, что тот и вправду не знает.

– Геральт из Ривии. Ведьмак. Известный тем, что защищает людей и спасает их жизни. Как неделю тому здесь, в наших краях, в Ансегисе: спас мать с ребенком. А несколькими месяцами ранее, в Цизмаре, и о том много говорили, убил он левкроту-людоедку^[4], сам при этом получив ранения. Посмел бы я кому-то, кто занят таким вот честным ремеслом, запретить вход в мое заведение? Вовсе нет: я рад такому гостю. И почту за честь, что он решил меня посетить. Господин Геральт, австерия «Natura Rerum» приветствует вас в своих стенах. Я Феб Равенга, владелец этой скромной ресторации.

Стол, за который усадил его мэтр, был накрыт скатертью. Все столы в «Natura Rerum» – в большинстве своем занятые – накрыты были скатертями. Геральт не помнил, когда он в последний раз видывал скатерти в кабаке.

Хоть и заинтригованный, он не глазел по сторонам, не желая сойти за провинциала и простеца. Мимолетный взгляд, однако, выявил обстановку скромную, хоть утонченную и изысканную. Изысканной – пусть не всегда утонченной – была и клиентура: по его прикидкам, в основном купцы и ремесленники. Встречались капитаны кораблей, загорелые и бородатые. Хватало и пестро одетых господ дворян. Пахло здесь тоже славно и изысканно: жареным мясом, чесноком, тмином и большими деньгами.

Он почувствовал на себе взгляд. Когда за ним наблюдали, его ведьмачьи инстинкты сигнализировали об этом тотчас. Он зыркнул, уголком глаза.

Наблюдавшей – и тоже весьма скрытно, незаметно для обычного смертного – была молодая женщина с по-лисьи рыжими волосами. Изображала она предельную увлеченность блюдом – чем-то аппетитным на вид и даже издали искушающе пахнувшим. Внешний вид, как и язык тела

не оставляли места для сомнения. Только не для ведьмака. Он готов был биться об заклад, что это – чародейка.

Мэтр, прокашлявшись, оторвал его от раздумий и накатившей вдруг ностальгии.

– Сегодня, – сообщил торжественно и не без гордости мэтр, – мы предлагаем телячье гузно, тушеное в овощах с грибами и фасолью. Ягнячий кострец, печеный с баклажанами. Свиной бок в пиве, подаваемый с глазурированными сливами. Лопатку кабана печеную, подаваемую с яблоками в желе. Утиную грудку жареную, подаваемую с красной капустой и клюквой. Кальмаров, фаршированных цикорием, с белым соусом и виноградом. Лягушек на решетке в сметанном соусе, подаваемых с тушеными грушами. А еще наше фирменное: гусиные ножки в белом вине, с наборов фруктов, запеченных в фольге, и тюрбо с рачьими шейками в карамелизированных чернилах каракатицы.

– Если предпочитаешь рыбу, – у стола невеста когда появился Феб Равенга, – то я крайне рекомендую тюрбо. Из утреннего лова, само собой. Гордость шефа нашей кухни.

– Тогда тюрбо в чернилах, – ведьмак одолел в себе иррациональное желание заказать сразу несколько блюд, понимая, что это было бы дурновкусием. – Спасибо за совет. Я уж начал испытывать муки выбора.

– Какое вино желает милсдарь предпочесть? – спросил мэтр.

– Прошу вас выбрать что-нибудь подходящее. Я слабо разбираюсь в винах.

– Мало кто это признаёт, – усмехнулся Феб Равенга. – И куда как немногие в этом признаются. Не беспокойтесь, подберем сорт и год, господин ведьмак. Не стану мешать, доброго вам аппетита.

Пожеланию не дано было сбыться. Геральту не пришлось также узнать, какое вино ему подберут. И вкус тюрбо в чернилах каракатицы также остался для него загадкой.

Рыжеволосая женщина внезапно отбросила свои уловки, нашла его взглядом. Улыбнулась. Он не мог избавиться от впечатления, что – злорадно. Почувствовал дрожь.

– Ведьмак, называемый Геральтом из Ривии?

Вопрос задал один из трех одетых в черное субъектов, которые тихонько подошли к столу.

– Это я.

– Именем закона, вы арестованы.

Глава третья

Какой же суд мне страшен, если прав я?

В. Шекспир. Венецианский купец^[5]

Назначенная Геральту государственная защитница избегала смотреть ему в глаза. С упорством, достойным лучшего применения, она листала папку с документами. Документов там было немного. Точнее – два. Госпожа адвокат, должно быть, учила их наизусть. Чтобы блеснуть защитной речью – надеялся он. Но была это, как подозревал, надежда тщетная.

– В тюрьме, – госпожа адвокат наконец подняла взгляд, – вы причинили увечья двум сокамерникам. Мне, полагаю, стоило бы знать причину?

– *Primo*, я отверг их сексуальные ухаживания, они же не хотели понять, что «нет» означает «нет». *Secundo*, я люблю бить людей. *Tertio*, это ложь. Они сами покалечились. О стены. Чтобы меня очернить.

Говорил он неторопливо и равнодушно. После недели, проведенной в тюрьме, ведьмак сделался совершенно равнодушен. Защитница закрыла папку. Чтобы тут же снова ее открыть. После чего поправила вычурный парик.

– Избитые, – вздохнула она, – жалобу, думаю, не подадут. Поэтому сосредоточимся на акте инстингаторском. Ассессор трибунала обвинит тебя в серьезном преступлении, грозящем суровым наказанием.

А как же иначе, подумал он, созерцая красоту госпожи адвоката. Задумался, сколько ей было лет, когда попала в школу чародеек. И в каком возрасте школу эту покинула.

Оба действующих университета чародеев – мужской в Бан Арде и женский в Аретузе на острове Танедд – кроме выпускников и выпускниц производили также отходы. Несмотря на густое сито вступительных экзаменов, в принципе, позволявшее отсеять и отделить безнадёжные случаи, только первые семестры осуществляли реальную селекцию и выявляли тех, кто умел маскироваться. Тех, для кого мышление оказывалось делом досадным и нежеланным. Скрытых глупцов, лентяев и ментальных сонь обоих полов, коим в школах магии ловить было нечего.

Проблема состояла в том, что они обычно оказывались отпрысками персон зажиточных – или по иным каким причинам считавшихся важными. После изгнания из университета надлежало с этой молодежью что-то делать. С парнями, выброшенными из школы в Бан Арде, проблем не возникало – они попадали к дипломатам, ждали их армия, флот и полиция, а для самых безнадежных оставалась политика. Магические отбросы прекрасного пола лишь на первый взгляд было сложнее пристроить к делу. Пусть даже впоследствии изгнанные, дамочки-то сперва переступали порог чародейского университета и сколько-то там магии успевали опробовать. А влияние чародеек на правителей и на все сферы политико-экономической жизни было слишком велико, чтобы просто усадить дам в лодку и предоставить воле волн. Так что им обеспечивали безопасную пристань. Попадали они в сферу справедливости. Становились юристками.

Защитница закрыла папку. После чего снова открыла.

– Я рекомендую признать свою вину, – сказала она. – Тогда мы можем рассчитывать на более легкий приговор...

– Признать в чем? – прервал ведьмак.

– Когда суд спросит, признаёшь ли – отвечай утвердительно. Признание вины будет признано смягчающим обстоятельством.

– Как тогда ты собираешься меня защищать?

Госпожа адвокат захлопнула папку. Словно крышку гроба.

– Пойдем. Суд ждет.

Суд ждал. Из судебного же зала как раз выводили предыдущего делинквента^[6]. Не слишком-то, как заметил Геральт, радостного.

На стене висел засиженный мухами щит, на нем можно было разглядеть герб Керака, голубой дельфин *nageant*^[7]. Под гербом стоял судейский стол. Восседали за ним трое персон. Худой писарчук. Выцветший подьячий. И госпожа судья – дама, степенная статью и лицом.

Лавку одесную от судей занимал исполняющий обязанности обвинителя ассессор трибунала. Выглядел он серьезно. Достаточно серьезно, чтобы остерегаться встречи с ним на темной улочке.

На противоположной же стороне, слева от судейского состава, стояла лавка для обвиняемых. Место, ему предписанное.

Дальше пошло бойчей.

– Геральт, именуемый Геральтом из Ривии, по профессии – ведьмак, обвиняется в злоупотреблении, в завладении и присвоении средств, принадлежащих Короне. Действуя в сговоре с иными персонами, коих он коррумпировал, обвиняемый зависил размер выставленных за свои услуги

счетов, намереваясь завладеть оными избытками. Что повлекло за собою траты из казны государства. Доказательством является донос, *notitia criminis*^[8], каковой обвинение прилагает к акту. Донос оный...

Скучающее выражение лица и отсутствующий взгляд судьи свидетельствовали, что степенная дама мыслями находится далеко. И что совершенно иные занимают ее вопросы и проблемы – стирка, дети, цвет занавесок, подходящее тесто для макового пирога и предвещавшие кризис счастливого супружества складки на ягодицах. Ведьмак смиренно принял тот факт, что сам он – куда менее важен. Что не конкурент подобным материям.

– Совершенное обвиняемым преступление, – продолжал без эмоций обвинитель, – не только рушит страну, но и порядок общественный расточает и подрывает. Правопорядок требует...

– Приложенный к акту донос, – прервала судья, – суду придется воспринимать как *probatio de relato*, доказательство со слов третьего лица. Может ли обвинение предоставить другие доказательства?

– Других нет... Хотя... Обвиняемый, как сказано, ведьмак. Это мутант, пребывающий вне людского сообщества, презирующий законы человеческие и ставящий себя над ними. В своей криминогенной и социопатической профессии он общается с преступными элементами, а также с нелюдьми, в том числе и с расами, человечеству традиционно враждебными. Нарушение закона – у ведьмака в самой его нигилистической природе. В случае ведьмака, Высокие Судьи, отсутствие доказательств – наилучшее доказательство... Доказывает коварство и...

– А обвиняемый... – Судью, похоже, совершенно не интересовало, что еще доказывает отсутствие доказательств. – Обвиняемый признает ли свою вину?

– Не признаю. – Геральт не обратил внимания на отчаянные сигналы госпожи адвоката. – Я невиновен, не совершал никакого преступления.

Был у него определенный опыт, приходилось иметь дело с законниками. А еще он поверхностно ознакомился с соответствующей специальной литературой.

– Я обвиняем в результате предубеждения...

– Протестую! – крикнул ассессор. – Обвиняемый провозглашает речь!

– Отклоняю.

– ...в результате предубеждения относительно моей личности и профессии, то есть, в результате *praeiudicium*, что наперед предполагает ложь. Кроме того, я обвиняюсь на основании анонимного доноса, вдобавок

– единственного. *Testimonium unius non valet. Testis unus, testis nullus*^[9]. *Ergo*, это не обвинение, но предположение, сиречь *praesumptio*. А предположение оставляет сомнения.

– *In dubio pro reo*^[10]! – очнулась защитница. – *In dubio pro reo*, Высокий Суд!

– Суд, – судья грохнула молотком, пробудив выцветшего подьячего, – постановляет установить имущественный залог в размере пятиста новиградских крон.

Геральт вздохнул. Его интересовало, пришли ли оба его сотоварища по камере в себя и извлекли ли из произошедшего хоть какие-то уроки. Или же придется их бить и пинать сызнова.

Глава четвертая

А что такое город? Наш народ.

В. Шекспир. Кориолан^[11]

На самом краю людного торжища стоял небрежно сколоченный из досок прилавок, обслуживаемый старушкой в соломенной шляпке – божьим одуванчиком, округлым и румяным, словно добрая ворожка из сказки. Над старушкой виднелась надпись: «Счастье и радость – только у меня. Огурец бесплатно». Геральт задержался, выудил из кармана медяки.

– Нацеди, бабка, полквартиры счастья, – потребовал хмуро.

Вдохнул поглубже, выпил махом, выдохнул. Вытер слезы, которые сивуха выжала у него из глаз.

Был он свободен. И зол.

О том, что свободен, как ни забавно, узнал он от персоны, ему известной. Внешне. Был это тот самый преждевременно облысевший юнец, которого на его глазах спустили со ступеней австерии «Natura Rerum». И который, как оказалось, служил трибунальским щелкопером.

– Ты свободен, – объявил ему лысеющий юнец, сплетая и расплетая худые, испятнанные чернилами пальцы. – Залог выплатили.

– Кто выплатил?

Информация оказалась конфиденциальной, лысеющий щелкопер отказался ее предоставить. Отказался также – и тоже наотрез – вернуть реквизированную сумку Геральта. Где содержались, кроме прочего, наличность и банковские чеки. Движимое имущество ведьмака, разъяснил он не без иронии, было воспринято властью *cautio pro expensis*^[12], в качестве взноса в счет судебных издержек и будущего наказания.

Ругаться было бесцельно и бессмысленно. Геральту следовало радоваться, что на выходе ему отдали хотя бы те вещи, которые при задержании находились у него в карманах. Личные безделушки и мелкие деньги. Настолько мелкие, что никому не захотелось их красть.

Он пересчитал оставшиеся медяки. И улыбнулся старушениции.

– И еще полквартиры счастья, пожалуйста. За огурчик спасибо.

После бабкиной сивухи мир заметно похорошел. Геральт знал, что это ненадолго, а потому ускорил шаг. Оставалось уладить еще кое-что.

Плотва, его кобылка, счастливо избежала внимания суда и не вошла в список *cautio pro expensis*. Пребывала там, где он ее оставил, в конюшне, обихоженная и накормленная. Подобное ведьмак не мог оставить без награды, независимо от состояния собственного кармана. Из горсти серебряных монет, что уцелели во вшитом в седле тайничке, несколько сразу досталось конюху. У сердяги от оной щедрости аж дыхание сперло.

Горизонт над морем темнел. Геральту казалось, что он примечает там искорки молний.

Перед входом в кордегардию он предусмотрительно набрал в грудь свежего воздуха. Не помогло. Госпожи стражницы, видно, употребили сегодня больше фасоли, чем обычно. Значительно, значительно больше. Как знать, может, нынче было воскресенье.

Одни – как обычно – ели. Другие играли в кости. Увидав его, поднялись из-за стола. И окружили Геральта.

– Гляньте-ка, ведьмак, – сказала комендант, стоя почти вплотную. – Взял и прилез.

– Я покидаю город. Пришел забрать свое имущество.

– Ежели мы позволим, – вторая стражница толкнула его локтем, словно бы случайно, – то что нам за это будет? Выкупить надобно, братка, выкупить. Верно ж, девки? Что мы прикажем ему сделать?

– А пусть каждую в голую задницу поцелует!

– И лизнет! Да поглубже!

– Да ну-у... Вдруг заразу какую занесет!

– Но ведь должен он нам, – еще одна наперла на него бюстом твердым, будто скала, – чо-нить приятное сделать, нет?

– Песенку пусть нам споет, – другая громко перднула. – А мелодию под этот мой тон подберет!

– Или под мой! – другая перднула еще сильнее. – Потому как мой погромче будет!

Остальные дамы аж за бока от смеха хватались.

Геральт прокладывал себе дорогу, пытаясь не переусердствовать с применением силы. В этот момент дверь склада депозитов распахнулась и на пороге появился милсдарь в бурой епанче и берете. Депозитарий, Гонсхорек, или как там его. Увидав ведьмака, раззявил широко рот.

– Вы? – выдавил. – Как же оно?... Ваши мечи...

– Именно что. Мои мечи. Попрошу их отдать.

– Ить... Ить... – Гонсхорек захлебнулся, хватаясь за грудь, с трудом сглатывая воздух. – Ить у меня ж тех мечей нет!

– Что-что?

– Нет... – лицо Гонсхорека покраснело. И искривилось, словно в пароксизме боли. – Их же забрали...

– Это как? – Геральт почувствовал, как охватывает его холодное бешенство.

– Забра... ли...

– Как это – «забрали»? – он ухватил депозитария за ворот. – Кто, сукин ты сын, их забрал? Что это, в душу мать, должно значить?

– Расписка...

– Вот именно! – Он почувствовал на плече железную хватку. Комендант стражи оттолкнула его от захлебывающегося Гонсхорека. – Именно! Расписку покажи!

Расписки у ведьмака не было. Расписка на хранение оружия осталась в его суме. Суме, реквизированной судом. Как взнос в счет судебных издержек и будущего наказания.

– Расписка!

– Нет. Но...

– Нет расписки, нет депозита, – не дала ему закончить комендант. – Мечи забрали, али не слышал? Сам же, должно быть, и забрал. А теперь яйцами тут бренчишь? Чего-нибудь у нас отжать хочешь? Не выйдет. Пшел прочь.

– Не уйду, пока...

Комендант, не разжимая хватки, оттащила Геральта и развернула его. Лицом к двери.

– Пошел нахер!

Геральт не бил женщин. Однако не испытывал ни малейших угрызений совести относительно особы, у которой плечи словно у борца, живот в виде рулета, а икры – как у дискобола, и которая вдобавок пердела, словно мул. Он отпихнул коменданта и изо всех сил саданул в челюсть. Своим любимым правым крюком.

Остальные замерли, но лишь на миг. Еще до того, как комендант рухнула на стол, разбрызгивая вокруг фасоль и перечный соус, они насели на ведьмака. Одной он без раздумий расквасил нос, вторую ударил так, что щелкнули зубы. Двух угостил Знаком Аард, те словно куклы полетели на стойку с алебардами, завалив их все с неописуемым лязгом и грохотом.

Сам же он получил в ухо от их измазанной соусом предводительницы. Другая стражница, та, с твердым бюстом, облапила его сзади по-медвежьи. Саданул локтем – та аж взвыла. Коменданта он толкнул на стол, приласкал размашистым крюком. Ту, с расквашенным носом, рубанул в солнечное сплетение и повалил на землю, услышал, как ее стошнило. Еще одна,

получив в висок, ударилась стриженным затылком о столб, обмякла, глаза ее моментально затянуло поволокой.

Но на ногах оставались еще четверо. И его преимуществу пришел конец. Он получил по затылку и сразу же в ухо. А потом по хребту. Кто-то из них подсек ему ноги, двое навалились сверху, придавили, работая кулаками. Оставшиеся не жалели пинков.

Ударом головой в лицо ведьмак вырубил одну из прижимавших его, но сразу же навалилась следующая. Комендант, как определил Геральт по капающему соусу. Ударом сверху она добавила ему в зубы. Он плюнул ей кровью прямо в лицо.

– Нож! – орала она, трясая стриженной головой. – Дайте мне нож! Яйца ему отрежу!

– Зачем нож? – крикнула другая. – Я их ему отгрызу!

– Стоять! Смирно! Что здесь происходит? Смирно, я сказал!

Оглушительный и призывающий к послушанию голос прорвался сквозь гром сражения, уняв стражниц. Они выпустили Геральта из объятий. Он встал – с трудом, преодолевая боль. Вид поля боя несколько улучшил его настроение. Не без удовольствия он оглядывал свои достижения. Лежавшая под стеной стражница уже открыла глаза, но не спешила возвращаться в вертикальное положение. Вторая, согнувшись, сплевывала кровью и ощупывала пальцами свои зубы. Третья, та, с расквашенным носом, пыталась подняться, но то и дело падала, оскальзываясь в луже собственной фасолевого блевотины. Из всей шестерки на ногах пребывала лишь половина. Поэтому результат его устраивал. Даже с учетом того факта, что когда б не вмешательство, сам ведьмак получил бы серьезные травмы и не факт, что сумел бы уйти на своих двоих.

Между тем, вмешавшимся оказался прилично одетый и лучившийся авторитетом мужчина с благородными чертами. Геральт не знал, кто это. Зато прекрасно знал его спутника. Пузана в изысканной шапочке, с приколотым к ней пером белой цапли, с блондинистыми локонами до плеч, завитыми на бигудях. Того, кто носил дублет цвета красного вина и рубаху с кружевным жабо. С неизменной лютней и неизменной же наглой ухмылкой на губах.

– Привет, ведьмак! Ну и вид у тебя! С эдакой-то расквашенной рожей! Со смеху лопнуть!

– Привет, Лютик! Я тоже рад тебя видеть.

– Что здесь происходит? – Мужчина с благородными чертами упер руки в бока. – Ну? Что с вами? Доложиться по уставу! Немедленно!

– Это тот вон! – Комендант вытряхнула из ушей остатки соуса и

обвиняюще указала на Геральта. – Он виноват, вельможный господин инстигатор! Скандалил и кричал, а потом в драку кинулся. А все из-за мечей каких-то из депозита, на которые он и расписки-то не имел. Гонсхорек подтвердит... Эй, Гонсхорек, чего ты там в углу сидишь? Обосрался что ли? Шевели задницей, встань, скажи вельможному господину инстигатору... Эй! Гонсхорек! Да что с тобой?

Довольно было взглянуть повнимательней, чтобы уразуметь, что с Гонсхореком. Не требовалось даже проверять пульс, достаточно было увидеть его белое, словно мел, лицо. Гонсхорек был мертв. Просто-напросто мертв.

* * *

– Мы проведем следствие, господин из Ривии, – сказал Ферран де Леттенхоф, инстигатор королевского трибунала. – Ежели подашь официальную жалобу, мы будем обязаны ее расследовать, так гласит закон. Возьмем на допрос всех, кто во время ареста и суда имел доступ к твоим вещам. Арестуем подозреваемых...

– Тех, кого обычно?

– Прошу прощения?

– Ничего, ничего.

– Ну вот. Дело наверняка прояснится, а виновные в краже мечей будут привлечены к ответственности. Если и вправду кража случилась. Ручаюсь, что мы решим загадку и извлечем истину на поверхность. Раньше или позже.

– Я предпочел бы раньше, – ведьмаку не слишком нравился тон инстигатора. – Мои мечи – это моя жизнь, я не могу без них выполнять свою работу. Знаю: многие считают мою профессию злом, а личность моя воспринимается в негативных тонах. Что проистекает из предрассудков, предубеждений и ксенофобии. Я надеюсь, этот факт не окажет влияния на следствие.

– Не окажет, – сухо ответил Ферран де Леттенхоф. – Поскольку главенствует здесь закон.

Когда челядь вынесла тело почившего в бозе Гонсхорека, по приказу инстигатора устроили ревизию склада оружия и всего здания. Как легко было догадаться, от мечей ведьмака не осталось и следа. А все еще дувшаяся на Геральта комендант продемонстрировала им подставку с шипом, на который покойник надевал погашенные депозитные расписки.

Среди них вскоре нашлась и расписка ведьмака. Комендант прошерстила реестр, чтобы через минутку сунуть им его под нос.

– Прошу, – ткнула с триумфом пальцем, – все путём, отметка об изъятии. Подпись: Герланд из Рыбли. Я ведь говорила, что ведьмак здесь был и сам свои мечи забрал. А теперь наверняка скандалит, чтобы возмещение выбить! Из-за него Гонсхорек копыта отбросил! От сокрушенья желчь его залила – и капец парняге.

Но ни она, ни кто другой из стражниц не решились при том засвидетельствовать, будто они на самом деле видели Геральта, когда тот якобы забирал оружие. Да тут постоянно кто-то крутился, объясняли, а они были заняты, потому как ели.

Над крышей здания суда кружили, отчаянно вопя, чайки. Ветер унес грозное облако с моря к югу. Выглянуло солнце.

– Я хотел бы заранее предупредить, – сказал Геральт, – что мечи мои наделены сильными чарами. Только ведьмаки могут к ним прикасаться, у других же они отбирают витальную силу. Проявляется сие в упадке мужской силы. То есть, в половой слабости. Абсолютной и необратимой.

– Мы это учтем, – кивнул инстигатор. – Однако я просил бы вас пока не покидать город. Я склонен не обращать внимания на скандал в кордегардии, поскольку до скандалов там доходит постоянно, госпожи стражницы слишком легко поддаются эмоциям. А поскольку Юлиан... В смысле – господин Лютик... поскольку он готов поручиться за вас, я уверен, и ваше дело в суде разрешится благоприятно.

– Мое дело, – прищурился ведьмак, – не более чем преследование. Травля, взросшая на предубеждениях и антипатии...

– Доказательства будут тщательно рассмотрены, – отрезал инстигатор. – И на их основании будут предприняты определенные действия. Так гласит закон. И вы, господин из Ривии, должны придерживаться этих условностей.

– Кто внес за меня задаток?

Ферран де Леттенхоф отказался раскрыть инкогнито ведьмачьего доброжелателя, холодно попрощался и в сопровождении челяди направился к выходу из суда. Лютик только этого и ждал. Едва они покинули рынок и вошли в переулок, он выложил все, что знал.

– Воистину черед несчастливых совпадений, дружище Геральт. И злополучных инцидентов. А ежели речь о залоге, то внесла его за тебя некая Литта Нейд, среди своих известная как Коралл, по цвету помады для губ, которую она использует. Это чародейка, она прислуживает Белогуну, здешнему корольку. Все ломают голову, зачем она это сделала. Потому как

никто иной, как именно она же и отправила тебя за решетку.

– Что-о?

– Говорю же! Именно Коралл на тебя донесла. И это как раз никого не удивило, повсеместно известно, что у чародеев на тебя зуб. А тут вдруг сенсация: чародейка ни с того ни с сего выплачивает поручительство и вытаскивает тебя из узилища, куда ее же стараниями тебя и кинули. Весь город...

– «Повсеместно»? «Весь город»? Что ты выдумываешь, Лютик?

– Я использую метафоры и перифразы. Не делай вид, что не понимаешь, ты ведь меня знаешь. Конечно, не «весь город», а исключительно хорошо информированные люди, пребывающие близ правительственных кругов.

– И ты, стало быть, тоже вроде как пребывающий?...

– Угадал. Ферран – мой кузен, сын брата моего отца. Я тут наведалься к нему с визитом, по-родственному. И узнал о твоих проблемах. Я сразу же за тебя горой встал, в этом-то ты, надеюсь, не сомневаешься. Ручался ему насчет твоей честности. Вспомнил Йеннефер...

– Благодарю сердечно.

– Сарказм твой – извиняю. Я должен был о ней рассказать, чтобы кузен уразумел, что тутошняя магичка обвиняет и очерняет тебя из зависти и ревности. Что все обвинения – ложные, что ты никогда не унижаешься до финансовых махинаций. В результате моего заступничества Ферран де Леттенхоф, королевский инстингатор, высший по рангу экзекутор закона, уже убежден в твоей невинности...

– Мне так не показалось, – заявил Геральт. – Напротив. Чувствовалось, что он мне не доверяет. Ни в деле оных злоупотреблений, ни в деле исчезновения мечей. Слышал, что он говорил о доказательствах? Доказательства для него – фетиш. Значит, доказательством махинаций станет донос, а доказательством мистификации с кражей мечей – подпись Герланда из Рыбли в реестре. К тому же – это его выражение лица, когда он просил меня не покидать город...

– Ты к нему несправедлив, – ответил Лютик. – Я знаю его лучше твоего. То, что я за тебя вступаю, для него значит больше дюжины дутых доказательств. А просил он совершенно уместно. Отчего, как думаешь, оба, он и я, направились в кордегардию? Чтобы удержать тебя от глупостей! Некто, говоришь, клеветает на тебя, фабрикует фальшивые доказательства? Так не давай этому неку в руки неопровержимых доказательств! А таким было бы бегство.

– Может, ты и прав, – согласился Геральт. – Но инстинкт подсказывает

мне кое-что иное. Мне следует драпать, прежде чем меня здесь окончательно втянут в ловушку. Сперва камера, потом залог, теперь еще и мечи... Что дальше? Проклятие, да я без меча чувствую себя как... Как улитка без раковины.

– Слишком уж ты принимаешь все близко к сердцу, как мне думается. В конце концов, мало ли здесь лавок? Махни рукою на те мечи да купи себе другие.

– А если бы украли твою лютню? Добытую, помнится, при довольно драматических обстоятельствах? Ты разве не принял бы это близко к сердцу? Махнул бы рукою? И пошел покупать себе другую в лавке за углом?

Лютик непроизвольно сжал руки на лютне и боязливо стрельнул глазами по сторонам. Никто из прохожих, однако, не походил на потенциального похитителя инструментов и нездорового интереса к его уникальной лютне не выказывал.

– Ну да, – выдохнул он. – Верно. Подобно моей лютне, твои мечи – единственны в своем роде и незаменимы. К тому же... как ты там сказал? Закляты? Вызывают магическую импотенцию... Зараза, Геральт! И ты говоришь мне об этом только теперь? Я ведь частенько бывал в твоей компании, а от этих мечей – на расстоянии вытянутой руки! А то и ближе! Теперь-то мне все ясно, все-то я понимаю... В последнее время, пес его дери, бывали у меня определенные трудности...

– Успокойся. Насчет импотенции я слегка присочинил. Придумал это, пока ждал, рассчитывая, что разойдется слух. Что вор испугается...

– Коли испугается, то утопит мечи во гноище, – трезво констатировал бард, все еще слегка бледный. – И ты никогда их не найдешь. Лучше положишься на моего кузена Феррана. Он тут инстигатор долгие годы, у него целая армия шерифов, агентов и шпииков. Мигом сыщут преступников, вот увидишь.

– Если воры еще здесь, – заскрежетал зубами ведьмак. – Могли ведь дать дёру, когда я сидел в холодной. Как, ты говорил, зовут ту чародейку, благодаря которой я туда попал?

– Литта Нейд, прозвище Коралл. Я догадываюсь, что ты хочешь сделать, дружище. Но не знаю, хорошая ли это идея. Всё-таки – чародейка. Чародейка и женщина в одном лице, словом, иной вид, рациональному пониманию не поддающийся, функционирующий по неясным для простых мужчин законам и принципам. Да что я тебе рассказываю, ты и сам все прекрасно знаешь. У тебя ведь богатейший опыт... Что это за шум?

Бесцельно слоняясь по улицам, они оказались неподалеку от

небольшой площади, над которой разносился все заглушающий, нестихаемый стук молотков. Как выяснилось, трудилась здесь внушительная бочарная артель. У самой улицы, под навесом, громоздились ровные штабеля высушиваемых клепок. Перенесенные отсюда босыми подростками, клепки оказывались на столах, где их прилаживали в специальные упоры и обрабатывали скобелями. Обработанные, клепки отправлялись к следующим ремесленникам, те отделявали их на длинных строгальных лавках, стоя над ними враскоряку, по щиколотку в стружке. Готовые клепки попадали в руки бондарей, которые и соединяли их в одно целое. Геральт некоторое время приглядывался, как под давлением хитроумных тисков и скручиваемых болтами стяжек возникает абрис бочки, укрепляемой после с помощью набитых на изделие железных обручей. Аж на улицу выплескивался пар из больших котлов, в которых бочки парили. Из глубин мастерской, с подворья, долетал запах прокаливаемого в огне дерева – там бочки закаляли перед дальнейшей обработкой.

– Как ни увижу бочку, – заявил Лютик, – так и тянет меня на пиво. Пойдем-ка за угол. Знаю одну симпатичную корчму.

– Иди сам. Я проведу волшебницу. Сдается, я знаю, кто она, я уже ее видел. Где ее найти? Не делай такого лица, Лютик. Это она, полагаю, исток и первопричина моих проблем. Я не стану ждать развития событий, пойду и спрошу прямо. Не могу я здесь, в этом городке торчать. Хотя бы потому, что с деньгами у меня, знаешь ли, туговато.

– На это, – гордо произнес трубадур, – ремедиум мы отыщем. Я помогу тебе финансово... Геральт? Что происходит?

– Вернись к бондарям и принеси мне клепку.

– Что?

– Принеси мне клепку. Быстро.

Улочку загородили три мощных дуболома с погаными, небритыми и немытыми мордами. Один, плечистый настолько, что казался почти квадратным, держал в руке окованную дубину толщиной с вымбовку кабестана^[13]. Второй, в кожухе шерстью наружу, нес тесак, а за поясом торчал у него абордажный топорик. Третий, загорелый, словно мореход, вооружен был длинным и премерзко выглядевшим ножом.

– Эй ты, ривийская вонючка! – начал тот, квадратный. – Как себя чувствуешь без мечей за спиной?словно с голым задом на ветру, да?

Геральт не поддержал беседу. Ждал. Слышал, как Лютик спорит с бондарями насчет клепки.

– Нет уже у тебя клыков, выродок, ядовитая ты ведьмачья гадина, – продолжал квадратный, из всей тройки, видно, самый поднаторевший в ораторском искусстве. – А гадину без клыков никто не заботится! Потому как теперича она – навроде червяка или какой иной миноги глистовой. Мы такую мерзость под каблук берем и вдребезги давим. Чтоб не смела больше в города наши заходить, меж честных людей. Не станешь, падаль, наших улиц своей слизью пачкать! Бей его, братки!

– Геральт! Лови!

Он на лету подхватил брошенную клепку, увернулся от удара палкой, жахнул квадратного в голову, крутанулся, стукнул головореза в кожухе по локтю, головорез заорал и выпустил тесак. Ведьмак ударил его в сгиб колена и свалил, после чего скользнул мимо и шваркнул клепкой по виску. Не дожидаясь, пока головорез упадет, и не прерывая движения, снова вывернулся из-под палки квадратного, рубанул его по пальцам, сжимавшим дубье. Квадратный зарычал от боли и палку выпустил, а Геральт опять ударил его в ухо, потом по ребрам и в другое ухо. А потом пнул в пах, с размаху. Квадратный рухнул и сделался шарообразен, сворачиваясь, корчась и тычась лбом в землю.

Загорелый, самый быстрый и увертливый из троицы, затанцевал вокруг ведьмака. Умело перебрасывая нож из руки в руку, атаковал на полусогнутых, рубя накрест. Геральт легко избегал ударов, отступал, ждал, пока тот подшагнет слишком близко. А когда это случилось, размашистым ударом клепки отбил нож, пируэтом обошел нападавшего и приложил его по затылку. Поножовщик упал на колени, а ведьмак жахнул его в правую почку. Жахнутый завыл и выгнулся, и тогда ведьмак хряпнул его пониже уха, в нерв. Известный медикам как приушное сплетение.

– Ой-ёй, – сказал Геральт, стоя над вьющимся, хрипящим и задыхающимся от крика морячком. – Это, наверное, больно.

Головорез в кожухе вытянул из-за пояса топорик, однако не поднимался с коленей, не зная, что делать. Ведьмак развеял его сомнения, ударив клепкой по спине.

Улочкой, расталкивая толпившихся зевак, бежали челядники из городской стражи. Лютик утихомиривал их, ссылаясь на знакомства, горячо толковал, кто был напавшим, а кто действовал в пределах самообороны. Ведьмак жестом подозвал барда.

– Проследи, – сказал, – возьмут ли мерзавцев под стражу. Повлияй на кузена-инстингатора, чтобы их покрепче прижал. Они или сами имели отношение к покраже мечей, или же кто-то их нанял. Они знали, что я безоружен, поэтому отважились напасть. Клепку отдай бондарям.

– Мне эту клепку пришлось купить, – признался Лютик. – И пожалуй, я хорошо сделал. Как вижу, досочкой ты владеешь неплохо. Носить бы тебе ее постоянно.

– Я собрался к чародейке. Нанести визит. Мне что, идти с клепкой?

– Для чародейки, – скривился Лютик, – пригодилось бы что потяжелее, факт. Например, дубина. Один мой знакомый философ говаривал: идя к женщине, не забудь взять с собой...

– Лютик.

– Хорошо-хорошо, я объясню тебе, как попасть к магичке. Но сперва, если позволено мне будет присоветовать...

– Ну?

– Наведайся в баню. И нанеси визит цирюльнику.

Глава пятая

*Берегись разочарований, ибо внешность обманчива.
Такими, какими они кажутся, вещи являются редко. А
женщины – никогда.*

Люттик. Полвека поэзии

Вода в бассейне фонтана забурлила и вскипела, разбрызгивая золотистые капельки. Литта Нейд, по прозвищу Коралл, вытянув руку, изрекла стабилизирующее заклинание. Вода сделалась гладкой, словно политой маслом, заиграла всполохами. Образ, сперва неясный и туманный, обрел резкость, перестал колебаться и, пусть несколько искаженный движением воды, сделался вскоре отчетлив и понятен. Коралл наклонилась. Видела в воде Прямые ряды, главную улицу города. И шагавшего по улице беловолосого мужчину. Волшебница всматривалась. Наблюдала. Искала указаний. Каких-то подробностей. Деталей, которые позволили бы ей все оценить. И позволили бы предвидеть, что произойдет.

Насчет того, чем является настоящий мужчина, у Литты имелось устоявшееся мнение, сформированное годами опыта. Она сумела бы распознать настоящего мужчину в стаде более или менее удачных его имитаций. И по крайней мере ей не приходилось прибегать для этого к прямому физическому контакту, каковой метод проверки мужественности, к слову сказать, она, как и большинство чародеек, полагала не только тривиальным, но и вдобавок неточным и сбивающим с толку. Как она удостоверилась в ходе многочисленных экспериментов, непосредственная дегустация, может, и является некой проверкой вкуса, однако послевкусие слишком уж часто оставляет дурное. И еще несварение. И изжогу. А случается, что и блевоту.

Литта умела распознавать настоящего мужчину даже на расстоянии, основываясь на малых и внешне неприметных признаках. Настоящий мужчина, уяснила чародейка, увлекается рыбалкой, но исключительно на мушку. Коллекционирует солдатиков, эротические рисунки и собственноручно изготовленные модели парусников в бутылках, а уж пустых бутылок от дорогих напитков в его доме хватает всегда. Он умеет хорошо готовить, ему удаются истинные шедевры кулинарного искусства. Ну и, говоря в целом, самый вид его уже пробуждает желание.

Ведьмак Геральт, о котором чародейка так много слыхала, о котором она собрала столько информации и которого, собственно, как раз наблюдала в воде бассейна, соответствовал, похоже, только одному из оных критериев.

– Мозаика!

– Я здесь, госпожа наставница.

– У нас ожидается гость. Чтобы все было готово – и на уровне. Но сперва принеси мне платье.

– Чайную розу? Или морскую воду?

– Белое. Он носит черное, так представим ему *инь* и *ян*. И туфельки, выбери что-нибудь под цвет, лишь бы каблук в четыре пальца. Не могу ему позволить смотреть на меня слишком уж свысока.

– Госпожа наставница... Это белое платье...

– Ну?

– Оно такое...

– Скромное? Без украшений и мишуры? Эх, Мозаика, Мозаика. Ты что же, никогда не научишься?

* * *

В дверях его молча приветствовал дородный и пузатый крепыш со сломанным носом и глазами маленькой свинки. Оглядел Геральта с ног до головы и еще раз, обратно. После чего отодвинулся, давая знак, что можно входить.

В сенях ждала девушка с гладко причесанными, почти прилизанными волосами. Без слова, одним лишь жестом, пригласила внутрь.

Он вошел – прямиком в украшенное цветами патио с журчавшим фонтаном посредине. В центре фонтана стояла небольшая мраморная статуя, изображавшая нагую танцующую девушку или даже скорее девочку, если принять во внимание слабо развитые вторичные половые признаки. Кроме того, что выдавала резец мастера, статуя обращала на себя внимание еще одной деталью – соединялась она с цоколем в одной-единственной точке: большим пальцем стопы. Никким образом, оценил ведьмак, невозможно было бы стабилизировать подобную конструкцию без помощи магии.

– Геральт из Ривии. Приветствую. И – прошу.

Для того чтобы сойти за классическую красавицу, у чародейки Литты Нейд были слишком резкие черты. Розовый в оттенке теплого персика,

коим тронуты были ее скулы, резкость эту сглаживал, но не скрывал. Подчеркнутые же коралловой помадой губы обладали абрисом настолько безупречным, что казались ненатуральными. Но главное даже не это.

Литта Нейд была рыжей. Рыжей классически и природно. Тонированная, светло-ржавая рыжина ее волос пробуждала мысли о летнем лисьем мехе. Если поймать рыжую лису и посадить ее подле Литты, обе – Геральт был в этом совершенно уверен – оказались бы одной, неотличимой масти. А когда чародейка поводила головой, посреди густо-красного зажигались оттенки более светлые, желтоватые, как и в лисьей шерсти. Подобного рода рыжину сопровождали обычно веснушки, и как правило – в изрядном количестве. Однако их-то как раз у Литты видно не было.

Геральт почуял беспокойство, позабытое и дремавшее, но вдруг пробудившееся где-то внутри. Была у него, ведьмака, странная и необъяснимая тяга к рыжеволосым, и пару раз именно подобная пигментация волос толкала его на совершение глупостей. Потому надлежало остеречься, ведьмак решил это для себя крепко-накрепко. Впрочем, задача его облегчалась. Как раз истекал год с тех пор, как подобные глупости перестали его искушать.

Эротически стимулирующая рыжина оказалась не единственным соблазнительным атрибутом чародейки. Снежно-белое платье было скромным, без эффектности, но и оно имело определенную цель – цель продуманную и, несомненно, преднамеренную. Скромность покроя не рассеивала внимание глядящего, концентрируя его на соблазнительной фигуре.

И на глубоком декольте. Коротко говоря, в «Хорошей книге» пророка Лебеды, в издании иллюстрированном, Литта Нейд наверняка могла бы позировать для гравюры, открывающей раздел «О нечистом вожделеньи».

Говоря еще короче, Литта Нейд была женщиной, с которой лишь абсолютный идиот пожелал бы связываться более, чем на пару часов. Забавно же то, что именно подле таких женщин обычно увивались стаи мужчин, склонных связываться с ними куда как на более длительный срок.

Пахла она фрезией и абрикосом.

Геральт поклонился, после чего сделал вид, что больше фигуры и декольте чародейки интересует его скульптура на фонтане.

– Прошу, – повторила Литта, указав на стол с малахитовой столешницей и двумя плетеными креслами. Подождала, пока гость усядется, сама же, устраиваясь, похвасталась стройной лодыжкой и туфельками из кожи ящерицы.

Ведмак сделал вид, что все внимание его поглощено графинами да

мисками с фруктами.

– Вина? Это «Нурагус» из Туссе, как по мне, оно куда интереснее хваленного «Эст-Эст». Есть еще «Котэ-де-Блессур», если предпочитаешь красное. Налей нам, Мозаика.

– Благодарю. – Он принял от прилизанной девушки бокал, улыбнулся ей. – Мозаика. Красивое имя.

Заметил в девичьих глазах испуг.

Литта Нейд поставила бокал на стол. Со стуком, который должен был привлечь его внимание.

– И что же, – качнула она головой и рыжими локонами, – привело славного Геральта из Ривии в мое скромное жилище? Умираю от любопытства.

– Ты уплатила за меня залог, – сказал он как можно суше. – Поручительство, стало быть. Благодаря твоей щедрости я вышел из тюрьмы. В каковую попал тоже благодаря тебе. Верно? Это твоими стараниями я провел в камере неделю?

– Четыре дня.

– Четверо суток. И я хотел бы, если возможно, узнать причины, которыми ты руководствовалась. Обе.

– Обе? – она приподняла брови и бокал. – Есть только одна. Одна и та же.

– Ага, – он сделал вид, что все внимание посвящает Мозаике, хлопотавшей по ту сторону патио. – По одной и той же причине ты на меня донесла и посадила в холодную – и из холодной позже вызволила?

– Браво.

– Тогда спрошу: зачем?

– Чтобы доказать тебе, что – могу.

Он отпил глоток вина. Вино и вправду оказалось хорошим.

– Доказала, что можешь, – кивнул он. – На самом деле, ты могла бы сказать мне об этом попросту, встретив на улице. Я бы поверил. Но ты предпочла сделать иначе и доходчивей. Потому спрошу: что дальше?

– Я и сама над этим задумываюсь, – она хищно взглянула на него из-под ресниц. – Но предоставим событиям течь своим чередом. Пока скажем так: я действую от имени и по поручению нескольких моих собратьев. Чародеев, у которых относительно тебя есть определенные планы. Оные чародеи, которым известны мои дипломатические таланты, посчитали меня подходящей персоной, дабы проинформировать тебя об их планах. На сегодняшний день это все, что я могу тебе открыть.

– Маловато.

– Ты прав. Но пока, стыдно признать, я сама знаю не больше, поскольку не надеялась, что ты объявишься столь быстро и что столь же быстро раскроешь, кто выплатил поручительство. Ибо это, как меня уверили, должно было остаться тайной. Когда я буду знать больше, я больше и открою. Будь терпелив.

– А что насчет моих мечей? Это элемент игры? Тех таинственных чародейских планов? Или тоже доказательство того, что – можешь?

– Я ничего не знаю о твоих мечях, что бы это ни значило и чего бы ни касалось.

Он поверил не до конца. Но дожимать не стал.

– Твои собратья чародеи, – сказал, – в последнее время соревнуются друг с другом в том, чтобы выказать мне антипатию и враждебность. Из шкуры выпрыгивают, чтоб навредить и затруднить жизнь. В любом дурном приключении, с каким сталкиваюсь, я готов искать отпечатки их жирных пальчиков. Череда несчастливых совпадений. Меня ввергают в тюрьму, потом выпускают, затем сообщают, будто у них есть насчет меня планы. И что твои собратья выдумали на этот раз? Боюсь даже предположить. Ты же весьма, признаюсь, дипломатично приказываешь мне быть терпеливым. Но ведь у меня и выбора нет. Я должен ждать, пока начатое по твоему доносу дело попадет на рассмотрение в суд.

– Однако тем временем, – улыбнулась чародейка, – ты можешь в полной мере наслаждаться свободой и ее благами. Перед судом предстанешь свободным человеком. Если дело вообще дойдет до рассмотрения, в чем я сильно сомневаюсь. А даже если и так, то у тебя, поверь, нет причин для переживаний. Доверься мне.

– С доверием, – парировал он с улыбкой, – может оказаться непросто. Начинания твоих собратьев в последнее время мое доверие крепко поколебали. Но я постараюсь. А пока что – пойду себе. Чтобы довериться и терпеливо ждать. Кланяюсь.

– Не кланяйся пока. Еще минутку. Мозаика, вина.

Она переменила позу. Ведьмак продолжал упорно делать вид, что не замечает колена и бедра, открывшихся в разрезе платья.

– Что ж, – сказала она через пару минут, – нечего нам ходить вокруг да около. Ведьмаков никогда не любили в нашем сообществе, но нам достаточно было вас игнорировать. И так продолжалось до определенного момента.

– До того момента, – ему надоели увертки, – когда я связался с Йеннефер.

– А вот и нет, ошибаешься, – она вонзила в него взор жадеитовых

глаз. – Причем вдвойне. *Primo*, это не ты связался с Йеннефер, а она с тобой. *Secundo*, эта связь мало кого взбудоражила, и не такие экстравагантности среди нас случались. Поворотной точкой было ваше расставание. Когда же это произошло? Год тому? Ах, как быстро летит время...

Она сделала эффектную паузу, рассчитывая на его реакцию.

– Ровно год назад, – продолжила, когда стало ясно, что реакции не будет. – Часть сообщества... не слишком большая, но влиятельная... предпочла тогда тебя заметить. Не всем было ясно, что там, собственно, между вами произошло. Кое-кто из нас думали, что это Йеннефер, придя в себя, порвала с тобой и выгнала взащей. Другие отважились предполагать, что это ты, прозрев, бортанул Йеннефер и сбежал, куда и ворон костей не заносил. В результате, как я уже упоминала, ты сделался объектом интереса. А вместе с тем, как верно заметил, и антипатии. Да что там, нашлись даже те, кто хотел тебя как-то наказать. К счастью для тебя, большинство решило, что овчинка выделки не стоит.

– А ты? К какой части сообщества принадлежала ты?

– К той, – Литта скривила коралловые губки, – которую твоя любовная афера, представь себе, чрезвычайно увлекала. Порой – смешила. Порой предоставляла воистину азартное развлечение. Лично я тебе, ведьмак, благодарна за изрядный куш. Бились об заклад, насколько долго ты выдержишь с Йеннефер, ставки были высоки. Я побилась, как оказалось, точнее прочих. И сорвала банк.

– В таком случае, лучше будет, если я пойду себе. Мне не следует к тебе приходить, нас не должны видеть вместе. Могут подумать, что мы сговорились насчет того спора.

– А тебе есть дело до того, что они могут подумать?

– Совсем немного. А твоя победа меня радует. Я думал возратить тебе пятьсот крон, потраченных в счет поручительства. Но если уж ты, ставя на меня, сорвала банк, я не чувствую себя должником. Будем считать, что мы в расчете.

– Упоминание о возврате залога, – в зеленых глазах Литты Нейд появился злой блеск, – не означает, надеюсь, намерения удрать и исчезнуть? Не дожидаясь судебного решения? Нет-нет, у тебя нет подобного намерения – и быть не может. Ты ведь прекрасно знаешь, что такое намерение снова приведет тебя в холодную. Знаешь, правда?

– Тебе нет нужды доказывать, что ты – можешь.

– Я предпочла бы не делать этого, говорю со всей искренностью.

Она положила руку на декольте, в очевидной попытке привлечь его

взгляд. Он сделал вид, что не заметил, снова стрельнув глазами в сторону Мозаики. Литта откашлялась.

– По поводу же расчета или раздела выигранного в споре, – сказала она. – Ты прав. Твоя доля там есть. Я не отважусь предложить тебе деньги... Но что ты скажешь насчет неограниченного кредита в «Natura Rerum»? На все время твоего пребывания здесь? По моей вине твой предыдущий визит в австрию закончился, не начавшись, а потому...

– Нет, спасибо. Однако я оценил желания и намерения. Но спасибо, нет.

– Уверен? Что ж, должно быть, уверен. Я некстати вспомнила... о холодной. Ты меня спровоцировал. И заморочил. Твои глаза, эти странные мутировавшие глаза, такие, казалось бы, искренние, – непрерывно обманывают... И морочат. Ты не искренен, о, нет! Знаю-знаю, в устах чародейки это комплимент. Ты ведь именно это хотел сказать, верно?

– Браво.

– А тебя хватило бы на искренность? Попроси я о таковой?

– Если бы ты об этом попросила.

– Ах. Пусть так и будет. Я тебя прошу. Что привело к тому, что – именно Йеннефер? Что она, а никакая другая? Сумел бы ты это описать? Назвать?

– Если это новый предмет спора...

– Это не предмет спора. Почему именно Йеннефер из Венгерберга?

Мозаика появилась, будто тень. С новым графинчиком. И пирожными. Геральт заглянул ей в глаза. Она тотчас отвернулась.

– Почему Йеннефер? – повторил он, всматриваясь в Мозаику. – Почему именно она? Отвечу искренне: сам не знаю. Есть такие женщины... Хватает одного взгляда...

Мозаика открыла рот, легонько качнула головою. Отрицательно и со страхом. Она знала. И молила, чтобы он перестал. Но он уже слишком далеко зашел в игре.

– Есть женщины, – он продолжал блуждать взглядом по фигуре девушки, – которые притягивают.словно магнит. От которых невозможно оторвать глаз...

– Оставь нас, Мозаика, – в голосе Литты звучал скрежет льда, трущегося о железо. – А тебя, Геральт из Ривии, я благодарю. За визит. За терпение. И за искренность.

Глава шестая

Меч ведьмачий (см. рис. 40) тем отличен, что является как бы комплектом прочих мечей, пятой эссенцией^[14] того, что в другом оружьи – наилучшее. Превосходная сталь и способковки, краснолюдским заводам и кузницам свойственные, придают клинку легкость, но и гибкость чрезвычайную. Затачиваем ведьмачий меч также краснолюдским способом, способом, добавим, тайным – и тайным пребудет он навеки, ибо горные карлы к секретам своим куда как ревнивы. Мечом же, наточенным краснолюдами, подброшенный в воздух шелковый платок надвое рассечь можно. Такие же штучки, ведомо это нам из донесений непосредственных свидетелей, мечами своими могли совершать и ведьмаки.

Пандольфо Фортегуэрра.

Трактат о благородном оружьи

Короткая утренняя гроза и дождь ненадолго освежили воздух, но потом несомый бризом от Пальмиры смрад отбросов, пригоревшего жира и тухлой рыбы снова сделался докучлив.

Геральт переночевал у Лютика. Занятая бардом комнатка была уютной. В буквальном смысле – двоим здесь приходилось ютиться, а чтобы добраться до постели – прижиматься к стене. К счастью, на кровати помещались двое, спать на ней вполне удавалось, пусть она и отчаянно трещала, а матрас оказался истерт в труху заезжими купцами, известными любителями интенсивных внебрачных интриг.

Геральту, не пойми с чего, приснилась Литта Нейд.

Завтракать они отправились на ближайший рынок, в харчевню, где, как успел разведать бард, подавали расчудесные сардинки. Лютик угощал. Геральт не возражал. В конце концов, чаще бывало наоборот – это Лютик, поиздержавшись, вкушал от его щедрот.

Словом, они засели за грубо тесаным столом и принялись за прожаренные до хруста сардинки, принесенные им на деревянной тарелке

– огромной, с тележное колесо. Лютик, как заметил ведьмак, время от времени испуганно оглядывался. И замирал, когда ему казалось, что кто-то из прохожих присматривается к ним слишком пристально.

– Надобно тебе, полагаю, – пробормотал он наконец, – разжиться каким-никаким оружием. И носить его на виду. Стоило бы извлечь урок из вчерашнего происшествия, разве нет? О, глянь, видишь, там щиты и кольчуги? Это оружейная мастерская. Наверняка у них и мечи найдутся.

– В этом городе, – Геральт вгрызся в спинку сардины и выплюнул плавник, – оружие запрещено, у чужаков его отбирают. Полагаю, одним лишь бандитам и позволено расхаживать здесь вооруженными.

– Могут – и расхаживают, – бард кивнул на скучавшего неподалеку верзилу с увесистым бердышом на плече. – Но в Кераке запреты издает, следит за их исполнением и наказывает за их нарушение Ферран де Леттенхоф, мой, как ты знаешь, двоюродный брат. А поскольку кумовство – се святой закон природы, на здешние запреты мы оба можем положить. Нам, сим утверждаю я, позволено носить и применять оружие. Закончим завтракать и пойдем покупать тебе меч. Госпожа хозяйка! Чудесные у вас рыбки! Прошу поджарить еще десяток!

– Ем я этих сардинок, – Геральт выплюнул обгрызенный хребет, – и констатирую, что потеря мечей – ничто иное, как наказание за обжорство и снобизм. За то, что захотелось мне роскоши. Вышло так, что выполнял я в здешних окрестностях одну работу, вот и решил заскочить в Керак, попить в «Natura Rerum», трактире, о котором говорят по всему миру. А нет бы съесть где-нибудь потрошков, капусты с горохом или рыбной юшки...

– Кстати сказать, – Лютик облизнул пальцы, – эта «Natura Rerum», хотя и заслуженно славящаяся кухней, лишь одна из многих. Есть местечки, где еду подают не худшую, а бывает – и лучшую. Хоть бы «Шафран и перец» в Горс Велене или «Хен Кербин» в Новиграде, с собственной пивоварней. А еще «Сонатина» в Цидарисе, недалеко отсюда – лучшие дары моря на побережье. «Риволи» в Мариборе и тамошний глухарь по-брокилонски, а еще и шпигованная солонина у них же. «Паприка» в Альдерсберге и их славная корейка из зайца со сморчками а-ля король Видемонт. «Хофмейер» в Гирундуме, эх, попасть бы туда осенью после Саовина^[15], на печеного гуся в грушевом соусе... Или вот «Два пескаря», в нескольких милях за Ард Каррайгом, обычный трактир на перекрестке, а подают там лучшие свиные рульки, какие я в жизни едал... Ха! Гляди, кто к нам пожаловал. Про волка речь! Привет, Ферран... В смысле... хм... господин инстингатор...

Ферран де Леттенхоф приблизился, жестом приказав челядникам, чтобы остались на улице.

– Юлиан. Господин из Ривии. Я прибыл с вестью.

– Не скрою, – отвечивал Геральт, – что мне уже не терпится. В чем сознались преступники? Напавшие на меня вчера, пользуясь тем, что я был безоружен? Говорили они об этом совершенно открыто и вслух. Что доказывает: они имели отношение к краже моих мечей.

– Доказательств этого, увы, нет, – инстингатор пожал плечами. – Трое заключенных – обычная мелкая рыбешка, мало что знающая. Нападение они совершили, это правда, осмелев оттого, то ты был безоружен. Сплетня о краже разошлась поразительно быстро, и, думается, заслуга в том дам из кордегардии. И тотчас нашлись охочие... Что, кстати, совершенно не удивительно. Ты ведь не принадлежишь к персонам, пользующимся повсеместной народной любовью... Да и не жаждешь симпатии с популярностью. В тюрьме избил сокамерников...

– Ясно, – кивнул ведьмак. – Это все моя вина. Те вчерашние тоже пострадали. Они не жаловались? Не требовали возмещения?

Лютик хихикнул, но сразу же замолчал.

– Свидетели вчерашнего происшествия, – жестко проговорил Ферран де Леттенхоф, – отметили, что те трое избиты бондарской клепкой. И что побиты они были чрезвычайно жестоко. Так жестоко, что один из них... изгваздался.

– Наверняка от излишней чувствительности.

– Били их, – инстингатор не изменил выражения лица, – даже когда были они уже обездвижены и не представляли угрозы. А это означает превышение границ необходимой обороны.

– А я не боюсь. У меня хороший адвокат.

– Может, сардинку? – прервал тяжелое молчание Лютик.

– Сообщаю, – сказал наконец инстингатор, – что следствие продолжается. Вчерашние арестованные в краже меча не замешаны. Допрошены несколько человек, которые могли принимать участие в преступлении, но улики не найдены. Информаторы не сумели дать ни единого следа. Однако известно... и это главное, отчего я прибыл... что в определенных кругах весть о мечах вызвала некоторую активность. Якобы появились и приезжие, жаждущие помериться с ведьмаком, особенно с безоружным, силами. Я рекомендовал бы всем держаться на чеку. Не могу исключить и очередных инцидентов. Я не уверен также, Юлиан, будет ли в таких обстоятельствах компания господина из Ривии...

– В компании Геральта, – задиристо прервал трубадур, – я бывал и в

куда более опасных местах, в передрягах, до которых здешнему жулью – как до небес. Обеспечь нам, кузен, если сочтешь необходимым, вооруженный эскорт. Пусть действует отпугивающе. Потому как если мы спустим шкуры очередным босякам, те станут жаловаться о превышении границ необходимой обороны.

– Если это и вправду босяки, – сказал Геральт. – А не платные головорезы, кем-нибудь нанятые. Ведется ли следствие и под таким углом зрения?

– Во внимание принимаются все вероятности, – отрезал Ферран де Леттенхоф. – Следствие будет продолжено. Эскорт я выделю.

– Мы рады.

– До свиданья. Хорошего вам дня.

Над крышами города орали чайки.

* * *

Визитом к оружейнику, как оказалось, с тем же успехом можно было и пренебречь. Геральту хватило одного взгляда на выставленные мечи. А когда узнал об их цене, пожал плечами и без лишних слов покинул лавку.

– Я думал, – Лютик догнал его на улице, – что мы друг друга поняли. Тебе следует купить хоть что-нибудь, чтобы не выглядеть безоружным!

– Я не стану транжирить деньги на что ни попадя. Даже если речь о твоих деньгах. Это хлам, Лютик. Примитивные мечи массового производства. И парадные дворянские зубочистки, которым место на балу-маскараде, если кому взбредет в голову переодеться рубакой. Да еще и цены такие, что просто смешно.

– Найдем другой магазин! Или лавку!

– Везде будет одно и то же. Велик спрос на оружие абы какое и дешевое, такое, чтобы послужило в единственной битве. И не пригодилось победителям, поскольку им – оружием, собранным на поле боя, – уже нельзя толком пользоваться. Ну и есть спрос на цацки для франтов. Цацки, каковыми даже колбасу не нарезать. Разве что – паштетную.

– Ты, как обычно, преувеличиваешь!

– В твоих устах это комплимент.

– Непреднамеренный! Но откуда тогда, скажи-ка, взять хороший меч? Не хуже тех, которые украли? А то и лучше?

– Есть, например, мастера-мечники. Может, у них на складе и попадется годный клинок. Но мне нужен меч, подогнанный под руку.

Откованный и выполненный на заказ. А это занимает несколько месяцев, а то и, случается, год. Нет у меня столько времени.

– Какой-то меч ты себе спроворить все же должен, – трезво заметил бард. – И полагаю, как можно скорее. Так что остается? Может...

Он понизил голос и осмотрелся.

– Может... Может, Каэр Морхен? Там наверняка...

– Наверняка, – прервал его Геральт, играя желваками. – А как же. Там до сих пор достаточно клинков, богатый выбор, включая серебряные. Но он далеко, а нынче ни дня без грозы и ливня. Реки поднялись, дороги размокли. Путь занял бы месяц. Кроме того...

Он со злостью пнул выброшенное кем-то дырявое лукошко.

– Я дал себя обокрасть, Лютик, обдурить и обокрасть, как последний фраер. Весемир меня высмеет немилосердно, товарищи, окажись они как раз в Твердыне, тоже повеселятся, разговоров обо мне на годы хватит. Нет. Это, чтоб ему пусто, и в расчет не идет. Должен я справиться иначе. И сам.

Они услышали флейту и барабанчик. Вышли на маленькую площадь, где расположились овощные ряды, а группа вагантов давала представление. Репертуар – предполуденный, сиречь примитивные шутки, совершенно несмешные. Лютик вошел меж лотков и там с достойными удивления и неожиданными для поэта познаниями занялся оценкой и дегустацией возлежающих на прилавках огурцов, свеклы и яблок, всякий раз вступая в дискуссии и флирт с торговками.

– Квашеная капуста! – провозгласил, набирая оную из бочки при помощи деревянных щипцов. – Попробуй, Геральт. Чудесная, верно? Вкусная и спасительная штука эта капуста. Зимой, когда витаминов не хватает, от скорбута спасает. И антидепрессант чудесный.

– Это как?

– Съедаешь плоску квашеной капусты, запиваешь плоской кислого молока... и враз депрессия превращается в меньшую из твоих хлопот. Забываешь о ней напрочь. На кого это ты так посматриваешь? Что за девица?

– Знакомая. Погоди-ка здесь. Я перемолвлюсь словечком и вернусь.

Примеченная девушка была Мозаикой, с которой он познакомился у Литты Нейд. Пугливая, гладко зачесанная ученица чародейки. В скромном, но элегантном платье цвета палисандра. И в котурнах на пробке, в которых она двигалась вполне изящно, принимая во внимание покрывавшие неровную мостовую скользкие овощные отбросы.

Он подошел, поймав ее подле помидоров, которые девушка вкладывала в корзину, что держала на сгибе локтя.

– Привет.

Она побледнела, увидав его, – несмотря на и без того бледную кожу. И когда бы не лоток, отскочила на шаг-другой. Сделала движение, словно намеревалась спрятать корзину за спину. Нет, не корзину. Руку. Пыталась скрыть предплечье и ладонь, плотно обмотанную шелковым платком. Геральт не упустил этот жест, а необъяснимый импульс повелел ему действовать. Ухватил девушку за руку.

– Оставь, – прошептала она, пытаясь вырваться.

– Покажи. Я настаиваю.

– Не здесь...

Она позволила отвести себя чуть в сторону от рынка, туда, где они могли оказаться хоть в относительном одиночестве. Он развязал платок и... не сумел сдержаться. Выругался. Трехэтажно и мерзко.

Левая рука девушки была перевернута. Перекручена в запястье. Большой палец торчал влево, тыльная часть ладони – направлена вниз. А внутренняя сторона – вверх. Линия жизни длинная и непрерывная, оценил он мимоходом. Линия сердца явственная, но прерывистая и пунктирная.

– Кто тебе это сделал? Она?

– Ты.

– Что?

– Ты! – она вырвала руку. – Ты использовал меня, чтобы над ней посмеяться. А она такого не прощает.

– Я не мог...

– Предвидеть? – заглянула она ему в глаза. Нет, ошибся в оценке – девушка не была ни боязливой, ни запуганной. – Ты мог и должен был. Но предпочел играть с огнем. И стоило оно того? Получил ты удовлетворение, улучшил самочувствие? Было чем похвастать в корчме перед друзьями?

Он не ответил. Не находил слов. А Мозаика, к его стыду, внезапно улыбнулась.

– Я на тебя не в обиде, – произнесла спокойно. – Меня и саму позабавила твоя игра, и когда б я так не боялась – посмеялась бы тоже. Отдай корзинку, я спешу. Нужно купить еще кое-что. Я уже договорилась с алхимиком...

– Погоди. Этого нельзя так оставлять!

– Прошу, – голос Мозаики чуть изменился. – Не начинай. Сделаешь только хуже... А мне, – добавила секунду спустя, – и так повезло. Она отнеслась ко мне по-доброму.

– По-доброму?

– Могла ведь выкрутить и обе ладони. Могла перекрутить ступни,

пятками вперед. Поменять ступни, левую на правую и *vice versa*, я видала, как она кое-кому такое делала.

– Это было...

– Больно? Ненадолго. Поскольку я почти сразу потеряла сознание. Что смотришь? Так и было. Надеюсь, так будет и когда она мне ладонь вернет обратно. Через несколько дней, когда насытится местью.

– Я иду к ней. Сейчас же.

– Плохая идея. Ты не можешь...

Он прервал ее быстрым жестом. Услышал, как гудит толпа, увидел, как расступается. Ваганты перестали играть. Он заметил Лютика, который издали подавал ему судорожные и отчаянные знаки.

– Ты! Ведьмачья зараза! Я вызываю тебя на поединок! Будем биться!

– Чтоб мне сдохнуть. Отодвинься, Мозаика.

Из толпы выступил невысокий и кряжистый типчик в кожаной маске и кирасе из *cuir bouilli*^[16], кажется, бычьей. Типчик потряс сжатым в правой руке трезубцем, а резким движением левой развернул в воздухе рыбачью сеть, замахнулся ею, дернул.

– Я – Тонтон Зрога, именуемый Ретиарием^[17]! Вызываю тебя на бой, ведьмач...

Геральт вскинул руку и ударил его Знаком Аард, вкладывая в тот столько энергии, сколько сумел. Толпа заорала. Тонтон Зрога, именуемый Ретиарием, взлетел в воздух и, дрыгая ногами, запутавшись в собственной сети, смел лоток с баранками, тяжело грохнулся оземь и с громким лязгом грянул головой в чугунную статую присевшего на корточки гнома, невесть для чего поставленную перед магазинчиком, торговавшим портняжными материалами. Ваганты наградили полет громкими рукоплесканиями. Ретиарий был жив, хотя для описания его состояния подошло бы слово «чуть». Геральт, не торопясь, подошел и с размаху пнул его в живот. Кто-то ухватил ведьмака за рукав. Мозаика.

– Нет, прошу тебя! Прошу – нет. Так нельзя.

Геральт пнул бы наглеца еще, поскольку хорошо знал, как *можно*, как *нельзя* и как *нужно*. И в таких делах не привык слушать посторонних. Особенно людей, которых никогда не пинали.

– Прошу, – повторила Мозаика. – Не отыгрывайся на нем. За меня. За нее. И за то, что ты сам запутался.

Он послушался. Взял девушку за плечи. И заглянул в глаза.

– Иду к твоей наставнице, – заявил сурово.

– Это плохо, – покачала она головой. – Будут последствия.

– Для тебя?

– Нет. Не для меня.

Глава седьмая

*Wild nights! Wild nights!
Were I with thee,
Wild nights should be
Our luxury!*

Emily Dickinson^[18]

*So daily I renew my idle duty
I touch her here and there – I know my place
I kiss her open mouth and
I praise her beauty
And people call me traitor to my face.*

Leonard Cohen^[19]

Бедро чародейки украшала искусная и удивительно подробная в деталях татуировка, представлявшая рыбку полосатой окраски.

Nil admirari^[20], подумал ведьмак. *Nil admirari.*

* * *

– Глазам не верю, – сказала Литта Нейд.

В том, что произошло, в том, что все случилось так, как случилось, был виновен лишь он – и никто другой. По дороге на виллу волшебницы ведьмак шел мимо сада и не устоял перед искушением сорвать одну из росших на клумбе фрезий. Помнил главную ноту ее духов.

– Глазам не верю, – повторила Литта, стоя в дверях. Приветствовала его лично, кряжистый привратник отсутствовал. Может, случился у него выходной.

– Пришел ты, как догадываюсь, чтобы отчитывать меня за ладонь Мозаики. И принес мне цветок. Белую фрезью. Входи, пока не вызвал фурор, а город не взорвался слухами. Мужчина на моем пороге, да еще с

цветами! Старожилы не упомнят такого.

Она носила свободное черное платье, сочетающее шелк и шифон, тончайшее, волнующееся при каждом движении воздуха. Ведьмак замер, засмотревшись, все еще с фрезией в вытянутой руке, желая улыбнуться и совершенно не в силах этого сделать. *Nil admirari*, повторил он мысленно максимум, которую вынес из Оксенфурта, из университета, из девиза над входом на кафедру философии. Максиму эту он мысленно повторял всю дорогу до виллы Литты.

– Не ругай меня, – она вынула фрезию из его пальцев. – Выправлю девушке руку, как появится. Безболезненно. Может, даже попрошу у нее прощения. И прошу прощения у тебя. Только не ругай меня.

Он покачал головой и снова попытался улыбнуться. Не получилось.

– Мне интересно, – она приблизила фрезию к лицу и впилась в него своими жадеитовыми глазами, – знакома ли тебе символика цветов? Их тайный язык? Ты знаешь, о чем говорит эта фрезия, и совершенно сознательно передаешь мне ею послание? Или же цветок этот – случайная прихоть, а послание... подсознательно?

Nil admirari.

– Но это не имеет значения, – чародейка подошла к нему вплотную. – Ибо ты или явно, сознательно и расчетливо подаешь мне сигнал о том, чего жаждешь... Или таишься от желания, которое выдает твое подсознание. В обоих случаях я должна тебя поблагодарить. За цветок. И за то, о чем он говорит. Спасибо тебе. И – я возьму реванш. Тоже подарю тебе кое-что. О, вот эту тесемочку. Потяни за нее. Смелее.

Что же я делаю, подумал он, потянув. Плетеная тесемочка гладко выскользнула из обметанных отверстий. Полностью. И тогда шелково-шифоновое платье стекло с Литты, словно вода, мягко укладываясь у стоп. Он прикрыл на миг глаза, нагота женщины поразила его, словно внезапная вспышка света. Что я делаю, подумал он, обнимая ее за шею. Что я делаю, подумал, чувствуя вкус коралловой помады на ее губах. То, что я делаю, совершенно лишено смысла, думал он, легонько направляя ее к комоду у патио и присаживаясь на малахитовую крышку.

Чародейка пахла фрезией и абрикосом. И чем-то еще. Может – мандаринами. Может – ветивером.

Это длилось минуту-другую, и под конец комод всюду подпрыгивал на гнутых ножках. Коралл, хоть и обнимала его крепко, ни на миг не выпустила фрезии из пальцев. Запах цветка не перебивал ее запаха.

– Твой энтузиазм мне льстит, – оторвала она губы от его губ и только теперь открыла глаза. – И делает мне изрядный комплимент. Но, знаешь ли,

у меня есть и кровать.

* * *

И вправду, у нее была кровать. Огромная. Просторная, словно палуба фрегата. Чародейка провела его туда, а он шел за нею, не в силах насмотреться. Она не оглядывалась. Не сомневалась, что он идет следом. Что без колебаний пойдет туда, куда она его направит. Не отводя взгляда.

Кровать была огромна, и у нее имелся балдахин, постель же оказалась шелковой, а простыня – из сатина.

Они использовали кровать, без тени сомнения, целиком, каждый ее дюйм. Каждую пядь постели. И каждую складку простыни.

* * *

– Литта...

– Можешь называть меня Коралл. Но пока ничего не говори.

Nil admirari. Запах фрезии и абрикоса. Рыжие волосы, рассыпанные по подушке.

* * *

– Литта...

– Называй меня Коралл. И можешь сделать это со мной еще раз.

* * *

Бедро чародейки украшала искусная и удивительно подробная в деталях татуировка, представлявшая рыбку полосатой окраски, из-за огромных плавников казавшуюся треугольной. Рыбок этих, называемых скаляриями, богачи и снобы-нувориши привыкли держать в аквариумах и бассейнах. Так что они всегда ассоциировались у Геральта – да и не только у него – со снобизмом и претенциозным позерством. Поэтому он удивился, что Коралл выбрала именно такую, а не какую-нибудь иную татуировку. Удивление длилось миг-другой и быстро прошло. Литта Нейд зримо, на

вид и по сути выглядела молодо. Однако татуировка явно была времен ее истинной молодости. Времен, когда привозимые из-за морей скалярии оставались еще редкой диковиной, богачей было немного, нувориши едва-едва вставляли на ноги, и мало кто решался на подобную покупку. Ее татуировка – будто метрика, подумалось Геральту, пока он ласкал скалярию кончиками пальцев, и странно было, что Литта все еще носит ее вместо того, чтобы магически свести. Что ж, подумал он, перенося ласки в удаленные от рыбки гавани, это славная штука – воспоминания о молодых годах. Непросто отказаться от такого *temento*. Даже когда оно уже отзвучало и сделалось патетически банальным.

Он приподнялся на локте и пригляделся внимательней, высматривая на ее теле иные, столь же ностальгические знаки. Не нашел. Не думал, что найдет, просто любопытствовал. Коралл вздохнула. Заскучав, как видно, от абстрактных и мало действенных странствий его ладони, она ухватила оную и решительно направила в место конкретное и единственно верное с ее, Коралл, точки зрения. И чудесно, подумал Геральт, притягивая чародейку к себе, погружая лицо в ее волосы. Полосатая рыбка, подумаешь. Словно нет более насущных вещей, которым стоит посвятить внимание. О которых стоит позаботиться.

* * *

Может, и модели парусников, невнятно размышляла Коралл, с трудом умиряя рвавшееся из груди дыхание. Может, и солдатики, может, и рыбная ловля на мушку. Но то, что действительно важно... Что по-настоящему важно... Это то, как он меня обнимает.

Геральт обнял ее. Так, словно была она для него всем миром.

* * *

В первую ночь спали они немного. И даже когда Литта уснула, у ведьмака со сном возникли проблемы. Она столь крепко обняла его в талии рукой, что он и дышал-то с трудом, ногу же – забросила поперек его бедер.

Во вторую ночь она была менее жадной. Не держала и не обнимала так сильно, как вчера. Видимо, уже не боялась, что наутро сбежит.

– Ты задумался. Твое лицо стало мужественным и сумрачным.
Причина?

– Удивляет меня... хм... натурализм нашей связи.

– Что-что?

– Я уже сказал. Натурализм.

– Кажется, ты использовал слово «связь»? Воистину, широта его значения поражает. Похоже, тебя посетила посткоитальная печаль. Состояние и вправду естественное, случающееся у всех высших существ. У меня, ведьмак, тоже, собственно, странная слезка на глаза наворачивается... Ну, веселее, веселее! Я пошутила.

– Ты соблазнила меня... Словно самца.

– С чего вдруг?

– Соблазнила меня. Словно насекомое. Фрезиево-абрикосово-магическими феромонами.

– Ты всерьез?

– Не злись. Прошу, Коралл.

– Я не злюсь. Наоборот. Наверное, по некотором размышлении, пришлось бы с тобой согласиться. Да, это натурализм в чистом виде. Только вот все – совершенно наоборот. Это ты меня заморочил и соблазнил. С первого взгляда. Натуралистично и анималистично станцевал предо мною брачный танец самца. Подпрыгивал, топал, распускал хвост...

– Неправда.

– ...распускал хвост и трепыхал крыльями, словно тетерев. Кукарекал и кудахтал...

– Я не кудахтал.

– Кудахтал.

– Нет.

– Да. Обними меня.

– Коралл?

– Что?

– Литта Нейд... Это ведь не твое настоящее имя, верно?

– Мое настоящее было бы непросто произнести.

– Отчего бы?

– А вот скажи быстро: Астрид Литтнейд Асгейрфиннбьорнсдоттир.

– Понимаю.

– Сомневаюсь.

– Коралл?

– М-м-м?

– А Мозаика? Откуда ее прозвище?

– Знаешь, ведьмак, чего я не люблю? Вопросов о других женщинах. А уж особенно – когда спрашивающий лежит со мной в одной постели. И валяет дурака. Нет, чтобы сосредоточиться на том, на чем он как раз держит руку. Решился бы ты на нечто подобное, лежа в постели с Йеннефер?

– А я не люблю, когда произносят определенные имена. Особенно в момент, когда...

– Мне перестать?

– Этого я не говорил.

Коралл поцеловала его в плечо.

– Когда она попала в школу, звали ее Айк, родовой фамилии не помню. Мало того, что имя странное, так еще были у нее проблемы с пигментацией кожи. Щека – испещрена светлыми заплатами, выглядела и вправду словно мозаика. Ее, конечно, вылечили, у чародейки не может быть изъянов. Но это прозвище, издевательское сперва, приклеилось. И скоро перестало быть издевательским. Она и сама его полюбила. Но хватит о ней. Говори со мной и обо мне. Ну, давай.

– Что – давай?

– Говори обо мне. Какая я. Красивая, верно? Ну, скажи!

– Красивая. Рыжая. И веснушчатая.

– Я не веснушчатая. Убрала веснушки с помощью магии.

– Не все. О некоторых забыла. А я их высмотрел.

– Где... Ах. Ну да. Верно. Значит, веснушчатая. И какая еще?

– Сладкая.

– Что-что?

– Сладкая. Как вафелька с медом.

– А ты не смеешься надо мною?

– Взгляни на меня. В мои глаза. Видишь ли ты в них хотя бы тень неискренности?

– Нет. И это меня беспокоит сильнее всего.

- Присядь на край кровати.
- Чтобы?...
- Хочу взять реванш.
- Ты о чем?
- За веснушки, которые ты высмотрел там, где высмотрел. За приложенные усилия и внимательное... исследование. Я желаю взять реванш и отблагодарить. Могу?
- И не откладывая.

* * *

У виллы чародейки, как и почти у всех остальных вилл в этой части города, была терраса, с которой открывался вид на море. Литта любила сидеть там, часами наблюдая за кораблями на рейде, для коих целей у нее имелась изрядных размеров подзорная труба на штативе. Геральт не разделял ее увлеченности морем и тем, что там плавало, но любил сопровождать ее на террасе. Садился поближе, сразу за нею, лицо у ее рыжих локонов, наслаждаясь запахом фрезии и абрикоса.

– Тот вон галеон, что бросает якорь, взгляни, – указывала Коралл. – На флаге голубой крест, это «Гордость Цинтры», наверняка рейс в Ковир. А тот вон когг – это «Алькэ», из Цидариса, наверняка принимает груз кож. А там, о, «Тефида», транспортный хольк, местный, двести лаштов грузоподъемности, каботажник, курсирует между Кераком и Настрогом. Там, смотри, как раз встает на рейд новиградский шкунер^[21] «Пандора Парви», чудесный, чудесный корабль. Взгляни в окуляр. Увидишь...

– Я вижу и без подзорной трубы. Я мутант.

– Ах, верно. Я позабыла. О, там галера «Фуксия», тридцать два весла, может взять на борт четыреста лаштов. А тот стройный трехмачтовый галеон – это «Вертиго», приплыл из Лан Эксетера. А там, дальше, с амарантовым флагом – это реданский галеон «Альбатрос», три мачты, сто двадцать стоп между штевами... О, там, смотри, смотри, ставит паруса и выходит в море почтовый клипер «Эхо», я знаю капитана, когда причаливает, столуется у Равенги. Там снова, гляди, под полными парусами, галеон из Повисса...

Ведьмак отвел волосы от спины Литты. Медленно, один за другим, расстегнул крючки, спустил платье с плеч чародейки. А после посвятил обе ладони и все внимание двум галеонам под полными парусами. Галеонам, каких было не сыскать на всех морских путях, рейдах, портах и в реестрах

адмиралтейств.

Литта не протестовала. И не отрывала глаз от окуляра подзорной трубы.

– Ты ведешь себя, – сказала через какое-то время, – словно пятнадцатилетний подросток. Как будто видишь ее впервые.

– Для меня каждый раз – будто впервые, – признал он, помедлив. – А пятнадцатилетним подростком я, сказать по правде, так никогда и не был.

* * *

– Я родом из Скеллиге, – сказала она ему после, уже в постели. – Море у меня в крови. И я его люблю.

– Иногда мечтаю, – продолжила, когда он промолчал, – уплыть. Сама, в одиночку. Поставить парус, выйти в море... Далеко-далеко, за самый горизонт. Вокруг только вода и небо. Меня обрызгивает соленая пена волн, ветер ерошит волосы с истинно мужской лаской. А я – одна, совершенно одна, бесконечно одинокая среди чуждой и враждебной стихии. Одиночество посреди моря чуждости. Ты не мечтаешь о нем?

Нет, не мечтаю, подумалось ему. Я живу так каждый день.

* * *

Настал день летнего солнцестояния, а после него – магическая ночь, самая короткая в году, во время которой цвел по лесам папоротник, а натертые ужом нагие девицы танцевали на мокрых от росы полянах. Ночь, проносящаяся в мгновение ока. Ночь безумная и светлая от молний.

* * *

Утром после солнцестояния он проснулся в одиночестве. На кухне его ждал завтрак. И не только.

– Добрый день, Мозаика. Прекрасная погода, верно? Где Литта?

– У тебя сегодня выходной, – ответила она, не глядя на него. – Моя несравненная госпожа будет работать. Допоздна. Из-за часов, которые она посвятила... приятностям, накопились пациентки.

– Пациентки.

– Она лечит бесплодие. И другие женские болезни. Ты не знал? Ну, теперь знаешь. Хорошего тебе дня.

– Постой, не уходи. Я хотел...

– Не знаю, чего ты хотел, – прервала она его. – Но это, пожалуй, плохая идея. Лучше было бы тебе со мной не говорить. Делать вид, что меня вообще нет.

– Коралл тебя не обидит больше, я обещаю. Да ее и нет здесь, она нас не видит.

– Она видит все, что хочет увидеть, для этого хватит пары заклинаний и артефакта. И не заблуждайся, будто имеешь на нее хоть какое-то влияние. Для этого необходимо нечто большее, чем... – Она дернула головой в сторону спальни. – Прошу тебя, не произноси при ней моего имени. Даже мимоходом. Потому что она мне это припомнит. Пусть даже и через год – но припомнит.

– Если она так тебя воспринимает... А ты не можешь просто уйти?

– Куда? – фыркнула она. – В ткацкую мануфактуру? В ученичество к шведу? Или сразу в лупанарий? У меня никого нет. Я – никто. И останусь никем. Только она может это изменить. Я перенесу все... Но не говори ей, пожалуйста.

– В городе, – глянула она на него через минуту-другую, – я повстречала твоего приятеля. Того поэта, Лютика. Он расспрашивал о тебе. Беспокоился.

– Ты его успокоила? Сказала, что я в безопасности? Что мне ничего не угрожает?

– А зачем бы мне врать?

– Прости?

– Ты не в безопасности. Ты здесь, с ней, из-за тоски по той, другой. Даже когда ты с ней рядом, все равно думаешь о той. Она все прекрасно понимает, но продолжает игру, поскольку ее это развлекает, а ты хорошо притворяешься, ты дьявольски убедителен. Однако думал ли ты о том, что произойдет, когда ты себя выдашь?

* * *

– Нынче ты снова ночуешь у нее?

– Да, – ответил Геральт.

– Это будет уже неделя, знаешь?

– Четыре дня.

Лютик провел пальцами по струнам лютни в эффектном глissандо. Оглядел постоянный двор. Глотнул из кружки, вытер пену с носа.

– Знаю, это твое дело, – сказал с необычными для него серьезностью и твердостью. – Знаю, что мне не следует вмешиваться. Знаю, что ты не любишь, когда кто-то вмешивается. Но о некоторых вещах, друг Геральт, не пристало молчать. Коралл, если хочешь знать мое мнение, принадлежит к тем женщинам, которым постоянно и на видном месте надлежит носить предупреждающий ярлык. Гласящий: «Смотреть, но не трогать». Какие в зверинцах размещают на террариумах, где содержат гремучих змей.

– Я знаю.

– Она играет с тобой и играет тобою.

– Я знаю.

– А ты, как зачастую и бывает, вспоминаешь Йеннефер, которую не можешь позабыть.

– Я знаю.

– Тогда почему...

– Не знаю.

* * *

Вечерами они выходили. Порой в парк, порой на гору, встающую над портом, порой просто прогуливались по Пряным рядам.

Вместе посетили австерию «Natura Rerum». Несколько раз. Феб Равенга не находил себе места от счастья, вымуштрованные им гарсоны крутились волчками. Геральт наконец-то узнал, каков вкус тюрбо в чернилах каракатицы. А потом – гусяного бедра в белом вине и телячьего костра в овощах. Лишь сперва – и совсем недолго – мешало им навязчивое, нарочитое внимание других посетителей. Потом – спасибо Литте – он не обращал на них внимания. Вино из здешних подвалов изрядно в этом помогало.

Затем они возвращались на виллу. Коралл скидывала платье уже в прихожей, совершенно нагой шла в спальню.

Он шел следом. И смотрел. Любил на нее смотреть.

* * *

– Коралл?

– Что?

– По слухам, ты всегда можешь увидеть, что захочешь. Тебе достаточно нескольких заклинаний и артефакта.

– Слуху, – она приподнялась на локте и заглянула ему в глаза, – полезно будет, полагаю, снова выкрутить какой-нибудь сустав. Это должно отучить слух молотить языком почем зря.

– Очень тебя прошу...

– Я пошутила, – отрезала она. Однако в голосе ее не слышалось и следа веселья.

– А что такого, – продолжила она, когда он смолчал, – ты хотел бы увидеть? Или выяснить? Сколь долго проживешь? Когда и как помрешь? Какая лошадь выиграет Большие Третогорские? Кого коллегия электоров выберет иерархом Новиграда? С кем нынче Йеннефер?

– Литта.

– Чего ты хочешь, могу я узнать?

Он рассказал ей о краже мечей.

* * *

Сверкнуло. А миг спустя пророкотал гром.

Фонтан журчал тихонько, бассейн пах мокрым камнем. Мраморная девочка окаменела в танцевальном па, мокрая и лоснящаяся.

– Статуя и фонтан, – поспешила пояснить Коралл, – не служат удовлетворению моей любви к претенциозному кичу или склонности следовать снобистской моде. Она – для конкретных целей. А статуя изображает меня. В миниатюре. В возрасте двенадцати лет.

– Кто бы в ту пору мог подумать, что ты так прекрасно разовьешься.

– Это накрепко связанный со мною магический артефакт. Фонтан же, вернее – вода, служит мне для дивинации. Я полагаю, ты знаешь, что такое и в чем состоит дивинация?

– В общих чертах.

– Кража твоего оружия произошла каких-то десять дней назад. Для прочтения и анализа минувших событий, даже тех, что случились давно, наилучшей является онейромантия, но для нее необходим довольно редкий талант сновидчества, которым я не обладаю. Сортилегия, или же клеромантия, нам скорее всего не помогут, равно как и пиромантия с аэромантией, которые действенны при отгадывании судеб людей, если имеется нечто, сим людям принадлежавшее... волосы, ногти, части одежды

и всякое такое. К предметам, в нашем случае – к мечам, это применить не удастся.

– А потому, – Литта отвела со лба рыжую прядь, – остается нам лишь дивинация. Как ты наверняка знаешь, она позволяет видеть и провидеть прошедшие события. Помогут нам стихии, ибо сезон настал воистину грозовой. Соединим дивинацию с керауноскопией. Приблизься. Возьми мою руку и не отпускай. Наклонись и всматривайся в воду, но ни в коем случае не прикасайся к ней. Концентрируйся. Думай о своих мечех! Интенсивно думай о них!

Он слышал, как чародейка читает речитативом заклинание. Вода в бассейне откликалась, вспениваясь с каждой фразой проговариваемой формулы, волнуясь все сильнее. Со дна начали подниматься большие пузыри.

Вода разгладилась и помутнела. А потом мигом осветлилась.

Из глубины глядят темные, фиалковые глаза. Черные, как вороново крыло, локоны каскадом спадают на плечи, сияют, отражают свет, словно павлиньи перья, развиваясь и волнуясь при каждом движении...

– О мечех, – напомнила Коралл, тихо и едко. – Ты должен думать о мечех.

Вода закипела, черноволосая и фиалковоглазая женщина растворилась в водоворотках. Геральт тихо вздохнул.

– О мечех! – прошипела Литта. – Не о ней!

Произнесла заклинание в сверканьи очередной молнии. Статуэтка на фонтане просияла молочно, а вода снова успокоилась и осветлилась. И тогда он увидел.

Свой меч. Прикасающиеся к нему руки. Перстни на пальцах.

...из метеорита. Прекрасный баланс, вес клинка в точности равен весу рукояти...

Второй меч. Серебряный. Те же самые руки.

...стальной сердечник, окованный серебром... по всей длине клинка – рунические знаки...

– Вижу их, – прошептал он громко, сжимая ладонь Литты. – Вижу мои мечи... Правда...

– Молчи, – откликнулась она еще более сильным пожатием. – Молчи и сосредотачивайся.

Мечи исчезли. Вместо них он увидал черный лес. Каменную осыпь. Скалы. Одну из скал, огромную, массивную, высокую и отвесную... Выглаженную ветрами в странную форму...

Вода на миг вспенилась. Мужчина с проседью, благородные черты

лица, черный бархатный кафтан и золотой парчовый камзол, обе руки упираются в бюро красного дерева. Лот номер десять, объявляет он громко. Абсолютная редкость, небывалая находка, два ведьмачьих меча...

Большой черный кот крутится на месте, пытаюсь дотянуться лапкой до колышущегося над ним на цепочке медальона. На золотом овале медальона – эмаль, голубой дельфин *nageant*.

Река течет меж деревьями, под навесом ветвей и свисающих над водой сучьев. На одном из сучьев неподвижно стоит женщина в длинном и облегающем платье.

Вода вспенилась коротко и почти сразу снова разгладилась.

Он видел море трав, безбрежную, уходившую к горизонту равнину. Видел ее сверху, словно с высоты полета... Или с вершины горы. Горы, по склону которой поднималась шеренга неясных фигур. Когда поворачивали головы, он видел неподвижные лица, незрячие мертвые глаза. Они же мертвы, понял он внезапно. Это – процессия трупов...

Пальцы Литты сжали его ладонь. Жестко, будто клещи.

Сверкнуло. Внезапный порыв ветра развеял их волосы. Вода в бассейне забурлила, вскипела, пошла пеной, встала высокой, словно стена, волной. И пала прямо на них. Они вдвоем отскочили от фонтана, Коралл споткнулась, он ее придержал. Ударил гром.

Чародейка выкрикнула заклинание, махнула рукой. Во всем доме вспыхнули огни.

Вода в бассейне, еще миг назад крутившаяся водоворотом, стала гладкой, спокойной, лишь лениво движимой журчащей струйкой фонтана. А на одеждах, еще секунду назад облитых гигантской волной, не было ни капельки.

Геральт тяжело вздохнул. Поднялся.

– М-м-м, в конце... – пробормотал, помогая подняться чародейке. – Тот последний образ... Гора и шеренга... людей... Я не разобрал... понятия не имею, что оно такое...

– Я тоже, – ответила она чужим голосом. – Но это было не твое видение. Этот образ предназначался мне. И я тоже не имею понятия, что оно такое. Но чувствую, что видение не сулит мне ничего хорошего.

Громы стихали. Гроза уходила. В глубь материка.

* * *

– Шарлатанство вся эта ее дивинация, – повторил Лютик, подкручивая

колки лютни. – Мошеннические мороки для простецов. Сила внушения – не больше. Ты думал о мечях – и мечи увидел. И что же ты еще якобы видел? Процессию трупов? Ужасающую волну? Скалу странной формы? Это, стало быть, какой?

– Что-то наподобие огромного ключа, – задумался ведьмак. – Или геральдического креста – двойного с половиною.

Трубадур задумался. А потом смочил палец в пиве. И начертил нечто на столешнице.

– Навроде этого?

– Ха. Даже слишком похоже.

– Вот же проклятие! – Лютик дернул струны, обратив на себя внимание всей корчмы. – Чтоб меня гусь топтал! Ха-ха, дружище Геральт! Сколько раз ты вытаскивал меня из пучины проблем? Сколько раз помогал? Делал одолжения? И не счесть! Теперь моя очередь. Может, с моей помощью ты сумеешь снова обрести свое прославленное оружие.

– Ты о чем?

Лютик встал.

– Госпожа Литта Нейд, твоя новая зазноба, коей я нынче отдаю должное как знатной ворожее и непостижимой ясновидице, в своей дивинации методом бесспорным, прозрачайшим и не пробуждающим сомнений, указала на место, которое мне известно. Пойдем-ка к Феррану. Тотчас же. Он должен организовать нам аудиенцию с помощью своих секретных знакомств. И выправить тебе пропуск на выход из города, служебными воротами, дабы избежать конфронтации с теми гетерами из кордегардии. Мы отправимся в небольшое путешествие. Небольшое и, скажем прямо, не слишком-то далекое.

– Куда?

– Я узнал скалу из твоего видения. По-научному это зовется карстовым останцем. Местные же кличут ее Грифом. Характерная деталь, почти указатель, ведущий в место пребывания персоны, которая и вправду может что-то знать о твоих мечях. Место, в которое мы выбираемся, носит название Равелин. Говорит это тебе о чем-то?

Глава восьмая

Не одно токмо исполнение, не сама ремесленная умелость о достоинстве меча ведьмачьего рекут. Подобно таинным эльфым альбо же краснолюдским клинкам, секрет коих утрачен, меч ведьмачий удивительной силою связан с рукою и разумом ведьмака, коий им владеет. И лишь благодаря арканам оной магии в сражение супротив Темных Сил он и силен.

Пандольфо Фортегуэрра.

Трактат о благородном оружии

Открою я вам кое-какой секрет. О ведьмачьих мечах. Это ерунда, что, мол, мечи обладают некоей тайной силою. И что, дескать, чудесное они оружие, что будто бы нет их лучше. Это все обман, измышленный для видимости. Знаю я это из абсолютно доверенного источника.

Лютик. Полвека поэзии

Скалу, называемую Грифом, они узнали сразу: была видна издалека.

* * *

Место, куда они направлялись, лежало менее чем на полдороге между Кераком и Цидарисом, чуть в стороне от соединяющего оба города тракта, что вился меж лесов и скалистых пустошей. Дорога заняла какое-то время, которое заполнили они болтовней. Главным образом – стараниями Лютика.

– Народная молва гласит, – говорил поэт, – что используемые ведьмаками мечи обладают магическими способностями. Опуская придумки о половом бессилии, что-то здесь да должно быть. Ваши мечи

ведь не просто мечи. Прокомментируешь это?

Геральт придержал лошадку. Застоявшейся в конюшне Плотве всё хотелось пуститься в галоп.

– А как же, прокомментирую. Наши мечи – это не просто мечи.

– Говорят, – Лютик сделал вид, что не услышал насмешки, – будто магическая сила ведьмачьего оружия, губительная для чудищ, с каковыми вы сражаетесь, пребывает в самой стали, из которой мечи кованы. В самом сырье, сиречь в рудах, что происходят из падающих с неба метеоритов. Как так? Метеориты ведь – не магичны, они явление природное и научно объясненное. Тогда откуда магия?

Геральт глянул на небо, на севере мрачневшее. Похоже, собиралась очередная гроза. И приуготовлялось промокание.

– Если я верно помню, – ответил он вопросом, – ты изучал семь свободных искусств?

– И диплом получил *summa cum laude*^[22].

– В рамках входящей в состав *quadrivium*^[23] астрономии ты слушал лекции профессора Линденброга?

– Старого Линденброга, прозванного Головешкой? – засмеялся Лютик. – Ну конечно! Прямо словно наяву вижу, как он почесывает задницу и постукивает указкой по картам и глобусам, бормоча монотонно: *Sphaera Mundi*, э-э-э, *subdividitur*^[24] на четыре Элементарных Плана: План Земли, План Воды, План Воздуха и План Огня. Земля, купно с Водой, формирует земной шар, коий отовсюду, э-э-э, окружает Воздух, или же *Aer*. Над Воздухом, э-э-э, раскидывается *Aether*, Воздух Огнистый *vel*^[25] Огонь. Над Огнем же находятся Тонкие Сидеральные Небеса, *Firmamentum*^[26] сферичной природы. На оных расположены *Erratica Sydera*, звезды блуждающие, и *Fixa Sydera*, звезды недвижимые...

– Уж не знаю, – фыркнул Геральт, – что более удивительно: твои способности к обезьянничанью или твоя память. Возвращаясь же к интересующему нас предмету: метеориты, которые наш уважаемый Головешка определял как звезды падающие, *Sydera Cadens* или как-то так, отрываются от фирмamenta и рушатся вниз, чтоб зарыться в нашу старую добрую землю. По дороге они пронзают все прочие планы, стало быть – планы как стихий, так и парастихий, поскольку таковые, говорят, тоже существуют. Стихии и парастихии насыщены, как известно, мощной энергией из источника всяческой магии и сверхъестественной силы, а пронзающий их метеорит оную энергию поглощает и сохраняет. Сталь, которую удастся из метеорита выплавить, как и клинок, который удастся из

такой стали отковать, содержит в себе силу стихий. Он магичен. Весь меч – магичен. *Quod erat demonstrandum*^[27]. Понял?

– Естественно.

– Ну так забудь. Поскольку это ерунда.

– Что?

– Ерунда. Выдумка. Метеориты не валяются под каждым кустом. Больше половины мечей, которые используют ведьмаки, выкованы из стали магнетитовых руд. Я сам таким сражался. Они настолько же хороши, как и те, из падающих с неба и пронзающих стихии сидеритов. Нет абсолютно никакой разницы. Но сохрани это в тайне, Лютик, очень тебя прошу. Не говори никому.

– Как это? Я должен молчать? Зачем же было рассказывать? Какой смысл знать о чем-то, если знанием нельзя похвастаться?

– Прошу тебя. Я предпочел бы, чтобы меня считали сверхъестественным существом, вооруженным сверхъестественным же оружием. Таким меня нанимают и такому платят. «Обычный» равен «никакому», а никакой – стало быть, дешевый. Поэтому прошу тебя – рот на замок. Обещаешь?

– Да пожалуйста. Обещаю.

* * *

Скалу, называемую Грифом, они узнали сразу: была видна издалека.

И вправду, даже при крохах воображения она напоминала сидевшую на длинной шее голову грифа. Однако куда больше – как заметил Лютик – напоминала она гриф лютни или другого струнного инструмента.

Гриф, как оказалось, был останцем, вздымавшимся над гигантским карстовым провалом. Карстовый провал – как помнил Геральт – называли Эльфийской Твердыней из-за его довольно правильной формы, напоминавшей руины древних строений, со стенами, башнями, барбаканами и подобной всячиной. Никакой твердыни, эльфийской или иной, здесь, однако, никогда не существовало, формы карстового провала были делом рук Природы, делом, следовало признать, впечатляющим.

– Там, внизу, – указал Лютик, привстав в стременах. – Видишь? Это, собственно, наша цель. Равелин.

И название сие было исключительно точным. Карстовые останцы формировали удивительно правильные абрисы огромного треугольника, выдвинутого, словно бастион, перед Эльфийской Твердыней. Внутри одного

треугольника возносилась постройка, напоминавшая форт. Окруженный чем-то вроде огороженного укрепленного лагеря.

Геральт вспомнил слухи, ходившие о Равелине. И о персоне, которая сделала Равелин своей резиденцией.

Они свернули с тракта.

За первую ограду вело несколько входов, все их стерегли вооруженные до зубов стражники, в которых по пестрой и разнородной одежке легко было опознать наемных солдат. На первом же посту путников остановили. Хотя Лютик громко взывал к договоренностям об аудиенции и особенно напирал на добрые отношения с шефом, приказано им было сойти с лошадей и ждать. Довольно долго. Геральт начал уже слегка терять терпение, когда наконец явился верзила с внешностью галерника и велел идти следом. Вскоре оказалось, что верзила ведет их кружным путем, задворками комплекса, из центра которого доносился гомон и звуки музыки.

Они миновали мостик. Сразу за ним лежал человек, бессознательно шаря вокруг себя руками. Лицо его было окровавленным и распухшим: вместо глаз остались щелочки. Дышал тяжело, и при каждом выдохе из разбитого носа выдувались кровавые пузыри. Ведший их верзила не обратил на лежавшего никакого внимания, потому и Геральт с Лютиком сделали вид, будто его не заметили. Они пребывали на территории, где не следовало выказывать излишний интерес. В дела Равелина не стоило совать свой нос – любопытствующий нос, по слухам, с владельцем немедленно расставался и оставался там, куда его сунули.

Верзила вел их через кухню, где, словно ошпаренные, вертелись повара. Булькали котлы, в которых, как заметил Геральт, варились крабы, омары и лангусты. В кастрюлях вились угри и мурены, тушились в горшках моллюски и омули. Шкворчали на огромных сковородах куски мяса. Слуги подхватывали уставленные готовой едой подносы и миски, чтобы унести в коридоры.

Следующее помещение наполнял, для разнообразия, запах дамских парфюмов и косметики. Перед рядами зеркал, неустанно щебеча, наводил красоту десятков-другой женщин различной степени неглиже, включая и абсолютную. Геральт с Лютиком и здесь хранили каменные выражения на лицах, не давая воли глазам.

В очередном помещении их подвергли тщательному досмотру. Осуществлявшие его люди были серьезны с виду, вели себя профессионально и действовали скрупулезно. Кинжал Геральта конфисковали. У Лютика, который оружия никогда не носил, отобрали

гребень и штопор. Но – по размышлению – оставили лютню.

– Перед его преподобием стоят стулья, – поучали. – На них – сесть. Сидеть и не вставать, пока его преподобие не прикажет. Не прерывать, когда его преподобие говорит. Не говорить, пока его преподобие не подаст знак. А теперь – вперед. В те двери.

– Его преподобие? – проворчал Геральт.

– Некогда он был священником, – пробормотал в ответ поэт. – Но не бойся, вредных привычек не понахватался. Однако подданным нужно его как-то титуловать, а он не выносит, когда его зовут шефом. Нам титулатурой можно пренебречь.

Когда они вошли, нечто тотчас заступило им дорогу. Нечто было огромно, словно гора, и изрядно смердело мускусом.

– Привет, Микита, – поприветствовал гору Лютик.

Названный Микитой великан, наверняка телохранитель его преподобия шефа, был метисом, результатом скрещивания огра и краснюда. Результатом стал лысый краснюд ростом порядком выше семи футов, совершенно без шеи, с кудрявой бородой, с выпиравшими, словно у секача, зубами и с руками, свисавшими до колен. Подобные помеси встречались нечасто, считалось, что виды эти абсолютно различны генетически – нечто вроде Микиты не могло возникнуть естественным путем. Видимо, не обошлось здесь без исключительно сильной магии. Магии, кстати сказать, запретной. Ходили слухи, что многие волшебники на этот запрет внимания не обращают. И доказательство истинности подобных слухов было у Геральта прямо перед глазами.

Уселись, согласно с обязывающим здесь протоколом, на двух плетеных стульях. Геральт осмотрелся. В дальнем углу, на большом шезлонге, две полуобнаженные дамы были заняты друг дружкой. Поглядывал на них, одновременно кормя пса, маленький, невзрачный, сгорбленный и совершенно никакой мужчина в свободных, цветных, вышитых одеждах и феске с кисточкой. Скормив псу последний кусочек омара, мужчина вытер руки и развернулся.

– Приветствую, Лютик, – сказал он, присаживаясь перед ними на что-то, что слегка напоминало трон, пусть даже из ивняка. – Мое почтение, господин Геральт из Ривии.

Преподобный Пираль Пратт, считающийся – и не без причин – шефом организованной преступности целого региона, выглядел мануфактурным купцом на покое. На пикнике бывших мануфактурных купцов он непременно сошел бы за своего. По крайней мере издалека. Осмотр вблизи позволял разглядеть в Пирале Пратте то, чего у мануфактурных купцов не

бывает. Старый, бледный шрам на скуле, след от пореза ножом. Кривая и зловещая усмешка на узких губах. Светлые, желтоватые глаза, неподвижные, словно у питона.

Долго никто не прерывал молчания. Откуда-то из-за стены доносилась музыка, слышался гомон.

– Я рад видеть и приветствовать вас обоих, господа, – отозвался наконец Пираль Пратт. В его голосе явственно звучала давняя, нержавеющая любовь к дешевому, плохо дистиллированному алкоголю.

– Особенно я рад видеть тебя, певец, – преподобный улыбнулся Лютику. – Мы не встречались со свадьбы моей внучки, какую ты украсил своим выступлением. И я недавно вспоминал о тебе, поскольку еще одной моей внучке что-то слишком чешется замуж. Полагаю, по старой дружбе ты не откажешь и на сей раз. Что? Споешь на свадьбе? Не заставишь себя упрашивать как тогда? Не придется мне тебя... переубеждать?

– Спою, спою, – поспешил с уверениями Лютик, слегка побледнев.

– А нынче, – продолжал Пратт, – ты приволокся, полагаю, расспросить о моем здоровье? Так оно в полной заднице, это мое здоровье.

Лютик и Геральт не спешил с комментариями. Огрокраснолюд смердел мускусом. Пираль Пратт тяжело вздохнул.

– У меня, – сообщил, – открылась язва желудка и пищевода, а потому прелести стола мне, увы, не доступны. Диагностировали у меня больную печень и запретили пить. Добавьте сюда дископатию – позвонков как отдела шейного, так и поясничного, что вычеркнуло из моих развлечений охоту и прочие виды экстремального спорта. Лекарства и лечение жрут уйму денег, которые прежде я привык тратить на азартные игры. Копьецо мое еще, скажем так, поднимается, но сколько же надобно труда, чтобы оно восстало! Скорее умахешься, чем утетишься... И что ж мне остается? А?

– Политика?

Пираль Пратт засмеялся так, что затряслась даже кисточка на феске.

– Браво, Лютик. Как всегда, в цель. Политика, о, да, это нынче аккуратно по мне. Сперва я не был настроен благосклонно к подобным делам. Подумывал взяться как следует за разврат и инвестировать в публичные дома. Но покрутился меж политиков и многих узнал. И убедился, что лучше иметь дело со шлюхами, потому как у шлюх – хоть какая-то честь и какие-никакие правила. Однако ж из борделя не сумеешь править так же хорошо, как из ратуши. А править хотелось – если, как говорится, не светом, так поветом. Как гласит старая пословица, коль не можешь их победить – присоединись к ним...

Он прервался, оглянулся, вытягивая шею, на шезлонг.

– Не филонить, девушки! – крикнул. – Не притворяться! Больше, больше огня! Хм-м... На чем я остановился?

– На политике.

– Ах, да. Но политика политикой, а у тебя, ведьмак, украли твои прославленные мечи. Разве не из-за этого дела я имею честь тебя привечать?

– В самую точку: именно из-за этого.

– Кража мечей, – покивал Пратт. – Болезненная утрата, полагаю? Наверняка болезненная. И невозполнимая. Ха, я всегда говорил, что в Кераке – вор на воре. Люди тамошние, дай лишь слабину, украдут – известное же дело – все, что не прибито накрепко гвоздями. А на случай вещей прибитых накрепко носят они с собою фомку.

– Следствие, полагаю, идет? – продолжил он через миг-другой. – Ферран де Леттенхоф трудится? Однако, господа, взгляните правде в глаза. От Феррана не стоит ждать чудес. Без обид, Лютик, но твой родственничек был бы куда лучшим бухгалтером, чем следователем. Для него ведь – только книжки, кодексы, параграфы, регламенты и эти его доказательства, доказательства и еще раз доказательства. А оно выходит как в той факетии о козе и капусте. Не слышали? Заперли однажды козу с головкой капусты в сарае. Утром от капусты – ни следа, а коза срет зеленым. Но доказательств нет, свидетелей нет – и делу конец, *causa finita*. Я не хотел бы оказаться дурным пророком, ведьмак Геральт, но дело о краже твоих мечей может завершиться сходным образом.

Геральт и на этот раз воздержался от комментариев.

– Один меч, – Пираль Пратт потер подбородок рукою в перстнях, – стальной. Сталь сидеритовая, руда взята из метеорита. Кована в Махакаме, в краснолюдских кузнях. Полная длина сорок с половиной дюймов, сам клинок – на двадцать семь с четвертью. Прекрасно сбалансирован, вес клинка абсолютно равен весу рукояти, вес же всего оружия наверняка меньше сорока унций. Рукоять и эфес простые, но элегантные.

– И второй меч, сходной длины и веса. Приблизительно, ясное дело. Стальной сердечник окован серебром, острие – также стальное, чистое серебро слишком мягкое, чтобы можно было хорошо заточить. На эфесе и по всей длине клинка – рунические знаки и глифы, которые мои эксперты полагают нечитабельными, но, несомненно, магическими.

– Прекрасное описание. – Геральт выдерживал каменное лицо. – Ты словно видел мечи наяву.

– Действительно, видел. Мне принесли их и предложили купить. Посредник, представляющий интересы третьего лица, персона,

обладающая безукоризненной репутацией и лично мне известная, поручалась, что мечи приобретены легально, что происходят из раскопа в Фэн Карне, древнем могильнике в Соддене. В Фэн Карне находят бесчисленное количество сокровищ и артефактов, потому совершенно не было причин оспаривать достоверность заявления. Однако у меня шевельнулись кое-какие подозрения, и мечи я не купил. Ты меня слушаешь, ведьмак?

– С неослабевающим вниманием. Жду выводов. И подробностей.

– Вывод таков: баш на баш. Подробности дороги. У каждой информации есть бирочка с ценой.

– Ну знаешь ли... – возмутился Лютик. – Я к тебе по старой дружбе, с приятелем в беде...

– Дело есть дело, – оборвал его Пираль Пратт. – Как я и сказал, информация, коей обладаю, имеет цену. Хочешь узнать что-то о судьбе своих мечей, ведьмак из Ривии, – придется тебе заплатить.

– И что же за цена на бирке?

Пратт вытащил из одежд большую золотую монету и вручил ее огрокраснолюду. Тот без особого усилия сломал ее в пальцах, словно печенюшку. Геральт покачал головой.

– Банальность на уровне ярмарочного вертепа, – процедил он. – Вручишь мне половину монеты, а некто, когда-нибудь, может, даже через несколько лет, появится со второй половиной. И попросит исполнить его желание. Которое мне придется выполнять безо всяких условий. Ничего не получится. Если это цена, то в ней мы не сойдемся. *Causa finita*. Пойдем, Лютик.

– Тебе не хочется получить назад мечи?

– Не настолько.

– Я подозревал. Но попытаться стоило. Предложу тебе другое. На сей раз не для того, чтобы ты отказался.

– Пойдем, Лютик.

– Выйдешь, – Пратт мотнул головой, – но в другие двери. В те. Сперва раздевшись. До исподнего.

Геральту казалось, что он контролирует лицо. Должно быть, ошибался, поскольку огрокраснолюд внезапно зарычал и шагнул к нему, воздев лапищи и засмердев в два раза шибче.

– Это какое-то издевательство, – громко заявил Лютик, стоя подле ведьмака, как обычно бедовый и языкатый. – Насмехаешься над нами, Пираль. А потому мы сейчас попрощаемся и выйдем. Причем в те же двери, которыми вошли. Не забывай, кто я такой! Я ухожу!

– Не думаю, – покачал головой Пираль Пратт. – То, что ты не слишком-то умен – мы уже некогда уяснили. Но чтобы сейчас не пытаться уйти – для этого ты умен достаточно.

Дабы подчеркнуть весомость сказанного, огрокраснолюд показал им сжатый кулачище. Размером с арбуз. Геральт молчал. Уже некоторое время он приглядывался к великану, высматривая в нем место, чувствительное для пинка. Поскольку шло к тому, что без пинка никак не обойдется.

– Ну, ладно. – Пратт жестом утихомирил телохранителя. – Я чуток уступлю, выкажу добрую волю и желание компромисса. Нынче у меня собралась элита ремесел, торговли и финансов, разномастные политики, дворяне, духовенство, даже один князь – инкогнито. Я обещал им спектакль, какого они прежде не видывали, а уж ведьмака в исподнем они не видывали наверняка. Но пусть уж, ладно: выйдешь голым по пояс. Взамен получишь информацию, причем сразу. Кроме того, как бонус...

Пираль Пратт взял со стола листок бумаги.

– Как бонус – двести новиградских крон. На ведьмачий пенсионный фонд. Прошу, вот чек на предъявителя, на банк Джианкарди, с инкассацией в любом их филиале. Как тебе такое?

– Зачем спрашиваешь? – прищурился ведьмак. – Ты ведь, кажется, дал уже понять, что отказаться я не сумею.

– Точно. Я говорил: предложение не для того, чтобы отказываться. Но, полагаю, оно пойдет на пользу обеим сторонам.

– Лютик, бери чек. – Геральт расстегнул и снял куртку. – Говори, Пратт.

– Не делай этого. – Лютик побледнел еще сильнее. – Разве знаешь, что тебя будет ждать за теми дверьми?

– Говори, Пратт.

– Как я уже упоминал, – преподобный уселся поудобней на своем троне, – я мечи у посредника покупать отказался. Но поскольку, как было сказано, он – персона, хорошо мне известная и достойная доверия, я предложил другой, куда более выгодный способ монетизации. Посоветовал, чтобы нынешний их владелец выставил мечи на аукцион. В аукционном доме братьев Борсоди, в Новиграде. Это крупнейший, с серьезным реноме коллекционерский аукцион, туда со всего мира съезжаются любители раритетов, древностей, редких произведений искусства, уникальных изделий и всякоразных диковинок. Чтобы приобрести какой-нибудь феномен для своей коллекции, чудачки эти торгуются, словно безумные, разнообразные экзотические чудеса идут у Борсоди иной раз за невообразимые суммы. Нигде не продать дороже.

– Говори, Пратт, – ведьмак стянул рубаху. – Я тебя слушаю.

– Аукционы в доме Борсоди проходят раз в квартал. Ближайший – в июле, пятнадцатого числа. Вор, несомненно, объявится там с твоими мечами. Если немного повезет, сумеешь отобрать прежде, чем их выставят на торги.

– И только-то?

– Это куда как немало.

– Личность вора? Или посредника?

– Личности вора я не знаю, – отрезал Пратт. – А посредника не выдам. Это мое дело, тут важны правила, договоры и доверие. Я бы потерял лицо. Я и так тебе много раскрыл, достаточно много за то, чего от тебя желаю. Выведи его на арену, Микита. А ты ступай за мной, Лютик, тоже поглядим. Чего ждешь, ведьмак?

– Я, так понимаю, должен выйти безоружным? Мало того, что голым по пояс, так еще и с голыми руками?

– Я обещал гостям, – пояснил Пратт, медленно, будто ребенку, – нечто, чего они дотоле не видывали. Ведьмака с оружием они не раз видывали.

– Ясно.

Он оказался на арене, на песке, в кругу вкопанных в землю кольев, залитом светом многочисленных лампионов, что висели на железных прутьях. Слышал крики, виваты, браво и свист. Видел колышущиеся над ареной лица, распахнутые рты, шалые глаза.

Напротив него, на другом конце арены, что-то шевельнулось. И прыгнуло.

Геральт едва успел сложить предплечья в Знак Гелиотропа. Волшебство остановило и отбросило атаковавшую тварь. Зрители вскрикнули – в один голос.

Двуногий ящер напоминал виверну, однако был помельче, с матерого дога. Зато с более крупной, чем у виверны головой. И куда более зубастой пастью. И значительно более длинным хвостом, истончающимся, словно кнут. Этим хвостом ящер энергично бил, мёл песок, сек колья. Склонив башку, он прыгнул на ведьмака снова.

Геральт был готов, ударил его Знаком Аард и отшвырнул. Но ящер успел стегануть его кончиком хвоста. Зрители снова заорали. Запищали женщины. Ведьмак почувствовал, как на голом плече вспухает валик толщиной с колбасу. Он уже знал, зачем ему приказали раздеться. А еще он опознал противника. Был это вигилозавр, специально выращенный, магически мутированный ящер, используемый для охраны и стражи. Дело скверное. Вигилозавр считал арену местом, ему доверенным. Геральт же

был непрошенным гостем, которого надлежало обезвредить. А в случае необходимости – и ликвидировать.

Вигилозавр обошел арену, отираясь о колья, яростно шипя. И атаковал, быстро, не дав времени на Знак. Ведьмак ловко отскочил от щелкнувших челюстей, но не сумел уйти от удара хвостом. Почувствовал, как рядом с предыдущим вспухает еще один валик.

Знак Гелиотропа снова заблокировал атакующего вигилозавра. Ящер со свистом бил хвостом. Геральт уловил на слух разницу в посвисте, услышал его за секунду перед тем, как кончик хвоста хлестнул через спину. Боль ослепила, а по спине потекла кровь. Зрители неистовствовали.

Знаки же слабели. Вигилозавр кружил по арене так проворно, что ведьмак едва поспевал. Ему удалось уйти от двух ударов хвостом, от третьего он не уклонился, получил снова в лопатку и снова острым ребром. Кровь текла по спине ручьем.

Зрители рычали, орали и подпрыгивали. Один, чтобы лучше видеть, перегнулся через балюстраду, опершись о железный прут с лампионом. Прут подломился и вместе с лампионом рухнул на арену. Воткнулся в песок, лампийон же упал на башку вигилозавра и запылал. Ящер стряхнул его, рассыпая вокруг каскады искр, зашипел, ударившись башкой о столбы арены. Геральт сразу же увидел свой шанс. Вырвал прут из песка, с короткого разбега прыгнул и с размаху воткнул железо в череп твари. Прут прошел насквозь. Вигилозавр забился, неловко размахивая передними лапами, попытался избавиться от дырявящего мозг железа. В неловком подскоке грянулся в столп и вгрызся в дерево. Некоторое время ящер еще бился в конвульсиях, рыл песок когтями и хлестал хвостом. Наконец неподвижно замер.

Стены дрожали от приветственных и радостных криков.

Ведьмак поднялся с арены по спущенной лестнице. Воодушевленные зрители набегали со всех сторон. Кто-то похлопал по опухшему плечу, он с трудом сдержался, чтобы не двинуть в зубы. Молодая женщина поцеловала его в щеку. Другая, еще моложе, отерла кровь у него со спины батистовым платочком, который тотчас же и развернула, с триумфом демонстрируя подругам. Еще одна, почти старуха, сняла с морщинистой шеи колье, пытаясь оное ему вручить. Выражение лица Геральта заставило ее смешаться с толпой.

Запахло мускусом, сквозь толпу, словно корабль сквозь саргассы, продрался огрокраснолюд Микита. Заслонил собой ведьмака и вывел.

Вызванный медик осмотрел Геральта, наложил швы. Лютик был бледен. Пираль Пратт – спокоен. Словно ничего и не случилось. Но,

должно быть, лицо ведьмака сказало многое, поскольку – поспешил с объяснениями.

– Тот прут, кстати сказать, – произнес Пратт, – подпиленный и наточенный, упал на арену по моему приказу.

– Благодарю, что так быстро.

– Гости были на седьмом небе! Даже бургомистр Коппенраф доволен, аж сиял, а сукина сына не просто удовлетворить, обычно он крутит носом, мрачный, будто бордель утром в понедельник. Место в городском совете – ха! – у меня уже в кармане. А может, и выше сяду, если... Ты бы не выступил через неделю, Геральт? С подобным спектаклем?

– Только в том случае, – ведьмак дернул чудовищно болевшим плечом, – если вместо вигилозавра на арене будешь ты, Пратт.

– Шутник, ха-ха. Слышал, Лютик, какой шутник?

– Слышал, – кивнул поэт, глядя на спину Геральта и играя желваками. – Но это было сказано не в шутку, а всерьез. И я тоже, совершенно серьезно, сообщаю тебе, что торжества по случаю брака твоей внучки своим выступлением не украшу. После того, как ты обошелся с Геральтом, можешь забыть об этом. Как и о прочих вероятных оказиях, включая крестины и похороны. В том числе и твои собственные.

Пираль Пратт глянул на него, в змеиных глазках что-то блеснуло.

– Не проявляешь уважения, певец, – процедил. – Опять не проявляешь уважения. Напрашиваешься на лекцию? На науку...

Геральт подошел, встал перед ним. Микита засопел, поднял кулак, засмердел мускусом. Пираль Пратт жестом велел ему успокоиться.

– Теряешь лицо, Пратт, – медленно произнес ведьмак. – Мы заключили договор: классический, согласно правилам и при не менее, чем оные, важном доверии. Твои гости удовлетворены спектаклем, ты получил престиж и перспективу на место в городском совете. Я – необходимую мне информацию. Баш на баш. Обе стороны довольны, и теперь мы должны расстаться без жалости и гнева. А вместо этого опускаешься до угроз. Ты теряешь лицо. Пойдем, Лютик.

Пираль Пратт слегка побледнел. После чего повернулся к ним спиной.

– Хотелось мне, – бросил через плечо, – угостить вас ужином. Но вы, похоже, спешите. Поэтому прощаюсь. И радуйтесь, что позволяю вам покинуть Равелин безнаказанно. Поскольку обычно за недостаток уважения я наказываю. Но вас – не задерживаю.

– Весьма рассудительно.

Пратт повернулся.

– Ты это о чем?

Геральт взглянул ему в глаза.

– Хотя ты и предпочитаешь думать иначе, ты не слишком-то умен. Но для того, чтобы не пытаться меня остановить – умен достаточно.

* * *

Едва они миновали карстовый провал и доехали до первых придорожных тополей, как Геральт придержал коня, наострив уши.

– Едут за нами.

– Проклятие! – заскрежетал зубами Лютик. – Кто? Бандюки Пратта?

– Не важно кто. Ты – вперед, гони коня что есть мочи к Кераку. Спрячься у кузена. С самого утра ступай с чеком в банк. Потом встретимся в «Под крабом и сарганом».

– А ты?

– Обо мне не беспокойся.

– Геральт...

– Не болтай, а пришпоривай коня. Вперед, гони!

Лютик послушался, склонился в седле и пустил коня в галоп. Геральт развернулся, ожидал спокойно.

Из тьмы вынырнули всадники. Шестеро.

– Ведьмак Геральт?

– Это я.

– Поедешь с нами, – прохрипел тот, что находился ближе прочих. – Только без глупостей, ладно?

– Отпусти поводья, а не то я тебя обижу.

– Без глупостей! – всадник отдернул руку. – И без насилия. Мы – люди закона и порядка. Не какие-то головорезы. Мы по княжьему приказу.

– Какого князя?

– Узнаешь. Езжай за нами.

Они поехали. Князь, вспомнил Геральт, какой-то князь гостил в Равелине, инкогнито, как утверждал Пратт. Дела складывались не лучшим образом. Контакты с князьями редко оказывались приятными. И почти никогда не заканчивались хорошо.

Далеко они не уехали. Лишь до пахнувшей дымом и поблескивавшей огоньками окон корчмы на перекрестке. Вошли в зал, почти пустой, если не считать двоих купцов за поздним ужином. Вход в альков сторожила пара солдат в синих плащах, идентичных по цвету и крою тем, что носил эскорт Геральта. Прибывшие вошли внутрь.

– Ваше княжеское величество...

– Прочь. А ты садись, ведьмак.

Ждавший за столом мужчина был в плаще, схожем с плащами его воинов, только богаче вышитом. Лицо скрывал под капюшоном. Мог этого и не делать. Каганец на столе освещал лишь Геральта, загадочный князь таился в тенях.

– Я видал тебя на арене у Пратта, – сказал он. – Весьма впечатляющее представление. Тот прыжок и удар сверху, усиленный тяжестью тела... Железо – а ведь то был лишь обычный прут – прошло сквозь череп дракона, как сквозь масло. Полагаю, будь это, скажем, боевая рогатина или копье, – и кольчугу прошила б, а то и доспех... Как думаешь?

– Время уже позднее. Никак не подумать, когда сон смаривает.

Мужчина в тени фыркнул.

– Тогда не будем юлить. И перейдем к делу. Ты мне нужен. Ты, ведьмак. Для ведьмачьей работы. И так оно странно складывается, что и я тебе тоже нужен. Может, даже больше, чем ты мне. Я – принц Ксандер, князь Керака. Желаю, и нет сил тому противиться, стать Ксандером Первым, королем Керака. Пока же, к моему сожалению и во вред стране, королем Керака остается мой отец, Белогун. Старик все еще полон сил, может королевствовать, тьфу, пес его дери, хоть и двадцать лет. У меня же нет ни времени, ни охоты ждать так долго. Ха! Даже если б и ждал я, все очень сомнительно, папаня в любой момент может назначить иного наследника, у него богатая коллекция отпрысков. А нынче он собирается заделать очередного, на праздник Ламмас задумал королевскую свадьбу, с помпой и роскошью, на какие только нашей страны хватит. Он – скупердй, который и по нужде под дерево ходит, лишь бы эмаль в ночном горшке побережь, – выделяет на брачный пир гору золота. Подрывая казну. Я стал бы лучшим королем. И проблема в том, что я хочу стать им сейчас. Так быстро, как удастся. И для этого-то ты мне и нужен.

– Среди услуг, которые я оказываю, нет дворцовых переворотов. И нет цареубийств. А полагаю, князь, именно это вы и имели в виду.

– Я хочу сделаться королем. Чтобы я мог им стать, отец мой должен перестать им быть. А братья мои – выпасть из линии наследования.

– Цареубийство плюс братоубийство. Нет, ваше высочество. Я вынужден отказать. Сожалею.

– Неправда, – рявкнул из тени королевич. – Не сожалеешь. Пока еще нет. Но пожалеешь, обещаю.

– Вам, князь, надо бы принять к сведению, что попытки пригрозить мне смертью обычно ничем не заканчиваются.

– А кто здесь говорит о смерти? Я – принц и князь, не убийца. Я говорю о выборе. Моя милость – или моя немилость. Сделаешь, чего желаю – будешь наслаждаться моей милостью. А она, поверь, тебе крайне необходима. Особенно нынче, когда ожидают тебя процесс и приговор за финансовые выкрутасы. Несколько ближайших лет, могу обещать, проведешь у галерного весла. Ты ведь, кажется, уже думаешь, что сумел вывернуться? Что дело твое закрыто, что ведьма Нейд, каприза ради затащившая тебя в постель, отзовет обвинение – и все закончится? Ошибаешься. Альберт Смулька, жупан из Ансегиса, подписал признания. И эти признания тебя утопят.

– Эти признания – ложны.

– Непросто будет сие доказать.

– Доказывать нужно вину. Не невиновность.

– Хорошая шутка. Действительно смешная. Но я на твоём месте не стал бы смеяться. Взгляни-ка сюда. Это, – принц бросил на стол связку бумаг, – документы. Подписанные признания, показания свидетелей. Местность Цизмар, нанятый ведьмак, убитая левкрота. Счет на семьдесят крон, в реальности назначено пятьдесят пять, что сверх – разделено с местным урядником. Сельцо Сотонин, гигантский паук. Убитый, согласно бумагам, за девяносто, фактически же, по показаниям войта, за шестьдесят пять. В Тибергене убита гарпия, насчитано сто крон, в реальности назначено семьдесят. И твои более ранние увертки да мухлежи: вампир из замка Петрельштейн, которого вообще не было, а обошелся он бургграфу в круглых тысячу орен. Волкулак из Гуаамеза, за сто крон якобы расколдованный и магически разоборотниченный, дело куда как подозрительное, поскольку что-то дешево за такое расколдовывание. Эхинопс или, скорее, нечто, что ты принес старосте из Мартинделькампо и назвал эхинопсом. Гули с кладбища в местности Зграгген, которые стоили общине восемьдесят крон, хотя никто не видывал трупов, поскольку оказались они сожраны, ха-ха, другими гулями. Что ты ответишь на это, ведьмак? Это ведь доказательства.

– Господин князь ошибается, – спокойно возразил Геральт. – Это не доказательства. Это фальсифицированные наговоры, к тому же фальсифицированные неумело. Меня никогда не нанимали в Тибергене. О сельце Сотонин я слыхом не слыхивал. А потому все счета оттуда – явные фальшивки, и доказать это будет несложно. А убитые мной гули из Зграггена оказались и вправду сожраны, ха-ха, другими гулями, поскольку именно такие и никакие другие у гулей, ха-ха, обычаи. А похороненные на тамошнем кладбище покойники с той поры обращаются в прах,

непотревоженные, поскольку недобитые гули оттуда ушли. Остальные содержащиеся в этих бумагах бредни я даже комментировать не желаю^[28].

– На основании этих бумаг, – принц положил ладонь на связку, – мы спроворим тебе процесс. Тот затянется на долгонько. Окажутся ли доказательства правдивыми? Кто знает? Какой, в конце концов, будет оглашен приговор? Да кому какое дело! Без разницы. Важна вонь, которая разойдется. И которая станет преследовать тебя до конца дней.

– Некоторые люди, – продолжил он после паузы, – презирали тебя, но принимали по необходимости, как меньшее зло, как убийцу угрожавших им тварей. Кое-кто не выносил тебя как мутанта, чувствуя к тебе отвращение и гадливость, как к существу нечеловеческому. Другие боялись тебя панически и ненавидели из-за своего собственного страха. Все это уйдет в забвение. Слухи об умелом убийце и репутация злого чародея развеются, словно прах на ветру, позабытыми окажутся отвращение и страх. Запомнят тебя исключительно как жадного воришку и мошенника. Тот, кто вчера боялся тебя и твоих заклинаний, кто отводил взгляд, кто сплевывал, завидев тебя, или тянулся за амулетами, завтра заржет и толкнет приятеля локтем. Гляди, вон идет ведьмак Геральт, тот жалкий прохвост и жулик! Если не примешь моего поручения, я уничтожу тебя, ведьмак. Разрушу твою репутацию. Разве что ты согласишься послужить мне. Решайся. Да или нет?

– Нет.

– И не думай, что тебе помогут знакомства, Ферран де Леттенхоф или рыжая ведьма-любовница. Инстингатор не рискнет собственной карьерой, а ведьме Капитул запретит вмешиваться в криминальное дело. Никто не поможет, когда судебная машина втянет тебя между шестернями. Я велел тебе решать. Да или нет?

– Нет. Окончательное «нет», господин князь. И тот, спрятанный в алькове, может уже выйти.

Принц, к удивлению Геральта, фыркнул от смеха. И ударил ладонью в стол.

Скрипнули дверки, из прилегающего алькова вынырнула фигура. Несмотря на темень – знакомая.

– Ты выиграл спор, Ферран, – сказал князь. – За выигрышем обратись завтра к моему секретарю.

– Благодарю вашу княжескую милость, – с легким поклоном ответил Ферран де Леттенхоф, королевский инстингатор, – однако спор я воспринимал исключительно в категориях символических. Дабы подчеркнуть, насколько я уверен в своих резонах. И что дело вовсе не в

деньгах...

– Деньги, которые ты выиграл, – прервал его князь, – для меня тоже лишь символ, точно такой же, как выбитый на них знак новиградского монетного двора и профиль нынешнего иерарха. Знай также, оба знайте: и я – выиграл. Я получил нечто, что полагал утраченным навсегда. Веру в людей. Ферран, Геральт из Ривии, был совершенно уверен в твоей реакции. Я же, признаюсь, считал его человеком наивным. Не сомневался: ты уступишь.

– Все, значит, что-то выиграли, – едко проговорил Геральт. – А я?

– Ты тоже, – князь сделался серьезен. – Скажи ему, Ферран. Объясни, в чем тут дело.

– Его милость князь Эгмунд, присутствующий здесь, – пояснил инстигатор, – на миг попытался перевоплотиться в Ксандера, своего младшего брата. И столь же символически – в остальных братьев, претендентов на престол. Князь подозревал, что Ксандер или кто-то другой из его родни захочет, дабы заполучить престол, воспользоваться попавшим под подозрение ведьмаком. И мы решили нечто подобное... инсценировать. И теперь знаем, что если дойдет до этого на самом деле... Если бы кто-то на самом деле предложил тебе нечто недостойное, ты не поддался бы на княжьи уговоры. И не встал бы на колени под грузом угроз и шантажа.

– Понимаю, – кивнул ведьмак. – И склоняю голову пред талантом. Князь вжился в роль исключительно убедительно. В том, что он говорил мне, в том, что предлагал, я не почуял актерской фальши. Наоборот. Чувствовал только искренность.

– У маскарада была своя цель, – прервал неловкое молчание Эгмунд. – Я ее достиг и не намерен ее тебе объяснять. Но пользу извлечешь и ты. Финансовую. Поскольку я и вправду хочу нанять тебя. И хорошо оплатить услуги. Скажи ему, Ферран.

– Князь Эгмунд, – сказал инстигатор, – опасается покушения на жизнь отца, короля Белогуна, каковое может случиться во время запланированной на праздник Ламмас королевской свадьбы. Князю было бы спокойней, если б в оное время за безопасностью короля следил... некто вроде ведьмака. Да-да, не прерывай, мы знаем, что ведьмаки – это не охранники и не телохранители, что смысл их существования – защита людей от угроз со стороны монстров: магических, сверхъестественных и нечистых...

– Это если по книжкам, – прервал его нетерпеливо князь. – В жизни бывает по-всякому. Ведьмаки нанимались и для охраны караванов, что шли по кишевшим тварями чащобам и глухоманям. Случалось, однако, и так, что вместо чудовищ на купцов нападали обычные грабители, а ведьмаки

оказывались вовсе не прочь порубить и их. У меня есть основания для опасений, что во время пира на короля могут напасть... василиски. Возьмешься охранять его от василисков?

– Это зависит.

– От чего?

– От того, не продолжается ли инсценировка до сих пор. И не стал ли я объектом очередной провокации. Со стороны кого-нибудь из остальных братьев, например. Талант к перевоплощению, я готов поспорить, не редкость в семье.

Ферран вздернул подбородок. Эгмунд рубанул кулаком по столу.

– Не перегибай палку, – рявкнул он. – И не забывайся. Я спросил, возьмешься ли. Отвечай!

– Я мог бы, – кивнул Геральт, – взяться за охрану короля от гипотетических василисков. Однако, увы, в Кераке украли мои мечи. Королевские слуги все еще не сумели напасть на след вора и, похоже, не слишком-то пытаются. А без мечей я никого не смогу защитить. Так что мне придется отказаться по объективным причинам.

– Если мечи единственная проблема, это не вопрос. Мы их отыщем. Верно, господин инстигатор?

– Со всей уверенностью.

– Сам видишь. Королевский инстигатор подтверждает со всей уверенностью. Так что же решим?

– Пусть сперва отыщет мечи. Со всей уверенностью.

– Ну и упертый же ты! Ладно, пусть так. Замечу, что за услуги заплачу – и уверяю, что ты не сочтешь меня скупым. Относительно прочих выгод – кое-что ты получишь сразу, так сказать авансом, как знак моей доброй воли. Твое дело в суде, считай, закрыто. Формальности будут разрешены, бюрократии спешка не ведома, но можешь считать себя персоной вне подозрений и обладающей свободой перемещений.

– Я благодарен безмерно. А признания и показания? Левкрота из Цизмара, волкулак из Гуаамеза? Что с документами? С теми, которыми господин князь воспользовался как... театральным реквизитом?

– Документы, – Эгмунд взглянул ему в глаза, – пока что останутся у меня. В безопасном месте. Со всей уверенностью.

* * *

Когда он вернулся, колокол короля Белогуна как раз известил о

полночи.

Коралл, следует отдать ей должное, при виде его спины сохранила сдержанность и спокойствие. Умела владеть собой. Даже голос у нее не изменился. Почти не изменился.

– Кто это сделал?

– Вигилозавр. Такой ящер...

– Ящер наложил швы? Ты позволил зашивать себя ящеру?

– Швы наложил медик. А ящер...

– Да в гроб того ящера! Мозаика! Скальпель, ножнички и пинцет! Иглу и кетгут! Эликсир Пульхеллум! Отвар алоэ! *Unguentum ortolanil*^[29]. Тампон и легкую повязку! И приготовь синапизм из меда и горчицы! Быстро, девушка!

Мозаика управилась на удивление проворно. Литта приступила к операции. Ведьмак сидел, страдал молча.

– Медикам, которые не разбираются в магии, – процедила чародейка, накладывая шов, – следовало бы запретить практиковать. Разве что – преподавать, не больше. Сшивать трупы после вскрытия, ага. Но к живым пациентам – не подпускать. Однако я, похоже, такого никогда не дождусь, все движется в направлении противоположном.

– Исцеляет не только магия, – рискнул возразить Геральт. – А лечить кому-то нужно. Специализированных магов-целителей – всего горстка, а чародеи лечить людей особо не рвутся. Нет у них времени или же считают, что оно того не стоит.

– И правильно считают. Избыток перенаселения может оказаться фатальным. Что это? Чем это ты поигрываешь?

– Вигилозавра этим означили. Было приложено к его шкуре.

– Ты сорвал это с него в качестве трофея?

– Сорвал, чтобы показать тебе.

Коралл присмотрелась к овальной бронзовой пластинке размером с детскую ладонь. И к выбитым на ней знакам.

– Любопытное стечение обстоятельств, – сказала, приклеивая к его спине горчичник. – Учитывая тот факт, что ты выбираешься именно в ту сторону.

– Выбираюсь? Ах, да, я позабыл. Твои коллеги и их планы относительно моей персоны. Выходит, эти планы конкретизировались?

– Именно. Я получила известие. Тебя просят прибыть в замок Риссберг.

– Меня просят, как волнительно. В замок Риссберг. В обитель славного Ортолана. Просьба, как полагаю, от которой я не могу отказаться.

– Я бы не советовала. Просят, чтобы ты прибыл незамедлительно. Приняв во внимание твои раны, когда ты сумеешь отправиться?

– Это ты мне скажи, медичка. Приняв во внимание мои раны.

– Скажу. Позже... А сейчас... Тебя некоторое время не будет, я стану тосковать... Как ты себя чувствуешь сейчас? Сумеешь ли... Это все, Мозаика. Ступай к себе и не мешай нам. Что должна значить эта твоя улыбка, сударыня? Заморозить ее на твоих губах навсегда?

Интерлюдия

*Лютик. «Полвека поэзии»
(фрагмент черновика, не вошедший в официальное
издание)*

И верно, ведьмак многим мне обязан. И что ни день – то все большим. Визит к Пиралю Пратту в Равелин, который закончился, как вы знаете, бурно и кроваво, принес, однако, и определенный профит. Геральт напал на след похитителя своих мечей. Это отчасти и моя заслуга, поскольку благодаря своей ловкости именно я и направил Геральта в Равелин. А на следующий день именно я, и никто другой, спроворил Геральту новое оружие. Не мог смотреть, как он ходит безоружным. Скажете, что ведьмак никогда не бывает безоружным? Что это обученный любому бою мутант, вдвое сильнее обычного человека – и в десять раз его быстрее? Что он вдобавок еще и магией владеет, своими Знаками, которые суть весьма неслабое оружие? Верно. Но меч – это меч. Геральт все повторял мне, что без меча чувствует себя голым. Вот я его мечом и препоясал.

Пратт, как вы уже знаете, отблагодарил нас с ведьмаком финансово, не слишком щедро, но достаточно. На завтра с утра, как Геральт мне и поручил, я поспешил с чеком в филиал Джанкарди. И отдал чек на инкассацию.

Стою, осматриваюсь. И вижу, как кто-то внимательно приглядывается ко мне. Женщина, не старая, но и не молодка, в одежде изящной и элегантной. Для меня привычен восторженный женский взор, мою мужскую и хищную красоту многие из женщин полагают неотразимой.

Дама вдруг подходит, представляется Этной Асидер и говорит, что знает меня. Эка невидаль, меня все знают, слава обгоняет поэта, куда б он ни направился.

– До меня дошла весть, – говорит она, – о злом происшествии, что приключилось с твоим другом, господин поэт, с ведьмаком Геральтом из Ривии. Знаю, что утратил он оружие и нуждается в новом. Знаю также, как непросто отыскать хороший меч. Так уж случилось, что я подобным мечом располагаю. Остался от мужа-покойника, да смилуются боги над его душою. Как раз я зашла в банк, чтобы оный меч перевести в деньги, поскольку – что вдове с меча? Банк меч оценил и желает принять его на комиссию. Мне же, увы, до крайности надобны живые деньги, так как

следует оплатить долги покойника, иначе загрызут меня верители. И вот...

После слов сих берет дама сверток из адамашки и оный меч из свертка вынимает. Чудо, скажу я вам. Легкий, словно перышко. Ножны изящны, рукоять – в ящеровой коже, эфес золоченый, в рукояти яспис размером с голубиное яйцо. Достаю его из ножен – и глазам своим не верю. На клинке, аккуратно над эфесом, клеймо в виде солнца. А сразу над ним – инскрипция: «Не доставай без причины, не вкладывай без чести». Значит, клинок откован в Нильфгаарде, в Вироледе, месте, славном на весь мир оружейными кузницами. Притрагиваюсь к острию кончиком пальца – словно бритва, говорю вам.

Но поскольку я не лыком шит, вида не подаю, равнодушно гляжу, как выются банковские клерки, а какая-то бабка медные ручки полирует.

– Банк Джианкарди, – говорит вдовушка, – оценил меч в двести крон. На комиссию. Однако если за наличность на руки, отдам за сто пятьдесят.

– Хо-хо, – я ей на то, – сто пятьдесят это изрядный мешок денег. За столько и дом можно купить. Если небольшой. И в предместье.

– Ах, господин Лютик! – заламывает женщина руки и роняет слезы. – Вы смеетесь надо мною. Жестокий вы, милсдарь, человек, так вдову использовать. Но поскольку я в нужде, то пусть уж: отдам за сто.

Таким образом, дорогой мой читатель, проблема ведьмака и была решена.

Мчусь я в «Под крабом и сарганом», Геральт уже там сидит, над яичницей с беконом, ха, наверняка у рыжей ведьмы на завтрак снова были сырок да зеленый лук. Подхожу я и – бах! – меч на стол. Он чуть не подавился. Ложку бросил, оружие из ножен извлекает, осматривает. Лицо – каменное. Но я привык к его мутации, знаю, что эмоции на лице у него не отображаются. Пусть бы даже был полон восторгом – а по нему не увидеть.

– И сколько ты за это отдал?

Хотел я ответить, что не его дело, но вовремя вспомнил, что платил-то я его деньгами. Потому – признался. Он руку мне пожал и ни слова не произнес, выражения лица не изменил. Таков уж он есть. Простой, но искренний.

И говорит мне, что выезжает. Один.

– Предпочел бы я, – предупреждает мои протесты, – чтоб ты остался в Кераке. И держал здесь глаза и уши открытыми.

Рассказывает он мне, что с ним вчера произошло, о своем ночном разговоре с князем Эгмундом. И все время виroleданским мечом поигрывает, как ребенок игрушкой новой.

– Я не планирую, – подводит он итог, – служить князю. И участвовать

в августе в королевской свадьбе телохранителем – тоже не планирую. Эгмунд и твой кузен уверены, что похитителя моих мечей они вскоре схватят. Я же их оптимизма не разделяю. И это, по сути, мне на руку. Окажись у них мои мечи, у Эгмунда был бы на меня крючок. Я предпочитаю добраться до вора сам, в Новиграде, в июле, перед аукционом у Борсоди. Отыщу мечи и больше в Керак ни ногой. Ты же, Лютик, рот держи на замке. О том, что сказал нам Пратт, никто не должен узнать. Никто. Включая твоего кузена-инстингатора.

Я поклялся, что буду нем, как могила. Он же посмотрел на меня странно. Как если бы не до конца доверял.

– А поскольку может оно повернуться по всякому, – продолжил, – то следует обдумать запасной план. И потому мне хотелось бы как можно больше узнать об Эгмунде и его родне, о всех возможных претендентах на трон, о самом короле, о всех королевских родичах. Я хочу знать, что они намереваются делать и что замышляют. Кто с кем заедино, в какие фракции входит и всякое такое. Ясно?

– Литту Нейд, – я на то, – ты, как посмотрю, втравливать сюда не желаешь. И я полагаю, что поступаешь разумно. Рыжеволосая красotka наверняка чудесно разбирается в интересующих тебя делах, но со здешней монархией ее связывает слишком многое, чтобы могла она выказать двойную лояльность – это первое. Второе – не сообщай ей, что ты вскоре исчезнешь и больше не появишься. Потому что реакция может оказаться слишком бурной. Чародейки, как ты уже мог убедиться на практике, не любят, когда кто-то исчезает.

– Относительно же прочего, – пообещал я еще, – можешь на меня положиться. Стану держать глаза и уши открытыми и направлю их куда нужно. А здешнюю королевскую семейку я уже знаю, да и сплетен наслушался вдоволь. Милостиво царствующий Белогун настрогал кучу наследников. Жен менял часто и легко, едва лишь замечал новую, как старая на удивление вовремя покидала сию юдоль, по странному стечению обстоятельств впадая в немочь, против которой медицина оказывалась бессильна. Таким образом, у короля на сегодняшний день четверо законных сыновей, все от разных матерей. О бесчисленных дочках я не упоминаю, поскольку на трон они претендовать не могут. Это – не считая бастардов. Но стоит упомянуть, что все значимые должности и места в правительстве Керака заняты мужьями дочерей, кузен Ферран – исключение. А внебрачные сыновья управляют торговлей и промышленностью.

Ведьмак, смотрю, слушает внимательно.

– Четверо сыновей от законного ложа, – рассказываю я дальше, – это, в

очередности старшинства, первородный, имени не знаю, при дворе его запрещено произносить, после ссоры с отцом выехал, след затерялся, никто его больше не видел. Второй, Эльмер, – удерживаемый под замком умственно отсталый пьяница, оно вроде бы государственная тайна, но в Кераке ее знает всякий. Реальные претенденты – Эгмунд и Ксандер. Ненавидят друг друга, а Белогун умело это использует, удерживает обоих в состоянии неуверенности, в вопросах наследования неоднократно предпочитал дразнить их обещаниями, но давать преимущество кому-нибудь из бастардов. Нынче же по углам шепчутся, будто посулил он корону сыну, что родится от новой супруги, той, на которой он официально женится в Ламмас.

– Я и кузен Ферран, – говорю дальше, – полагаем, однако, что все это пустые обещания, при помощи которых старый хрен пытается склонить юницу к постельным утехам. И что Эгмунд с Ксандером суть единственные реальные наследники престола. И если потребуется *coup d'état*^[30], то выполнит его кто-то из этих двоих. Обоих я узнал – через кузена. Оба они... так мне показалось... склизкие, как говно под майонезом. Если понимаешь, о чем я хочу сказать.

Геральт подтвердил, что понимает. Что и самому так показалось, пока он разговаривал с Эгмундом, только не мог он этого выразить с такой точностью. После чего – глубоко задумался.

– Я скоро вернусь, – говорит он наконец. – А ты здесь действуй и внимательно следи за делами.

– Прежде чем попрощаемся, – я на это, – будь другом, расскажи мне немного об ученице твоей магички. Той, прилизанной. Это воистину бутон розы, чуточку над ним потрудиться – и чудесно расцветет. Потому я подумываю, не посвятить ли ей...

Он же изменился в лице. И как саданет кулаком по столу – аж кружки подпрыгнули:

– Держи лапы подальше от Мозаики, музыкантишка, – так вот он мне, без малейшего уважения. – Выбрось это из головы. Не знаешь, что ученицам чародеек строго-настрого запрещены даже самые невинные флирты? За наименьший проступок такого рода Коралл посчитает ее недостойной обучения и отошлет назад в школу, а это для ученицы жуткая компрометация и потеря лица, я даже слышал о самоубийствах, вызванных подобным. А Коралл шутить не любит! У нее нет чувства юмора.

Я хотел посоветовать, чтобы он попытался пощекотать ей куриным перышком ложбинку меж ягодицами, поскольку таковое действие увеселяет и самых мрачных из дам. Но смолчал, ибо слишком хорошо его

знал. Он не выносит неосмотрительных слов о его женщинах. Даже тех, что на одну ночь. Потому я поклялся честью, что невинность прилизанной адепки вычеркну из своих планов и что даже ухаживать за ней не стану.

– Если уж тебя так подперло, – он на то, повеселев и напоследок, – то, знаешь, я познакомился в здешнем суде с одной госпожой адвокатом. Показалась она мне страстной особой. К ней и подбивай клинья.

Ничего себе. Это что ж, я, значит, должен измерять всю глубину справедливости? С другой стороны...

Интерлюдия

Глубокоуважаемой Госпоже
Литте Нейд
Керак, Верхний Город
Вилла «Цикламен»
Замок Риссберг, 1 июля 1245 г. Р.

Дорогая Коралл,
надеюсь, письмо мое застанет Тебя в добром здравии и настроении. И что все складывается по Твоему желанию.

Спешу сообщить, что ведьмак, именуемый Геральтом из Ривии, решил наконец-то явиться в наш замок. Буквально по прибытию, меньше чем за час, он показал себя раздражающе невыносимым и сумел настроить против себя абсолютно всех, включая Высокочтимого Ортолана, человека, которого любой сочтет воплощением дружелюбия и благорасположения. Слухи, что циркулируют насчет упомянутой персоны, ни в малейшей степени не расходятся с действительностью, а антипатия и враждебность, с каковыми он всюду сталкивается, имеют глубокие основания. Там, однако, где необходимо отдать ему должное, я стану первым, кто сделает это, *sine ira et studio*^[31]. Оная персона – профессионал до кончиков ногтей, и в любом пункте его компетенции на него совершенно можно положиться. Он или исполнит то, ради чего мы его наняли, или падет, исполнить сие попытаюсь, – не может быть в том никаких сомнений.

Оттого цель нашего начинания можно полагать достигнутой, и главным образом – благодаря Тебе, дорогая Коралл. Мы чествуем Твои старания, а на благодарности наши Ты можешь рассчитывать всегда. Рад я предоставить Тебе также и мою особенную благодарность, как Твоего старинного друга – помнящего о том, что нас еедило, и оттого сильнее прочих понимающего Твои жертвы. Разумею, как ты должна была страдать от близости с оной персоной, остающейся средоточием всяческих изъянов, кои тебе приходилось сносить. Проистекающий из глубочайших комплексов цинизм, натура ошечиненная и интровертная, характер неискренний, разум примитивный, интеллект слабый, наглость монструозная. Это не упоминая того факта, что руки у него грубы, а ногти не ухожены настолько, чтобы Тебя не раздражать, дорогая Коралл, а я ведь знаю, как Ты ненавидишь подобные вещи. Но, как и сказано, пришел конец

Твоим беспокойствам, страданиям и заботам, и ничего уже не встанет помехой тому, чтобы отношения с сим субъектом Ты прекратила, разорвав с ним всякие контакты. Тем самым, несомненно, положив конец и дав отпор лживым наветам, распространяемым недоброжелательной молвой, коя ведь Твое притворное и мнимое дружелюбие к ведьмаку превратила едва ли не в подобие романа. Но довольно уж об этом, такие материи недостойны обсуждения.

И наисчастливейшим был бы я из людей, дорогая Коралл, когда б пожелала Ты меня провести в Риссберге. Не следует мне добавлять, что одного слова Твоего, одного кивка, одной улыбки хватило б, чтобы и я из всех сил поспешил к Тебе.

С глубочайшим почтением,

Твой

Пинетти

P. S.: Недоброжелательная молва, о коей я вспоминал, всерьез полагает, будто Твое расположение к ведьмаку коренилось в желании допечь нашей соратнице Йеннефер, якобы все еще ведьмаком заинтересованной. Жалости достойна, полагаю, интриганов тех наивность и невежественность. Ведь повсеместно известно, что Йеннефер остается в горячей связи с неким молодым предпринимателем из ювелирного цеха, а ведьмаком и его мимолетными интрижками озабочена не больше, чем прошлогодним снегом.

Интерлюдия

Глубокоуважаемому Господину
Альджернону Джианкампо
Замок Риссберг
Ex urbe Kerack,
die 5 mens. Jul. anno 1245 n. P.^[32]

Дорогой Пинетти,
благодарю Тебя за письмо, давно Ты мне не писал, что ж, видимо, не было о чем и не было причин.

Трогательна Твоя забота о моих здоровье и настроении, как и о том, все ли идет по моему желанию. С удовлетворением сообщаю, что складывается у меня все так, как складываться должно, прилагаю я к тому все усилия, а всякий, как известно, корабля своего рулевой. Мой же корабль, знай об этом, ведом уверенною рукою сквозь скалы и рифы, голову же я держу высоко, сколько б вокруг ни ярились грозы.

Что же до здоровья, то и вправду все в порядке. Физически – как обычно, психически также – от недавнего времени, с тех пор, как нашлось то, чего так долго мне не хватало. Как сильно сего не хватало, узнала я лишь тогда, когда нехватка устранилась.

Я рада, что ваше дело, требующее участия ведьмака, идет к успешному завершению, гордость наполняет меня за скромное свое в деле том участие. Однако зря ты печалишься, драгоценнейший Пинетти, полагая, что связано сие с беспокойствами, страданиями и заботами. Не было мне настолько худо. Геральт – и вправду истинное средоточие изъянов. Но открыла я в нем – *sine ira et studio* – и преимущества. Немалые преимущества, ручаюсь – не один, увидь он их, оторопел бы. И не один позавидовал бы.

Что до сплетен, слухов, шепотков и интриг, о которых Ты пишешь, драгоценнейший Пинетти, все мы к такому привыкли и знаем, как с оными материями справляться, а правило здесь простое: не обращать внимания. Наверняка ведь помнишь слухи о тебе и Сабрине Глевиссиг во времена, когда нас еще что-то связывало? Я не обратила на них тогда внимания. И тебе советую нынче поступить так же.

Bene vale^[33],
Коралл

Р. S.: Я ужасно занята. Наша вероятная встреча кажется мне невозможной в доступной и предсказуемой будущности.

Глава девятая

По разным волочатся странам, а манеры и настроения приказывают им оставаться безо всяких соратников. Значит сие, что никакой власти, божьей или человеческой, они не признают, что законов и правил никаких не уважают, что полагают себя никому и ничему не подчиняющимися и безнаказанными. По натуре своей будучи обманщиками, живут с воровжбы, каковою простой люд обманывают, служат шпионами, спроворивают фальшивые амулеты, обманные медикаменты, спиртус да наркотики, промышляют такоже и сводничеством, сиречь девок бесстыдно приводят для неучливой утехи тем, кто заплатит. Когда они в нужде, не брезгают нищенствовать иль опускаться до обычного воровства, но милее им мошенничество да обман. Врут простецам, будто бы людей обороняют, будто бы для безопасности ихней чудовищ изводят, но сие тоже – и давно оно доказано – свершают для собственной утехи, поскольку ж убийство для них – лучшее из развлечений. Приуготовливаясь к своим деяниям, якобы некие кощуны свершают чародейские, однако ж оно лишь обман глаза смотрящего за ними. Набожные священники сразу же баламутство и шарлатанство сие раскрыли к вящему стыду оных чертовых прислужников, ведьмаками именующихся.

Аноним.

Монструм, альбо же Ведьмака описание

Риссберг предстал взору ни грозным, ни даже импонирующим. Так, замочек, каких множество, размером средний, ловко вписанный в отвесный склон горы; прижимаясь к скале, светлой стеною контрастировал с вечной зеленью ельника; над шатрами дерев возвышались крыши двух четырехугольных башен, одна повыше, другая – пониже. Окружающая

замок стена не была, как оказалось вблизи, слишком высока, и не венчали ее зубцы, размещенные же по углам и над воротами башенки имели характер скорее декоративный, чем защитный.

Вьющаяся вокруг горы дорога носила следы интенсивного использования. Все потому, что и была используется – весьма интенсивно. Вскоре ведьмаку пришлось обгонять возы, телеги, всадников и пеших. Много путников двигалось и в обратном направлении, от замка. Геральт догадывался о цели паломничества. И оказался прав – все прояснилось, едва он выехал из леса.

Плоскую вершину горы под занавесом стены занимало возведенное из дерева, камыша и соломы местечко – целый комплекс больших и меньших строений да навесов, окруженных плетнями и загородками для коней и скота. Доносился оттуда гомон, а движение царило весьма оживленное, точнехонько как на ярмарке или базаре. Ибо это и была ярмарка, базар, большое торжище, только вот торговали здесь не мелкой животинкой, рыбой или овощами. Выставленным под замком Риссберг товаром была магия – амулеты, талисманы, эликсиры, опиаты, фильтры, декокты, экстракты, дистилляты, благовония, кадила, сиропы, порошки и мази, а к тому же еще и различные напитанные магией предметы, инструменты, домовый инвентарь, украшения, даже детские игрушки. Сей ассортимент и притягивал к замку толпы покупателей. Был спрос – были продажи, и деньги тут, похоже, крутились немалые.

Дорога раздваивалась. Ведьмак свернул на ту, что шла к воротам замка, куда меньше наезженную, чем другая, ведшая посетителей на торговую площадь. Он проехал мощеным предвратьем, все время меж специально поставленными здесь менгирами, в большинстве своем – повыше всадника на коне. Вскоре уткнулся в двери, по типу своему скорее дворцовые, чем замковые, поскольку – с изукрашенными пилястрами и фронтоном. Медальон ведьмака задрожал сильнее. Плотва заржала, стукнула в камень подковой и встала, как вкопанная.

– Личность и цель визита.

Он поднял голову. Скрипучий и пригромыхивающий, но несомненно женский голос доносился, казалось, из широко распахнутых уст изображенной на тимпане головы гарпии. Медальон дрожал, кобылка фыркала. Ведьмак чувствовал странное давление в висках.

– Личность и цель визита, – раздалось вновь из дыры в барельефе. Чуть громче, чем в прошлый раз.

– Геральт из Ривии, ведьмак. Меня ждут.

Голова гарпии издала звук, напоминавший трубный рев. Блокирующая

арку магия исчезла, давление в висках моментально пропало, а кобылка без понуканий зашагала вперед. Копыта стучали о камень.

Он выехал из арки на окруженный галереями *cul-de-sac*^[34]. Сразу же подскочили к нему двое прислужников, парней в рабочей бурой одежде. Один занялся лошадью, второй выступил в роли проводника.

– Туда, господин.

– И всегда у вас так? Такая суета? Там, под замком?

– Нет, господин, – прислужник бросил на него встревоженный взгляд. – Токмо по средам. Среда – торговый день.

Над верхушкой арки очередного портала виднелся картуш, на нем – очередной барельеф, несомненно магический же. Этот изображал пасть амфисбены. Портал перекрывала узорчатая, но крепкая решетка, которая, однако, легко и плавно открылась от толчка прислужника.

Второе подворье было более просторным. И только отсюда стало возможным оценить наконец замок. Вид издали, так уж вышло, оказался обманчив.

Риссберг был намного крупнее, чем могло показаться с первого взгляда. Ибо он вгрызался в горную стену, врезался в нее комплексом домов, зданий суровых и отвратительных, какие обычно не встречались в архитектуре замков. Дома напоминали фабрики – и наверняка ими и являлись. Ибо торчали из них дымовые и вентиляционные трубы. Можно было обонять запах гари, аммиака и серы, можно было ощутить и легкую дрожь скалы – доказательство работы неких подземных механизмов.

Прислужник, прокашлявшись, отвлек внимание Геральта от фабричного комплекса. Ибо они-то шли в другую сторону – к замковой башне, той, что пониже, встающей над постройками более классического, дворцового характера. Внутри все оказалось тоже довольно классическо-дворцовым – пахло пылью, деревом, воском и тряпьем. Было светло – под потолком, сонно, будто рыбы в аквариуме, плавали окруженные сверкающими ареолами магические шары, стандартное освещение чародейских замков.

– Приветствую, ведьмак.

Приветствующими оказались двое магов. Знал он обоих, хотя и не лично. Харлана Тзару показала ему как-то Йеннефер, он – запомнил, поскольку тот, чуть ли не единственный среди магов, брил голову налысо. Альджернона Джианкампо по прозвищу Пинетти^[35] он помнил со времен Оксенфурта. По академии.

– Приветствуем в Риссберге, – произнес Пинетти. – Мы рады, что ты

захотел прибыть.

– Смеешься? Я здесь не по собственной воле. Чтобы принудить меня к прибытию, Литта Нейд впутала меня в преступление...

– Но ведь после из него вытащила, – прервал Тзара. – И щедро вознаградила. Компенсировала дискомфорт с изрядным, хм, привеском. Слухи ходят, что ты по крайней мере неделю как находишься с ней в весьма хороших... отношениях.

Геральт едва совладал со всепобеждающим желанием двинуть ему в морду. Пинетти, похоже, это заметил.

– Рах^[36], – поднял он руку. – Рах, Харлан. Хватит ссор. Давай обойдемся без взаимных колкостей и иронии. Мы знаем, что Геральт относительно нас предубежден, это слышно в каждом его слове. Мы знаем, отчего так вышло, знаем, как завершилось его приключение с Йеннефер. И реакцию окружающих на то приключение. Этого нам не изменить. Но Геральт – профессионал, он сможет быть выше этого.

– Смогу, – саркастически подтвердил Геральт. – Вопрос в том, захочу ли. Перейдем, наконец, к сути дела. Зачем я здесь?

– Ты нам нужен, – сухо произнес Тзара. – Именно ты.

– Именно я. Мне чувствовать себя польщенным? Или же начинать беспокоиться?

– Ты знаменит, Геральт из Ривии, – сказал Пинетти. – Твои дела и деяния нынче повсеместно полагают воистину эффектными и достойными удивления. На удивление наше, впрочем, не слишком-то рассчитывай, мы не настолько скоры к проявлению восхищения, особенно в отношении подобных тебе. Но мы умеем признавать профессионализм и уважать опыт. Факты говорят за себя. Ты, рискнул бы я утверждать, выдающийся... хм...

– Ну?

– Элиминатор. – Пинетти подыскал слово без труда, похоже, заготовил его заранее. – Тот, кто элиминирует угрожающих человеку чудищ и тварей.

Геральт не стал комментировать. Ждал.

– Нашей целью, целью чародеев, тоже являются достаток и безопасность людей. Потому можно вести речь об общности наших интересов. Случайным недоразумениям не следует перечеркивать этого обстоятельства. Недавно дал нам сие понять хозяин замка. И он о тебе слышал. Хотел бы познакомиться лично. Пожелал этого.

– Ортолан.

– Гроссмейстер Ортолан. И его ближайшие помощники. Ты будешь представлен. Позже. Слуги покажут тебе твои комнаты. Освежись после дороги. Отдохни. Мы скоро придем за тобой.

* * *

Геральт думал. Вспоминал все, что когда-либо слышал о гроссмейстере Ортолане. Бывшем, как нынче повсеместно полагали, живой легендой.

* * *

Ортолан был живой легендой, персоной, чрезвычайно заслуженной в чародейском искусстве.

Его страстью являлась популяризация магии. В отличие от большинства чародеев, он полагал, что выгода и польза, вытекающие из сверхъестественных сил, должны быть общим благом и способствовать всеобщему достатку, комфорту и счастливой повседневности. Всякий человек, мечтал Ортолан, должен обладать гарантированным бесплатным доступом к магическим лекарствам и эликсирам. Чародейские амулеты, талисманы и разнообразные артефакты должны сделаться доступными всем и задаром. Привилегиями всякого гражданина должны быть телепатия, телекинез, телепортация и телекоммуникация. Чтобы достичь этого, Ортолан непрерывно что-то изобретал. То есть – создавал изобретения. Порой настолько же легендарные, как и он сам.

Реальность довольно болезненно скорректировала мечтания старого волшебника. Ни одно из его изобретений, должных сделать магию повседневной и демократичной, ни разу не миновало стадию прототипа. Все, что Ортолан придумывал, и что, как идея, было простым, на практике оказывалось невероятно сложным. Чему следовало делаться массовым, оказывалось дьявольски дорогим. Ортолан, однако, не падал духом, фиаско, вместо того, чтобы отвращать его, лишь подталкивали к дальнейшим усилиям. Ведущим к очередным фиаско.

Подозревали – хотя самому Ортолану подобная мысль никогда не приходила в голову, – что причиной неудач изобретателя часто оказывался банальный саботаж. И дело здесь было не в привычной для чародейского братства зависти – по крайней мере не только в ней, – и не в нежелании популяризовать искусство, кое волшебники предпочитали видеть в руках элиты, сиречь, в собственных. Опасались они изобретений военных и смертоносных. И опасались обоснованно. Как у любого изобретателя, у

Ортолана случались периоды увлечения веществами взрывчатыми и зажигательными, бомбардами, бронированными повозками, самопалами, самобоями и отравляющими газами. Условием достатка, доказывал старик, является всеобщий мир меж народами, а мир достигается вооружением. Самый верный метод избежать войны – это ужасать ужасным оружием, и чем оружие ужасней, тем мир крепче и устойчивей. Поскольку же Ортолан к аргументам прислушиваться не привык, в его изобретательской команде скрыли саботажников, которые оные изобретения торпедировали. Почти ни одно из них не увидало света дня. Исключением стал ославленный и ставший предметом многочисленных анекдотов шаромет. Было сие разновидность телекинетической арбалесты с большой емкостью под свинцовые шарики. Шаромет – соответственно с названием – должен был метать шарики в цель очередями. Прототип вышел – о, чудо! – за стены Риссберга, был даже протестирован в какой-то битве. Однако с жалким эффектом. Использувавший изобретение стрелок, спрошенный о пригодности оружия, якобы заявил, что шаромет – он навряде его тещи. Тяжелый, мерзкий, совершенно бессмысленный и ничего более: вот просто взять бы да и утопить в речке. Старый волшебник не стал переживать, когда ему об этом доложили. Шаромет – лишь игрушка, якобы заявил он, а у него уже есть планы на проекты куда более многообещающие, способные уничтожать массово. Он, Ортолан, принесет человечеству мир, пусть даже сперва придется для этого половину человечества повыбить.

* * *

Стену комнаты, куда его ввели, покрывал огромный гобелен, шедевр ткачества, аркадийская вердюра ^[37]. Гобелен портил недостиранный потек, слегка напоминавший большую чернильницу. Некто, прикинул ведьмак, совсем недавно на этот шедевр ткачества, похоже, сблевал.

За столом, что занимал середину комнаты, сидело семеро.

– Мастер Ортолан. – Пинетти легко поклонился. – Позволь представить тебе. Геральт из Ривии. Ведьмак.

Геральта внешний вид Ортолана не удивил. Говаривали, что это самый древний из живущих чародеев. Может, так, может – нет, но уж по крайней мере Ортолан был чародеем, который выглядел как самое что ни на есть ископаемое. Было это странным еще и потому, что никто иной как он сам изобрел прославленный альраунов декокт, эликсир, который чародеи

использовали, сдерживая процессы старения. Сам Ортолан, когда наконец доработал верно действующую формулу магического напитка, не очень-то им сумел воспользоваться, поскольку был к тому времени уже слишком стар. Эликсир предотвращал старение, но, увы, не омолаживал. Именно поэтому Ортолан, хотя издавна принимал лекарство, всё же выглядел древним старцем – особенно на фоне собратьев: преклонных годами чародеев, которые обладали внешностью мужчин в расцвете сил, и поистертых жизнью чародеек, что более напоминали девиц. Лучащиеся молодостью и очарованием чародейки и чародеи с легкой сединой, чьи истинные даты рождения исчезали во мраке истории, берегли секрет эликсира Ортолана как зеницу ока, порой отрицая и само его существование. Ортолана же удерживали в уверенности, что эликсир повсеместно доступен, благодаря чему человечество почти что бессмертно и – как из этого следует – абсолютно счастливо.

– Геральт из Ривии, – повторил Ортолан, теребя клочок седой бороды. – Как же, как же, слышали мы. Ведьмак. Дефенсор, так сказать, защитник, людям от Злого спасенье несущий. Противу всякого чудовищного Зла презерватив и антидот консидированный.

Геральт принял скромное выражение лица и поклонился.

– Как же, как же... – продолжал волшебник, подергивая бороду. – Знаем, знаем. Сил, дабы людей беречь, согласно ассерциям, не щадишь ты, парень, не щадишь. И воистину эстимации достоин твоей процедур, эстимации достойно и ремесло твое. Приветствуем тебя в замке нашем, рады мы, что тебя сюда фатум привел. Ибо хотя сам ты сего можешь и не знати, но вернулся ты, аки птаха во гнездо... Воистину аки птаха. Рады мы и тщим себя надеждою, что и ты рад. А?

Геральт не мог решить, как обращаться к Ортолану. Чародеи не признавали форм вежливости и не ожидали их от других. Однако он не знал, достойно ли подобное обращение к седовласому и седобородому старцу, к живой легенде. Вместо того чтобы отозваться, он снова поклонился.

Пинетти поочередно представил прочих сидевших за столом чародеев. Некоторых Геральт знал. Понаслышке.

Аксель Эспара, больше известный как Аксель Рябой, и вправду имел битые оспой лоб и щеку и не убирал эти следы, как утверждала сплетня, исключительно из чувства противоречия. Майлз Трезевей, с легкой проседью, и Стукцо Зангенис, с проседью более обширной, поглядывали на ведьмака со сдержанным интересом. Интерес Бируты Икарти, умеренно красивой блондинки, казался чуть большим. Тарвикс Сандовал, плечистый,

со статью, скорее, рыцаря, нежели чародея, глядел в сторону, на гобелен, будто удивляясь потоку и размышляя, откуда онный взялся и кто виноват.

Место рядом с Ортоланом занимал самый младший на вид среди присутствующих, Сорель Дегерлунд, длинноволосый и оттого обладавший несколько женственной красотой.

– Мы тоже, – произнесла Бирута Икарти, – приветствуем прославленного ведьмака, защитника людей. Рады тебя приветствовать, поскольку и мы здесь, в этом замке, под ауспием grossмейстера Ортолана трудимся, дабы благодаря прогрессу делать жизнь людей более легкой и безопасной. И для нас достаток людей – цель наиглавнейшая. Возраст grossмейстера не позволяет затягивать аудиенцию. Потому спрошу как полагается: есть ли у тебя какие пожелания, Геральт из Ривии? Есть ли нечто, что мы можем для тебя сделать?

– Благодарю grossмейстера Ортолана – склонился Геральт снова. – И вас, уважаемые. И коль вы предлагаете мне спрашивать... Да, есть нечто, что вы могли бы для меня сделать. Могли бы вы разъяснить мне... это. Эту вещь. Я содрал ее с убитого мною вигилозавра.

Он положил на стол овальную пластину размером с детскую ладонь. С выбитыми на ней знаками.

– RISS PSREP Mk IV/002 025, – прочел громко Аксель Рябой. И передал пластину Сандовалу.

– Мутация, сотворенная здесь, у нас, в Риссберге, – желчно произнес Сандовал. – В секции псевдорептилий. Ящер-охранник. Модель четвертая, серия вторая, экземпляр двадцать пятый. Староват, мы уж давно выпускаем куда лучших. Что тут еще объяснять?

– Он говорит, что вигилозавра – убил, – скривился Стукцо Зангенис. – А значит, не в объяснении здесь дело, а в претензии. Рекламации, ведьмак, принимаем и рассматриваем только от легальных покупателей, исключительно на основании подтверждения купли-продажи. Лишь при таком условии мы обслуживаем и исправляем сбои...

– Гарантия на эту модель давно закончилась, – добавил Майлз Трезевей. – И ни одна не учитывает поломки, случившиеся в результате неосторожного или несообразного с инструкцией обслуживания изделия. Если изделием пользовались недолжным образом, Риссберг не несет ответственности. Никакой.

– А за это, – Геральт вынул из кармана и бросил на стол вторую пластину, – несете вы ответственность?

Вторая пластина была сходных с предыдущей формы и размера, но выглядела потемневшей и покрытой патиной. В бороздки въелась грязь. Но

знаки все еще оставались различимы:

IDR UL Ex IX 0012 BETA.

Установилось долгое молчание.

– Идарран из Уливо, – сказал наконец Пинетти, удивительно тихим и неуверенным голосом. – Ученик Альзура. Я не думал...

– Откуда это у тебя, ведьмак? – Аксель Рябой склонился над столом. – Каким образом ты его раздобыл?

– Ты спрашиваешь, словно не знаешь, – ответил Геральт. – Я выковырял ее из панциря твари, которую убил. И которая успела умертвить по меньшей мере дюжину людей в тамошних окрестностях. По меньшей – поскольку, полагаю, было их куда больше. Полагаю, что убивала она многие годы.

– Идарран... – пробормотал Тарвикс Сандовал. – А прежде Маласпина и Альзур...

– Но это не мы, – сказал Зангенис. – Не мы. Не Риссберг.

– Девятая экспериментальная модель, – задумчиво добавила Бирута Икарти. – Версия «бета». Двенадцатый...

– Двенадцатый экземпляр, – подхватил Геральт не без раздражения. – А сколько их было всего? Скольких создали? Об ответственности вы промолчите, понятно, поскольку это не вы, не Риссберг, вы же – чисты и желаете, чтобы я тому поверил. Но выдайте хотя бы, поскольку наверняка вам это известно, сколько еще подобных тварей прячется в лесах и убивает людей. Скольких еще нужно отыскать. И зарубить. То есть, я хотел сказать: элиминировать.

– Что это, что это? – оживился внезапно Ортолан. – Что там у вас? Покажите! Ах...

Сорель Дегерлунд склонился к уху старика, долго шептал. Майлз Трезевей, предъявив пластину, шептал с другой стороны. Ортолан дернул себя за бороду.

– Убил? – крикнул внезапно тоненьким голоском. – Ведьмак? Уничтожил гениальное творение Идаррана? Убил? Бессмысленно уничтожил?

Ведьмак не выдержал. Фыркнул. Уважение к изрядному возрасту и сединам вдруг оставило его. Он фыркнул снова. А потом засмеялся. Искренне и неудержимо.

Окаменевшие лица волшебников, сидевших за столом, вместо того, чтобы удержать его смех, ввергли его в еще большую веселость. Вот ведь,

подумалось ему, не помню даже, когда я в последний раз смеялся так искренне. Разве что в Каэр-Морхене, вспомнил, да, верно, в Каэр-Морхене. Когда под Весемиром подломилась трухлявая доска в отхожем месте.

– Еще и смеется, сопляк! – выкрикнул Ортолан. – Ржет, словно осел! Неразумный юнец! Подумать только, а я тебя оправдывал, когда прочие напраслину на тебя возводили! Что из того, говорил я, если он к малышке Йеннефер аморы питает? И что из того, если малышка Йеннефер любит его? Сердцу не прикажешь, не трогайте их обоих!

Геральт перестал смеяться.

– А ты что сотворил, глупейший из живодедов? – ярился старик. – Что ты сотворил? Понимаешь ли ты, какой шедевр, какое чудо генетики разрушил? Нет-нет, этого тебе, профану, своим крохотным умишком не уразуметь! Не уразуметь тебе замыслов гениальных! Таких людей как Идарран, и как Альзур, учитель его, кои одарены были гением и экстраординарным талантом! Кои великие чудеса инвентировали и сотворяли, те, что для благодати человечества служить назначены, а вовсе не прибыль и не мамону недостойную в виду имели, не развлечения да забавы, но – прогресс и всеобщее счастье! Однако что б ты в делах таких разумел! Ничего не разумеешь, ничего, ничего, ни крохи!

– И вот что я еще скажу, – продолжал сопеть Ортолан, – ты ведь отцов своих труд неумным убийством опозорил. Потому как се Косимо Маласпина, а после ученик его Альзур, именно Альзур, ведьмаков сотворили. Никто иной, как они мутацию инвентировали, ту самую, благодаря коей тебе подобных креацинировали. Благодаря коей ты существуешь, благодаря коей – по миру ходишь, неблагодарный. Эстимировать бы тебе Альзура, наследников его и творения их – а не уничтожать! Ой... Ой...

Старый волшебник замолчал внезапно, завращал глазами и заохал тяжело.

– Нужно мне на стульчак, – сообщил со стоном. – Нужно мне на стульчак скоренько! Сорель! Милый мальчик!

Дегерлунд и Трезевей сорвались с места, помогли старику встать и вывели из комнаты.

Чуть погода встала и Бирута Икарти. Окинула ведьмака весьма красноречивым взглядом, после чего без единого слова удалилась. За ней, совершенно не глядя на Геральта, направились Сандовал и Зангенис. Аксель Рябой встал, скрестил руки на груди. Смотрел на Геральта долго. Долго и, похоже, без восторга.

– Ошибкой было приглашать тебя, – произнес он наконец. – Я об этом

знал. Тцил, однако, себя надеждою, что сохранишь ты хотя бы видимость сдержанности.

– Ошибкой было принять ваше предложение, – холодно ответил Геральт. – Я тоже знал об этом. Но тцил себя надеждою, что получу ответ на свой вопрос. Сколько еще пронумерованных шедевров на свободе? Сколько еще подобных чудес сотворили Маласпина, Альзур и Идарран? Сколько сотворил их достойный Ортолан? Скольких еще носящих пластины тварей мне придется убить? Мне, ведьмаку, презервативу и антидоту? Я не получил ответа и прекрасно понимаю – отчего. Относительно же сдержанности: а не пошел бы ты в задницу, Эспара?

Выходя, Рябой хлопнул дверью. Аж побелка посыпалась.

– Хорошего впечатления, – оценил ведьмак, – я, похоже, не произвел. Но и не ожидал, что произведу, потому и не разочарован. Хотя это, похоже, еще не конец, верно? Столько сделать, чтобы меня сюда затащить... И чтоб на том все и закончилось? Ну, если так... Найдется в вашем пригороде какой-нибудь постоянный двор с кухней? Могу я уже пойти восвояси?

– Нет, – ответил Харлан Тзара. – Не можешь пойти восвояси.

– Потому что на этом еще ничего не закончилось, – добавил Пинетти.

* * *

Комната, куда его проводили, не была типичным помещением, в каких чародеи привыкли принимать посетителей. Обычно – Геральт успел ознакомиться с тем обычаем – маги давали аудиенции в залах, обставленных весьма строго, порой сурово и угнетающе. И помыслить было нельзя, чтобы чародей принял кого-нибудь в комнате приватной, личной, могущей дать информацию о характере, вкусах и интересах чародея – особенно о роде и специфике используемой им магии.

Однако нынче все было совсем иначе. Стены комнаты украшали многочисленные рисунки и акварели, все эротического, а то и без малого порнографического характера. На полочках красовались модели парусников, радующие глаз точностью деталей. Маленькие кораблики в бутылках раздували миниатюрные паруса. Многочисленные витрины и витринки были полны фигурок солдат, конницы и пехоты, в различных построениях. Напротив входа, также под стеклом, висела препарированная ручьевая форель. Изрядных, как для форели, размеров.

– Садись, ведьмак. – Пинетти, это сразу сделалось ясно, был здесь хозяином. Геральт уселся, поглядывая на препарированную форель. При

жизни рыба, должно быть, весила добрых пятнадцать фунтов. Если не являлась искусно выполненной из гипса имитацией.

– От подслушивания, – Пинетти повел рукой вокруг, – нас защитит магия. Потому можем разговаривать спокойно и, наконец-то, об истинных причинах, ради которых мы завлекли тебя сюда, Геральт из Ривии. Форель, которая так тебя интересует, была поймана на мушку у речки Ленты, весила четырнадцать фунтов и девять унций. Была отпущена живой, в витрине находится ее магически воссозданная копия. А теперь сосредоточься, прошу. На том, что будет сказано.

– Я готов. Ко всему.

– Нам интересно, какой у тебя опыт сражений с демонами.

Геральт приподнял бровь. К этому он готов не был. А ведь еще недавно полагал, будто нечем его удивить.

– А что оно такое – демон? По-вашему?

Харлан Тзара скривился и зябко вздрогнул. Пинетти унял его взглядом.

– В оксенфуртском университете, – сказал, – имеется кафедра сверхъестественных явлений. Мастера магии бывают там с гостевыми лекциями. Каковые касаются, кроме прочего, темы демонов и демонизма, многих аспектов того явления, включая физический, метафизический, философский и моральный. Но, полагаю, мне можно тебе об этом не рассказывать, ты ведь лекции слушал. Я помню тебя, хотя как вольнослушатель ты обычно сидел в заднем ряду. Оттого снова задам вопрос о твоём опыте с демонами. А ты – будь добр ответить. Не морочь нам головы, будь так любезен. И не разыгрывай притворное удивление.

– В моем удивлении, – сухо ответил Геральт, – нет ни крохи притворства, я до боли искренен. И как может не удивлять тот факт, что об опыте, связанном с демонами, задают вопрос мне, обычному ведьмаку, простому презервативу и банальному антидоту. А вопросы задают мастера магии, которые о демонизме и его аспектах читают в университете лекции.

– Ответь на поставленный вопрос.

– Я ведьмак, не чародей. А это значит, что относительно демонов мой опыт не сопоставим с вашим. Я слушал твои лекции в Оксенфурте, Джианкампо. Конечно, то, что долетало до последнего ряда аудитории. Демоны – суть существа из иных, нежели наш, миров. Элементарных Планов... измерений, плоскостей, времяпространства или как там его назвать. Чтобы получить хоть какой-то опыт насчет него, демона нужно сперва вызвать, то есть насильно вытащить из его плана. Свершить сие возможно лишь с помощью магии...

– Не магии, но гоэтии, – прервал его Пинетти. – Разница фундаментальна. И не рассказывай нам то, что мы и так знаем. Ответ на поставленный вопрос. Прошу тебя об этом уже в третий раз. Сам удивляясь своей терпеливостью.

– Отвечаю на вопрос: да, у меня был опыт сражения с демонами. Дважды нанимали меня, чтобы таковых я... элиминировал. Я совладал с двумя демонами. С одним, который вселился в волка. И с другим, который одержал человека.

– Совладал.

– Совладал. И это не было просто.

– Но, однако же, выполнимо, – вмешался Тзара. – Противу того, что утверждают. А утверждают, будто демона вообще невозможно уничтожить.

– Я не утверждал, что когда-либо уничтожал демона. Я убил одного волка и одного человека. Вас интересуют подробности?

– Весьма.

– В случае волка, который средь белого дня загрыз и разорвал одиннадцатерых людей, я действовал совместно со священником – магия и меч, заключив союз, восторжествовали. Когда я после тяжелого боя наконец-то убил волка, сидевший в нем демон вырвался на свободу в образе большого светящегося шара. И уничтожил изрядный кусок леса, кладя деревья покатом. На меня и священника вообще не обратил внимания, корчевал он пуцу в противоположном направлении. А потом исчез – наверняка вернулся в свое измерение. Священник настаивал, будто это его заслуга, дескать, экзорцизмами он экспедировал демона в замирье. Однако я полагаю, что демон ушел, поскольку ему сделалось скучно.

– А второй случай?

– Там вышло интересней. – И он продолжил прежде, чем его поторопили: – Одержимого человека я убил. И ничего. Никаких нарочитых побочных эффектов. Никаких шаров, молний, смерчей, никакого смрада даже. Понятия не имею, что случилось с демоном. Убитого исследовали жрецы и маги, ваши собратья. Ничего не нашли и ничего не решили. Тело сожгли, поскольку процессы разложения начались в свой час, а стояла жара...

Он прервался. Чародеи переглянулись. Лица у них были каменными.

– Как я понимаю, это единственный действенный способ против демона, – произнес наконец Харлан Тзара. – Убить, уничтожить энергумена, сиречь – человека одержимого. Человека, подчеркиваю. Надлежит убить его сразу же, не ожидая и не раздумывая. Рубить мечом, сколько будет сил. И все. Таков ведьмачий метод? Ведьмачий

инструментарий?

– Плохо у тебя выходит, Тзара. Не умеешь. Чтобы кого-то хорошенько оскорбить, не достаточно желания, энтузиазма и запала. Необходим еще и инструментарий.

– *Рах, рах*, – повторно унял ссору Пинетти. – Для нас важны лишь факты. Ты сказал, что убил человека, это твои собственные слова. Ваш же ведьмачий кодекс вроде бы убийство людей запрещает. Убил, утверждаешь ты, энергумена, человека, которого одержал демон. После того факта, то есть, после убийства человека, и тут я снова тебя процитирую, не наблюдалось никаких нарочитых побочных эффектов. Откуда же тогда уверенность, что это не был...

– Хватит, – прервал Геральт. – Довольно, Джианкампо, эти аллюзии ведут в никуда. Хочешь фактов? Прошу, они таковы. Я убил, потому что так было необходимо. Я убил, чтобы спасти жизни других людей. А диспенсию на это в тот раз я получил от закона. Предоставили мне ее поспешно и в довольно громких словах. Высшая необходимость, обстоятельства, исключаящие незаконность запрещенного деяния, пренебрежение одним благом во имя спасения блага иного, угроза реальная и непосредственная. И она, воистину, была реальна и была непосредственна. Жаль, что вы не видывали одержимого вживую, и того, что он вытворял, на что был способен. Я мало знаю о философских и метафизических аспектах демонов, однако их физический аспект воистину подразумевает нарочитые эффекты. Удивительные, поверьте мне на слово.

– Верим, – подтвердил Пинетти, повторно обменявшись с Тзарой взглядами. – Верим весьма и весьма. Поскольку и мы видывали кое-что.

– Не сомневаюсь, – скривил рот ведьмак. – И не сомневался в Оксенфурте, на твоих лекциях. Ясно было, что ты разбираешься в подобных вещах. Теоретический фундамент вполне пригодился мне тогда, с тем волком и человеком. Я знал, в чем там дело. Оба эти случая имели схожую основу. Как ты там говорил, Тзара? Метод? Инструментарий? А это ведь были магический метод и магический инструментарий. Некий чародей заклинаниями призвал демона, силой вытащил его из родного измерения, с очевидным намереньем использовать для своих магических целей. В том и состоит демоническая магия.

– Гоэтия.

– В том и состоит гоэтия: вызвать демона, использовать его, а затем освободить. Так гласит теория. Поскольку на практике случается, что чародеи, вместо того, чтобы после всего освободить демона, магически заключают его в тело некоего носителя. В тело волка, например. Или

человека. Потому как чародей, по примеру Альзура и Идаррана, любит поэкспериментировать. Понаблюдать, что станет демон делать в чужой шкуре, если отпустить его на свободу. Поскольку чародей, подобный Альзуру, – больной извращенец, который радуется и веселится, когда смотрит на сеемую демоном смерть. Так оно и было, верно?

– Всякое бывало, – сказал, растягивая слова, Харлан Тзара. – Неразумно обобщать и низко – вспоминать. Напомнить ли тебе ведьмаков, кои не отступали перед грабежом? Не гнушались наниматься платными убийцами? Мне напомнить тебе психопатов, которые носили медальоны с головой кота и которых тоже радовала сеемая вокруг смерть?

– Господа, – вскинул руку Пинетти, удерживая ведьмака от ответа. – Это не сессия городского совета, потому не соревнуйтесь в попреках об изъянах и патологиях. Разумней, полагаю, посчитать, что никто не совершенен, изъяны есть у всякого, а патологии не чужды и персонам неземным. Как говорят. Сосредоточимся на проблеме, которая стоит перед нами и которая требует решения.

– Гоэтия, – продолжил после длительного молчания Пинетти, – запрещена, поскольку сие процедура безумно опасная. Сам вызов демона, увы, не требует ни большого знания, ни наивысших магических способностей. Хватит владения одним из некромантских гримуаров, а ихто на черном рынке предостаточно. Без знания и умений, однако, овладеть вызванным демоном непросто. Доморощенный гоэт может считаться счастливецом, ежели вызванный им демон попросту вырвется на свободу и сбежит. Многие же заканчивают свою жизнь, будучи разорванными в клочья. Поэтому вызов демонов и любых иных существ из планов стихийных и парастихийных окружен запретами и угрозами суровых наказаний. Существует система контроля, которая гарантирует исполнение запретов. Однако есть место, которое из-под контроля было выведено.

– Замок Риссберг. Разумеется.

– Разумеется. Риссберг нельзя контролировать. Поскольку система контроля над гоэтией, о которой я говорил, была создана именно здесь. В результате выполняемых тут экспериментов. И благодаря проводимым здесь тестам система все еще совершенна. Но у нас проводятся и другие исследования, выполняются другие эксперименты. Различного характера. Здесь исследуют различные вещи и явления, ведьмак. Различные вещи здесь делают. Не всегда легальные, не всегда моральные. Цель оправдывает средства. Такая надпись могла бы висеть над воротами.

– Но под девизом таким, – добавил Тзара, – надлежало бы добавить: «Что возникло в Риссберге, в Риссберге и остается». Эксперименты здесь

производятся под присмотром. Всё контролируется.

– Очевидно, не всё, – едко сказал Геральт. – Поскольку нечто присмотра избежало.

– Избежало. – Пинетти лучился спокойствием. – В замке нынче трудится восемнадцать мастеров. А еще – более полусотни учеников и адептов. Львиную долю этих последних от уровня мастера отделяют лишь формальности. Мы опасаемся... У нас есть основания полагать, что некто из этой большой группы стал развлекаться гоэтией.

– Не знаете, кто именно?

– Не знаем. – Харлан Тзара не моргнул даже. Но ведьмак знал: лжет.

– В мае и в начале июня, – чародей не ждал дальнейших расспросов, – в округе совершили три массовых убийства. В округе – значит здесь, на Плоскогорье, от двенадцати до двадцати миль от Риссберга. Каждый раз случалось это в лесных хуторах, домах лесорубов и прочих работников. В селениях убивали всех обитателей, живым не остался никто. Осмотр тел убедил нас, что эти убийства совершил демон. Вернее, энергумен, носитель демона. Демона, коего вызвали здесь, в замке.

– У нас проблема, Геральт из Ривии. Мы должны ее решить. И рассчитываем, что ты нам в этом поможешь.

Глава десятая

Передача материи – это вещь искусная, утонченная и деликатная, потому, прежде чем приступить к телепортации, я твердо рекомендую облегчиться и опорожнить мочевого пузырь.

Джоффрей Монк. Теория и практика использования телепортационных порталов

Плотва, как обычно, фыркала и шла боком уже при одном виде попоны, в фыркании ее звучали страх и протест. Не любила, когда ведьмак накрывал ей голову. Еще сильнее не нравилось ей то, что наступало вскоре после. Геральт несколько поведению кобылки не удивлялся. Потому что тоже этого не любил. Не приходилось ему, ясное дело, ни дергаться, ни фыркать, но от выражений недовольства в иной форме он не удерживался.

– Воистину удивительна, – не пойми в который раз удивился Харлан Тзара, – твоя аверсия телепортации.

Ведьмак разговора не поддержал. Тзара этого и не ждал.

– Мы высылаем тебя, – продолжил, – уже больше недели, а у тебя всякий раз рожа, как у преступника на эшафоте. Обычные люди – тех я могу понять, для них передача материи это все еще дело страшное и невообразимое. Однако я полагал, что уж ты-то, ведьмак, придерживаешься других воззрений на магию. Нынче ведь не времена первых порталов Джоффрея Монка! Нынче телепортация – вещь повсеместная и совершенно безопасная. Телепорты – безопасны. А телепорты, отворяемые мною, безопасны патентовано.

Ведьмак вздохнул. Не раз и не два случалось ему видывать результаты действия безопасных телепортов, участвовал он и в разборе останков людей, которые телепортом пользовались. Потому-то знал, что заявления о безопасности телепортационных порталов можно класть в тот же ящичек, что и такие заявления, как: «моя собачка не кусается», «мой сынок – хороший мальчик», «этот бигос свежий», «деньги отдам самое позднее послезавтра», «ночь я провела у подруги», «действую исключительно во благо родины», «ответишь всего-то на несколько вопросов и будешь свободен».

Однако не имелось ни выхода, ни альтернативы. Согласно

разработанному в Риссберге плану, заданием Геральта было ежедневное патрулирование избранного региона Взгорья и размещенных там поселений, колоний, жилищ и обиталищ – мест, где Пинетти и Тзара опасались очередного нападения энергумена. Оные поселения рассеяны были по всему Взгорью, порой довольно далеко друг от друга. Геральту пришлось смириться с фактом, что без помощи телепортационной магии результативное патрулирование невозможно.

Портал Пинетти и Тзара для конспирации был создан в глубине комплекса Риссберга, в большом, пустом и умолявшем о ремонте помещении, где смердело тухлятиной, паутина липла к лицу, а высохшие мышинные катышки хрупали под сапогами. При активировании заклинания на стене, покрытой потеками и остатками какой-то скверны, проявлялся огнисто очерченный абрис двери – или, скорее, ворот – и тогда делалось худо. В глазах мигало, потом он переставал видеть, слышать и чувствовать что-либо – кроме холода. Внутри черного ничто, посреди тишины, бесформенности и безвременья холод был единственным, что ощущалось отчетливо, все остальные чувства телепорт выключал и гасил. К счастью, только на долю секунды. Миг этот проходил, реальный мир загорался в глазах, а фыркавшая от страха кобылка была подковами в каменное подложье реальности.

– Лошадь, которая боится, – это понятно, – в очередной раз произнес Тзара. – Однако твой испуг, ведьмак, совершенно иррационален.

Страх никогда не бывает иррациональным, удержался от опровержения Геральт. Если не считать психических расстройств. Это одна из первых вещей, которым учили маленьких ведьмаков. Испытывать страх – хорошо. Испытывать страх – значит, признавать реальность того, чего ты боишься, потому – будешь настороже. Страх не нужно побеждать. Довольно ему не поддаваться. И стоит у него учиться.

– Куда нынче? – спросил Тзара, отворяя лакированную шкатулку, в которой он держал палочку. – В какой район?

– Сухие Скалы.

– К закату солнца постарайся добраться до Яворка. Оттуда мы тебя заберем, я или Пинетти. Ты готов?

– Ко всему.

Тзара повел по воздуху рукою и палочкой, словно дирижировал оркестром, Геральту даже показалось, что он слышит музыку. Чародей произнес нараспев заклинание: длинное, звучащее словно стих. На стене загорелись огнистые линии, соединясь в пылающий четырехугольный абрис. Ведьмак ругнулся тихонько, успокоил трепыхавшийся медальон,

толкнул кобылку шпорами и заставил ее ступить в молочное ничто.

* * *

Чернота, тишина, бесформенность, безвременье. Холод. И внезапная вспышка, и сотрясение, удары копыт о твердую почву.

* * *

Убийства, в которых чародеи подозревали энергумена, носителя демона, совершались в окрестностях Риссберга, на безлюдных просторах Тукайского взгорья, на заросших дремучими чащами отрогах гор, отделявших Темерию от Брюгге. Имя свое отроги получили, как полагали одни, от легендарного героя Тукая, или же, как утверждали другие, по какой-то иной причине. Поскольку других гор в окрестностях не было, обычно говорили просто о Взгорье, и такое же сокращенное название фигурировало на многих картах.

Взгорье тянулось поясом миль в сто и шириной – миль в двадцать-тридцать. В западной части охвачено оно было интенсивным лесным промыслом. Здесь широко раскинулись вырубki, развивались промыслы и ремесла, с лесопильней и обработкой древесины связанные. На пустошах вставляли поселения, колонии, хутора и лагеря людей, лесным делом занятых, постоянно либо сезонно, обустроенные то так-сяк, то более-менее, крупные, средние, маленькие или совсем крохотные. Нынче, как оценивали чародеи, на всем Взгорье лежало под сотню таких поселений.

В трех из них случились боины, после которых никто не уцелел.

* * *

Сухие Скалы, комплекс окруженных густыми лесами невысоких меловых горok, был выдвинутым далеко к западу краем Взгорья и западным же кордоном для патрулирования. Геральт уже бывал здесь прежде, узнал местность. В срубе под лесом выстроен был известковник, большая печь, служившая для обжига скал. Конечным продуктом такого обжига была жженная известь. Пинетти, когда бродили они здесь вместе, объяснял, для чего нужна оная известь, но Геральт слушал вполуха и успел

позабывать. Известь – любая – находилась слишком далеко от сферы его интересов. Но подле печи возникла колония людей, для которых упомянутая известь служила основой существования. Ему же была доверена охрана тех людей. И только это оставалось важным.

Известковщики его узнали, один помахал шапкой. Он ответил на приветствие. Делаю свое, подумал. Делаю то, что должен. То, за что мне платят.

Направил Плотву к лесу. Впереди было каких-то полчаса езды лесной дорогой. Около мили отделяло его от следующего селения. Называвшегося Плохачёва Рубильня.

* * *

За день ведьмак одолевал расстояние от семи до десяти миль – в зависимости от местности означало это посещение от нескольких до десятка поселений и необходимость добраться в условленное место, из которого на закате кто-то из чародеев телепортировал его обратно в замок. Назавтра схема повторялась, но патрулировался следующий район Взгорья. Геральт выбирал районы наобум, остерегаясь рутины и схемы, которую могли бы легко разгадать. Да и задание оказалось довольно монотонным. Но ведьмаку монотонность не мешала, он привык к ней при своем ремесле, в большинстве случаев только терпение, выдержка и последовательность гарантировали удачную охоту на чудовище. До сей поры, кстати – и это тоже имело значение – никто никогда не желал платить ему за его терпение, выдержку и последовательность настолько щедро, как чародеи из Риссберга. Потому не было смысла жаловаться, следовало делать дело.

Даже не слишком веря в успех предприятия.

* * *

– Сразу после моего прибытия в Риссберг, – обратил он внимание чародеев, – вы представили меня Ортолану и всем вашим магам высших рангов. Даже если побиться об заклад, что виновного в гоэтии и резне среди тех высших рангов нет, – уж весть-то о ведьмаке должна была разойтись по замку. Ваш виновник, если он существует, мигом поймет в чем дело, и затаится, прекратит всякую активность. Совершенно. Или переждет, пока уеду, – и тогда ее возобновит.

– Мы инсценируем твой отъезд, – ответил Пинетти. – Твое дальнейшее пребывание в замке будет тайной. Не бойся, существует магия, гарантирующая секретность того, что должно секретом остаться. А мы, уж поверь, умеем использовать такую магию.

– Ежедневное патрулирование, значит, имеет, по-вашему, смысл?

– Имеет. Делай свое дело, ведьмак. Об остальном не волнуйся.

Геральт с иронией пообещал себе не волноваться. Однако сомнения у него остались. И еще он не до конца верил чародеям. Были у него кое-какие подозрения.

Но открывать их он не намеревался.

* * *

На Плохачёвой Рубильне бойко стучали топоры и визжали пилы, пахло свежей стружкой и живицей. Исступленным прореживанием леса занимался здесь Плохач с многочисленной семьей. Старшие члены семьи рубили и пилили, младшие – лишали сваленные деревья веток, самые молодые – носили хворост. Плохач увидал Геральта, воткнул топор в ствол, отер лоб.

– Приветствую, – ведьмак подъехал ближе. – Что у вас? Все в порядке? Плохач смотрел на него хмуро и сумрачно.

– Плохо, – сказал.

– Потому что?...

Плохач долгонько молчал.

– Пилу скрали, – проворчал он наконец. – Скрали пилу! Как оно такое вот, а? Чего вы по порубкам ездите, господин, ась? А Торквиль со своими по лесам на кой лазит, м-м? Типа охороняете, м-м? А пилы скрадывают!

– Я этим займусь, – легко соврал Геральт. – Займусь этим делом. Бывайте.

Плохач сплюнул.

* * *

На следующей Рубильне, на сей раз – Дудковой, все было в порядке, никто Дудку не угрожал и даже ничего не украли. Геральт не стал придерживать Плотву. Он направлялся к следующему поселению. Которое звалось Варильней.

* * *

Перемещение меж поселениями облегчали лесные дороги, разбитые колесами повозок. Геральту часто встречались упряжки: как груженные лесной продукцией, так и пустые, за грузом только направлявшиеся. Встречались и группы пеших странников, движение было неожиданно сильным. Даже в глубине леса редко случалось совершенное безлюдие. Над папоротниками, словно спина нарвала над морскими волнами, вздымался порой зад бабы, на четвереньках собиравшей ягоды или какие иные лесные дары. Меж деревьями порой мелькало неверной походкой нечто, что сошло бы – обличьем и фигурой – за зомби, но в действительности было всего лишь стариком, ищущим грибы. Временами что-то ломало сухостой с безумным криком – были то дети, утеха лесорубов и углежогов, вооруженные луками из веток и бичевы. Удивительно, сколько škоды при помощи сего примитивного инвентаря умели они причинить природе. Пугала мысль, что со временем «утеха» подрастет и возьмется за инвентарь профессиональный.

* * *

Поселение Варильня – где также царил покой, где ничего не мешало работе и не грозило трудящимся, – название свое – как оригинально! – получило от вареного в ней поташа, средства, ценимого в стекольном ремесле и мыловарнях. Поташ, как объяснили Геральту чародеи, получали из пепла древесного угля, каковой в здешних окрестностях выжигали. Геральт проводывал уже – и намеревался провести нынче – местные селенья углежогов. Самое близкое носило название Дубовец, а дорога к нему и вправду вела мимо изрядного скопища огромных, многовековых дубов. Даже в полдень, даже при полном солнце и безоблачном небе, под дубами всегда лежала мрачная тень.

Это именно подле тех дубов неполную неделю назад Геральт впервые повстречал констебля Торквилля и его отряд.

* * *

Когда они галопом вылетели из-за дубов и окружили его, в зеленых

маскирующих одеждах, с длинными луками за спинами, Геральт сперва принял их за Лесничих, членов прославленной охотничьей псевдovoенной организации, которые сами себя называли Стражниками Пущи, а занимались охотой на нелюдей, особенно на эльфов и дриад, и умерщвлением их разнообразными изысканными способами. Бывало, что путников на лесных тропах Лесничие обвиняли в помощи нелюдям или в торговле с ними, а за то и другое с их стороны грозил самосуд, доказать же свою невиновность было непросто. Потому встреча подле дубов обещала опасное столкновение – и Геральт вздохнул с облегчением, когда оказалось, что зеленые всадники не более чем исполняющие свои обязанности стражи закона. Командир, загорелый тип с пронизательным взглядом, назвавшийся констеблем на службе у бейлифа из Горс Велена, резко и безапелляционно потребовал от Геральта назваться, а когда услышал что хотел, пожелал увидеть и ведьмачий знак. Медальон с зубастым волком оказался не просто признанным за доказательство удовлетворительное, но вызвал у стража закона удивление. Уважение его объяло, как, впрочем, и Геральта. Констебль сошел с лошади, попросил ведьмака сделать то же самое и пригласил его для короткой беседы.

– Я – Франс Торквиль, – констебль отказался от притворно-презрительного вида служаки и превратился в человека спокойного и деловитого. – А ты – ведьмак Геральт из Ривии. Тот самый Геральт из Ривии, который месяц назад в Ансегисе спас от смерти женщину и ребенка, убивши чудовище-людоеда.

Геральт стиснул зубы. Он сумел уже позабыть об Ансегисе, о чудовище с пластинкой и о человеке, который погиб там по его вине. Это долго его грызло, потом наконец он сумел убедить себя самого, что сделал столько, сколько сумел, что двоих спас, а тварь больше никого не убьет. Теперь же все вернулось.

Франс Торквиль, похоже, не заметил, как помрачнел при его словах ведьмак. А если заметил, виду не подал.

– Выходит, ведьмак, – продолжил, – мы оба по одной причине по этим буреломам ездим. Скверные вещи с весны происходят на Тукайском взгорье, куда как дурные здесь случились дела. И самое время положить этому конец. После резни в Каблуках я советовал риссбергским чародеям нанять ведьмака. Как видно, они прислушались, хотя обычно слушать не любят.

Констебль снял шляпу и отряхнул ее от иголок и коры. Головной убор у него оказался того же фасона, что и у Лютика, разве только из худшего фетра. И вместо пера белой цапли украшен был пером фазана.

– Уже сколько-то времени я слежу за законом и порядком на Взгорье, – продолжил Торквиль, глядя Геральту в глаза. – Не хвалюсь, но я уже не одного преступника поймал, не одним сухую ветвь украсил. Однако то, что здесь в последнее время творится... Против этого нужен кто-то навроде тебя. Кто-то, кто понимает в чарах и разбирается в монстрах, кто ни чудовища, ни призрака, ни дракона не испугается. И хорошо, вместе станем людей стеречь и охранять. Я – за мою малую зарплату, ты – за деньги чародеев. Много ли, спрошу, платят они тебе за работу?

Пятьсот новиградских крон, переведенных на счет авансом, не собирався признаваться Геральт. За столько-то купили мои услуги и мое время чародеи из Риссберга. Пятнадцать дней моего времени. А после пятнадцати дней, независимо от того, что произойдет, переведут вторую половину. Много. Более чем удовлетворительно.

– Ага, наверняка немало платят. – Франс Торквиль быстро понял, что ответа не дождется. – Средств у них хватает. А тебе вот что скажу: здесь никаких денег много не будет. Потому как паскудное это дело, ведьмак. Паскудное, темное и неестественное. Зло, которое тут безумствовало, из Риссберга пришло, голову дам на отсечение. Наверняка чародеи напутали что-то в этой их магии. Потому как та их магия – словно мешок со змеями: пусть бы и завязали его крепко-накрепко, всегда что-то ядовитое вылезет.

Констебль покосился на Геральта, и одного косого взгляда ему достало, чтобы понять: ведьмак не выдаст ему ничего, никаких подробностей уговора с чародеями.

– Они хоть с деталями тебя ознакомили? Рассказали, что там случилось в Тисе, Каблуках и Роговизне?

– Частично.

– Частично, – повторил Торквиль. – За три дня до Бельтайна, сельцо Тис, убито девять лесорубов. Середина мая, поселение пильщиков в Каблуках, убитых – двенадцать. Начало июня, Роговизна, колония углежогов. Жертв – пятнадцать. Такое вот положение на сегодняшний день, ведьмак. Потому как это не конец. Голову положу – не конец.

Тис, Каблуки, Роговизна. Три массовых убийства. А значит, не несчастный случай на производстве, не демон, который вырвался и сбежал и над которым партач-гоэтий не сумел возобладать. Это преднамеренное, запланированное действие. Кто-то троекратно пленил демона в носителе и трижды послал убивать.

– Я уж много повидал, – констебль заиграл желваками. – Не одно поле боя, не один и не два трупа. Нападения, грабежи, налеты бандитские, кровавая родовая месть и наезды, даже одна свадьба, с которой шестерых

покойников вынесли, включая жениха. Но чтобы сухожилия рассекать, а потом хромым жечь? Чтобы скальпировать? Горла грызть? Живьем рвать, из животов кишки тащить? А потом из отрезанных голов пирамиды составлять? С чем тут, спрашиваю, мы дело имеем? Не выяснили они там, что и к чему, ведьмак?

Для чего же понадобился ведьмак чародеям из Риссберга? Так сильно, что к сотрудничеству пришлось принуждать его шантажом? С любым демоном и с любым носителем чародеи справились бы играючи сами – особо не напрягаясь. *Fulmen sphaericus*^[38], *Sagitta aurea*^[39], два первых попавшихся заклинания среди множества, которыми можно было угостить энергумена с расстояния в сто шагов – и сомнительно, чтобы тот пережил такое приветствие. Но нет, чародеи жаждут ведьмака. Зачем? Ответ прост: энергуменом стал чародей же, собрат, коллега. Кто-то из коллег по ремеслу вызывает демонов, позволяет им войти в себя и отправляется убивать. Сделал он это уже трижды. Но чародеям никак не врезать по коллеге шаровой молнией, не проткнуть золотым копьем. На коллегу нужно ведьмака.

Он не мог и не хотел говорить это Торквилю. Не мог и не хотел повторять того, что сказал чародеям в Риссберге. И на что они даже внимания не обратили. Будто на некую банальность.

* * *

– Вы ведь все это делаете. Все играете с этой, как ее зовете, гоэтией. Выкликаете тех существ, вытягиваете из их измерений, из-за закрытых дверей. С тем же неизменным припевом: мы будем их контролировать, овладеем, заставим слушаться, запряжем в работу. С тем же неизменным оправданием: мы узнаем их секреты, заставим выдать тайны и арканы, благодаря чему многократно усилим собственную магию, станем лечить и исцелять, элиминируем болезни и стихийные бедствия, сделаем мир лучше, а человека – счастливей. И непременно оказывается, что это ложь, что все дело исключительно в собственных силе и власти.

Тзара, как было видно, рвался к отповеди, однако Пинетти его удержал.

– Ну а о существах из-за затворенных дверей, – продолжал Геральт, – тех, которых для удобства мы зовем демонами, вы наверняка знаете то же, что и мы, ведьмаки. В чем мы удостоверились давным-давно, что записано в ведьмачьих протоколах и хрониках. Демоны никогда не откроют вам

никаких секретов или арканов. Никогда не дадут запрячь себя в работу. Они позволяют себя вызвать и привести в наш мир исключительно с единственной целью: потому что желают убивать. Потому что вот это они любят. И вы о том знаете. Но даете им такую возможность.

– От теории, – сказал Пинетти после длительного молчания, – не перейти ли нам к практике? Полагаю, что в ведьмачьих протоколах и хрониках о таковой тоже есть записи. А ждем мы от тебя, ведьмак, не трактатов о морали, но практических решений.

* * *

– Рад был познакомиться. – Франс Торквиль подал Геральту руку. – А теперь за работу, в объезд. Стеречь, людей охранять. В этом наше предназначение.

– В этом.

Уже сидя в седле, констебль наклонился.

– Готов поспорить, – молвил тихо, – что в том, что я тебе скажу, ты и сам отлично осведомлен. Но все же скажу. Будь внимателен, ведьмак. Следи за окрестностями. Откровенничать ты не желаешь, но я-то знаю. Чародеи наверняка наняли тебя, чтоб ты исправил то, что сами они и напортачили, чтобы подчистил мерзость, которую сами они произвели. Но если что пойдет не так, они будут искать козла отпущения. И подумай, кто же им станет?

* * *

Небо над лесом стало темнеть, внезапный ветер зашумел в кронах деревьев. Заурчал далекий гром.

* * *

– Не грозы, так ливни, – сказал Франс Торквиль при очередной их встрече. – Через день гремит да льет. А в итоге все следы, где их ни ищи, дождем размыты. Удобно, да? Словно по заказу. Это тоже отдает, как по мне, чернокнижьем, а точнее Риссбергом. Говорят, маги умеют погоду изменять. Магичный ветер вызвать, а натуральный так заклясть, чтобы дул,

когда захотят. Прогонять тучи, приманивать дождь и град, да и грозы тоже. Когда им это на руку. Чтобы, например, замести следы. А что ты скажешь, Геральт?

– Чародеи и вправду умеют многое, – ответил он. – Погодой они управляли всегда, со времен Первой Высадки, которая якобы не закончилась катастрофой исключительно благодаря чарам Яна Беккера. Но обвинять магов во всех проблемах и невзгодах – это, полагаю, перебор. Ты ведь, в конце концов, говоришь о естественных явлениях, Франс. Просто-напросто такой у нас нынче сезон. Сезон гроз.

* * *

Он поторопил кобылку. Солнце уже клонилось к западу, до сумерек ведьмак намеревался объехать еще несколько селений. Самое близкое из них было колонией углежогов, лежавшей в окoliце, что звалась Роговизной. В первый раз сопровождал его там Пинетти.

* * *

К удивлению ведьмака, урочище, в котором случилась резня, вместо того, чтобы оставаться мрачным и всеми заброшенным, было местом людным и кипящим от работы.

Углежогы – сами себя зовущие дымняками – как раз трудились, возводя новый «кабан», конструкцию для выжигания древесного угля. «Кабан» сей был холмообразно сложенным штабелем дров, причем не беспорядочной кучей, но сооруженным тщательно, бревно к бревну. Когда Геральт и Пинетти въехали на поляну, углежогы как раз обкладывали оный штабель мхом и старательно присыпали землей. Второй «кабан», выстроенный раньше, уже работал, сиречь копил изо всех сил. Вся поляна была затянута едким дымом, резкий смолистый запах свербел в носу.

– Как давно... – ведьмак прокашлялся, – как давно, говоришь, случилось...

– Ровно месяц назад.

– А люди уже здесь работают, как ни в чем не бывало?

– На древесный уголь, – пояснил Пинетти, – огромный спрос. Только древесный уголь при сжигании позволяет поддерживать температуру, делающую возможной плавку металла. Доменные печи под Дорианом и

Горс Веленом без угля не смогли бы работать, а выплавка – важнейшая и наиболее развитая отрасль промышленности. Благодаря спросу углежогство – занятие прибыльное, а экономика, ведьмак, как и природа, не терпит пустоты. Убитых дымняков похоронили вон там, видишь, где курган? Песок свежий, еще желтый. А на их место пришли новые. «Кабан» дымит, жизнь идет своим чередом.

Они спешили. Дымняки не обратили на них внимания, слишком были заняты. Если кто пришельцами и заинтересовался, то это женщины да бегавшие между шалашами дети.

– Именно. – Пинетти угадал вопрос до того, как ведьмак его задал. – Среди похороненных под курганом были и дети. Трое. Три женщины. Девятеро мужчин и подростков. Ступай за мной.

Они вошли между штабелями сушившегося дерева.

– Несколько мужчин, – говорил волшебник, – убили на месте, им размозжили головы. Остальных обездвжили, клинками перерубив сухожилия у стоп. У многих, в том числе и у детей, были вдобавок сломаны руки. Обездвжив, их убили. Разрывали горла, раздирали животы, отворяли грудные клетки. Сдирали со спин кожу, скальпировали. Одной из женщин...

– Хватит, – ведьмак смотрел на черные потеки крови, все еще заметной на березовых стволах. – Хватит, Пинетти.

– Стоит знать, с кем... с чем мы имеем дело.

– Я уже знаю.

– Тогда последняя деталь. Не досчитались нескольких тел. Всем убитым отрубили головы. И сложили их в пирамиду, здесь, аккуратно на этом самом месте. Голов было пятнадцать, тел – тринадцать. Два тела исчезли.

– Согласно почти идентичной схеме, – продолжил волшебник после краткой паузы, – расправились с обитателями двух других поселений, Каблуков и Тисов. В Тисах убиты девять человек, в Каблуках – двенадцать. Я отведу тебя туда утром. А сегодня мы заглянем еще в Новую Смолярню, тут недалеко. Увидишь, как выглядит производство древесной смолы и дегтя. Когда в следующий раз придется тебе что-либо смазывать дегтем, будешь знать, откуда он берется.

– У меня вопрос.

– Слушаю.

– Зачем было вам прибегать к шантажу? Не верили, что я приду в Риссберг по собственной воле?

– Мнения разделились.

– Засадить меня в Кераке в холодную, потом освободить, но

продолжать шантажировать судом – такова была идея? Кто это придумал? Коралл, верно?

Пинетти взглянул на него. Глядел долго.

– Верно, – признал наконец. – Это была ее идея. И ее план. Посадить, освободить, шантажировать. А потом сделать так, чтобы расследование остановили. Она сделала это сразу после твоего отъезда, ты в Кераке нынче чист, словно слеза. Есть у тебя другие вопросы? Нет? Тогда едем в Новую Смолярню, поглядим на деготь. Потом я открою телепорт в Риссберг. Вечером мне хотелось бы еще заскочить с удочкой на речку. Мошка роится, форель жирует... Ты рыбачил когда-нибудь, ведьмак? Нравится тебе рыбная ловля?

– Я ловлю, когда мне хочется рыбы. Всегда вожу с собою леску.

Пинетти долго молчал.

– Леску, – сказал он наконец странным тоном. – С грузилом из куска свинца. С несколькими крючками. На которые ты надеваешь червяков.

– Да. А что?

– Ничего. Не стоило мне спрашивать.

* * *

Он направлялся в Сосницу, очередное селенье, когда лес внезапно замолчал. Онемели сойки, как обрезанные ножом затихли крики сорок, внезапно оборвался стук дятла. Лес замер в ужасе.

Геральт послал кобылку в галоп.

Глава одиннадцатая

Смерть – наш вечный спутник. Всегда ступает слева от нас, на расстоянии вытянутой руки, чуть сзади. Это единственный мудрый советчик, на которого может рассчитывать воин. Если ему покажется, что все идет плохо и что через миг он будет уничтожен, воитель может обернуться к смерти и спросить, так ли это. Смерть тогда ему ответит, что он ошибается, что важно лишь ее прикосновение. «А я еще до тебя не дотронулась», – скажет она.

Карлос Кастанеда. Путешествие в Икстлан

«Кабан» в Соснице поставили рядом с корчевьем, углежогги пустили в ход древесные отбросы, оставшиеся после вырубki. Выжег начался недавно; с верхушки купола, словно из кратера вулкана, бил столп желтоватого и крепко смердевшего дыма. Запах дыма не мог перебить поднимавшегося над поляной смрада смерти.

Геральт соскочил с коня. И выхватил меч.

Первый труп, лишенный головы и обеих стоп, он увидел сразу у «кабана», кровь залила покрывавшую купол землю. Чуть поодаль лежали еще три тела, изуродованные до неузнаваемости. Кровь впиталась в лесной песок, оставив чернеющие пятна.

Ближе к середине поляны, у обложенного камнем очага лежали еще два трупа – мужчины и женщины. У мужчины было порвано горло, разодрано так, что виднелись шейные позвонки. Верхняя часть туловища женщины лежала в кострище, облепленная кашей из перевернутого котла.

Чуть поодаль, возле штабеля дров, лежал ребенок, мальчик лет, может, пяти. Разодранный напополам.

Кто-то – или, скорее, что-то – схватило его за обе ножки и разодрало.

Он заметил и следующий труп, у того был рассечен живот, а кишки вынуты наружу. На всю длину – то есть, где-то сажень толстых и больше трех – тонких. Кишки ровной сине-розовой лентой тянулись от трупа к шалашу из игольчатых веток, исчезали там, внутри.

В шалаше, на лежанке из тряпок, откинулся навзничь худощавый

мужчина. Сразу бросалось в глаза, что месту этому он нисколько не подходит. Богатая одежда покрыта кровью, пропитана ею насквозь. Но ведьмак не заметил, чтобы брызгало, струилось или текло из кровеносных сосудов самого человека.

Геральт узнал его, несмотря на покрытое подсохшей кровью лицо: длинноволосый, худой и слегка женоподобный красавчик, Сорель Дегерлунд, представленный ему на аудиенции у Ортолана. Тогда на нем были эти же обшитый позументами плащ и вышитый дублет; как и прочие чародеи, он сидел за столом и, как и прочие, глядел на ведьмака с плохо скрытым отвращением. А теперь – валялся без памяти, в углежогском шалаше, весь в крови, и на запястье правой его руки были наворачены людские кишки. Вырванные из брюшной полости трупа, что лежал шагах в десяти поодаль.

Ведьмак сглотнул. Зарубить его, подумал, пока без сознания? Этого ожидают Тзара и Пинетти? Убить энергумена? Элиминировать гоэта, развлекавшегося вызовами демонов?

Из задумчивости его вырвал стон. Сорель Дегерлунд, похоже, приходил в себя. Вскинул голову, застонал, снова рухнул на постель. Приподнялся, повел вокруг безумным взглядом. Увидел ведьмака, открыл рот. Взглянул на свой залитый кровью живот. Поднял руку. Увидел, что в ней сжимает. И заорал.

Геральт смотрел на меч, Лютиково приобретение с золоченой гардой. Поглядывал на тонкую шею волшебника. На набрякшие там жилы.

Сорель Дегерлунд отлепил кишки от ладони и отшвырнул прочь. Прекратил вопить, только стонал и трясся. Поднялся, сперва на четвереньки, потом на ноги. Вывалился из шалаша, осмотрелся, заверещал и бросился наутек. Ведьмак схватил его за ворот, остановил и швырнул на колени.

– Что... здесь... – бормотал Дегерлунд, все еще трясась. – Что... Что тут про... произошло?

– Полагаю, ты знаешь.

Волшебник судорожно сглотнул.

– Как... Как я здесь оказался? Ничего... Ничего не помню... Ничего не помню! Ничего!

– Вот в это я не поверю.

– Инвокация... – Дегерлунд закрыл лицо рукою. – Я вызвал... И он появился. В пентаграмме, в меловом кругу... И вошел. Вошел в меня.

– И не впервые, верно?

Дегерлунд захныкал. Чуть нарочито – Геральт не мог избавиться от

такого вот впечатления. Жалел, что не застал энергумена, пока демон его не покинул. Чувство это, понимал он, было иррациональным: он знал, насколько опасным может стать столкновение с демоном, должен был радоваться, что избежал его. Но не радовался. Поскольку тогда знал бы наверняка, что делать.

Отчего же это произошло со мной, подумал он. Отчего не оказался здесь Франс Торквиль со своим отрядом. Констебль действовал бы без сомнений и угрызений совести. Измазанный в крови, пойманный с внутренностями жертвы в кулаке, чародей получил бы петлю на шею и заплясал на первом попавшемся суку. Торквиль не сдержали бы сомнения и колебания. Торквиль не стал бы раздумывать о том, что женоподобный и слабосильный на вид чародей никак не сумел бы жестоко расправиться со столькими людьми да еще за время настолько короткое, что окровавленная одежда не успела ни высохнуть, ни задубеть. Что не сумел бы он разорвать ребенка голыми руками. Нет, у Торквилья не возникли бы сомнения.

Но у меня – возникли.

Пинетти же и Тзара верили, что у меня они возникнуть не могут.

– Не убивай меня... – захныкал Дегерлунд. – Не убивай меня, ведьмак... Я никогда... Никогда больше...

– Заткнись.

– Клянусь, я никогда...

– Заткнись. Ты уже пришел в себя, чтобы использовать магию? Чтобы призвать сюда чародеев из Риссберга?

– У меня есть символ... Могу... Могу телепортироваться в Риссберг.

– Не сам. Вместе со мной. И без фокусов. Подняться не пытайся, останься на коленях.

– Я должен подняться. А ты... Для удачной телепортации тебе следует стоять близко от меня. Очень близко.

– Зачем? Ну, чего ждешь? Вытягивай амулет.

– Это не амулет. Я говорил, это символ.

Дегерлунд распахнул окровавленные дублет и рубаху. На худой груди у него была татуировка, два пересекавшихся кольца. Кольца, усеянных точками разной величины. Немного напоминало схему планетарных орбит, которую Геральт некогда видывал в университете Оксенфурта.

Волшебник произнес певучее заклинание. Кольца засветились голубым, точки – красным. И начали вращаться.

– Сейчас. Стань ближе.

– Ближе?

– Еще ближе. Почти прижмись ко мне.

– Зачем?

– Прижмись и обними меня.

Голос Дегерлунда изменился. Его слезящиеся миг назад глаза мерзко загорелись, а губы отвратительно скривились.

– Да, так хорошо. Сильно и чувственно, ведьмак. Как ты делал для своей Йеннефер.

Геральт понял, к чему все идет. Но не сумел ни оттолкнуть Дегерлунда, ни вмазать ему рукоятью меча, ни хлестнуть клинком по шее. Увы, не сумел.

В глазах его вспыхнул опалесцирующий отблеск. И Геральт мгновенно утонул в черном ничто. В пронзительном холоде, в тишине, бесформенности и безвременьи.

* * *

Приземлились они жестко, пол из каменных плит словно сам прыгнул навстречу. Удар разбросал его и чародея, Геральт даже оглядеться толком не успел. Почуял сильный запах грязи, смешанный с мускусом. Корявые и сильные лапищи подхватили его подмышки и за загривок, без труда сомкнулись на бицепсах, твердые, словно железо, толстенные большие пальцы впились в нервы, в плечевой узел. Он одеревенел, выпустил меч из обессиленной руки.

Перед собой увидал горбуна с мерзкой и усеянной бородавками мордой, с черепом, покрытым реденькими кустиками топорщившихся волос. Горбун, широко расставив кривые ножки, целился в него из огромного арбалета, вернее, из арбалесты с двумя стальными, одна над другой расположенными, дугами луков. Оба направленных на Геральта четырехгранных наконечника были шириной в пару дюймов – и острыми, словно бритвы.

Сорель Дегерлунд встал над ним.

– Как ты уже понял, – сказал, – попал ты не в Риссберг. Попал ты в мое убежище и обитель. В место, где мы, купно с моим мастером, проводили эксперименты, о которых в Риссберге не подозревают. Я, как ты, должно быть, знаешь, Сорель Альберт Амадор Дегерлунд, магистер магус. И я, чего ты пока не знаешь, тот, кто принесет тебе боль и смерть.

Словно ветром сдуло – исчезли нарочитый испуг и наигранная паника, исчезло все притворство. Там, на поляне углежогов, всё было притворством. Перед обвисшим в парализующей хватке корявых лапищ

Геральтом стоял совершенно иной Сорель Дегерлунд. Сорель Дегерлунд триумфатор, преисполненный высокомерия и гордыни. Сорель Дегерлунд, щерящий зубы в злобной ухмылке. Ухмылке, заставлявшей думать о сколопендрах, что протискиваются в щель под дверь. О раскопанных могилах. О белых червях, пирующих в падали. О жирных мясных мухах, что подергивают ножками в тарелках с рассолом.

Чародей подошел ближе. В руке он держал металлический шприц с длинной иглой.

– Я провел тебя, как ребенка, там, на поляне, – процедил он. – И словно ребенок, ты оказался наивен, ведьмак Геральт из Ривии! Хотя инстинкт тебе подсказывал верно, ты меня не убил, поскольку не был уверен. Ибо ты хороший ведьмак и хороший человек. Сказать ли тебе, хороший ведьмак, кто такие хорошие люди? Это те, кому судьба поскупилась дать шанс воспользоваться преимуществами бытия плохих. Или же – иногда – те, кто таковой шанс имел, но оказался слишком глуп, чтоб им воспользоваться. Не важно, к какой группе принадлежишь ты. Дал ты себя обмануть, попал в ловушку, и я гарантирую, что не выйдешь из нее живым.

Он поднял шприц. Геральт почувствовал укол, а сразу после – жгучую боль. Боль пронизывающую, боль, что застила зрение, напружинивала все тело, боль, настолько жестокую, что он с большим трудом сумел удержаться от крика. Сердце заколотилось, словно безумное, учитывая же его обычный пульс, четырехкратно более медленный, чем пульс обычного человека, оказалось это исключительно скверно. В глазах потемнело, мир вокруг закружился, размылся и расплылся.

Его волокли, свет магических шаров танцевал по грубым стенам и потолку. Одна из стен, мимо которых они шли, вся была покрыта потеками крови и обвешена оружием, он приметил широкие искривленные скимитары, серпы, гизармы, топоры, моргенштерны. На всех следы крови. Это использовали в Тесах, Каблуках и Роговизне, отчетливо подумалось ему. Этим убивали углежогов в Соснице.

Он совершенно одеревенел, перестал что-либо ощущать, не чувствовал даже дробящей хватки державших его лапищ.

– Бууууэээх-хххrrrr-ееехxxx-бууууээээх! Буууеех-хеех!

Не сразу понял: то, что слышит, – это радостный гогот. Тех, кто волок его, ситуация, похоже, чрезвычайно веселила.

Шагавший впереди с арбалетом горбун насвистывал.

Геральт почти терял сознание.

Его грубо усадили в кресло с высокой спинкой, и ведьмак наконец-то

сумел увидеть тех, кто его сюда приволок, сокрушая подмышки лапищами.

Он помнил великанского огрокраснолюда Микиту, охранника Пираля Пратта. Эти двое слегка на него походили, могли бы, если прищуриться, сойти за близких родичей. Были такого же роста, так же смердели, так же лишены были шей, так же торчали у них, словно у секачей, из-под нижних губ клыки. Однако Микита был лыс и бородат, эти же двое бород не имели, обезьяньи рожи их покрывала черная шерсть, а макушки яйцевидных голов украшало нечто наподобие взлохмаченной пакли. Глазки были у них крохотные и раскосые, уши большие, острые и отвратительно волосатые.

Одежда их носила следы крови. А дыхание воняло так, словно много дней подряд они жрали исключительно чеснок, говно и дохлых рыб.

– Буюееех! Буюех-хеех-хеех!

– Буэ, Бэнг, хватит веселиться, за работу, оба. Паштор, выйди. Но оставайся поблизости.

Оба великана вышли, топая огромными ножищами. Названный Паштором горбун поспешил следом.

В поле зрения ведьмака появился Сорель Дегерлунд. Переодетый, вымытый, причесанный по-прежнему и женоподобный. Он придвинул стул, сел напротив, спиной к столу, заваленному книгами и гримуарами. Смотрел на ведьмака, нехорошо ухмыляясь. При этом поигрывал медальоном на золотой цепочке, накручивая ее на палец.

– Я угостил тебя, – произнес бесстрастно, – экстрактом из яда белого скорпиона. Скверно, правда? Ни рукой не шевельнуть, ни ногой, ни даже пальцем? Ни моргнуть, ни слюну сглотнуть? Но это еще ничего. Скоро начнутся неконтролируемые подергивания глазных яблок и помутнение зрения. Потом почувствуешь мышечные судороги – судороги и вправду сильные, наверняка у тебя надорвутся межреберные связки. Не сумеешь совладать и со скрежетом зубовным, несколько зубов наверняка сломаешь. Начнется слюноотток и, наконец, трудности с дыханием. Если я не дам тебе антидот, погибнешь от удушья. Но не волнуйся, я дам. Ты выживешь. Пока что. У нас есть время. Но сперва мне хотелось бы насладиться немного тем, как ты синеешь.

– Я следил за тобой, – продолжил он через минутку, – тогда, в последний день июня, на аудиенции. Ты кичился перед нами своей дерзостью. Перед нами, людьми стократ лучшими, чем ты, которым ты и до щиколоток не дорос. Тебя развлекала и возбуждала, я это видел, игра с огнем. Уже тогда я решил показать тебе, что игра с огнем заканчивается ожогами, а вмешательство в дела магии и магов влечет последствия настолько же болезненные. И ты в этом вскоре убедишься.

Геральт пытался пошевелиться, и не мог. Конечности и тело оставались бессильными и бесчувственными. В пальцах рук и ног пробегали неприятные мурашки, лицо было совершенно одеревеневшим, губы – словно зашнурованные. Зрение становилось все хуже, взор его заволакивала и залепляла некая мутная слизь.

Дегерлунд закинул ногу за ногу, раскачивая медальоном. Там был знак, эмблема с голубой эмалью. Геральт все никак не мог ее разглядеть. Видел все хуже. Чародей не обманывал, помутнение зрения усиливалось.

– Дело, понимаешь ли, в том, – нехотя тянул Дегерлунд, – что я планирую высоко подняться в чародейской иерархии. В намерениях и планах этих я опираюсь на Ортолана, известного тебе по визиту в Риссберг и по памятной аудиенции.

Геральту казалось, что язык распухает и заполняет всю ротовую полость. Боялся, что – не только кажется. Яд белого скорпиона смертелен. Сам он никогда не подвергался его воздействию, не знал, как тот повлияет на организм ведьмака. Потому всерьез беспокоился, изо всех сил сопротивляясь убивающему его токсину. Ситуация выглядела скверной. Спасения, похоже, ждать было неоткуда.

– Несколько лет назад, – Сорель Дегерлунд продолжал упиваться звучанием своего голоса, – я сделался ассистентом Ортолана, на должность эту меня назначил Капитул, а утвердил исследовательский коллектив Риссберга. Мне, как и моим предшественникам, следовало шпионить за Ортоланом и саботировать самые опасные из его идей. Месту своему я был обязан не столько магическому таланту, сколько красоте и обаянию. Капитул поставлял старичку именно таких ассистентов, каких тот любил.

– Ты вряд ли знаешь об этом, но во времена молодости Ортолана среди чародеев процветали мизогиния и мода на мужскую дружбу, которая слишком часто превращалась в нечто большее – и даже куда как большее. Так что молодой ученик или адепт, случалось, не имел выбора, ему приходилось выказывать старшим послушание и в этом вопросе. Кое-кому такое не слишком-то нравилось, но терпели они со смиренностью инструмента. А некоторые – и полюбили. К тем последним, как ты уж наверняка догадался, принадлежал и Ортолан. Парнишка, которому тогда вполне подходило его птичье прозвище ^[40], после опытов со своими прецепторами на всю долгую жизнь остался, как говорят поэты, энтузиастом и приверженцем благородной мужской приязни и возвышенных мужских любовей. Проза, как тебе известно, описывает подобные связи куда короче и досадней.

О лодыжку чародея потерялся, громко мурлыча, большой черный кот с хвостом пушистым, словно щетка. Дегерлунд склонился, погладил его, качнул перед ним медальоном. Кот неохотно ткнул в медальон лапкой. Развернулся в знак того, что игра ему скучна, занялся вылизыванием меха на грудке.

– Как ты несомненно заметил, – продолжил волшебник, – моя красота незаурядна, женщины, бывало, звали меня эфебом. Женщин я тоже люблю, но против педерастии, в общем-то, ничего не имел и не имею. С одним условием: если это способствует строительству моей карьеры.

– Мой мужской аффект с Ортоланом чрезмерных жертв не предполагал, старичок-то давно переступил границу возраста, в котором может быть – да и того, в котором хочется. Но я постарался, чтобы остальные думали иначе. Чтобы думали, будто он полностью потерял из-за меня голову. Что нет таких вещей, в которых он отказал бы своему красавчику-любовнику. Что я знаю его шифры, что имею доступ к его тайным книгам и секретным записям. Что одаряет он меня артефактами и талисманами, которых ранее никому не открывал. И что учит меня запрещенным заклятиям. В том числе – и гоэтии. И если еще недавно великие в Риссберге не обращали на меня внимания, теперь внезапно начали уважать, я вырос в их глазах. Поверили, что делаю я то, о чем сами они лишь мечтают. И что я преуспел в этом.

– Ты знаешь, что такое трансгуманизм? Что такое видообразование? Радиационное видообразование? Интрогрессия? Нет? Нечего стыдиться. Я тоже знаю немного. Но все полагают, что – много. Что под присмотром и ауспицией Ортолана я провожу исследования над усовершенствованием рода людского. В основном, чтобы исправить и улучшить. Улучшить человеческую форму, элиминировать болезни и несовершенства, элиминировать старение, бла-бла-бла. Се – цель и задание для магии. Ступать по дороге великих старых мастеров, Маласпины, Альзура и Идаррана. Мастеров гибридизации, мутаций и генетических модификаций.

Известив о своем приходе мявом, снова явился черный кот. Вскочил на колени чародея, потянулся, замурчал. Дегерлунд же ритмично гладил его. Кот замурчал еще сильнее, выпуская когти воистину тигриных размеров.

– Что такое гибридизация – ты знаешь наверняка, поскольку это другое название скрещивания. Процесса получения полукровок, гибридов, бастардов, как ни назови. В Риссберге с этим активно экспериментируют, понаделали уже немеряно всяких уродств, страшилищ да вырожденцев. Немногие из них нашли практическое применение, как, например, очищающий городские свалки псевдорибггер, уничтожающий древесных

вредителей псевдодятел или пожиратель личинок малярийных комаров, мутировавшая гамбузия^[41]. Или вигилозавр, охранный ящер, убийством которого ты хвастался во время аудиенции. Но они полагают все это ерундой, побочными продуктами. Что их интересует на самом деле – гибридизация да мутация людей и гуманоидов. Подобные вещи запрещены, но Риссберг смеется над запретами. А Капитул закрывает на них глаза. Или, что вероятней, продолжает пребывать в благословенном и отупляющем неведении.

– Маласпина, Альзур и Идарран, и это задокументировано, брали к себе в мастерскую небольших и средних размеров существ, чтобы создавать из них гигантов, как те их вины, пауки, кощеи – и бог весть кто еще. И что тогда, спрашивали, мешает взять маленького или обычного человечка и превратить в титана, в кого-то сильного, способного работать по двадцать часов в сутки, кого не тронут болезни, кто, не ослабев, доживет хоть бы и до ста? Известно, что они хотели это сделать, якобы даже и делали, достигали успеха. Но тайну своих гибридов унесли с собой в могилу. Даже Ортолан, который посвятил жизнь изучению их трудов, достиг немногого. Буэ и Бэнг, которые тебя приволокли сюда, – ты к ним присмотрелся? Это гибриды, магические полукровки огров и троллей. Не знающий промаха арбалетчик Паштор? Нет, тот и вправду, так скажу, создан по образу и подобию, совершенно натуральный эффект скрещивания мерзкой бабенки с дурным селянином. Но Буэ и Бэнг, ха, эти вышли прямиком из пробирок Ортолана. Спросишь: кому выгодны такие паскудства, какого беса что-то подобное создавать? Ха, еще совсем недавно я и сам этого не знал. Пока не увидел, как они расправляются с дровосеками и углежогами. Буэ может одним рывком сорвать с плеч голову, Бэнг разрывает мальчика, словно печеного цыпленка. А если дать им оружие поострее, – ха! Тогда развяжут такую бойню, что будьте любезны. Ортолан, если его спросить, станет рассказывать, что гибридизация, типа, это дорога к элиминированию наследственных хворей, болботать об увеличении сопротивляемости инфекционным болезням и всякие прочие старческие благоглупости. Я же знаю свое. И ты знаешь свое. Такие экземпляры, как Буэ и Бэнг, как та тварь, с которой ты сорвал пластинку Идаррана, годятся лишь для одного: для убийства. И это хорошо, поскольку мне как раз требовались для убийства инструменты. В своих собственных возможностях и способностях я был не слишком-то уверен. Как оказалось, вовсе даже зря.

– Но чародеи Риссберга всё скрещивают, проводят мутации и генетические модификации, от рассвета до заката. И изрядно в том

продвинулись, понадевались гибридов таких, что аж дух захватывает. И все они, дескать, гибриды полезные, облегчающие и улучшающие человеческое существование. Мол, уже в шаге они от сотворения женщины с идеально плоской спиной: чтобы натягивать ее сзади и одновременно иметь место для бокала с шампанским или пасьянса.

– Но вернемся *ad rem*^[42], то бишь к моей научной карьере. Мне пришлось, будучи не в силах похвастаться явными успехами, создавать оных успехов видимость. Управился я с легкостью.

– Ты знаешь, что существуют иные, нежели наш, миры, доступ к которым для нас отрезало Сопряжение Сфер? Универсумы, именуемые планами элементов и параэлементов? Населенные существами, которых мы называем демонами? Достижения Альзура *et consortes*^[43] объясняли тем, что они-де получили доступ к оным планам и существам. Что умели тех существ вызывать и делать подневольными слугами, что вырвали у демонов их тайны и знания. Полагаю, это чушь и выдумка, но все в нее верят. А как быть, ежели вера столь сильна? Чтобы сойти за близкого к тайнам мастеров прошлого, мне следовало убедить Риссберг, будто я умею вызывать демонов. Ортолан, который некогда и вправду мастерски проводил гоэтии, не пожелал меня этому искусству учить. Позволил себе до обидного низко оценить мои магические умения и заставил вспомнить, где мое место. Что ж, ради блага собственной карьеры я стану помнить о том месте. До времени.

Черный кот, которому надоело поглаживание, соскочил с коленей чародея. Зыркнул на ведьмака холодными, золотыми, широко раскрытыми глазами. И отошел, задрал хвост.

Геральту дышалось все труднее, он чувствовал рвущие тело судороги, но был не в силах с ними совладать. Ситуация была поганая, и лишь два обстоятельства обещали изменить все к лучшему, давали надежду. Во-первых, он все еще жил, а пока живешь – надеешься, как говаривал в Каэр Морхене его прецептор Весемир.

Вторым обещающим переменить ситуацию обстоятельством были чрезмерно раздутое эго и гордыня Дегерлунда. Волшебник, похоже, обожал свои речи и свою молодость, и была это любовь всей его жизни.

– Не в силах сделаться гоэтом, – рассказывал волшебник, поигрывая с медальоном и все еще наслаждаясь собственным голосом, – я вынужден был гоэта изображать. Создавать видимость. Известно, что вызванный гоэтом демон часто вырывается из пут и сеет смертоубийственный хаос. Вот я и посеял. Несколько раз. Вырезал под корень несколько селений. А

они поверили, что это демон.

– Ты бы удивился, насколько они легковерны! Однажды я отрезал пойманному селянину голову и биodeградируемым кетгутом пришил ему башку огромного козла, замаскировав шов гипсом и краской. А потом продемонстрировал моим ученым коллегам как териоцефала, эффект необычайно трудного эксперимента по созиданию людей со звериными головами, эксперимента, что удался лишь частично, поскольку оный образец не выжил. И они поверили, представь себе. Я вырос в их глазах несказанно! Все еще ждут, когда я создам нечто, что сумеет выжить. Я утверждаю их в этой иллюзии, то и дело пришивая какую-нибудь звериную башку к безголовому трупу.

– Но мы отвлеклись. К чему это я? Ага, к вырезанным селениям. Как я и ожидал, мастера из Риссберга посчитали это действиями демонов или одержимых ими энергуменов. Но я ошибся, перебрал немного. Одним сельцом древорубов никто бы не заинтересовался, да мы-то вырезали несколько. Действовали, главным образом, Буэ и Бэнг, однако ж и я подмогнул в меру сил.

– В той первой колонии, в Тисах или как-то так, я показал себя не наилучшим образом. Когда увидал, что вытворяют Буэ и Бэнг, обрыгался с ног до головы, заблевал весь плащ. Пришлось выбрасывать. Плащ из прекрасной шерсти, отороченный серебристой норкой, стоил почти сто крон! Но потом – шло все лучше и лучше. Во-первых, я одевался поразумней, в рабочем стиле. Во-вторых, я полюбил эти дела. Оказалось весьма приятно: отрубить кому-нибудь ногу и смотреть, как кровь брызгает из культи. Или выдавить глаз. Или вырвать из брюха полную горсть горячих кишок... Итак. Вместе с сегодняшними людишками получается без малого полсотни детородного возраста человек обоих полов.

– Риссберг решил, что меня надобно приструнить. Но как? Они верили в мою силу как гоэта и боялись моих демонов. И весьма опасались рассердить влюбленного в меня Ортолана. Так что решением должен был стать ты, ведьмак.

Геральт дышал неглубоко. И чувствовал нарастающий в нем оптимизм. Видел уже куда лучше, дрожь уходила. У него был иммунитет против большинства известных токсинов, яд белого скорпиона, для обычного смертного убийственный, исключением, к счастью, не являлся. Признаки, сперва явственные, с течением времени слабели и пропадали, организм ведьмака сумел, как оказалось, довольно быстро нейтрализовать яд. Дегерлунд не замечал этого – или же, в гордыне своей, не обращал внимания.

– Я узнал, что они желают натравить тебя на меня. Не стану скрывать, страх меня чуток пробрал, слышал я о ведьмаках то да сё, а о тебе – в особенности. Я – что духу к Ортолану: спасай, мол, мастер мой любимый. Любимый мастер сперва меня отчитал и выругал, что это, дескать, куда как мерзко, убивать дровосеков, что это дурно и чтобы я это в последний раз. Но потом присоветовал, как тебя одурачить и заманить в ловушку. Как подловить, используя телепортационный символ – а его он уже давнехонько лично вытатуировал на моем мужественном торсе. Однако убивать тебя запретил. И не думай, что по доброте. Ему необходимы твои глаза. А именно: нуждается он в *tapetum lucidum*, слое ткани, что выстилает внутреннюю поверхность твоих глазных яблок, ткани, усиливающей и отражающей свет, попадающий на фоторецепторы, благодаря чему ты, подобно коту, видишь ночью и в темноте. Последняя *idée fixe* Ортолана – это дать человечеству возможность кошачьего зрения. Ради достижения столь высокой цели он готов привить к твоим *tapetum lucidum* какие-то мутации, над которыми нынче трудится, а *tapetum* для прививки следует брать от живого донора.

Геральт осторожно шевельнул пальцами и ладонью.

– Ортолан – маг высоконравственный и милосердный, после изъятия глазных яблок он, в своей безмерной доброте, намеревается подарить тебе жизнь. Полагает, что лучше быть слепцом, чем покойником, а еще безмерно боится причинить боль твоей любовнице, Йеннефер из Венгерберга, к которой он относится с большим – удивительно большим в его случае – пиететом. К тому же он, Ортолан, уже близок к открытию магической регенерационной формулы. Через пару-тройку лет ты, дескать, сможешь обратиться к нему, а он тебе глаза вернет. Ты рад? Нет? Ну и правильно. Что? Хочешь что-то сказать? Слушаю, говори.

Геральт сделал вид, будто с трудом шевелит губами. Впрочем, особо притворяться – что с трудом – не приходилось. Дегерлунд привстал с кресла, склонился к нему.

– Ничего не понимаю, – скривился. – Впрочем, мне и дела-то нет, что ты там желаешь сказать. Однако я хотел бы кое-что добавить. Знай, среди моих многочисленных талантов есть талант ясновиденья. И вижу я совершенно ясно, что когда Ортолан вернет тебе, ослепленному, свободу, Буэ и Бэнг будут уже ждать. И ты попадешь в лабораторию – тогда уж ко мне и надолго. Я проведу над тобой вивисекцию. Главным образом развлечения ради, хотя меня слегка интересуется и то, что обнаружится у тебя внутри. Когда же завершу, сделаю то, что в терминологии мясников именуется разделкой туши. Останки твои я буду по кусочку высылать в

Риссберг, предостерегая своих коллег, пусть увидят, что случается с моими врагами.

Геральт собрал все свои силы. Было их немного.

– Что же касается оной Йеннефер, – волшебник склонился еще ближе, ведьмак почувствовал его мятное дыхание, – то меня, в отличие от Ортолана, мысль о том, чтобы причинить ей страдания, радует безмерно. Потому я отчекрыжу тебе тот фрагмент, который она более всего ценила в тебе, и вышлю ей в Венгерб...

Геральт сложил пальцы в Знак и дотронулся до лица волшебника. Сорель Дегерлунд запнулся, осел на стул. Захрапел. Глаза закатились внутрь черепа, голова свесилась с плеч. Цепочка медальона выпала из безвольных пальцев.

Геральт вскочил – вернее, попытался вскочить, ибо единственное, что ему удалось, это выпасть из кресла на пол, головой к сапогам Дегерлунда. Перед самым носом лежал оброненный волшебником медальон. На золотом овале синел эмалированный дельфин *nageant*. Герб Керака. Не было времени удивляться и задумываться. Дегерлунд начал громко хрипеть, понятно было, что вот-вот проснется. Знак Сомнэ подействовал, но едва-едва и ненадолго, поскольку ведьмак был слишком ослаблен ядом.

Он поднялся, придерживаясь за стол, смел книги и свитки.

В комнату ворвался Паштор. Геральт даже не пытался использовать Знак. Схватил со стола оправленный в кожу и бронзу гримуар, рубанул им горбуна по горлу. Паштор с размаху уселся на пол, выпустил арбалесту. Ведьмак рубанул снова. И повторил бы опять, но инкунабула выскользнула из одеревеневших пальцев. Он схватил стоявший на книгах графин и разбил об голову Паштора. Горбун, хоть был залит кровью и красным вином, не сдавался. Он бросился на Геральта, даже не стряхнув с век стеклянного крошева.

– Буэээ! – орал, хватая Геральта за колени. – Бэеенг! Ко мне! Ко мн...

Геральт ухватил со стола еще гримуар: тяжелый, инкрустированный фрагментами человеческого черепа. Ударил горбуна так, что от оправы отлетели куски костей.

Дегерлунд захрипел, пытаясь вскинуть руку. Геральт понял, что тот желает наложить заклятие. Приблизившееся громоуханье тяжелых ног свидетельствовало: Бэнг и Буэ уже на подходе. Паштор вставал с пола, шарил руками вокруг себя, искал арбалесту.

Геральт увидел на столе свой меч, схватил его. Покачнулся, едва не упал. Сцапал Дегерлунда за воротник, приложил ему клинок к глотке.

– Твой символ! – крикнул ему в ухо. – Телепортируй нас отсюда!

Буэ и Бэнг, вооруженные, столкнулись в дверях и завязли в них, застряли. Ни один и не думал о том, чтобы уступить другому. Фрамуга трещала.

– Телепортируй нас! – Геральт схватил Дегерлунда за волосы, запрокинул ему голову назад. – Давай! А то глотку перережу!

Буэ и Бэнг выпали из двери купно с фрамугой. Паштор подхватил арбалесту, вскинул...

Дегерлунд дрожащей рукой распахнул рубаху, выкрикивая заклинание, но прежде чем их охватила тьма, вырвался из хватки ведьмака и оттолкнул его. Геральт ухватил чародея за кружевной манжет и попытался притянуть поближе, но в этот момент портал сработал и все ощущения, в том числе осязание, исчезли. Он почувствовал, как некая стихийная сила всасывает его, дергает им и крутит, словно водоворот. Холод парализовал. На миг. Один из длинейших и мерзнейших мигов в его жизни.

Он ударился о землю, аж гул пошел. Упал навзничь.

Открыл глаза. Вокруг царила черная тьма, непроглядный мрак. Я ослеп, подумалось. Лишился зрения?

Но нет. Просто-напросто, стояла темная ночь. Его – как учено назвал это Дегерлунд – *tapetum lucidum* начал действовать, уловил весь свет, какой только возможно было уловить. Через миг-другой ведьмак уже распознавал вокруг абрисы каких-то коряг, стволов да кустарника.

А над головой, когда тучи рассеялись, увидел звезды.

Интерлюдия

Назавтра

Следовало признать: строители из Финдетанна знали толк в своем ремесле и не ленились. И хотя Шевлов уже пару раз видел их за работой, он продолжал с интересом наблюдать, как устанавливают очередной копёр. Три соединенные балки составляли «козлы», к торцу которых было подвешено колесо. Через колесо перебрасывали веревку, а к той прилаживали массивную окованную колоду, которую строители промеж собой именовали «бабой». Ритмично покрикивая, они тянули за веревку, поднимая «бабу» к самому верху «козел», после чего отпускали. «Баба» с разгону рушилась на привоткнутый в ямку столп, вбивая его глубоко в землю. Хватало трех, самое большее четырех ударов «бабы», чтобы столп встал, как влитой. Строители мигом разбирали копёр и грузили части в повозку, а тем временем один из них поднимался по лестнице и прибывал к столпу эмалированную бляху с гербом Редании – серебряным орлом на красном поле.

При содействии Шевлова и его вольного отряда – как и при содействии копров с их обслугой – провинция Приречье, входившая в состав королевства Редании, увеличила нынче свою территорию. И увеличила изрядно.

Мастер строителей подошел, отирая шапкой пот со лба. Взопрел, хотя только и делал, что обкладывал всех «матюгами». Шевлов знал, о чем мастер спросит, поскольку это повторялось вновь и вновь.

– Следующий – где?

– Покажу. – Шевлов развернул коня. – Давайте за мной.

Возчики стеганули волов, машинерия строителей сонно двинулась хребтом взгорья, по земле, несколько размокшей после вчерашней грозы. Вскоро они оказались подле очередного столпа, украшенного черной бляхой с нарисованной лилией. Столп уже лежал, оттянутый в кусты, отряд Шевлова успел об этом позаботиться. Вот так побеждает прогресс, подумал Шевлов, вот так берет верх техническая мысль. Установленный вручную темерийский столп выдергивается и выбрасывается за пару минут. Вбитый копром столп реданский так просто из земли не выдернуть.

Он махнул рукой, указывая строителям направление. Несколько стайе к югу. За деревню.

Обитателей деревни – если несколько изб да сараев заслуживали этого названия – всадники из отряда Шевлова уже согнали на площадь, а сами кружили вокруг, вздымая пыль, напирали на согнанных лошадьми. Эскайрац, как всегда горячий, не жалел бича. Другие гоняли конно по дворам. Собаки лаяли, бабы голосили, дети орали.

К Шевлову подъехали на рысях несколько всадников. Худой, словно щепка, Йан Малькин, прозванный Кочергой. Просперо Басти, больше известный как Сперри. И – на сивой кобылке – Айлех Мор-Гу, прозываемая Юлой.

– Собрали, как ты и приказал, – сказала Юла, сдвигая на затылок рысий колпак. – Все село.

– Утихомирьте их.

Согнанные притихли, не без помощи нагаек и палиц. Шевлов подъехал ближе.

– Как называется эта дыра?

– Воля.

– Снова Воля? Ни на грош фантазии у хамов. Сперри, води строителей дальше. Покажи им, где вбивать столп, а то опять перепутают.

Сперри свистнул, развернул коня. Шевлов подъехал к согнанным. Юла и Кочерга замерли рядом с ним.

– Жители Воли! – Шевлов привстал в стременах. – Ну-ка, послушали меня! По повелению и приказу его величества, милостиво правящего короля Визимира, сообщаю, что отныне земля эта, аж до пограничных столпов, принадлежит королевству Редании, а его величество король Визимир является вашим монархом и господином! Ему вы обязаны оказывать честь, послушание и ему должны выплачивать дань. А с выплатами и налогами не торóпитесь! По приказу короля, долг свой следует вам вернуть тотчас же. В шкатулку присутствующему здесь законнику.

– Как же оно? – крикнул кто-то из толпы. – Как же – платить? Мы ведь платили уже!

– Дань-то с нас мытари уж содрали!

– Содрали с вас законники темерийские. Нелегально, потому как здесь – Редания, а не Темерия. Поглядите, где столпы-то стоят.

– Но вчера ведь еще, – завыл кто-то из поселян, – тута Темерия была! Как же оно так? Я-ить, как и велено, заплатил...

– Права не имеете!

– Кто? – заорал Шевлов. – Кто там рот раскрыл? Я право имею! У меня приказ королевский! Мы – войско королевское! Говорю: кто хочет здесь на

хозяйстве остаться, должен дань заплатить до гроша последнего! Кто противится – того выгоню! Заплатили Темерии? Значится, темерийцами себя считаете! Тогда – прочь пошли, прочь, за границу! Но с тем лишь, что в руках унесете, поскольку хозяйство и скот – Редании принадлежат!

– Разбой! Разбой это и грабеж! – крикнул, ступив вперед, ражий мужчина с буйным чубом. – И вы – не войско королевское, а разбойнички! Права не имею...

Эскайрац наехал и хлестнул крикуна бичом. Крикун упал. Остальных успокоили древками копий. Отряд Шевлова умел справляться с селянами. Сдвигали границу вот уже неделю и замирили не одно село.

– Скачет кто-то, – ткнула нагайкой Юла. – Не Фиш ли, а?

– Он, – глянул из-под руки Шевлов. – Прикажи чудачку с воза стянуть и сюда притащить. Сама возьми пару парней, проедьтесь по окoliце. Тут хуторяне сидят по полям да срубам, надобно им тоже дать уразуметь, кому они теперь ренту платить должны. А кто возникать станет – знаешь, что делать.

Юла оскалилась по-волчьи, блеснула зубами. Шевлов посочувствовал хуторянам, которых она отыщет. Хотя их судьба мало его заботила.

Он глянул на солнце. Спешить надобно, подумал. До полудня надо успеть еще несколько темерийских столпов повалить. И вбить несколько наших.

– Ты, Кочерга, со мной. Выедем гостям навстречу.

Гостей было двое. У одного – соломенная шляпа на голове, четко очерченные скулы и выступающий подбородок, а вся морда – в несколькодневной щетине. Второй был мужиком воистину богатырского сложения.

– Фиш.

– Господин сержант.

Шевлова передернуло. Явиль Фиш – неспроста – взывал к давнему их знакомству, ко временам совместной службы в регулярном войске. Шевлов не любил вспоминать о тех временах. Не хотел помнить ни о Фише, ни о дерьмовом окладе младшего офицера.

– Вольный отряд. – Фиш кивнул в сторону села, откуда все еще доносились вопли и плач. – За работой, как я погляжу? Карательная экспедиция, да? Жечь станешь?

– Мое дело, что стану.

Не стану, подумал он. С жалостью, поскольку жечь села он любил, да и отряд – тоже. Но приказа не было. Приказали границу подправить, с селян дань взять. Кто станет сопротивляться – гнать взащей, но добра не

трогать. Новым поселянам послужит – тем, кого сюда пригонят. С севера, где даже в пригорье тесновато.

– Чудачку я поймал, у меня она, – заявил. – Как заказывали. Связанная. Непросто было, знай я заранее, больше бы запросил. Но условились мы на пятьсот, потому пятьсот и стоит.

Фиш кивнул, великан подъехал, вручил Шевлову два кошель. На предплечье у него была вытатуирована змея, обернувшаяся в «S» вокруг кинжального клинка. Шевлов знал эту татуировку.

Появился один из отряда, с пленницей. На голове у чудачки был мешок – до самых колен, обвязанный шнуром так, чтобы спеленать и руки. Из-под мешка торчали голые ноги, худые, словно палочки.

– Это что? – указал Фиш. – Дорогой мой господин сержант? Пятьсот новиградских крон – многовато за кота в мешке.

– Мешок – в подарок, – холодно произнес Шевлов. – Как и хороший совет. Не развязывай и внутрь не заглядывай.

– Почему это?

– Есть риск. Покусает. А может и морок навести.

Валигора втянул пленницу в седло. Спокойная до сей поры, чудачка забилась, задрыгалась, заскулила из-под мешка. Не очень-то ей это помогло, мешок прекрасно ее удерживал.

– И откуда я знаю, – спросил Фиш, – что она – та, кто мне надобен? А не какая-нибудь случайная девка? Хотя б и из того вон сельца?

– В обмане меня обвиняешь?

– С чего бы, с чего бы, – пошел на попятный Фиш, поглядывая на Кочергу, поглаживавшего обушок притороченного к седлу топора. – Я тебе, Шевлов, верю. Не сомневаюсь, твое слово – камень. Мы ж друг друга знаем, верно? В старые-то добрые времена...

– Я спешу, Фиш. Долг зовет.

– Бывай, сержант.

– Интересно, – отозвался Кочерга, глядя на уезжающих. – Интересно, зачем им она. Та чудачка. Ты не спросил.

– Не спросил, – холодно согласился Шевлов. – Потому что о таком не спрашивают.

Он слегка сочувствовал чудачке. До ее судьбы дела ему не было. Но догадывался, что ничего хорошего ее не ждет.

Глава двенадцатая

В мире, где смерть ведет охоту, нет времени на угрызения совести или на колебания. Времени хватит лишь на принятие решения. Все равно какого, ни одно не будет иметь большее или меньшее значение, чем другие. В мире, где смерть ведет охоту, нет решений важных и не важных. Есть лишь решения, принимаемые воином перед лицом неминуемой гибели.

Карлос Кастанеда. Колесо времени

На перекрестке стоял указатель, столп, с прибитыми к нему досками, направленными ко всем четырем сторонам света.

* * *

Рассвет застал Геральта там, где он упал, выброшенный из портала, – на мокрой от росы траве, в зарослях подле болотца или озерка, над которым кружили стаи птиц, чье гоготанье да крикание и вырвало его из тяжелого, мучительного сна. Ночью он выпил ведьмачий эликсир, который предусмотрительно всегда носил при себе, в серебряной трубочке, вошитом в пояс тайничке. Эликсир, называемый «иволгой», считался действенной панацеей, особенно от всякого рода отравлений, заражений и последствий воздействия ядов и токсинов. Геральт уже и не упомянул бы, сколько раз спасался «иволгой», однако никогда прием эликсира не приводил к таким последствиям, как нынче. Приняв «иволгу», он около часа сражался с судорогами и необычайно сильными позывами к рвоте, прекрасно понимая, что рвоту-то допускать никак нельзя. В результате, хотя битву и выиграл, но, измученный, впал в глубокий сон. Который мог оказаться результатом воздействия как суспензии скорпионьего яда, так и принятого эликсира, а то и телепортационного путешествия.

Насчет же путешествия – ведьмак не совсем понимал, что именно случилось, как и почему открытый Дегерлуном портал выбросил его именно сюда, на эту болотистую пустошь. Сомневался, что был то осознанный поступок волшебника, куда вероятней – обычная

телепортационная авария, что-то, чего Геральт опасался вот уже с неделю. То, о чем он множество раз слышал и чему несколько раз был свидетелем – когда портал, вместо того, чтобы переслать пассажира куда следует, выбрасывал куда ни попадя, в место абсолютно случайное.

Когда он пришел в себя, в правой руке сжимал меч, а в левом кулаке – кусок ткани, утром идентифицированный им как манжета рубахи. Ткань обрезана ровненько, словно ножом. Однако без следов крови, а значит, телепорт отсек не руку – только саму рубаху. Геральт жалел, что дело ограничилось лишь нею.

Худшую аварию портала, такую, что навсегда отвратила его от телепортации, Геральт повидал в начале своей ведьмачьей карьеры. Среди нуворишей, богатых господинчиков и золотой молодежи тогда царила мода переноситься с места на место, а кое-кто из волшебников за баснословные суммы готов был им такое развлечение обеспечить. Однажды – ведьмак как раз при том присутствовал – пересылаемый любитель телепортации появился в портале, разделенный точнехонько по вертикальной оси. Выглядел как распахнутый футляр контрабаса. А потом из него все выпало и вылилось. После того случая интерес к телепортам ощутимо снизился.

По сравнению с чем-то подобным, подумалось ему, приземлиться на трясине – счастливый случай.

Силы еще не вернулись к нему, ведьмак по-прежнему чувствовал головокружение и тошноту. Отдохнуть, однако, времени не было. Он знал: порталы оставляют следы, у волшебников есть методы, позволяющие отслеживать путь телепорта. Однако если причиной оказался, как он подозревал, дефект портала, отследить маршрут было почти невозможно. Но, так или иначе, слишком долго оставаться на месте приземления неразумно.

Он двинулся скорым шагом, чтобы разогреться и расходиться. С мечей началось, думал он, шлепая по лужам. Как там говаривал Лютик? Череду несчастливых совпадений и злополучных инцидентов? Сперва я лишился мечей. Не прошло и трех недель, как лишился лошади. Оставленную в Соснице Плотву, если ее никто не найдет и не присвоит, наверняка съедят волки. Мечи, кобыла. Что дальше? Страшно подумать.

Спустя час, переправившись через трясину, он выбрался к сухим местам, а спустя второй час – вышел на твердый шлях. А через полчаса марша шляхом добрался до перекрестка.

На перекрестке стоял указатель, столп, с прибитыми к нему досками, направленными ко всем четырем сторонам света. Все были загажены перелетными птицами и густо продырявлены арбалетными стрелами. Всякий проезжий, казалось, полагал своим долгом выстрелить в указатель из арбалета. Потому, чтобы прочесть надписи, следовало подойти вплотную.

Ведьмак подошел. И расшифровал направления. Доска, указующая на восток – согласно положению солнца – носила надпись «Хиппира», противоположная направляла на Тегмонд. Доска третья указывала дорогу к Финдетанну, четвертая же – не пойми куда, поскольку надпись кто-то замазал смолой. И все же Геральт уже знал в общих чертах, где находится.

Телепорт выбросил его в междуречье, сформированное двумя рукавами реки Понтар. Южный, благодаря своим размерам, сумел дождаться от картографов даже собственного названия – на многих картах он фигурировал как Эмбла. А лежавшая меж рукавами держава – точнее, державка – звалась Эмблонией. Верней, звалась когда-то, довольно давно. И давным-давнешонько название то утратила. Где-то с полвека тому назад королевство Эмблония перестало существовать. И для этого были причины.

На известных Геральту землях в большинстве королевств, княжеств и в прочих формах организации власти и общественного уклада дела – в основном, так сказать, – складывались и шли довольно неплохо. Система, правда, иной раз давала сбой, но работала. В большинстве общественных укладов правящий класс – правил, вместо того, чтобы лишь воровать да предаваться азартным играм и разврату. Элита лишь в малой части своей состояла из людей, полагавших, что гигиена – это имя проститутки, а гонорея – птица из семейства жаворонковых. Только незначительное количество рабочих да землепашцев были крестинами, которые жили исключительно сегодняшним днем и сегодняшней водкой и неспособны были остатками своего разума постичь нечто столь непостижимое, как день завтрашний и завтрашняя же водка. Жрецы в большинстве своем не выжимали из людей деньги и не растлевали несовершеннолетних, но придерживались стези добродетели, без остатка посвятив себя решению нерешаемых загадок веры. Психопаты, чудачки, малахольные и идиоты не лезли в политику, во власть и администрацию, но занимались тем, что гробили собственную семейную жизнь. Сельские дурачки сидели по селам, за сараями, не пытаясь играть в народных трибунов. Так было в большинстве государств.

Но королевство Эмблония к большинству не принадлежало. Являлось

меньшинством с точки зрения любой из означенных позиций. И с точки зрения многих других.

Потому – захирело. А в итоге – исчезло. Пособили ей в этом сильные соседи, Темерия и Редания. Эмблония, сиречь творение политически неудачное, располагала, однако, определенным богатством. Ведь лежала она в аллювиальной долине реки Понтар, которая веками во время разливов приносила сюда ил. Он стал причиной возникновения пойменных почв – необычайно плодородных для сельского хозяйства. Во время правления владык Эмблонии пойменные земли стали стремительно превращаться в заросшие камышом пустоши, на которых мало что удавалось посеять и еще меньше – собрать. А Темерия и Редания переживали изрядный прирост населения, так что сельскохозяйственная продукция становилась вопросом жизни и смерти. Пойменные же земли Эмблонии манили. Потому два размежеванных рекою Понтар королевства без лишних церемоний поделили Эмблонию между собой, а название ее вымарали с карт. Часть, аннексированную Темерией, поименовали Понтарией, часть, отошедшая к Редании, сделалась Приречьем. На илистые земли явились сонмы переселенцев. Под присмотром умелых управляющих, в результате разумных севооборота и мелиорации, местность стала воистину земледельческим Рогом Изобилия.

Но вскоре начались споры. Тем более отчаянные, чем более богатый урожай всходил на понтарских поймах. Договор, определявший границу между Темерией и Реданией, содержал статьи, позволявшие широкое истолкование, а приложенные к договору карты не помогали, поскольку картографы работу свою похерили. Да и река добавила хлопот – во время затяжных дождей она несколько раз изменяла и передвигала свое русло на пару-тройку миль. Таким вот образом Рог Изобилия превращался в яблоко раздора. Псу под хвост пошли планы династических браков и союзов, а вскоре последовали дипломатические ноты, войны пошли и торговые реторсии. Пограничные конфликты нарастали, кровопролитие казалось неизбежным. И дело в конце концов до него таки дошло. А после доходило регулярно.

Странствуя в поисках работы, Геральт обычно избегал мест, где часто случались военные стычки, поскольку в таких местах с работой было туго. Раз-другой столкнувшись с регулярной армией, наемниками или мародерами, селяне понимали, что рыскающие в окрестностях волкулак, стрыга, тролль под мостом или умертвие из кургана – не самая большая проблема, не самая большая угроза, – и что на ведьмака денег жаль. Что есть дела поважнее: хотя бы отстроить сожженную армией избу и купить

новых кур вместо тех, которых украли и съели вояки. По этой же причине Геральт слабо знал земли в Эмблонии – или, согласно нынешним картам, Понтарии да Приречья. И не имел ни малейшего понятия, к какой из указанных на досках местностей находится ближе всего и куда ему идти, чтобы как можно быстрее распрощаться с пустошами и приветствовать какую-никакую цивилизацию.

Геральт выбрал Финдетанн, то есть север. Примерно в том направлении лежал Новиград, туда ему следовало добраться, и если хотел отыскать свои мечи, то – до пятнадцатого июля.

Примерно через час ускоренного марша он вляпался именно в то, чего так хотел избежать.

* * *

Совсем рядом с вырубкой стоял селянский двор: крытая соломой хата и несколько сараев. Тот факт, что там нечто происходит, подтверждался яростным собачьим лаем и отчаянным голготанием домашней птицы. Ревом ребенка и плачем женщины. Проклятиями.

Он подошел, проклиная в равной мере свою неудачливость и свою щепетильность.

В воздухе летали перья, один из оружных приторачивал к седлу пойманную птицу. Второй оружный лупил плеткой скорчившегося перед ним селянина. Еще один – боролся с бабой в потертой одежде; к юбке бабы цеплялся ребенок.

Ведьмак подошел, без церемоний и лишних слов схватил занесенную руку с бичом, выкрутил. Оружный завыл. Геральт толкнул его на стену курятника. Ухватив за ворот, оттащил второго от бабы, отбросил к плетню.

– Прочь отсюда, – сказал коротко. – Пошли.

Быстро выхватил меч, чтобы его восприняли с надлежащим уважением. И хорошенько помнили о последствиях поведения ненадлежащего. Один из оружных громко заржал. Другой вторил ему, хватаясь за рукоять меча.

– Ты на кого руку поднял, бродяга? Смерти ищешь?

– Пошли отсюда, я сказал.

Оружный, что приторачивал птицу, повернулся на коне. И оказался женщиной. Симпатичной, вопреки недобро прищуренным глазам.

– Жить надоело? – Губы, как оказалось, женщина умела кривить еще злее. – А может, ты умственно отсталый? Может, считать не умеешь? Так я

тебе помогу. Ты – один, а нас – трое. Значит, нас больше. Значит, тебе надо сейчас развернуться и ухреначить вприпрыжку, сколько есть сил в ногах. Пока еще ноги у тебя остались.

– Прочь. Я повторять не стану.

– Ага. Трое, значит, для тебя – плевое дело. А двенадцать?

Вокруг застучали копыта. Ведьмак огляделся. Девять всадников, при оружии. Направившие на него копыя и рогатины.

– Ты! Бродяга! Меч на землю!

Он не послушался. Отскочил под курятник, чтобы хоть как-то защитить спину.

– Что происходит, Юла?

– Хуторянин сопротивлялся, – фыркнула женщина, которую называли Юлой. – Дескать, податей платить не станет, поскольку один раз уже платил, бла-бла-бла. Мы взялись хама уму-разуму учить, а тут этот седой как из-под земли вырос. Рыцарь, типа, попался нам благородный, защитник убогих и притесняемых. Сам-один, а туда же, мечиком размахивать.

– Экий размашистый, а? – заржал кто-то из всадников, напирая на Геральта лошадью и угрожая копьем. – Поглядим, как подколотый помашет.

– Меч на землю, – приказал похожий на командира всадник в берете с пером. – Брось меч!

– Приколоть его, Шевлов?

– Оставь, Сперри.

Шевлов разглядывал ведьмака с высоты седла.

– Не бросишь меч, да? – оценил. – Такой вот ты смельчак? Такой крутой? Устриц вместе с раковинами ешь? И скипидаром запиваешь? Ни перед кем на колени не становишься? И невинно обиженных защищаешь? Такой вот к несправедливости чувствительный? А ну-ка проверим. Кочерга, Лигенза, Флоквет!

Оружные поняли главаря с полуслова, как видно, имелся у них опыт, случались такие ситуации. Соскочили с седел. Один приставил хуторянину нож к шее, второй дернул за волосы бабу, третий схватил мальчонку. Тот принялся верещать.

– Меч на землю, – сказал Шевлов. – Давай. Или... Лигенза! Перережь мужику глотку.

Геральт выпустил меч. К нему тотчас подскочили, прижали к доскам. Блеснули клинки.

– Ага! – Шевлов спрыгнул с коня. – Подействовало!

– Попал ты, защитник селян, – добавил сухо. – Перешел дорогу и совершил диверсию против королевской службы. А у меня патент: за

подобную вину под стражу брать и под суд вести.

– Арестовать? – удивился Лигенза. – Жизнь себе усложнять? Петлю на шею – и на ветку! Делов-то!

– Или посечь на месте!

– А я, – сказал внезапно один из всадников, – видывал его уже когда-то. Ведьмак это.

– Кто-кто?

– Ведьмак. Волшебник, что тварей всяких за деньги рубит.

– Волшебник? Тьфу, тьфу! Убить его, пока на нас проклятие какое не бросил!

– Заткнись, Эскайрац. Говори, Трент. Где ж ты его видел и при какой такой okazji.

– В Мариборе было. У тамошнего градодержца, который этого вон для убийства твари какой-то нанимал. Не помню, какой. Но этого-то я запомнил, по волосам белым.

– Ха! Тогда, ежели он на нас набросился, кто-то его наверняка нанял!

– Ведьмаки – они супротив тварей. Только от тварей людей защищают.

– Ага! – Юла сдвинула на затылок рысий колпак. – Я же говорила! Защитничек! Увидал, как Лигенза селюка батогом порет, а Флоквет бабу трахать собирается...

– И в момент вас раскусил? – фыркнул Шевлов. – Что, мол, твари? Тогда повезло вам. Шучу. Поскольку дело видится мне простым. Я, когда в армии служил, слыхивал об этих ведьмаках и кое-что другое. Нанимались они ко всем, шпионить, охранять, убивать даже. Говорили о них: Коты. Этого тут Трент в Мариборе видывал, в Темерии. А значит, се темерийский наемник, противу нас как раз и нанятый, из-за тех столпов пограничных. Предупреждали меня в Финдетанне насчет темерийских наемников, награду обещали, вдруг кого поймаю. Потому если мы его в путах в Финдетанн и повезем, коменданту отдадим, награда – наша. Ну-ка, связать его. Что стоите? Боитесь? Он сопротивляться не станет. Знает, что мы в ином разе с селянами сделаем.

– А кто к нему, сука, притронется? Коли он волшебник?

– Тьфу ты, песий хвост!

– Хорьки трусливые! – завопила Юла, отвязывая ремень от седельных сумок. – Души заячьи! Я сделаю, раз уж тут яиц ни у кого нет!

Геральт позволил себя связать. Решил быть послушным. Пока что.

По лесной дороге притащились два воза, запряженные волами, со столпами и элементами каких-то деревянных конструкций.

– Пускай-ка кто сходит к плотникам и судейскому, – махнул Шевлов. –

Передайте, чтоб возвращались. Довольно мы столпов вбили, хватит покуда. Устроим себе здесь постой. Перетряхните сараи, вдруг там что для лошадиного прокорма сгодится. Да и нам – пожрать бы.

Лигенза поднял и осмотрел меч Геральта, Лютикову попку. Шевлов отобрал у него клинок. Взвесил, взмахнул, крутанул «мельницу».

– Повезло вам, – сказал, – что мы как раз толпой подъехали. Распластал бы он вас на раз, тебя, Юлу и Флоквета. О тех ведьмачьих мечах легенды ходят. Лучшая сталь, многократно сплетаемая и кованная, сплетаемая и снова кованная. Да еще и специальные чары на нее наложены. Оттого она неслыханной крепости, гибкости и остроты. Ведьмачий клинок, скажу вам, доспехи и кольчуги прорезает, как сорочку льняную, а всякий иной меч будто макаронину перерубает.

– Быть не может, – уперся Сперри. Как и у остальных, усы его были в сметане, которую парни нашли в хате и вылакали до донышка. – Быть не может, чтоб как макаронину.

– Да и мне как-то не верится, – кивнула Юла.

– Непросто, – добавил Кочерга, – в подобное поверить.

– Да? – Шевлов принял фехтовальную стойку. – Ну так становись кто, проверим. Ну, найдется охотник? Ась? Что попритихли?

– Ладно, – шагнул, доставая меч, Эскайрац. – Я стану. А чего там. Поглядим, братцы. Схватимся, Шевлов...

– Схватимся. Раз, два... Три!

Мечи встретились с лязгом. Жалобно застонал ломающийся металл. Юла аж присела, когда обломок лезвия просвистел мимо ее виска.

– Сука, – сказал Шевлов, с недоверием глядя на клинок, обломавшийся на пару пальцев выше золоченого эфеса.

– А на моем – ни щербинки! – поднял меч Эскайрац. – Хе-хе-хе! Ни щербинки! Ни царапины даже!

Юла рассмеялась по-девчоночьи. Лигенза заблеял, словно козел. Остальные загоготали.

– Ведьмачий меч? – фыркнул Сперри. – Как макаронину перерубает? Да ты сам, сука, макаронина.

– Это... – Шевлов стиснул губы. – Это херня какая-то, сука. Говно какое-то... Чтоб тебя...

Отбросил остатки меча, зыркнул на Геральта и обвиняющим жестом указал на него.

– Ты обманщик. Мошенник и обманщик. Ведьмака из себя корчишь, а такую липу... Такое, сука, фуфло вместо нормального клинка носишь? И сколько ж ты, интересно мне, добрых людей обманул? Со скольких бедолаг

деньги выдавил, ворюга? Ох, покаешься в грешках своих в Финдетанне, уж из тебя-то староста там признание выбьет!

Он засопел, сплюнул, топнул.

– По коням! Уходим отсюда!

Они отъехали, припеваючи и посвистывая. Хуторянин с семьей хмуро поглядывал им вослед. Геральт видел, что губы его шевелятся. Нетрудно было догадаться, какой судьбы и каких оказий желает он Шевлову и его отряду.

Хуторянин и в смелейших фантазиях не мог надеяться, что пожелания его исполнятся один в один. И что случится это очень скоро.

* * *

Доехали до перекрестка. Путь, ведущий на запад, оврагом, изрыт был колесами и копытами, как видно, туда двинулись возы плотников. Туда же направился и отряд. Геральт шел за конем Юлы, на веревке, привязанной к луке седла.

Конь едущего во главе Шевлова заржал и встал на дыбы.

На склоне оврага что-то внезапно взблеснуло, разгорелось и превратилось в молочный, опалесцирующий шар. Шар исчез, на его месте появилась странная группа. Несколько обнимающихся, переплетенных друг с другом фигур.

– Что за черт? – выругался Кочерга и подъехал к Шевлову, который как раз успокаивал коня. – Что оно такое?

Группа разделилась. На четыре фигуры: щуплого, длинноволосого и несколько женственного мужчину, двух длинноруких великанов на кривых ногах. И горбатого карлика с большой арбалестой о двух парах стальных рогов.

– Бууэх-хххrrrr-эээххх! Буээх-хээх!

– К оружию! – заорал Шевлов. – К оружию, быстро!

Щелкнула сперва одна, а следом и вторая тетива большой арбалесты. Пораженный в голову Шевлов погиб на месте. Кочерга, прежде чем выпал из седла, некоторое время глядел на свой живот, сквозь который стрела прошла навылет.

– Бей! – все в отряде, как один, выхватили мечи. – Бей!

Геральт не намеревался бездейственно дожидаться результатов стычки. Сложил пальцы в Знак Игни, пережег связывавшие его руки путы. Цапнул Юлу за пояс, сдернул на землю. Сам вскочил в седло.

Что-то сверкнуло ослепительно, кони стали ржать, брыкаться и молотить воздух копытами. Несколько всадников выпали из седел, орали, затапываемые. Сивая кобылка Юлы испугалась, прежде чем ведьмак успел ее успокоить. Юла вскочила, кинулась, вцепилась в узду и поводья. Он отшвырнул ее ударом кулака и пустил кобылу в галоп.

Склонясь к шее лошади, не видел, как Дегерлунд очередными магическими молниями распугивает коней и слепит всадников. Как на всадников набрасываются, рыча, Буэ и Бэнг, один с топором, второй с широким скимитаром. Не видел брызг крови, не слышал криков тех, кого убивали.

Не видел, как гибнет Эскайрац, а сразу за ним и Сперри, словно рыбыны, распластанные Бэнгом. Не видел, как Бэнг опрокидывает Флоквета вместе с конем и как после из-под коня вытаскивает. Но ломающийся визг Флоквета, голос петуха, которого режут, ведьмак слышал еще долго.

До того момента, как свернул с большака и погнал в лес.

Глава тринадцатая

Коли заливайку махакамскую приготавливать, то вот каким способом: ежли летом, то цыплят, ежли осенью, то утят бери. Ежли зимою либо же пред весною выпало такое дело, возьми грибов сушеных горсть побольше. В казанке водой залей, на ночь замочи, утром посоли, половину луковицы вбрось да готовь. Отцеди, но бульона не выливай, слей его в посудину, кою допрежь вымой, чтоб без грязи, коя наверняка б на дне осела. Картоху приготовь, кубиками порежь. Возьми шмат жирной грудинки, порежь, прожарь. Лука нарежь с полтарелки, в жиру, из грудинки топленого, его прожарь, покуда едва почернеет. Возьми котел покрупнее, вбрось в него все, да и о грибочках не позабудь. Залей грибным отваром, воды добавь сколь надобно, залей по вкусу молочной закваски – а как такую закваску сделать, в другом месте расскажу. Приготовь, солью, перцем и майораном приправь по вкусу и желанию. Приправь топленой солониной. Сметаной по вкусу забели, но имей в виду: сие супротив нашей краснолюдской традиции, сие по человеческой моде – заливайку сметаной забеливать.

Элеонора Рундурин-Пиго. Махакамское куховарство совершенное, наука подробная способов варки и приуготовления блюд из мяса, рыб и овощей, а такоже как заправлять разнообразнейшие соусы, как жарить конфитюр, готовить копчености, консервы, вина, водки, купно с всякоразными секретами кухонными и поварскими, необходимыми кажной доброй и старательной хозяйке

Как почти все почтовые станции, эта тоже стояла на перекрестке, на пересечении путей. Крытый дранкой дом с подпертым столпами навесом, пристроенная к дому конюшня, дровяной сарайчик, все среди черно-белых

берез. Пусто. Никаких, казалось, гостей и подорожных.

Загнанная сивая кобылка спотыкалась, шла едва-едва, покачиваясь, свесив голову до земли. Геральт вел ее, потом отдал вожжи службе.

Служка был годков, на глаз, сорока и крепко под грузом тех сорока лет горбился. Погладил шею кобылки, глянул на ладонь. Смерил Геральта с ног до головы, после чего сплюнул ему прямо под сапоги. Геральт покачал головой, вздохнул. Не удивлялся. Знал: виноват, что перебрал с галопом, да к тому же по непростой местности. Хотел побыстрее оказаться как можно дальше от Сореля Дегерлунда и его слуг. Понимал, что это скверное объяснение, сам он тоже был не лучшего мнения о людях, которые доводили лошадок до такого вот состояния.

Служка ушел, уведя кобылку, бормоча себе под нос – и нетрудно было угадать, что бормочет и что думает. Геральт вздохнул, толкнул дверь, вошел в дом.

Внутри приятно пахло, и ведьмак вдруг понял, что постится уже сутки с гаком.

– Коней нет, – упредил его вопрос почтмейстер, выходя из-за прилавка. – А ближайшая курьерская – только через два дня.

– Я бы съел чего-нибудь. – Геральт глянул вверх, на балки и стропила высокого потолка. – Заплачú.

– Дык нет же ж.

– Ну-ну, господин почтмейстер, – раздался голос из угла. – Разве так следует принимать странника?

За столом в углу восседал краснолюд. Желтоволосый и желтобородый, в вышитом каbate^[44] цвета бордо, украшенном медными пуговицами на груди и манжетах. Щеки краснлюда были румяны, а нос – изряден. Геральт порой видывал на рынке картофелины с непривычно розовым цветом кожуры. Нос краснлюда был сходного цвета. И формы.

– Мне ты предложил заливайку, – краснолюд смерил почтмейстера суровым взглядом из-под пышных, кустистых бровей. – Не станешь же утверждать, что только одну тарелку оной женка твоя и готовит. Пospoрю на любые деньги, что и для господина подорожного хватит. Садись, путник. Пива выпьешь?

– Сердечно благодарю. – Геральт уселся, высыпал монеты из тайника на поясе. – Но позвольте уж мне угостить вашу милость. Противу ложного впечатления, я не бродяга и не люмпен. Я – ведьмак. Выполняю работу, оттого и одежка потрепана, и вид небрежный. Уж простите великодушно. Два пива, почтмейстер.

Пиво возникло на столе молниеносно.

– Заливайку жена сейчас подаст, – проворчал почтмейстер. – А за это – не обижайтесь. Еду я должен готовой держать. Пусть бы какой вельможа в путешествии, гонцы королевские или почта... Если не хватит и подать им окажется нечего...

– Ладно-ладно. – Геральт поднял кружку. Знаком он был со многими краснолюдами, потому знал, как с ними пить и какие тосты провозглашать.

– За удачу дела верного!

– И сучьим детям на погибель! – договорил краснолюд, стукнув кружкой в его кружку.

– Хорошо выпить с кем-то, кто знает обычаи и протокол. Меня зовут Аддарио Бах. Вообще-то – Аддарион, но все зовут Аддарио.

– Геральт из Ривии.

– Ведьмак Геральт из Ривии. – Аддарио Бах отер усы от пены. – Слышал я о тебе. Бывалый ты парень, не удивительно, что обычаи знаешь. А я сюда, представь, из Цидариса доехал курьерским дилижансом, как его на Юге зовут. И жду пересадки на курьерский, что из Дориана в Реданию идет, в Третогор. Ну, вот и заливайки дождались. Проверим, как она. Лучшую заливайку, надобно тебе знать, наши бабы в Махакаме варят, больше нигде такой не попробуешь. На густой закваске из черного хлеба и ржаной муки, с грибочками, с лучком крепко прожаренным...

Станционная заливайка была превосходна, цыпленка и крепко прожаренного лучка в ней хватало, а если в чем она и уступала махакамской, варёной краснолюдскими бабами, то Геральт так и не узнал, чем именно, поскольку Аддарио Бах ел скоренько, молча и без комментариев.

Почтмейстер внезапно выглянул в окно, реакция его заставила выглянуть и Геральта.

К станции свернули два коня, оба в состоянии как бы не худшем, чем трофейная лошадка Геральта. А всадников было трое. Вернее, двое и одна. Ведьмак внимательно осмотрел зал.

Скрипнули двери. На станцию ворвалась Юла. А за ней – Лигенза и Трент.

– Кони... – почтмейстер замолчал, увидав меч в руке Юлы.

– Угадал, – закончила она. – Как раз кони-то нам и нужны. Трое. Сгоняй-ка, мигом выведи их из конюшни.

– Коней не...

Почтмейстер и на этот раз не закончил. Юла подскочила к нему и блеснула клинком. Геральт встал.

– Эй!

Вся троица повернулась к нему.

– Это ты, – процедила Юла. – Ты. Проклятуший бродяга.

На щеке ее был синяк, там, куда он ее саданул.

– Это все из-за тебя, – прохрипела. – Шевлов, Кочерга, Сперри... Всех вырезали, весь отряд. А ты меня, сучара, из седла выбил и коня украл, и смылся трусливо. За что я с тобой сейчас поквитаюсь.

Была невысокой, сложена едва ли не хрупко. Ведьмака это не обманывало. Он понимал, ибо таков был его опыт, что в жизни – как на почте: даже самые скверные вещи доставляются в совершенно невзрачных упаковках.

– Тут станция почтовая! – надрывался из-за прилавка почтмейстер. – Под защитой королевской!

– Слышали? – спокойно спросил Геральт. – Почтовая станция. Пошли прочь отсюда.

– Ты, говноед седой, все еще плохо считаешь, – прошипела Юла. – Снова тебе помочь? Ты один, нас – трое. Значит, нас больше.

– Вас трое, – он прошелся по ним взглядом, – а я – один. Но вообще-то вас не больше. Такой вот математический парадокс и исключение из правил.

– Это как так?

– Это так, что ушлепывайте вприпрыжку. Пока еще подпрыгивать можете.

Он приметил, как блеснули ее глаза, сразу понял, что относится она к тем немногочисленным умельцам, которые в бою бьют совсем не туда, куда смотрят. Однако Юла, видимо, освоила этот фокус не так давно, поскольку Геральт уклонился от удара безо всякого усилия. Обошел ее коротким полувольтом, пинком подбил левую ногу, швырнул Юлу на прилавок. Грохнулась она о доски так, что аж загудело.

Лигенза и Трент, должно быть, уже видывали ранее Юлу в действии, поскольку ее фиаско заставило их прямо-таки остолбенеть: замерли с раззявленными пастьями. На время достаточно долгое, чтобы ведьмак успел схватить высмотренную ранее в углу метлу. Трент сперва получил в морду березовыми ветками, потом поперек лба рукоятью. Геральт подсунул ему метлу под ноги, пнул в сгиб колена и свалил.

Лигенза малость оклемался, выхватил оружие, прыгнул, рубанув от уха. Геральт ушел полуоборотом от удара, крутанул полный вольт, выставил локоть, Лигенза по инерции ткнулся в локоть горлом, захрипел и рухнул на колени. Прежде, чем он упал, Геральт вырвал у него из руки меч, швырнул вертикально вверх. Меч воткнулся в стропила и остался там.

Юла атаковала низко, Геральт едва успел подпрыгнуть. Подбил руку с мечом, схватил за плечо, крутанул, подрубил ноги черенком метлы и снова швырнул девицу на прилавок. Гроыхнуло.

Трент прыгнул на него, Геральт в ответ треснул метлой в лицо, раз, второй, третий, очень быстро. Потом черенком, в один висок, во второй и наотмашь в шею. Вставил ему черенок меж ногами, шагнул вплотную, схватил за руку, выломал ее, вынул меч из ладони, метнул его вверх. Меч воткнулся в потолок и повис рядом с первым. Трент отскочил, споткнулся о лавку и опрокинулся. Геральт решил, что дальше обижать его резону нет.

Лигенза поднялся на ноги, но встал неподвижно, с опущенными руками, таращась вверх, на вбитые в потолок мечи – высоко, так что и не достать. Юла же атаковала.

Крутанула клинком, выполнила финт, рубанула коротко, наотмашь. Стилль этот оттачивался в корчемных драках, в тесноте и плохом освещении. Ведьмаку никакое освещение не мешало, а с подобным стилем он был слишком хорошо знаком. Клинок Юлы разрезал воздух, а финт развернул ее так, что ведьмак оказался у нее за спиной. Девица вскрикнула, когда он завел под ее руку черенок метлы и выкрутил локтевой сустав. Вынул меч из ее пальцев, оттолкнул Юлу.

– Я собирался, – он крутил оружие, – оставить этот себе. – Как компенсацию за пыльную работенку. Но передумал. Не стану носить бандитское оружие.

Кинул меч вверх. Клинок воткнулся в потолок, задрожал. Юла, бледная, словно пергамент, оскалилась из-за искривленных губ. Сгорбилась, быстрым движением выхватила из-за голенища нож.

– А вот это, – оценил ведьмак, глядя ей прямо в глаза, – крайне глупая идея.

На большаке застучали копыта, захрапели кони, зазвенели доспехи. Под станцией внезапно сделалось тесно от всадников.

– На вашем месте, – сказал Геральт троице, – я уселся бы в уголке на лавке. И притворялся, что меня здесь нет.

Грохнули отворяемые двери, зазвенели шпоры, в избу вошли солдаты в лисьих шапках и коротких черных куртках с серебряным шитьем. Командовал ими усач, препоясанный багровым шарфом.

– Королевская служба! – огласил, упирая ладонь в заткнутую за пояс булаву. – Вахмистр Ковакс, второй эскадрон первой бандерии, вооруженные силы его величества короля Фольтеста, господина Темерии, Понтарии и Махакама. Гонюсь за реданской бандой!

В углу, на лавке, Юла, Трент и Лигенза сосредоточенно рассматривали

носки своих сапог.

– Границу пересекла дерзкая шайка реданских наездников, наемных головорезов и грабителей, – вещал вахмистр Ковакс. – Негодяи эти валят пограничные столпы, жгут, грабят, пытаются и убивают королевских подданных. Наголову разгромленные в схватке с королевским войском, нынче они спасают свои задницы, прячутся по лесам, ждут возможности рвануть за кордон. Могли и в здешней околице появиться. Предупреждаю, что оказание им помощи, информации и любой поддержки будет считаться изменой, а за измену – петля! Видывали здесь, на станции, каких чужаков? Вновь прибывших? Сиречь, подозрительных лиц? А то, кстати сказать, за выдачу наездников или за помощь в их поимке обещана награда. Сто оренгов. Почтмейстер?

Почтмейстер пожал плечами, сгорбился, уменьшился ростом, принялся тереть стойку, чрезвычайно низко над ней склоняясь.

Вахмистр огляделся, звеня шпорами, подошел к Геральту.

– Ты кто... Ха! Тебя-то я, кажись, видал уже. В Мариборе. По волосам белым узнаю. Ты ведьмак, верно? На разных чудовищ охотник да их убийца, верно?

– Именно так.

– Тогда к тебе я без претензий, а профессия твоя, честно скажу, – добрая, – отвечал вахмистр, одновременно меряя взглядом Аддарио Баха. – Господин краснолюд тоже вне подозрений, не видывали среди налетчиков никаких краснолюдов. Но порядка ради спрошу: что ты на станции поделываешь?

– Прибыл дилижансом из Цидариса и жду пересадки. А пока суд да дело, сидим здесь с господином ведьмаком, беседуем и перерабатываем пиво в урину.

– Пересадка, значит, – повторил вахмистр. – Понимаю. А вы двое? Кто такие? Да, вы, вам говорю!

Трент отворил пасть. Заморгал. Пробормотал не пойми что.

– Чего? Как? Встать! Кто таков, спрашиваю?

– Да оставьте его, господин офицер, – неторопливо проговорил Аддарио Бах. – Это мой слуга, мною же и нанятый. Он дурачок, идиот совершеннейший. Родовая болезнь. Большое счастье, что младшие его – вполне нормальные. Их мать сообразила, видно, что, будучи в тягости, не стоит пить из луж перед больницей для прокаженных.

Трент еще шире распахнул пасть, опустил голову, заохал, забурчал. Лигенза тоже забурчал, сделал движение, словно собирался встать. Краснолюд положил ему руку на плечо.

– Сиди, парень. И молчи, молчи. Я знаю теорию эволюции, знаю, от какой животинки человек происходит, не надо мне об этом постоянно напоминать. Да и вы его простите, господин комендант. Это – тоже мой слуга.

– Ну да... – вахмистр все приглядывался с подозрением. – Слуги, значит. Если уж так говорите... А она? Та молодка в мужской одежке? Эй! Встань, поскольку хочу к тебе приглядеться. Кто такая? Отвечай, ежели спрашиваю!

– Ха-ха, господин комендант, – засмеялся краснолюд. – Она? Это шлюшка, дама, значит, легкого поведения. Нанял я ее в Цидарисе, задля траха. С жопкой в пути и дорога легче, всякий философ вам о том скажет.

Он с размаху шлепнул Юлу по заду. Юла побледнела от ярости, заскрежетала зубами.

– Ну да, – скривился вахмистр. – Я-то сразу не сообразил. А оно ж видно. Эльфийская половинка.

– Да хрен твой – половинка, – рявкнула Юла. – Половинка того, что за стандарт сойдет!

– Тихо, тихо, – унял ее Аддарио Бах. – Не сердитесь, полковник. Уж такая мне задиристая попалась шлюшонка.

В зал ворвался солдат, отрапортовал. Вахмистр Ковакс выпрямился.

– Банду выследили! – заявил. – Отправляемся в погоню! Приношу извинения. Служба!

Вышел, за ним следом – солдаты. Через миг с подворья донесся перестук копыт.

– Простите за тот спектакль, – сказал, ломая тишину, Аддарио Бах Юле, Тренту и Лигензе, – извините слова спонтанные и жесты простодушные. Сказать по правде, я вас знать не знаю, ни дела мне до вас нет, ни любви, однако зрелище повешанья я еще меньше люблю, вид дрыгающих ногами висельников крепко меня расстраивает. Отсюда и те мои краснолюдские фривольности.

– Краснолюдским фривольностям вы жизнью обязаны, – добавил Геральт. – Стоило бы краснолюда поблагодарить. Я вас в деле видел, там, на холопском дворе, знаю, что вы за птицы. Пальцем бы не шевельнул для вашей защиты, такого представления, что господин краснолюд устроил, я б и не сумел, и не захотел отыгрывать. И уже б висели вы, все трое. Поэтому – ступайте себе. Я бы советовал – в сторону противоположную от той, что выбрал господин вахмистр и его конница.

Проследив же алчные взгляды на воткнутые в потолок мечи, он покачал головой:

– И думать забудьте, не получите. Без них будете менее склонны к грабежу и насилию. Проваливайте.

– Нервно вышло, – вздохнул Аддарио Бах, когда за троицей захлопнулась дверь. – Сучий хвост, у меня руки все еще чутка трясутся. У тебя – нет?

– Нет. – Геральт улыбнулся воспоминаниям. – С этой точки зрения я несколько... дефектен.

– Везет некоторым, – ощерился краснолюд. – Даже дефекты им попадают толковые. Еще по пиву?

– Нет, спасибо, – покачал головой Геральт. – Пора мне в дорогу. Оказался я, как бы это сказать, в ситуации, в которой спешка, скорее, приветствуется. И в которой, увы, нерассудительно пребывать слишком долго на одном месте.

– Да я заметил. И вопросов не задаю. Но знаешь что, ведьмак? Как-то прошла у меня охота сидеть здесь, на станции, и целых два дня только и делать, что ждать курьерского. Во-первых, скука меня прикончит. Во-вторых, та дева, которую ты победил метлою в поединке, странно так взглянула на меня на прощание. Что ж, на кураже я слегка перебрал. Она ж, небось, не из тех, которых безнаказанно можно похлопывать по задку и называть шлюшкой. Думаю, вернется, и я бы предпочел, чтоб тогда меня здесь не было. Поэтому, может, вместе двинем в дорогу?

– Охотно. – Геральт снова улыбнулся. – В хорошей компании и дорога легче, всякий философ о том скажет. Тем более, что и направляемся мы в одну сторону. Мне нужно в Новиград. Я должен попасть туда до пятнадцатого июля. Кровь из носу – до пятнадцатого.

Он обязан был оказаться в Новиграде не позднее пятнадцатого июля. Оговорил это, когда волшебники его нанимали, покупая две недели его времени. Никаких проблем, глянули на него свысока Пинетти и Тзара. Никаких проблем, ведьмак. Будешь в Новиграде, оглянуться не успеешь. Телепортируем тебя прямиком на Главный проспект.

– До пятнадцатого, ха, – поскреб бородищу краснолюд. – Нынче – девятое. Не много времени осталось, а кусок дороги – немалый. Но есть способ добраться туда вовремя.

Он встал, снял с колышка и нахлобучил на голову шляпу с широкими полями. Забросил за спину мешок.

– Объясню по дороге. Пойдем-ка вместе, Геральт из Ривии. Ибо направление прекрасно мне подходит.

Маршировали они бойко, может, даже слишком. Аддарио Бах оказался типичным краснолюдом. Краснолюды же, пусть при необходимости или для удобства и готовы были воспользоваться любой повозкой и любой животинкой – верховой, запряжной или тягловой, – чудесно умели маршировать, поскольку ходоками являлись прирожденными. Краснолюд за день способен одолеть миль тридцать – ту же дистанцию, что и человек верхом, – да еще и с грузом, который обычному мужику даже поднять не под силу. А за краснолюдом без багажа пеший человек не поспел бы ни за что. Как и ведьмак. Геральт о том как-то подзабыл, но через некоторое время вынужден был просить Аддарио несколько придержать шаг.

Маршировали они лесными просеками, а порой и бездорожьем. Аддарио дорогу знал, на местности ориентировался прекрасно. В Цидарисе, пояснил, обитает его семья, настолько многочисленная, что то и дело случаются с нею какие-нибудь семейные оказии, навроде свадеб, крестин, а то и похорон с поминками. Согласно же краснолюдскому обычаю, отсутствие на семейной оказии оправдывалось исключительно нотариально заверенным свидетельством о смерти, и живые члены семьи избежать присутствия никак не могли. Потому дорогу до Цидариса и назад Аддарио освоил в совершенстве.

– Наша цель, – пояснял он, вышагивая, – это селцо Ветренное, что лежит над поймой Понтара. В Ветренном есть пристань, баржи и лодки частенько туда причаливают. Ежели нам чутка повезет, запросто подвернется какая-нить возможность, куда-то да погрузимся. Мне в Третогор надобно, поэтому высажусь на Журавлиной Кочке, а ты поплывешь дальше и окажешься в Новиграде дня через три-четыре. Уж поверь, это самый быстрый способ.

– Верю. Притормози, Аддарио, прошу. Едва поспеваю. Что у тебя, профессия с пешей ходьбой связана? Лотошник ты, что ли?

– Горняк я. На медном руднике.

– Ну да. Всякий краснолюд – горняк. И промышляет на руднике в Махакаме. Стоит с кайлом в забое и добывает руду.

– Поддаешься стереотипам. Еще немного – и станешь утверждать, что всяк краснолюд матерно ругается. А после нескольких чарок бросается на людей с топором.

– Этого не скажу.

– Рудник мой не в Махакаме, а в Медянке, под Третогором. Не стою в

забое и не рублю кайлом, но играю на валторне в горняцком духовом оркестре.

– Интересно.

– Интересно, – засмеялся краснолюд, – кое-что другое. Забавное совпадение. Одна из привычных мелодий нашего оркестра называется «Марш ведьмаков». Звучит так вот: тара-рара, бум, бум, умца-умца, рым-цым-цым, папарара-тара-рара, та-ра-рара, бум-бум-бум...

– Откуда, черт побери, вы взяли такое название? Видали, что ли, когда-нибудь марширующих ведьмаков? Где? Когда?

– Правду сказать, – Аддарио несколько смутился, – это чуток переделанный «Парад силачей». Но все духовые оркестры горняков играют какой-нибудь «Парад силачей», «Выход атлетов» или «Марш старых друзей». Мы же хотели быть оригинальными. Та-ра-рара, бум, бум!

– Притормози, а то и душа из меня вон.

* * *

В лесу не было ни души. Другое дело – на полянах и луговинах, куда они часто попадали. Здесь вовсю кипела работа. Косили сено, сгребали, складывали в копны и стога. Краснолюд приветствовал косарей веселыми криками, косари отвечали тем же. Или не отвечали.

– Это, – указал на работающих Аддарио, – напоминает мне другой марш нашего оркестра. Зовется он «Сенокосцы». Частенько мы его играем, особенно в летнюю пору. И поем, ага. Есть у нас на руднике поэт, он славно рифмы плетет, можно даже *a capella*. О, так вот оно звучит:

Парни травы косят
Бабы сено носят
И боятся бабы:
Не было дождя бы.

Мы стоим на горке
Бережём их гордо:
Хреном телепаем
Дождик отгоняем^[45].

– ...и *da saro*! Славно под это маршируется, разве нет?

- Притормози, Аддарио!
- Нельзя тормозить! Это маршевая песня! Маршевый ритм и метр!

* * *

На холме белели остатки стены, виднелись вдобавок руины дома и характерной башни.

Собственно, по той башне Геральт и распознал храм – не помнил, какого божества, но о самом храме кое-что слышал. Давным-давно здесь обитали жрецы. Ходили слухи, что когда их алчность, разгульный разврат да распущенность невозможно стало терпеть, местные жители выгнали жрецов и загнали их в густые леса, где, как говаривали, те и занялись миссионерством среди лесных духов. С тщетным, ясное дело, результатом.

– Старый Эрем, – произнес Аддарио. – Держимся дороги, да и по времени хорошо идем. На ночь встанем в Боровой Запруде.

* * *

Ручеек, вдоль которого они вышагивали, в верховьях шумел по камням и перекатам, а в низинах широко разливался, образуя залив. Причиной была древесно-земляная запруда, перегородившая поток. У запруды шли некие работы, крутилась группка каких-то людей.

– Мы в Боровой Запруде, – сказал Аддарио. – Конструкция, которую ты наблюдаешь внизу, собственно, и есть она, запруда. Служит для сплава древесины с вырубок. Речка, как ты заметил, сама по себе мелковата для сплава. Потому собирают воду, копят древесину – и отворяют запруду. Идет большая волна, и сплав делается возможным. Оным способом транспортируют сырье для древесного угля. А древесный уголь...

– Необходим для плавки железа, – закончил Геральт. – А плавильное производство – важнейшая и самая развитая ветвь промысла. Я знаю. Совсем недавно мне изложил это один чародей. Сведущий в угле и сыродутных печах.

– И не удивительно, что сведущий, – фыркнул краснотел. – Капитул чародеев владеет изрядными долями в союзах промышленного центра под Горс Веленом, а пара сыродутных и пудлинговых печей принадлежит им полностью. Чародеи получают с плавилен изрядный профит. Да и с других отраслей – тоже. Может, и заслуженно, в конце концов, в основном именно

они разработали технологию. Но могли бы они наконец покончить с ханжеством и признать, что магия – не благотворительность и не служащая обществу филантропия, а промысел, опирающийся на прибыль. Хотя чего я тебе об этом толкую, ты ведь и сам все понимаешь. Пошли, там есть трактирчик, отдохнем. А то и заночуем, поскольку ж – смеркается.

* * *

Трактирчик названия своего не заслуживал совершенно, но и удивляться тому не было никакого смысла. Обслуживал он лесорубов и плотоводов из запруды, которым все едино где пить – было бы что. Сарай с дырявой крышей, подпертой жердями, несколько столов и лавок из небрежно оструганных досок, каменный очаг – бóльших удобств местная публика не требовала и не ждала, важнее были для нее стоявшие за перегородкой бочки, из которых трактирщик цедил пиво, да еще колбаса, которую трактирщица, если находила время и желание, готова была за монетку испечь над углями.

Геральт и Аддарио тоже не слишком крутили носами, учитывая то, что пиво оказалось свежим, из только что откупоренной бочки, а буквально пары комплиментов хватило, чтоб трактирщица поджарила и подала им миску кровянки с луком. После дня странствий по лесам для Геральта сия кровянка вполне равнялась телячьему гузну в овощах, вепревой лопатке, тюрбо в чернилах каракатицы и прочим дивным дивам шеф-повара австении «Natura Rerum». Хотя, сказать по правде, слегка он по австении тосковал.

– Интересно, – Аддарио жестом подозвал трактирщицу, заказал еще одно пиво, – знаешь ли ты судьбу одного пророка?

Прежде чем сесть за стол, они оглядели обомшелый камень, что стоял подле высокого дуба. Врезанные в заросшую поверхность монолита литеры сообщали, что аккурат на этом самом месте в день святой Бирки года 1133-го *post Resurrectionem*^[46] Пророк Лебеда прочел своим ученикам проповедь, обелиск же заради памяти об этом случае установил в году 1200-м Спиридон Аппс, мастер басонный^[47] из Ринды, лавка на Малом Рынке, качество высокое, цены доступные, приглашаем.

– Знаешь ли, – Аддарио выскреб из миски остатки кровяной колбасы, – историю одного Лебеды, называемого пророком? Я говорю об истинной истории.

– Не знаю никакой, – ведьмак промокнул миску хлебом. – Ни истинной, ни выдуманной. Не интересовался.

– Тогда послушай. Дело случилось тому годков сто с гаком, кажется, вскоре после даты, что вырезана на камне. Нынче, как ты прекрасно знаешь, драконов почти не встретишь, разве только в диких горах, на пустошах. А в те времена попадались они куда как чаще и, бывало, житья людям не давали. Сообразили, что полные скота пастбища – это как огромные трактиры, где можно нажраться досыта да на шармачка. К счастью для землепашцев, даже огромнейшие из гадов ограничивались одним-двумя пирами в квартал, но уж тогда жрали столько, что могли стать угрозой животноводству, особенно ежели в какую околицу наведывались слишком часто. Один, огромный, повадился в некое сельцо в Каэдване. Прилетал, съедал сколько-то там овечек, две-три коровы, а на десерт вылавливал себе несколько карпов из рыбных озер. Потом пыхал огнем, подпаливал сарай или стог, ну и улетал.

Краснолюд глотнул пива, рыгнул.

– Селяне пытались дракона отгонять, испробовывали всякоразные ловушки и хитрости – безуспешно. И надо ж тому было случиться, что в расположенный по соседству Бан Ард как раз явился с учениками оный Лебеда, славный уже в те поры, титулованный пророком и имеющий толпы сторонников. Селяне попросили о помощи, он же – удивительное дело – не отказал. И вот когда прилетел дракон, Лебеда пошел на пастбище и принялся того дракона подвергать всяческим экзорцизмам. Дракон сперва опалил его, словно утку. А потом проглотил. Просто взял и проглотил. И улетел в горы.

– Это конец?

– Нет. Слушай дальше. Ученики пророка поплакали, понадрывались, а потом наняли следопытов. Наших, сиречь краснолюдских, насчет драконьих обычаев кумекающих. Те с месяц выслеживали дракона. Как обычно: шли по следу из куч, которые гад навалил. А ученики у каждой кучи падали на колени, греблись в ней, ревностно рыдая, и выуживали останки своего мастера. Наконец сложили его целиком – а скорее то, что за таковое «целиком» посчитали и что на самом-то деле было довольно хаотичной коллекцией не слишком чистых костей: человеческих, коровьих и бараньих. Все это нынче покоится в саркофаге в новиградском храме. Как чудодейственная реликвия.

– Признайся, Аддарио. Ты эту историю выдумал. Или сильно подправил.

– И с чего такое подозрение?

– С того, что частенько беседую я с одним поэтом. Тот же, когда есть возможность выбирать между правдивой и впечатляющей версиями случившегося, всегда выбирает вторую, которую еще и приукрашивает вдобавок. А на все упреки отвечает софизмом, мол, если нечто не соответствует истине, то это вовсе не означает, будто оно является ложью.

– Поэта я угадаю. Это Лютик, конечно же. А у истории свои законы.

– История, – улыбнулся ведьмак, – это пересказ, преимущественно ложный, событий, преимущественно незначительных, изложенный нам историками, преимущественно – недалекого ума.

– И автора цитаты я снова угадаю, – оскалился Аддарио Бах. – Это Высогота из Корво, философ и этик. Но также и историк. Относительно же пророка Лебеды... Что ж, история, как и сказано, это история. Но слышал я, что в Новиграде жрецы порой вынимают останки пророка из саркофага и позволяют верующим их лобызать. Окажись я там в онный момент, вот точно от лобызания бы воздержался.

– Воздержусь, – пообещал Геральт. – Что же касается Новиграда, коли мы о нем...

– Без нервов, – опередил его краснолюд. – Успеешь. Встанем с утра пораньше и доберемся до Ветренной. Отыщем оказию – и прибудешь в Новиград вовремя.

Хорошо бы, подумалось ведьмаку. Хорошо бы.

Глава четырнадцатая

Люди и монстры – разноприродны, а лисы находятся где-то посередине. Пути мертвых и живых разнятся, а лисы – пролегают между ними; божества и чудовища ступают разными тропами, лисы же ходят между божествами и чудовищами; тропы света и тьмы не соединяются и не пересекаются никогда – лисьи духи таятся где-то между ними; бессмертные и оборотни идут разными дорогами, а лисы – между ними.

Цзи Юнь, ученый времен династии Цзинь

Ночью прошла гроза.

Выспавшись в сене под крышей сарая, они вышли на рассвете, в холодное, хотя и солнечное утро. Держась хорошо видной тропки, миновали лиственный лес, болотистые разливы и подмокшие луга. Через час бодрого марша добрались до сельца.

– Ветреная, – указал Аддарио Бах. – Пристань, о которой я говорил.

Они вышли к реке, повеял на них живительный ветерок. Ведьмак и краснолюд вместе поднялись на деревянный помост. Река здесь разливалась широко, будто озеро, течение было почти незаметным, проходя где-то дальше. С берега над водой свисали ветви ив и ольх. Всюду плавали, перекрикиваясь на разные голоса, водные птицы: утки, чирки, шилохвости, гагары да чомги. Гармонично вписываясь в пейзаж и не распугивая все это пернатое шалапутство, по воде скользил кораблик. Одномачтовый, с большим парусом сзади и несколькими треугольными – спереди.

– А верно кто-то сказал, – вздохнул Аддарио Бах, всматриваясь в сие явление. – Есть три самых прекрасных зрелища на свете. Корабль под полными парусами, конь в галопе и эта... ну... голая женщина в постели.

– Женщина в танце, – чуть улыбнулся ведьмак. – В танце, Аддарио.

– Пусть будет голая и в танце, – кивнул краснолюд. – А та лодочка, ха, признайся – недурно смотрится на воде.

– Это не лодочка, а кораблик.

– Это шлюп, – поправил, подходя, полный милсдарь в лосиной куртке. – Шлюп, господа. Что легко понять по оснастке. Большой гафловый

на грот-мачте, стаксель и два кливера на форштагах. Классика.

Кораблик – шлюп – приблизился к помосту настолько, что стал заметен галюн на носу. Носовая фигура, вместо стандартной сисястой девки, сирены, дракона или там морского змея, изображала лысого старикана с крючковатым носом.

– Проклятие, – буркнул негромко Аддарио Бах. – Пророк нас преследует, что ли?

– Шестьдесят четыре фута длины, – продолжал невысокий милсдарь преисполненным гордости голосом. – Общая поверхность парусов – три тысячи триста футов. Это, добрые господа, «Пророк Лебеда», современный шлюп ковирского типа, выстроенный в новиградской верфи, спущенный на воду чуть больше года назад.

– А вам, как нам кажется, – хмыкнул Аддарио, – сей шлюп знаком. Много вы о нем знаете.

– Я о нем знаю все, поскольку я – его владелец. Видите знамя на флагштоке? С перчаткой? Это герб моей фирмы. Позвольте представиться, господа: Кевенард ван Влит, торгую благородными кожами.

– Рады познакомиться, – краснолюд пожал протянутую ладонь, меряя негоцианта внимательным взглядом. – И выражаем восхищение корабликом, поскольку тот – очарователен и скор на диво. Даже странно, что он оказался здесь, на Ветренной, на разливе, в стороне от главного понтарского фарватера. Странно также, что корабль на воде, а вы, его владелец, на суше, на пустошах. Проблемы?

– Да нет, нет, никаких проблем, – покачал головой торговец благородными кожами; по мнению Геральта слишком быстро и слишком решительно. – Запасы здесь пополняем, ничего больше. А на пустоши нас, так скажу, не желанье, а большая нужда привела. Поскольку, когда спешишь на помощь, дороги не разбираешь. Наша же спасательная экспедиция...

– Господин ван Влит, – прервал его, подходя, один из типчиков, под шагами которых внезапно задрожал помост. – Не нужно подробностей. Не думаю, чтобы они интересовали этих господ. И что интересовать должны бы.

Типчиков, которые взошли на помост со стороны сельца, было пятеро. У того, что заговорил, носившего соломенную шляпу, бросались в глаза четко очерченные скулы, обметанные короткой – несколькодневной – черной щетиной, да мощный, выступающий подбородок. На подбородке была ямочка, из-за чего тот выглядел словно миниатюрное седалище. Сопровождал его мощный крепыш, истинный дуболом, но судя по лицу и

взгляду – отнюдь не тупой. Третий, коренастый и загоревший, был моряком от пяток до макушки, включая шерстяную шапочку и кольцо в ухе. Двое оставшихся – похоже, матросы – тащили ящики с провиантом.

– Не думаю, – продолжил тот, с подбородком, – что господа эти, кем бы там они ни были, должны знать что-либо о нас, о том, чем мы заняты и о прочих наших частных делах. Эти господа наверняка понимают, что до наших частных обстоятельств – дела никому нет, а уж тем более персонам, встреченным случайно и совершенно при том неизвестным.

– Может и не настолько неизвестным, – вмешался дуболом. – Господина красноты я и правда знать не знаю, но белые волосы ваши, милсдарь, выдают, кто вы есть. Геральт из Ривии, полагаю? Ведьмак? Я не ошибся?

Становлюсь популярным, подумал Геральт, складывая на груди руки. Слишком популярным. Может, волосы покрасить? Или побриться налысо, как Харлан Тзара?

– Ведьмак! – явно возбудился Кевенрад ван Влит. – Настоящий ведьмак! Что за совпадение! Милсдари! Он же для нас как подарок с небес!

– Славный Геральт из Ривии! – повторил дуболом. – Нам повезло, что его встретили – теперь-то, в нашей ситуации. Поможет нам выпутаться...

– Много болтаешь, Коббин, – оборвал его тот, с подбородком. – Слишком поспешно и слишком много.

– Да что вы, господин Фиш? – фыркнул кожевенник. – Не видите, какая нам удача подвалила? Помощь такой персоны, как ведьмак...

– Господин ван Влит! Оставьте это мне. Я поболее вашего привык к контактам с подобными этому вот господину.

Воцарилась тишина; тип с подбородком мерил ведьмака взглядом.

– Геральт из Ривии, – произнес наконец. – Убийца чудовищ и сверхъестественных существ. Убийца, я бы сказал, легендарный. Так бы я сказал, когда б в легенды верил. А где же твои славные ведьмачьи мечи? Что-то я их не вижу.

– И не странно, что не видишь, – ответил Геральт. – Потому что они невидимы. Ты что ж, не слыхал о ведьмачьих мечах? Чужие их узреть не могут. Появляются они, когда я произнесу заклинание. Когда возникнет необходимость. Если нужда придет. Потому что я и без меча сумею неплохо управиться.

– Верю на слово. Я – Йавиль Фиш. Держу в Новиграде фирму, предоставляющую различные услуги. Это мой партнер, Петру Коббин. А это – господин Пудлорак, капитан «Пророка Лебеды». И известный уже вам уважаемый Кевенрад ван Влит, одного корабля владелец.

– Я вижу, ведьмак, – продолжил Йавиль Фиш, осматриваясь, – что ты стоишь на пристани в единственном селении в радиусе двадцати с гаком миль. Чтобы попасть отсюда к цивилизованным краям, придется изрядно побродить лесами. И сдается мне, что ты охотно бы из этих пустошей отплыл, взойдя на борт чего-нибудь такого, что по воде плавает. А «Пророк» как раз путь в Новиград держит. И может принять на борт пассажиров. Тебя и твоего приятеля-краснолюда. Годится?

– Говорите дальше, господин Фиш. Я внимательно вас слушаю.

– Кораблик наш, как видишь, не речная лайба, за рейс на нем надобно платить, да при том недешево. Не перебивай. Не хочешь ли ты взять нас под защиту своих невидимых мечей? Мы можем цену на твои ведьмачьи услуги по, значит, сопровождению и защите во время рейса отсюда до самого новиградского рейда зачесть в счет проезда. Во сколько ты, интересуюсь, свои ведьмачьи услуги оцениваешь?

Геральт посмотрел на него, прищурившись.

– С отысканием или без?

– Это как?

– В вашем предложении, – спокойно произнес Геральт, – скрыты крючки. Если я вынужден буду отыскивать их сам, выйдет дороже. Обойдется дешевле, если скажете все откровенно.

– Твое недоверие, – холодно произнес Фиш, – пробуждает определенные подозрения. Потому как именно шельма везде чувствует шельмовство. Как там говорят: на воре и шапка горит? Мы хотим нанять тебя для сопровождения. Это простое и совершенно недвусмысленное задание. Какие еще крючки могут в нем скрываться?

– Сопровождение – это сказочка. – Геральт не отводил взгляда. – Придуманная наскоро и шитая белыми нитками.

– Так полагаете?

– Так полагаю. Поскольку господин перчаточник обмолвился о спасательной экспедиции, а ты, господин Фиш, резко его оборвал. А сразу после твой помощник глаголит о ситуации, из которой вам надо выкарабкиваться. Потому если нам придется сотрудничать, то прошу без уверток: что за экспедиция и кому на помощь вы спешите? К чему такая секретность? Из чего следует выкарабкиваться?

– Мы это поясним, – опередил Фиша ван Влит. – Поясним это, господин ведьмак...

– Но на борту, – хрипло прервал молчавший дотоле капитан Пудлорак. – Нечего зря торчать у причала. Ветер нам в помощь. Уплываем отсюда, уважаемые.

Поймав ветер парусами, «Пророк Лебеда» взял курс на главное течение и помчался по широко разлившемуся руслу, лавируя меж островами. Пели линии, поскрипывал бом, бойко трепетало на флагштоке знамя с перчаткой.

Кевенард ван Влит исполнил свое обещание. Едва только шлюп отвалил от помоста в Ветренной – созвал заинтересованных лиц на нос и приступил к пояснениям.

– Предпринятая нами экспедиция, – начал он, то и дело зыркая на хмурого Фиша, – имеет своей целью освобождение украденного ребенка Ксимены де Сепульведы, единственной дочери Брианы де Сепульведы. Наверняка слышали вы это имя. Фабрики мехов, мастерские сырцовые и дубильные, а также скорняжные цеха. Огромный объем ежегодной продукции, солидные деньги. Если увидишь даму в красивых и дорогих мехах, наверняка будут это меха сего предприятия.

– И ее дочку похитили. Ради выкупа?

– А вот и нет. Не поверите, но... Девочку похитило чудовище. Лисица. В смысле, оборотень. Виксена.

– Вы правы, – холодно произнес ведьмак. – Не поверю. Лисицы, или виксены, а точнее – агуары, крадут исключительно детей эльфов.

– А ведь точно, точно, до буковки, – кивнул Фиш. – Потому как, хотя это и небывалое дело, но самая большая скорняжная мастерская Новиграда управляется нелюдью. Бриана Диарвайль ап Муг, эльфийка чистой крови. Вдова Якуба де Сепульведа, унаследовавшая все его богатства. Родственникам не удалось ни опротестовать завещание, ни добиться признания брака недействительным, хоть оно и противу законов человеческих и божьих...

– К делу, – прервал его Геральт. – К делу, пожалуйста. Так вы утверждаете, что эта скорняжная дама, эльфийка чистой крови, поручила вам отыскать похищенную дочку?

– На лжи нас ловишь? – скривился Фиш. – Думаешь, брешем мы? Хорошо ведь знаешь, что эльфы, коль у них лисица похитит ребенка, никогда не пытаются его отбить. Считают его мертвым и забывают о нем. Полагают, что был он лисице предназначен.

– Бриана де Сепульведа, – подхватил Кевенард ван Влит, – тоже сперва притворялась. Была в отчаянии, но по-эльфийски, скрыто. Так-то лицо каменное, глаза сухие... *Va'esse deireadh aep eigeán, va'esse eigh faidh'ar,* –

повторяла, что с ученого языка переводится как...

– Что-то кончается, что-то начинается.

– Именно. Но это пустые слова, просто глупые эльфийские предрассудки: что и с чего бы вдруг должно кончиться? Бриана давным-давно живет меж людьми, по нашим правам и законам, она лишь по крови нелюдь, а в сердце своем уже почти человек. Эльфийские предрассудки да суеверия – они сильны, верно, Бриана, может, для иных эльфов, напоказ, спокойна, но втайне по дочке тоскует, это-то ясно. Все бы отдала, чтобы кровинку свою отыскать, лисица, там, не лисица... Правы вы, господин ведьмак, ни о чем она нас не просила, помощи не искала. И все же мы решили помочь, на отчаяние ее глядеть не было сил. Вся гильдия купеческая солидарно скинулась и экспедицию профинансировала. Я предложил «Пророка» и собственное участие, так же поступил и купец Парлагги, с которым вы вскоре познакомитесь. Но поскольку мы – люди дела, а не какие-то там искатели приключений, то и обратились за помощью к милсдарю Йавилю Фишу, господину смекалистому и расторопному, риска не боящемуся, в трудных делах побывавшему, знанием и опытом славному...

– Опытном славный милсдарь Фиш, – Геральт взглянул на упомянутого, – похоже, не стал вам сообщать, что спасательная экспедиция не имеет смысла и наперед обречена на провал. Вижу я тому два объяснения. Первое: милсдарь Фиш понятия не имеет, во что вас втравил. Второе, куда более правдоподобное: милсдарь Фиш взял задаток достаточный, чтобы слегка покружить вас окрестностями да и вернуться ни с чем.

– Слишком скоры вы на обвинения! – Кевенард ван Влит жестом удержал Фиша, который готов был выплеснуть ядовитую отповедь. – Да и погодите провешать нам поражение. Мы, купцы, мыслим всегда позитивно...

– Такой способ мыслить делает вам честь. Однако нынче он вам не пригодится.

– Почему же?

– Ребенка, которого похитила агуара, – спокойно пояснил Геральт, – вернуть не удастся. Это совершенно невозможно. И дело даже не в том, что вам не отыскать ребенка, поскольку лисы ведут чрезвычайно скрытный способ жизни. Дело не в том, что агуара не позволит отобрать у себя дитя, а она – не тот противник, которым можно пренебречь в сражении, будь она хоть в лисьем, хоть в людском обличье. Дело в том, что похищенный ребенок перестает быть ребенком. У похищенных лисами девочек

начинают происходить изменения. Они сами превращаются в лис. Агуары не размножаются. Сохраняют свой род, похищая и изменяя эльфийских детей.

– Их лисий род, – наконец-то высказался Фиш, – должен исчезнуть. Как и все прочие оборотни. Лисы, правда, в дела людей редко влезают. Похищают только эльфых пащенков и только эльфам вредят, что само по себе хорошо: чем больше кривды нелюдям – тем большая польза настоящим людям. Но лисы – это монстры, а монстров следует уничтожить, сделать так, чтоб исчезли они, чтобы весь их род перевелся. А ты ведь именно с этого и живешь, ведьмак, именно это ты и делаешь. Потому и нам ты, полагаю, не поставишь в вину, что мы к уничтожению монстров приложили руку. Но подобные отступления – пустое, полагаю, дело. Ты хотел объяснений – ты их получил. Уже знаешь, для чего будешь нанят и от кого... от чего тебе следует нас защитить.

– Без обид, – спокойно произнес Геральт, – но объяснения ваши мутноваты, словно моча из инфицированного мочевого пузыря. А благородство целей вашей экспедиции сомнительно, как непорочность девицы наутро после сельского праздника. Но это – ваше дело. Мое же дело – донести до вас, что единственный способ защититься от агуары – держаться от агуары подальше. Господин ван Влит?

– Да?

– Возвращайтесь домой. Экспедиция бессмысленна, самое время себе в этом признаться и оставить сие дело. Только это и могу, как ведьмак, вам посоветовать. Совет бесплатный.

– Но вы не сойдете на берег, правда? – выдавил из себя ван Влит, слегка побледнев. – Господин ведьмак? Вы останетесь с нами? Вдруг что... Вдруг что случится, станете же нас защищать? Согласитесь... Боги, согласитесь...

– Согласится, согласится, – фыркнул Фиш. – Поплывет с нами. Потому как – а кто другой его из этой глуши заберет? Не паникуйте, господин ван Влит. Нечего бояться.

– Как же, нечего! – воскликнул кожевенник. – Хорошенькое дело! Впутали нас в это дело и храбритесь? Я хочу до Новиграда живым и здоровым доплыть! Должен нас кто-то защищать – теперь, когда у нас проблемы... Когда угрожает нам...

– Ничего нам не угрожает. Не надрывайтесь, словно баба. Ступайте в каюту, как ваш компаньон Парлаг. Выпейте там с ним на пару рому, глядишь, и кураж вернется.

Кевенард ван Влит покраснел, потом побледнел. Потом отыскал

Геральта взглядом.

– Хватит влиять, – произнес четко и спокойно. – Пора сказать правду. Господин ведьмак, у нас уже есть молодая лисичка. Она в ахтерпике. Господин Парлаги ее стережет.

Геральт покачал головой.

– Не могу поверить. Вы отобрали у агуары дочку скорняжьей дамы? Маленькую Ксимену?

Фиш сплюнул через борт. Ван Влит почесал затылок.

– Иначе вышло, – выдавил он. – Случайно попалась нам другая... Тоже лисичка, но другая... И совсем другой виксеной похищенная. Господин Фиш ее выкупил... у воинов, которые девку лисицину втихую скрали. Сперва мы думали, что это Ксимена, только уже измененная... Но Ксимене было семь и была она светленькая, а этой – лет двенадцать уже, и она темноволосая...

– Хотя и не та это, что нужна, – опередил Фиш ведьмака, – но мы – забрали. Зачем эльфьему выродку вырастать еще бóльшим монстром? А в Новиграде можно будет продать отродье в зверинец, оно ж, скажем прямо, диковинка, дикарка, наполовину лисичка, в лесу лисой скрывающаяся...

Ведмак повернулся к нему спиной.

– Господин капитан, правь к берегу!

– Тише, тише, – заворчал Фиш. – Курс прежний, Пудлорак. Не ты здесь отдаешь команды, ведьмак.

– Господин де Влит, – проигнорировал его Геральт. – Я взываю к вашему рассудку. Девочку надлежит немедленно освободить и высадить на берег. В противном случае вы погибнете. Агуара не бросит ребенка. И уж наверняка отправится по вашему следу. Единственный способ удержать ее от этого – отдать девочку.

– Не слушайте его, – сказал Фиш. – Не позволяйте себя напугать. Мы плывем серединой реки. Что нам какая-то лиса сделает?

– И ведьмак у нас на страже, – иронично добавил Петру Коббин. – Невидимыми мечами вооруженный! Ведь прославленный Геральт из Ривии ни перед какой лисицей не сдрейфит!

– Не знаю, не знаю, – бормотал кожевенник, бегая глазами от Фиша к Геральту и Пудлораку. – Господин Геральт? В Новиграде я не пожалею для вас награды, оплачу работу с избытком... Если только нас защитите...

– Защищу, верно. Единственно возможным способом. Капитан, к берегу.

– И не думай! – Фиш побледнел. – Ни шагу к ахтерпику, потому как пожалеешь! Коббин!

Петру Коббин хотел ухватить Геральта за воротник, но не сумел, поскольку в дело вступил спокойный дотоле и немногословный Аддарио Бах. Краснолюд мощно пнул Коббина в сгиб колена. Коббин упал на карачки. Аддарио Бах подскочил, с размаху рубанул кулаком в почку, добавил по голове. Дуболом свалился на палубу.

– И что с того, что большой? – краснолюд повел взглядом по остальным. – Только громче упадет.

Фиш положил ладонь на рукоять ножа, но отдернул, едва Аддарио Бах на него глянул. Ван Влит стоял с раззявленным ртом. Как и капитан Пудлорак, и остальной экипаж. Петру Коббин застонал и оторвал лоб от досок палубы.

– Лежи, где лежишь, – посоветовал ему краснолюд. – Ты меня ни тушей своею не убедишь, ни татуировками из Стурефорса. Мне приходилось причинять вред и бóльшим, чем ты, и сидельцам куда более страшных тюрем. Лучше не вставай. Делай свое дело, Геральт.

– А если у вас какие сомнения, – обратился он к остальным, – то я и ведьмак вам всем жизнь спасаем. Господин капитан, к берегу. И лодку на воду.

Ведмак спустился по трапу, дернул одну, потому вторую дверку. И замер. У него за спиной Аддарио Бах выругался. Фиш выругался тоже. Ван Влит застонал.

У безвольно лежавшей на койке худой девочки были остекленевшие глаза. Была она полуобнаженной, от пояса и вниз совершенно нагой, с непристойно раздвинутыми ногами. Шея – свернута неестественным образом.

– Господин Парлаги... – выдавил из себя ван Влит. – Что вы... Что вы наделали?

Сидевший над девочкой лысый милсдарь повернулся. Дернул головой, словно не видел их, словно пытался обнаружить то место, из которого доносился голос кожевенника.

– Господин Парлаги!

– Она кричала... – пробормотал милсдарь, тряся двойным подбородком и дыша алкоголем. – Принялась кричать...

– Господин Парлаги...

– Я хотел ее заткнуть... Хотел только ее заткнуть.

– Вы ее убили, – подвел итог Фиш. – Вы просто-напросто ее убили!

Ван Влит двумя руками ухватился за голову.

– И что теперь?

– Теперь, – весомо пояснил ему краснолюд, – нам окончательный

писец.

* * *

– Нет, говорю, никаких причин для волнения! – Фиш рубанул ладонью по релингу. – Мы посреди реки. Берега далеко. Если даже – в чем я сомневаюсь – лиса пойдет по нашему следу, то на воде ничего нам не сделает.

– Господин ведьмак? – испуганно вскинул глаза ван Влит. – Что скажете?

– Агуара отправится по нашему следу, – терпеливо повторил Геральт. – Это не подлежит сомнению. Если что и сомнительно, так знания господина Фиша, которого, в связи с вышесказанным, я попросил бы хранить молчание. Дело обстоит, господин ван Влит, следующим образом: освободи мы молодую лисичку и оставь ее на берегу, был бы крохотный шанс, что агуара от нас отстанет. Однако случилось что случилось. И теперь единственный наш выход – это бегство. Чудо еще, что агуара до сих пор не добралась до вас: похоже, дуракам и правда везет. Но дольше искушать судьбу не стоит. Поднять паруса, капитан. Сколько их у вас ни есть.

– Можно, – прикинул неторопливо Пудлорак, – поставить еще и марсель. Ветер нам в помощь...

– А если... – ван Влит не договорил. – Господин ведьмак? Вы станете нас защищать?

– Буду искренен, господин ван Влит. Охотней всего я бы вас оставил. Вместе с тем Парлаги, от самой мысли о котором у меня кишки крутит. Тем, что пьет внизу горькую над трупом ребенка, которого сам же и убил.

– Я бы тоже, – вмешался, глядя поверх голов, Аддарио Бах. – Или, перефразируя слова господина Фиша о нелюдях: чем больше вреда наносится идиотам, тем большая польза для умных.

– Оставил бы я вас и Парлаги на милость агуары. Но кодекс запрещает. Ведьмачий кодекс не позволяет мне действовать по собственному желанию. Не могу я бросить того, кому угрожает смерть.

– Ведьмачье благородство! – фыркнул Фиш. – Будто я о ваших разбойничаньях не слыхал! Но идею драпать как можно скорее поддерживаю. Ставь все свои тряпки, Пудлорак, выплывай на течение, и – ходу, что есть сил!

Капитан отдал приказы, матросы занялись такелажем. Сам Пудлорак отправился на нос; поразмыслив, Геральт и краснолюды присоединились к

нему. Ван Влит, Фиш и Коббин ругались на ахтердеке.

– Господин Пудлорак?

– Чего?

– Откуда взялось название вашего корабля? Да и та весьма нетипичная носовая фигура? Хотели привлечь священников в качестве спонсоров?

– Шлюп спустили на воду как «Мелюзину», – пожал плечами капитан. – С подходящей к названию и радующей глаз носовой фигурой. А потом изменили и то и другое. Одни говорили, что как раз в оном спонсорстве и дело. Другие – что новиградские священники были готовы обвинить милсдаря ван Влита в ереси и кощунстве, а потому он хотел влезть им в... Хотел к ним подольститься.

«Пророк Лебеда» рассекал носом волны.

– Геральт?

– Что, Аддарио?

– Та лисица... Или агуара... По тому, что я слышал, ей под силу изменять свой облик. Может предстать женщиной, но может и лисом перекинуться. Получается – как волкулак?

– По-другому. Волкулаки, медведолаки, крысолаки и подобные им – териантропы, люди, которые способны превращаться в зверей. Агуара же – антерион. Животное – или, скорее, существо – которое может оборачиваться человеком.

– А ее силы? Слышал я невероятные истории... Будто агуара способна...

– Я надеюсь, – оборвал его ведьмак, – добраться до Новиграда прежде, чем агуара продемонстрирует нам свои способности.

– А если...

– Лучше было б обойтись без «если».

Поднялся ветер. Захлопали паруса.

– Небо темнеет, – кивнул Аддарио Бах. – И кажется, расслышал я далекий гром.

Слух краснолюда не подвел. Прошло несколько минут, и загремело снова.

На этот раз услышали уже все.

– Идет буря! – рявкнул Пудлорак. – На стремнине перевернет нас кормой кверху! Надобно нам убегать, скрываться, прятаться от ветра! К парусам, парни!

Он оттолкнул рулевого, сам повернул штурвал.

– Держаться! Держаться всем!

Небо над правым берегом сделалось темно-гранатовым. Внезапно

обрушился вихрь, ворвался в лес на речном откосе, закружил там. Кроны больших деревьев затрепетали, меньших – согнулись под напором. Полетели листья и ветки – даже сучья покрупнее. Ослепительно блеснуло, почти сразу же раздался душераздирающий треск грома. Потом, без паузы, громыхнуло снова. И в третий раз.

В следующий миг, известив о себе нарастающим шорохом, хлынул дождь. Стена воды скрыла все вокруг. «Пророк Лебеда» колыхался и танцевал на волнах, то и дело резко переваливаясь с боку на бок. К тому же – потрескивал. Трещала, казалось, каждая досочка. Каждая досочка жила собственной жизнью и двигалась, казалось, совершенно независимо от прочих. Можно было подумать, что шлюп попросту разлетится. Ведьмак повторял про себя, что это невозможно, что конструкция корабля позволяет ходить по водам куда более бурным, к тому же они на реке, а не в океане. Он твердил это снова и снова, выплевывая воду и судорожно цепляясь за канаты.

Непросто было понять, как долго продолжалось неистовство стихии. Вскоре, однако, колыханье стихло, ветер перестал бить порывами, а секущий воду проливной ливень успокоился, перешел в дождь, потом – в морось. Тогда они увидели, что маневр Пудлорака удался. Капитан сумел укрыть шлюп за высоким, поросшим лесом островом, где их не терзал вихрь. Грозовая туча, стало ясно, уже удалялась, буря стихала.

От воды вставал туман.

* * *

С промокшей насквозь шапки Пудлорака лилась вода, стекала по лицу. И все же капитан шапки не снимал. Похоже, не снимал он ее вообще никогда.

– Твою ж мать! – стер он каплю с носа. – Куда нас загнало? Это что, какой-то рукав? Или старица? Вода почти стоит...

– Однако течение нас несет. – Фиш сплюнул в воду и следил за слюною. На нем уже не было соломенной шляпы, верно, унесло вихрем.

– Течение слабое, но несет, – повторил он. – Мы на перемычке меж островами. Держи курс, Пудлорак. В конце концов нас должно вынести в фарватер.

– Фарватер, – капитан склонился над компасом, – полагаю, в северном направлении. Тогда нам надобно в правый рукав. Не в левый, а в правый...

– И где ты здесь видишь рукав? – спросил Фиш. – Путь – один. Держи

курс, говорю.

– Только что были два рукава, – упирался Пудлорак. – Но может, мне вода в глаза попала. Или это туман морочит. Ладно, пусть течение несет. Вот только...

– Что опять?

– Компас. Показывает в другую сторону... А, нет, все нормально. Это я проглядел. На стекло со шляпы накапало. Плыдем.

– Плыдем.

Туман то густел, то рассеивался, ветер стих абсолютно. Сделалось очень тепло.

– Вода, – отозвался Пудлорак. – Не слышите? Как-то по-другому воняет. Где это мы?

Туман рассеялся, и они увидели густо заросшие берега, устланные гнилыми стволами. Место сосен, елей и тисов на островах заняли кустистые водные березы и высокие, конусовидные у комля таксодии. Стволы таксодиев оплетали лианы кампсиса, его ярко-красные цветы были единственными живыми пятнами среди гнило-зеленой болотной растительности. Воду покрыли ряска и водоросли: «Пророк» разрезал их носом и волок за собой, будто саван. Поток был мутным и действительно источал паскудный, словно бы с гнильцой, запах, со дна поднимались большие пузыри. Пудлорак по-прежнему сам стоял у штурвала.

– Тут могут быть мели, – встревожился он внезапно. – Эй, там! Одного с лотом на нос!

Они плыли, увлекаемые слабым течением, все еще среди болотистого пейзажа. И гнилого смрада. Матрос на носу выкрикивал монотонно, промеряя глубину.

– Господин ведьмак, – Пудлорак склонился над компасом, постучал в стекло, – взгляните на это.

– На что?

– Думал я, что стекло запотело... Но если игла не сошла с ума, то мы плывем на восток. Стало быть, возвращаемся. Туда, откуда прибыли.

– Но ведь это невозможно. Нас несет течение. Река... – оборвал он себя.

Над водой нависало гигантское, частично выкорчеванное дерево. На одной из голых ветвей стояла женщина в длинном и облегающем платье. Стояла неподвижно, глядя на них.

– Поворачивай, – тихо сказал ведьмак. – Поворачивай, капитан. К противоположному берегу. Подальше от того дерева.

Женщина исчезла. А по стволу промелькнула крупная лиса,

промелькнула и скрылась в чаще. Зверь казался черным, белел лишь кончик пушистого хвоста.

– Она нас нашла. – Аддарио Бах тоже заметил. – Лиса нашла нас...

– Проклятущее проклятие...

– Ну-ка тихо, оба. Не сейте панику.

Они плыли. С сухостоя на берегах следили за ними пеликаны.

Интерлюдия

Сто двадцать семь лет спустя

– Тамочки, за холмом, – ткнул кнутом купец. – То уже Ивало, красавица. Половина стайе, не больше, мигом дойдешь. Я на перекрестке к Марибору сворачиваю, тут прощаться придется. Бывай здорова, пусть тебя в дороге боги ведут и берегут.

– И вас пусть берегут, добрый господин. – Нимуэ соскочила с фургона, забрала свой узелок и остальной багаж, после чего сделала неловкий реверанс. – Большое спасибо, что на повозку взяли. Тогда, в лесу... Большое вам спасибо...

Она сглотнула, вспомнив черный лес, в чащу которого привел ее пару дней назад шлях – огромные, страшные деревья с повыкрученными ветвями, переплетававшиеся в свод над пустой дорогой. Дорогой, на которой она вдруг оказалась одна, как перст. Вспомнив ужас, охвативший ее тогда. И желание развернуться, броситься наутек. Назад, домой. Оставив глупые мысли об одиноком путешествии по миру. Выбросив их из головы.

– Да господи ты ж боже мой, не за что, – засмеялся купец. – В дороге помочь – это по-человечески. Бывай!

– Бывайте и вы. Счастливого пути!

Она постояла минутку-другую на раздорожье, глядя на каменный столп, до глади вылизанный дождями и ветрами. Издавна должен он стоять тут, подумалось ей. Кто знает, может, и больше ста лет? Может, помнит этот столп Год Кометы? Армии королей Севера, идущие под Бренну, на битву с Нильфгаардом?

Как делала это каждый день, она мысленно повторила заученный наизусть маршрут. Словно волшебную формулу. Словно заклинание.

Ямина, Гвадо, Сибелл, Брюгге, Кастерфурт, Мортара, Ивало, Дориан, Анхор, Горс Велен.

Городок Ивало давал о себе знать уже издали. Гомоном и вонью.

Лес закончился у раздорожья, дальше, аж до первых строений была лишь голая, щетинящаяся пнями вырубка, что тянулась вплоть до самого горизонта. Всюду вился дымок, рядами стояли и коптили железные бочки – реторты для выжигания древесного угля. Пахло живицей. Чем ближе к городку, тем сильнее нарастал гомон, странное металлическое бряканье, от которого земля под ногами отчетливо вздрагивала.

Нимуэ вошла в городок и аж вздохнула от удивления. Источником громыханья и сотрясений земли была удивительнейшая машина из всех, которые ей когда-либо приходилось видеть. Большой и пузатый медный котел с гигантским колесом, что вращалось блестящим от смазки рычагом. Машина шипела, дымила, фыркала кипятком, исходила паром – и вдруг издала свист – столь ужасающий и страшный, что у Нимуэ подкосились ноги. Однако быстро овладела собой, даже подошла ближе, с интересом приглядываясь к ремням и шкивам, посредством которых адская машина двигала пилы, разрезая бревна с небывалой скоростью. Понаблюдала бы дольше, но уши разболелись от грохота и визга пил.

Она перешла через мост, речка под ним была мутной и отвратительно смердела, несла щепу, кору и шапки пены.

Городок Ивало, в который она вошла, тоже вонял, словно огромная выгребная яма, – где, паче чаяния, кто-то еще и ухитрился испечь над огнем тухлое мясо. Нимуэ, которая последние недели провела среди лугов и лесов, начало не хватать воздуха. Городок Ивало, завершающий очередной этап ее пути, прежде казался ей местом передышки. Но теперь знала, что не задержится здесь дольше, чем необходимо. И не сохранит об Ивало приятных воспоминаний.

На базаре – как обычно – продала лукошко грибов и лечебных корней. Управилась быстро, так как успела уже обрести должную сноровку, и знала, на что есть спрос и к кому идти с товаром. Торгуясь, притворялась дурочкой, оттого не имела проблем со сбытом, торговли наперебой спешили облапошить недотепу. Зарабатывала она мало, но быстро. А быстрота в данном случае была важнее.

Единственным источником чистой воды здесь был колодец на тенистой площади, и чтобы наполнить флягу, Нимуэ пришлось выстоять в длинной очереди. Покупка провианта для дальнейшей дороги прошла без проволочек. Соблазненная запахом, Нимуэ купила с лотка еще и пару пирожков с начинкой, но та при ближайшем рассмотрении показалась, увы, подозрительной. Девушка села у молочарни, чтобы скушать пирожки, пока это можно было сделать без особого ущерба для здоровья. Походило на то, что в соблазнительном состоянии они пребудут не долго.

Напротив нее располагалась корчма «Под Зеленой...», сорванная нижняя доска вывески превращала название в загадку и интеллектуальный вызов; Нимуэ вскоре совершенно потерялась в попытках отгадать, что же, кроме жабы и капусты, может быть зеленым. Из задумчивости ее вырвала громкая дискуссия, которую на ступенях корчмы вели здешние бывальцы.

– «Пророк Лебеда», говорю вам, – витийствовал один. – Тот бриг, из

легенды. Корабль-призрак, что более сотни лет как пропал без вести, со всем экипажем. А потом появлялся на реке, когда приходила пора какому-то несчастью случиться. С призраками на борту являлся, это многие видывали. Баяли, что дотоле призраком он пребудет, пока кто-нить останки его не найдет. Ну вот и нашли наконец-то.

– Где?

– В Приустье, на старице, среди болот, в самом сердце трясины, которую как раз осушали. Весь болотными травами оброс. И мхами. Когда те водоросли и мхи соскребли, название обнаружилось: «Пророк Лебеда».

– А сокровища? Сокровища нашли? Там же ж сокровища должны быть, в трюме. Нашли?

– Бог весть. Священники, бают, остатки прихватили. Будто бы как реликвию.

– Ить, блажь, – сплюнул другой бывалец. – В сказки верите, ровно дети малые. Нашли какую-то лохань старую, а они сразу: корабль, призрак, сокровища, реликвия. Все это, скажу вам так, фигня полная, щелкоперские легенды, сплетни дурные, байки бабские. Эй ты там! Девчонка! Ты кто такая? Чья?

– Своя собственная. – Нимуэ уже на практике определилась с должным ответом.

– Волосы убери, ухо покажи! Потому как на эльфийское семя похожа! А нам тут эльфийские полукровки не надобны!

– Не лайтеся на меня, я ж вам не опиная. А скоренько и в дорогу пойду-тко.

– Ха! И куда ж?

– В Дориан. – Нимуэ научилась всегда выдавать за свою цель только следующий этап и никогда-преникогда не признаваться в цели конечной, поскольку та вызывала у случайных собеседников лишь безумное веселье.

– Хо-хо! Путь-то впереди неблизкий!

– Так вот я и пойду себе. А еще скажу вам, милсдари, что никаких таких сокровищ «Пророк Лебеда» не вез, легенда ни о чем таком не говорит. Корабль пропал и сделался призраком, потому как проклятым он был, а капитан его не послушался доброго совета. Ведьмак, что там находился, советовал корабль повернуть, в речные рукава не углубляться, покуда он проклятие не снимет. Читала я об том...

– Молоко на губах не обсохло, – произнес первый бывалец, – а туда же, мудрить? Залу б тебе, девка, месть, за горшками приглядать да кальсоны стирать, вот что. Нашлась чита́ка, видали?

– Ведьмак! – фыркнул третий. – Сказки, ничего иного, как сказки!

– Если ты такая умная, – вмешался еще один, – то и о нашем Сойкином лесе наверняка слыхивала. Что, нет? Так мы расскажем: в Сойкином лесе кой-что недоброе спит. Но каждые пару лет пробуждается, и тогда беда тому, кто лесом странствует. А твоя-то дорога, если ты и вправду в Дориан путь держишь, аккурат через Сойкин лес ведет.

– А что, какой-то лес там еще уцелел? Вы ж все околицы повырубали, голый склон остался.

– Гляньте, какая мудрила, недоросль сопливая. Лес-то для того растет, чтоб его рубить, нет? Что срубил – то срубил, а что уцелело – то уцелело. А в Сойкин и дровосеки боятся ходить, такой там страх. Сама увидишь, когда туда попадешь. Как бы со страху в исподнее не нассала.

– Так я лучше пойду себе.

Ямина, Гвадо, Сибелл, Брюгге, Кастерфурт, Мортара, Ивало, Дориан, Анхор, Горс Велен.

Я – Нимуэ верх Вледир ап Гвин.

Я направляюсь в Горс Велен. В Аретузу, школу волшебниц на острове Танедд.

Глава пятнадцатая

Когда-то мы могли многое... Но это были великие, несравненные лисы древности, которые заплатили за свое чудотворство жизнью. А в целом наш род с тех пор сильно деградировал – наверное, из-за постоянной близости к людям.

Виктор Пелевин. Священная книга оборотня

– Славно ты управился, Пудлорак! – надрывался Йавиль Фиш. – Славно ты нас впутал! Сколько часов мы уж петляем по рукавам! А ведь слышал я об этих топях, недобрые вещи слышал! Тут люди и корабли пропадают! Где река? Где фарватер? Почему...

– Да заткни ты, к хренам, пасть! – нервничал капитан. – Где фарватер, где фарватер? В заднице, вот где! Ты что, умный? Давай, есть возможность себя показать! Снова развилка! Куда мне плыть, умник? Влево, куда течение несет? Или, может, вправо прикажешь?

Фиш фыркнул и отвернулся. Пудлорак ухватился за румбы штурвала и направил шлюп в правый рукав.

Матрос с лотом заорал. Через миг, куда более громко, заорал Кевенард ван Влит.

– От берега, Пудлорак! – зарычал Петру Коббин. – Руль право на борт! Дальше от берега! Дальше от берега!

– Что там?

– Змеи! Не видишь? Зме-е-е-еи!

Аддарио Бах выругался.

Левый берег заполонили змеи. Гады свивались меж камышами и прибрежными водорослями, скользили по полузатопленным стволам, сползали, шипя, с ветвей, нависавших над водою. Геральт примечал мокасиновых змей, гремучек, жарарак, бумслангов, цепочных, шершавых древесных и шумящих гадюк, черных мамб, а также других гадов, ему не ведомых.

Весь экипаж «Пророка» заполошенно шарахнулся от бакборта, вопя на разные голоса. Кевенард ван Влит прибежал на корму, присел, трясаясь от страха, за спиной ведьмака. Пудлорак крутанул штурвал, шлюп стал менять курс. Геральт положил капитану руку на плечо.

– Нет, – сказал. – Держи, как было. Не приближайся к правому берегу.
– Но змеи... – Пудлорак указал на ветку, к которой они подплывали – всю увешанную шипящими гадами. – Упадут на палубу...

– Нет никаких змей! Держи курс. Подальше от правого берега.

Ванты грот-мачты зацепили нависавшую ветку. Несколько змей обвилось вокруг канатов, несколько, в том числе две черные мамбы, упали на палубу. Вскинув головы и шипя, они скользнули к матросам, сбившимся подле стирборта. Фиш и Коббин сбежали на нос, матросы, вереща, бросились на корму. Один прыгнул в воду, исчез в ней, не успев вскрикнуть. На поверхности забурлила кровь.

– Жеритва! – ведьмак указал на волну и удалявшийся темный абрис. – В отличие от змей, настоящая.

– Ненавижу гадов... – захныкал скорчившийся подле борта Кевенард ван Влит. – Ненавижу змей...

– Нет никаких змей. И не было. Иллюзия.

Матросы кричали и протирали глаза. Змеи исчезли. Как те, что были на борту, так и те, на берегу. Не осталось от змей и следа.

– Что это... – простонал Петру Коббин. – Что это было?

– Иллюзия, – повторил Геральт. – Агуара до нас добралась.

– Чего?

– Лисица. Она создает иллюзии, чтобы сбить нас с толку. И я не могу сказать, как долго уже. Гроза, полагаю, была настоящей. Но рукавов было два, капитан все верно разглядел. Агуара скрыла один иллюзией и подделала показания компаса. И создала иллюзию змей.

– Ведьмачьи байки! – фыркнул Фиш. – Эльфийские рассказы! Суеверия! Типа чего, всякая лиса обладает такими способностями? Спрячет речной рукав, обманет компас? Покажет змей там, где их нет? Чушь! Я вам говорю, что вот они – нужные нам воды! Отравили нас испарения, ядовитые болотные газы да миазмы! Именно из-за этого все видения-шмендения...

– Это иллюзии, которые создает агуара.

– За дураков нас держишь? – крикнул Коббин. – Иллюзии? Какие иллюзии? Это были настоящие змеи! Все же видели, нет? Слышали шипение? Я даже вонь их ощущал!

– Это была иллюзия. Змеи были ненастоящими.

«Пророк» снова зацепил вантами за ветки.

– Это морок, да? – сказал один из матросов, протягивая руку. – Иллюзия? Эта змея не настоящая?

– Нет! Стой!

Свисавшая с ветви гигантская гадюка издала леденящее кровь шипенье и молниеносно ударила, погружая зубы в шею матроса: раз, а потом и второй. Матрос крикнул душераздирающе, пошатнулся, упал, забился в корчах, молотя затылком о доски. На губах выступила пена, из глаз сочилась кровь. Умер раньше, чем успели до него добежать.

Ведьмак накрыл тело парусиной.

– Проклятие, люди! – сказал. – Сохраняйте осторожность! Не всё здесь наваждение!

– Внимание! – заорал матрос на носу. – Внима-а-ание! Впереди водоворот! Водоворот!

Старица снова раздваивалась. Левый рукав, тот, в который несло их течение, кипел и бурлил в страшном водовороте. Кружащаяся вода плевалась пеной, словно суп в котле. В водовороте крутились, исчезая и вновь появляясь, корневища и сучья, даже одно целое дерево с раскидистой кроной. Матрос, который мерял лотом глубину, сбежал с носа, остальные принялись орать. Пудлорак стоял спокойно. Повернул штурвал, направил шлюп в правый, тихий рукав.

– Уф-ф, – утер лоб. – Вовремя! Плохо бы нам пришлось, втяни нас тот водоворот. Ох и покрутило бы...

– Водовороты! – крикнул Коббин. – Жеритвы! Аллигаторы! Пиявки! Не нужно никаких иллюзий, в этих болотах полно ужасов, гадов, всякой ядовитой мерзости. Скверно, скверно, что мы здесь заплутали. Здесь без счёту...

– Кораблей погибло, – закончил, указывая, Аддарио Бах. – А это, пожалуй, правда.

Прогнивший и переломанный, затопленный до фальшбортов, поросший водорослями, оплетенный лианами и мхами, торчал по правому борту увязший в трясине обломок корабля. Они следили за ним, когда влекомый слабым течением «Пророк» проплывал мимо.

Пудлорак пихнул Геральта локтем.

– Господин ведьмак, – сказал негромко. – Компас по-прежнему сходит с ума. Если верить игле, мы изменили курс с восточного на южный. Если это не лисий морок, дело плохо. Тутешние трясины никто не исследовал, но известно, что к югу они тянутся аж до фарватера. Несет нас едва ли не в самое сердце болот.

– Значится, дрейфуем, – заметил Аддарио Бах. – Ветра нет, влечет нас течение. А течение означает соединение с рекой, с водным потоком Понтара...

– Необязательно, – покачал головой Геральт. – Я слышал об этих

старицах. У них – изменчивое направление водного тока. Зависит от того, прилив нынче или отлив. И не забывай об агуаре. Это тоже может оказаться иллюзией.

Берега по-прежнему стояли в густых зарослях таксодиев, появились также пузатые болотные растения, с по-луковичному округлой нижней частью. Было множество засохших, мертвых деревьев. С их трухлых стволов и ветвей свисали густые фестоны тилландсий, серебристо лоснились на солнце. На ветвях замерли цапли, провожая проплывающего «Пророка» неподвижными глазами.

Моряк на носу крикнул.

На этот раз ее видели все. Снова стояла на нависавшей над водою ветви, ровно и неподвижно. Пудлорак без подсказки налег на румбы, направил шлюп к левому берегу. А лисица вдруг затыкала, отчетливо и пронзительно. Затыкала снова, когда «Пророк» проплывал мимо.

Промелькнуло меж сучьев и исчезло в чащобе крупное лоснящееся тело.

* * *

– Это было предостережение, – сказал ведьмак, когда шум на борту стих. – Предупреждение и вызов. Или, вернее, приказание.

– Чтобы мы освободили девочку, – с пониманием закончил Аддарио Бах. – Ясно. Но мы освободить ее не можем, поскольку она мертва.

Кевенард ван Влит застонал, схватившись за виски. Мокрый, грязный и испуганный, он не походил уже на купца, который мог позволить себе иметь собственный корабль. Походил скорее на постреленка, застуканного на покраже слив.

– Что делать? – причитал он. – Что нам делать?

– Я знаю, – внезапно заявил Йавиль Фиш. – Привяжем мертвую девку к бочке – и за борт. Лисица задержится, станет оплакивать. Выгадаем время.

– Стыдно, господин Фиш, – голос господина кожевенника внезапно затвердел. – Не годится так поступать с останками. Это не по-человечески.

– А оно что, разве человеком было? Эльфийка, вдобавок уже наполовину зверь. Говорю вам, с бочкой – шикарная идея...

– Такая идея, – растягивая слова, проговорил Аддарио Бах, – могла прийти в голову лишь абсолютному идиоту. И принесла бы нам всем погибель. Если виксена уразумевает, что мы убили девочку – тут нам и

смерть.

– Это не мы щенка убили, – вмешался Петру Коббин, прежде чем красный от злости Фиш успел отреагировать. – Не мы! Парлаги это совершил. Он виновен. Мы – чисты.

– Верно, – подтвердил Фиш, обращаясь не к ван Влиту и ведьмаку, но к Пудлораку и матросам. – Парлаги виновен. Пусть лиса ему мстит. Посадим его в лодку вместе с трупом – и пускай себе дрейфует. А мы тем временем...

Коббин и несколько матросов встретили идею согласным ропотом, но Пудлорак тотчас осадил их.

– Не позволю, – сказал.

– Я тоже. – Кевенард ван Влит побледнел. – Господин Парлаги, может, и виновен, может, и впрямь за проступок этот следует его наказать. Но бросить, отдать на верную смерть? Ну уж нет.

– Его смерть или наша! – заорал Фиш. – Потому как что же нам делать? Ведьмак! Защитишь нас, коли лиса на борт влезет?

– Защищу.

Воцарилась тишина.

«Пророк Лебеда» дрейфовал смердящими, исходящими пузырями водами, волоча за собой хвост водорослей. С ветвей наблюдали за ним цапли и пеликаны.

* * *

Матрос на носу предупредил их криком. А через миг кричали уже все. Глядя на прогнивший, обросший лианами и водорослями корпус. Тот самый, что видели час назад.

– Мы плаваем по кругу, – подвел итог краснолюд. – Это петля. Лиса поймала нас в ловушку.

– У нас есть лишь один выход. – Геральт указал на левый рукав и кипевший там водоворот. – Проплыть сквозь это.

– Сквозь этот гейзер? – рыкнул Фиш. – Вы совсем сдурели? Разорвет нас!

– Разорвет, – подтвердил Пудлорак. – Или перевернет. Или в трясину забросит, будем как те обломки. Гляньте, как в адовой купели деревья молотит. Видно, страшная сила у того водоворота.

– Именно. Видно. Потому как это, полагаю, иллюзия. Скорее всего, очередная иллюзия агуары.

– Думаешь? Ты, ведьмак, различить не в силах?
– Более слабую иллюзию я бы распознал. Эта – необыкновенно сильная. Но кажется мне...
– Кажется тебе. А если – ошибаешься?
– Нет иного выхода, – рявкнул Пудлорак. – Или через водоворот, или будем плавать по кругу...
– До смерти, – закончил вместо него Аддарио Бах. – Причем до засранной.

* * *

Дерево, которое крутилось в водовороте, то и дело выставляло из воды корни – будто раскинутые руки утопленника. Водоворот кипел, волновался, вздымался и брызгал пеной. «Пророк» задрожал и рванулся вперед, всасываемый в кипень. Влекомое водоворотом дерево с шумом ударило в борт, брызнула пена. Шлюп заколыхался и завертелся, все быстрее и быстрее.

Люди орали на разные голоса.

И вдруг все стихло. Вода успокоилась, стала гладкой – что твое зеркало. «Пророк Лебеда» медленно дрейфовал меж поросшими болотной травой берегами.

– Ты был прав, Геральт, – откашлялся Аддарио Бах. – Это все же была иллюзия.

Пудлорак долго смотрел на ведьмака. Молчал. Наконец стянул шапку. Темечко у него оказалось лысым, словно яйцо.

– Я перешел в речное судоходство, – прохрипел он наконец, – потому как жена просила. На речке, говорила, безопасней. Безопасней, чем в море. Не будет переживать, говорила, сколько б раз я ни поплыл.

Надел шапку снова, кивнул, крепче ухватился за румбы штурвала.

– Это все? – застонал из-под кокпита Кевенард ван Влит. – Мы уже в безопасности?

Никто на его вопрос не ответил.

* * *

Вода была густой от ряски и водорослей. Меж деревьями по-над рекой начали явно преобладать таксодии, из трясины и прибрежного мелководья

густо торчали их пневматофоры – дыхательные корни, некоторые высотой в сажень. На островках водорослей грелись черепахи. Скрекотали жабы.

На этот раз они слышали ее раньше, чем увидели. Громкое резкое тьяканье, словно произносимая угроза или предупреждение. Появилась она на берегу в лисьем облике, на поваленном сухом стволе. Тьякала, высоко запрокидывая голову. Геральт уловил в ее тоне странные нотки, понял, что, кроме угроз, есть в нем приказ. Но приказывала не им.

Вода под стволом внезапно вспенилась, оттуда вынырнула тварь: огромная, покрытая зелено-бронзовым узором слезоподобных чешуек. Забулькала, захлюпала, послушная приказу лисицы, поплыла, пеня воду, ровнехонько на «Пророка».

– Это тоже... – сглотнул Аддарио Бах. – ... тоже иллюзия?

– Не думаю, – покачал головой Геральт. – Это водяной! – крикнул он Пудлораку и матросам. – Она зачаровала и натравила на нас водяного! Багры! Беритесь за багры!

Водяной вынырнул подле самого корабля, они увидели плоскую, поросшую водорослями башку, выпученные рыбы глаза, острые зубы в огромной пасти. Тварь яростно ударила в борт: раз, другой, так, что весь «Пророк» задрожал. Когда прибежали матросы с баграми, водяной ушел, нырнул, чтобы с плеском через миг-другой вынырнуть за кормой, у лопасти руля. За которую он и ухватился зубами, дернув так, что затрещало.

– Оторвет руль! – надрывался Пудлорак, пытаясь ткнуть тварь багром. – Оторвет руль! Хватайте линь, поднимайте лопасть. Отгоните мерзавца от руля!

Водяной грыз и рвал руль, игнорируя крики и тычки баграми. Лопасть треснула, в зубах твари остался кусок доски. Затем то ли водяной решил, что этого достаточно, то ли чары лисицы утратили силу – но он нырнул и исчез.

Слышно было, как лисица тьякает с берега.

– Что еще? – орал, размахивая руками, Пудлорак. – Что она нам еще сделает? Господин ведьмак!

– Боги... – стонал Кевенард ван Влит. – Простите, что я в вас не веровал... Простите, что мы убили девочку! Боги, спасите нас!

Внезапно они почувствовали на лицах дуновение ветерка. До той поры печально висевший, гафель «Пророка» затрепетал, заскрипел бом.

– Делается шире! – крикнул с носа Фиш. – Там, там! Разлив, наверняка река! Туда держи, шкипер! Туда!

Русло и вправду начало расширяться, за зеленой стеной камыша замаячило нечто вроде разлива.

– Удалось! – орал Коббин. – Ха! Мы выиграли! Вырвались из трясины!
– Первая марка! – заорал матрос с лотом. – Первая ма-а-а-арка!
– Руль на борт! – зарычал Пудлорак, отталкивая рулевого и лично выполняя собственный приказ. – Ме-е-ель!

«Пророк Лебеда» отвернул нос от оцетинившегося пневматофорами рукава реки.

– Куда? – надрывался Фиш. – Что ты делаешь? На разлив держи! Туда! Туда!

– Нельзя! Там мель! Сядем! Доплывем до разлива рукавом, тут глубже! Они снова услышали тьяканье агуары. Но саму ее не увидели.

Аддарио Бах дернул Геральта за рукав.

Из входа в ахтерпик появился Петру Коббин, волоча за шиворот едва державшегося на ногах Парлаги. Шедший следом матрос нес завернутую в плащ девочку. Остальные четверо встали перед ними стеной, лицами к ведьмаку. Держали топоры, остроги, железные крюки.

– Хватит, милсдари, – протянул самый высокий. – Мы жить хотим. Пора уже что-то делать.

– Оставьте ребенка, – процедил Геральт. – Отпусти купца, Коббин.

– Нет, господин, – покачал головой матрос. – Труп вместе с купчишкой пойдет за борт, это тварь подзадержит. А мы тем временем успеем сбечь.

– А вы, – прохрипел второй, – не мешайтесь. Нам до вас дела нет, но не пытайтесь нам помешать. Потому как плохо вам будет.

Кевенард ван Влит скорчился у борта, зарыдал, отвернувшись от всех. Пудлорак тоже отвел взгляд, стиснул губы, видно было, что никак не ответит на бунт собственного экипажа.

– Ага, толково. – Петру Коббин толкнул Парлаги. – Купца и дохлую лисицу за борт, это для нас единственное спасение. В сторону, ведьмак! Давайте, парни! В лодку их!

– В какую такую лодку? – спокойно спросил Аддарио Бах. – В ту, что ли?

Уже довольно далеко от «Пророка», согнувшись на банке, работал веслами, выгребая к разливу, Йавиль Фиш. Греб мощно, лопасти разбрызгивали воду, разметывали водоросли.

– Фиш! – заорал Коббин. – Ты падла! Сучара драная!

Фиш обернулся, согнул руку в локте и показал им. После чего снова ухватился за весла.

Но не двинулся с места.

На глазах у экипажа «Пророка» лодка внезапно подскочила в фонтане воды, они увидели ударивший хвост и полную зубов пасть огромного

крокодила. Фиш вылетел за борт, поплыл, вереща, в сторону берега, на оцетинившуюся корнями таксодиев отмель. Крокодил догонял, но частокол пневматофоров замедлил погоню. Фиш добрался до берега, упал грудью на лежавший там валун. Но это оказался вовсе не валун.

Гигантская каймановая черепаха раззявила пасть и цапнула Фиша за руку повыше локтя. Фиш завыл, задергался, забился, разбрызгивая грязь. Крокодил вынырнул и схватил его за ногу. Фиш зарычал.

Миг-другой не ясно было, которая из рептилий завладеет добычей: черепаха или крокодил. Но в конце концов каждый из них получил кусочек. В челюстях черепахи осталась рука с торчавшей из кровавого месива белой костью предплечья. Остального Фиша забрал крокодил. На вскипевшей поверхности расплылось большое красное пятно.

Геральт воспользовался ошеломлением экипажа. Выхватил из рук матроса мертвую девочку, отпрыгнул на нос. Аддарио Бах встал подле него, вооруженный багром.

Но ни Коббин, ни кто-либо из матросов не пытался его преследовать. Напротив, все быстро отступили на корму. Поспешно. Чтобы не сказать – в испуге. Лица их покрыла трупная бледность. Скорчившийся у борта Кевенард ван Влит зарыдал, спрятал голову меж колен и прикрыл ее руками.

Геральт оглянулся.

То ли Пудлорак засмотрелся, то ли подвел поврежденный водяным руль, но шлюп вплыл прямоком под нависающие ветви, ткнулся в упавшие деревья. Она тотчас же воспользовалась этим. Прыгнула на нос: ловко, легко и бесшумно. В лисьем облике. Прежде он видел ее на фоне неба, тогда показалась ему черной, смолисто-черной. Но ведьмак ошибся. мех ее был темен, кончик хвоста заканчивался снежно-белой кисточкой, однако в масти ее, особенно на голове, преобладала серость, более свойственная корсакам, а не чернобуркам.

Она переменилась, выросла, превратилась в высокую женщину. С лисьей головой. С острыми ушами и продолговатой мордой. Когда распахнула пасть, блеснули ряды клыков.

Геральт встал на колени, положил тело девочки на палубу, отступил. Агуара пронзительно взвыла, щелкнула зубастыми челюстями, ступила вперед. Парлаги закричал, панически замахал руками, вырвался из хватки Коббина и прыгнул за борт. Камнем пошел за дно.

Ван Влит заплакал. Коббин и матросы, все еще бледные, сбились вокруг Пудлорака. Пудлорак стянул шапку.

Медальон на шее ведьмака сильно дрогнул, завибрировал, затрясся.

Агуара сидела над девочкой, издавая странные звуки: то ли мурчала, то ли шипела. Внезапно вскинула голову, ощерила клыки. Заворчала глухо, в глазах ее разгорался огонь. Геральт не сдвинулся с места.

– Мы виноваты, – сказал. – То, что случилось – очень плохо. Но пусть не станет хуже. Я не могу позволить, чтобы ты обидела этих людей. Не допущу этого.

Лисица встала, поднимая девочку. Окинула всех быстрым взглядом. Наконец поглядела на Геральта.

– Ты встал у меня на пути, – произнесла твякяющим, но отчетливым голосом, медленно выговаривая каждое слово. – Ради их защиты.

Он не ответил.

– У меня на руках дочка, – закончила она. – Это важнее, чем чья-либо жизнь. Но ты встал на их защиту, беловолосый. За тобой я и приду. Однажды. Когда ты уже позабудешь. И не будешь готов.

Она ловко вскочила на фальшборт, оттуда на упавшее дерево. И исчезла в чаще.

В установившейся тишине раздавались лишь рыдания ван Влита.

Ветер стих, сделалось душно. Влекомый течением, «Пророк Лебеда» высвободился из сучьев, стал дрейфовать по центру речного рукава. Пудлорак отер шапкой глаза и лоб.

Матрос на носу вскрикнул. Вскрикнул Коббин. Вскрикнули остальные.

Из-за переплетенья камыша и дикого риса показались внезапно крыши изб. Стали видны сушившиеся на подпорках сети. Желтейший песок пляжа. Причал. А дальше, за деревьями на вершине, широкая лента реки под синим небом.

– Река! Река! Наконец-то!

Кричали все. Матросы, Петру Коббин, ван Влит. Только Геральт и Аддарио Бах не присоединились к хору.

Молчал и Пудлорак, навалившись на штурвал.

– Ты что делаешь? – заорал Коббин. – Куда? На реку правь! Туда! На реку!

– Ничего не выйдет, – в голосе капитана звучали отчаяние и обреченность. – Штиль, корабль руля едва слушается, а течение все сильнее. Мы дрейфуем, нас сносит, сносит снова в рукав. Назад в трясину.

– Нет!

Коббин выругался. И прыгнул за борт. И поплыл к пляжу.

Вслед за ним попрыгали в воду матросы, все, Геральт не успел удержать ни одного. Аддарио Бах крепкой хваткой осадил готовящегося к

прыжку ван Влита.

– Синее небо, – сказал. – Золотистый песок пляжа. Река. Слишком красиво, чтобы оказаться правдой. А значит – снова обман.

И внезапно картинка задрожала. Внезапно там, где только что были рыбацьи избы, золото пляжа и течение реки за холмом, ведьмак на миг увидел паутину лиан, свисавших над самой водой с сучьев трухлявых деревьев. Болотистые берега, ошестинившиеся пневматофорами таксодиев. Черную пузырящуюся пучину. Море водорослей. Бесконечный лабиринт рукавов.

На секунду он увидел то, что скрывала прощальная иллюзия агуары.

Внезапно плывущие принялись кричать и биться в воде. И по очереди в ней исчезать.

Петру Коббин вынырнул, кашляя и вереща, весь покрытый вьющимися, полосатыми, толстыми, словно угри, пиявками. Потом скрылся под водой и больше не показывался.

– Геральт!

Аддарио Бах притянул багром лодку, которая пережила встречу с крокодилом. Теперь она прибилась к борту. Краснолюд вскочил, подхватил из рук Геральта все еще пребывавшего в прострации ван Влита.

– Капитан!

Пудлорак махнул им шапкой.

– Нет, господин ведьмак! Я корабля не брошу, доведу его в порт, что бы ни случилось! А ежели нет, то лежать мне вместе с кораблем на дне! Бывайте!

«Пророк Лебеда» дрейфовал спокойно и царственно, вплывал в рукав, исчезал в нем.

Аддарио Бах поплевал на ладони, сгорбился, повел веслами. Лодка полетела по воде.

– Куда?

– Тот разлив, за мелью. Там – река. Я уверен. Выплывем в фарватер, встретим какой-нибудь корабль. А если нет, то на этой лодке хоть и до самого Новиграда.

– Пудлорак...

– Справится. Если так ему суждено.

Кевенард ван Влит похныкивал. Аддарио греб. Небо темнело. Они услышали долгий, протяжный пережат грома.

– Гроза идет, – сказал краснолюд. – Промокнем, холера.

Геральт фыркнул. А потом принялся смеяться. От души и искренне. И заразительно. Потому как через миг хохотали уже оба.

Аддарио греб сильно, ровными рывками. Лодка мчалась по воде, словно стрела.

– Ты гребешь, – оценил Геральт, отирая выступившие от смеха слезы, – словно в жизни никогда ничего другого не делал. Я полагал, что краснолюды не умеют ни суда водить, ни плавать...

– Поддаешься стереотипам.

Интерлюдия

Четырьмя днями позже

Аукционный дом братьев Борсоди стоял на площади подле улицы Главной: воистину главной артерии Новиграда, соединявшей рынок с храмом Вечного Огня. Братьев, в начале своей карьеры торговавших лошадьми да фруктами, хватало во время оно лишь на сарай в пригороде. Через сорок два года после основания аукционный дом занимал внушительное четырехэтажное строение в наиболее представительной части города. Он оставался в руках семьи, но предметом аукционов сделались уже исключительно драгоценные камни – по преимуществу, бриллианты, – а также шедевры искусства, древности и коллекционные предметы. Аукционы проходили раз в квартал, неизменно по пятницам.

Нынче аукционный зал был заполнен почти до предела. Присутствовало, как прикидывала Антея Деррис, гораздо больше ста человек.

Шум и гомон стихли. Место за кафедрой занял аукционист Абнер де Наваретт.

Абнер де Наваретт, как обычно, чудесно смотрелся в черном бархатном кафтане и золотом парчовом камзоле. Благообразности черт и всего его облика могли бы позавидовать князья, а манерам и осанке – аристократы. Секретом полишинеля было, что Абнер де Наваретт и вправду являлся аристократом, изгнанным из семьи и лишенным наследства за пьянство, мотовство и разврат. Когда б не Борсоди, Абнер де Наваретт перебивался бы нищенствованием. Но семье Борсоди потребовался аукционер с внешностью аристократа. А ни один из кандидатов экстерьером не мог соперничать с Абнером де Навареттом.

– Добрый вечер, дамы, добрый вечер, господа, – проговорил он голосом столь же бархатным, как и его кафтан. – Я приветствую вас в Аукционном доме Борсоди на ежеквартальном аукционе произведений искусства и древностей. Коллекция, ставшая предметом торгов, коллекция, с которой вы, господа, ознакомились в нашей галерее и которая представляет собой набор уникальных экспонатов, – полностью происходит из частных собраний.

– Большая часть уважаемого общества, как я вижу, является нашими постоянными гостями и клиентами, для коих не тайна принципы нашего

Дома и обязательные во время торгов правила. Брошюру с регламентом всем присутствующим вручили при входе. Потому я полагаю, что все информированы относительно наших правил и осознают накладываемые ими ограничения. Так что начнем без проволочек.

– Лот номер один: нефритовая фигурка, групповая, изображает нимфу... хм... с тремя фавнами. Выполнена, согласно нашим экспертам, гномами, возраст около ста лет. Стартовая цена двести крон. Вижу двести пятьдесят. Это все? Кто-то предложит больше? Нет? Продана господину с номером тридцать шесть.

Два распоряжавшихся подле соседней кафедры клерка тщательно записывали результаты продажи.

– Лот номер два: «*Aen Nog Mab Taedh'morc*», сборник эльфийских сказок и стихотворных притч. Богато иллюстрированный. Идеальное состояние. Начальная цена пятьсот крон. Пятьсот пятьдесят, господин купец Хофмейер. Господин советник Дрофусс, шестьсот. Господин Хофмейер, шестьсот пятьдесят. Это все? Продана за шестьсот пятьдесят крон господину Хофмейеру из Гирундума.

– Лот номер три: изделие из слоновой кости в форме... хм... закругленной и продолговатой, служащее... хм... наверняка для массажа. Происхождение заморское, возраст неизвестен. Начальная цена – сто крон. Вижу сто пятьдесят. Двести, дама в маске, с номером сорок три. Двести пятьдесят дама с вуалью, с номером восемь. Никто не даст больше? Триста, госпожа супруга аптекаря Ворстеркранца. Триста пятьдесят! Никто из дам не даст больше? Продано за триста пятьдесят крон даме с номером сорок три.

– Лот номер четыре: «*Antidotarius magnus*»^[48], уникальный медицинский трактат, изданный университетом в Кастель Граупиан в начале существования школы. Начальная цена восемьсот крон. Вижу восемьсот пятьдесят. Девятьсот, господин доктор Онесорг. Тысяча, уважаемая Марти Содергрэн. Это все? Продано за тысячу крон уважаемой госпоже Содергрэн.

– Лот номер пять: «*Liber de naturis bestiarum*»^[49], белый ворон, оправа из буковых дощечек, богато иллюстрированная...

– Лот номер шесть: девочка с котенком, портрет *en trois quarts*^[50], масло, полотно, цинтрийская школа. Начальная цена...

– Лот номер семь: колокольчик на рукояти, медный, краснолюдской работы, возраст находки определить непросто, но вещь наверняка древняя. На ободке надпись краснолюдскими рунами, гласящая: «И чего ты,

дурень, звонишь?» Начальная цена...

– Лот номер восемь: масло и темпера, полотно, художник неизвестен. Шедевр. Прошу обратить внимание на необычайную хроматику, игру цветов и динамику освещения. Атмосфера полумрака и прекрасная колористика величественно переданной лесной природы. А в центральной части, в таинственной светотени, прошу взглянуть, главная фигура произведения: олень во время гона. Начальная цена...

– Лот номер девять: «*Ymago mundi*»^[51], также известная под названием «*Mundus nous*»^[52]. Книга необычайно редкая, оксенфуртский университет располагает лишь единственным экземпляром, есть еще несколько экземпляров в частных руках. Оправлена в козью тисненую кожу. Идеальное состояние. Начальная цена тысяча пятьсот крон. Уважаемый Виммэ Вивальди, тысяча шестьсот. Его преподобие священник Прохаська, тысяча шестьсот пятьдесят. Тысяча семьсот, дама в конце зала. Тысяча восемьсот, господин Вивальди. Тысяча восемьсот пятьдесят, его преподобие Прохаська. Тысяча девятьсот пятьдесят, господин Вивальди. Две тысячи крон, браво, его преподобие Прохаська! Две тысячи сто, господин Вивальди. Даст ли кто больше?

– Сия книга – безбожна, содержит ереси! Она должна быть сожжена! Хочу выкупить ее, дабы сжечь. Две тысячи двести крон!

– Две тысячи пятьсот! – фыркнул Виммэ Вивальди, поглаживая белую, ухоженную бороду. – Дашь больше, набожный сжигатель?

– Позор! Мамона торжествует над благодетелью! Языческих краснолюдов ставят выше людей! Я пожалуюсь властям!

– Книга продана за две тысячи пятьсот крон господину Вивальди, – спокойно огласил Абнер де Наваретт. – Его преподобию Прохаське же я напоминаю о правилах и регламенте Дома Борсоди.

– Удаляюсь!

– Всего наилучшего. Прошу уважаемое собрание меня извинить. Уникальность и высокие цены на торгах Дома Борсоди приводят, бывает, к излишним эмоциям. Продолжаем. Лот номер десять: абсолютная редкость, небывалая находка, два ведьмачьих меча. Дом решил не выставлять их по отдельности, лишь как комплект, из уважения к ведьмаку, которому они служили долгие годы. Первый меч – метеоритной стали. Клинок откован и заточен в Махакаме, аутентичность краснолюдской чеканки подтверждена нашими экспертами. Второй меч – серебряный. На эфесе и по всей длине клинка – рунические знаки и глифы, подтверждающие его оригинальность. Стартовая цена – тысяча крон за комплект. Тысяча пятьдесят, господин с

номером семнадцать. Это все? Никто не даст больше? За такой раритет?

– Ерунда, а не деньги, – проворчал сидевший в задних рядах Никефор Муус, чиновник магистрата. Он попеременно то сжимал испятнанные чернилами пальцы, то расчесывал ими редкие волосы. – Знал, что не стоило...

Антея Деррис шикнула на него.

– Тысяча сто, господин граф Горват. Тысяча двести, господин с номером семнадцать. Тысяча пятьсот, уважаемый Нино Чанфанелли. Тысяча шестьсот, господин в маске. Тысяча семьсот, господин с номером семнадцать. Тысяча восемьсот, господин граф Горват. Две тысячи, господин в маске. Две тысячи сто, уважаемый Чанфанелли. Две тысячи двести, господин в маске. Это все? Две тысячи пятьсот, уважаемый Чанфанелли... Господин с номером семнадцать...

Господина с номером семнадцать внезапно подхватили под руки двое крепышей, неприметно вошедших в зал.

– Жероса Фуэрте, именуемый Острием, – процедил третий крепыш, тыкая пойманного палкой в грудь. – Наемный убийца, объявленный в розыск. Ты арестован. Уведите его.

– Три тысячи! – заорал Жероса Фуэрте, именуемый Острием, размахивая табличкой с номером семнадцать, которую все еще держал в руках. – Три... тысячи...

– Мне жаль, – холодно произнес Абнер де Наваретт. – Правила. Арест аукционера аннулирует его предложение. Актуально предложение в две тысячи пятьсот, уважаемый Чанфанелли. Кто даст больше? Две тысячи шестьсот, граф Горват. Это все? Две тысячи семьсот, господин в маске. Три тысячи, уважаемый Чанфанелли. Не вижу больше предложений...

– Четыре тысячи.

– Ах. Уважаемый Мольнар Джианкарди. Браво, браво. Четыре тысячи крон. Даст ли кто больше?

– Я для сына хотел приобрести, – проворчал Нино Чанфанелли. – А у тебя – одни дочки, Мольнар. Зачем тебе эти мечи? Но что ж, пусть достанутся тебе. Уступаю.

– Мечи, – объявил де Наваретт, – проданы уважаемому господину Мольнару Джианкарди за четыре тысячи крон. Продолжаем, господа, дамы. Лот номер одиннадцать: плащ из обезьяньего меха...

Никефор Муус, радостный и скалящийся, словно бобр, хлопнул Антею Деррис по лопатке. Сильно. Антея собрала остатки воли, чтобы не двинуть ему в морду.

– Выходим, – прошипела.

– А деньги?

– После завершения аукциона и всех формальностей. Это слегка затянется.

Не обращая внимания на ворчание Мууса, Антея направилась к дверям. Почувствовала чей-то взгляд, оглянулась украдкой. Женщина. Черноволосая. Одета в черное и белое. С обсидиановой звездой в декольте.

Антею пробрала дрожь.

* * *

Антея была права. Формальности подзатынулись. Только через пару дней они смогли отправиться в банк. В филиал какого-то из краснолюдских банков, пахнущих, как и все они, деньгами, воском и панелями красного дерева.

– К выплате – три тысячи тридцать шесть крон, – объявил клерк. – После снятия комиссии банком, составляющей один процент.

– Борсоди – пятнадцать, банк – один, – заворчал Никефор Муус. – Со всего процент гребут! Вор на воре! Давайте деньги!

– Один момент, – остановила его Антея. – Сперва разберемся с нашими делами, твоими и моими. Комиссионные и мне причитаются. Четыреста крон.

– Но-но! – надрывался Муус, привлекая взгляды других клерков и клиентов банка. – Какие еще четыреста? От Борсоди я получил едва-едва три тысячи с копейками...

– Согласно договору, мне принадлежит десять процентов от результата аукциона. Деньги – твои дела. И только тебе их решать.

– Что ты мне здесь...

Антея Деррис окинула его взглядом, и этого хватило. Антея не слишком-то походила на своего отца. Но смотреть умела почти так же. Так же, как смотрел Пираль Пратт. Муус сжался под этим взглядом.

– Из суммы к выплате, – заявила она клерку, – попрошу банковский чек на четыреста крон. Знаю, что банк возьмет процент – и я на это согласна.

– А мои денежки – наличными! – магистратский урядник ткнул в принесенный им большой кожаный ранец. – Отвезу домой и как следует спрячу! Никакие грабительские банки никакие проценты с меня снимать не будут!

– Это немалая сумма, – клерк поднялся. – Прошу подождать.

Выходивший в задние комнаты клерк распахнул дверь лишь на миг, но Антея готова была поклясться, что увидела черноволосую женщину, одетую в черное и белое. И вновь непроизвольно задрожала.

* * *

– Спасибо, Мольнар, – сказала Йеннефер. – Я не забуду тебе этой услуги.

– За что же ты благодаришь? – усмехнулся Мольнар Джианкарди. – Что я такого сделал, в чем услуга? В том, что купил на аукционе указанный лот? Заплатив за него деньгами из твоего частного счета? А может за то, что я отвернулся, когда ты миг назад накладывала заклинание? А отвернулся я, поскольку смотрел из окна на ту даму-посредника, когда она удалялась, соблазнительно покачивая тем и этим. В моем вкусе дамочка, не стану скрывать, хотя я за человеческими женками не ухлестываю. А твое заклинание и ей... доставит проблемы?

– Нет, – ответила волшебница. – С ней ничего не будет. Она взяла чек, не золото.

– Ясно. Мечи ведьмака, как полагаю, ты заберешь сразу? Они ведь для него...

– Они для него всё, – закончила Йеннефер. – Он связан с ними предназначением. Знаю, знаю, а как же. Он мне говорил. И я даже начинала верить. Нет, Мольнар, я не стану сегодня забирать эти мечи. Пусть побудут на депозите. Скоро пришлю за ними кого-нибудь уполномоченного. Уезжаю из Новиграда уже сегодня.

– Я тоже. Еду в Третогор, проверю тамошний филиал. А потом возвращаюсь к себе, в Горс Велен.

– Что ж, еще раз спасибо. Бывай, краснотел.

– Бывай, волшебница.

Интерлюдия

*Ровно сто часов с момента приема золота из банка
Джианкарди в Новиграде*

– Тебе вход запрещен, – сказал вышибала Тарп. – И ты хорошо об этом знаешь. Отойди от лестницы.

– А это ты видывал, хам? – Никефор Муус тряхнул и звякнул пузатым ранцем. – Видывал ты столько золота за раз? Прочь с дороги, поскольку – хозяин идет! Богатый хозяин! Пшёл, селюк!

– Впусти его, Трап! – из австории выплыл Феб Равенга. – Не хочу здесь шума, гости беспокоятся. А ты – смотри. Однажды меня обманул, второго раза не допущу. Лучше б тебе нынче было чем заплатить, Муус.

– «Господин Муус»! – чиновник оттолкнул Тарпа. – «Господин»! Смотри, с кем говоришь, трактирщик!

– Вина! – крикнул он, развалясь за столом. – Самого дорогого, какое у вас есть!

– Самое дорогое, – отважился мэтр, – стоит шестьдесят крон...

– Заплачу! Давай целый кувшин, мигом!

– Тише, – напомнил ему Равенга. – Тише, Муус.

– А ты мне рот не затыкай, мошенник! Ворюга! Парвеню! Кто ты таков, чтобы меня учить? Вывеска золоченая, а на подошвах – говно все то же! А говно – говном останется! Гляди сюда! Видывал ты столько золота за раз? Видывал?

Никефор Муус сунул руку в ранец, вытянул горсть золотых монет и с размаху метнул их на стол.

Монеты разлетелись брызгами коричневой жижи. Вокруг распространился отвратительный смрад экскрементов.

Гости австории «Natura Rerum» сорвались с мест и бросились к выходу, задыхаясь и прикрывая носы салфетками. Мэтр согнулся в рвотных позывах. Кто-то закричал, кто-то выругался. Феб Равенга даже не дрогнул. Стоял словно памятник, скрестив руки на груди.

Муус, ошеломленный, тряхнул головой и протер глаза, таращась на вонючую кучу на скатерти. Наконец очнулся, сунул руку в ранец. И вынул ее – полную густой мерзости.

– Ты прав, Муус, – ледяным голосом проговорил Феб Равенга. – Говно – говном и останется. На улицу его.

Выводимый, чиновник магистрата даже не сопротивлялся, был слишком ошеломлен случившимся. Тарп затянул его за уборную. По знаку Равенги слуги сняли деревянную крышку над дыркой в клоаку. Увидав это, Муус ожил, принялся верещать, упираться и брыкаться. Не слишком это ему помогло. Тарп подволок его к дыре и сбросил вниз. Юноша шлепнулся в жидкие отходы. Но не тонул. Раскинул руки и ноги – и не тонул, удерживаясь на поверхности жижи благодаря брошенным сюда пучкам соломы, тряпкам, палочкам и смятым страницам, вырванным из различных ученых и набожных книг.

Феб Равенга снял со стены туалета деревянные вилы для сена, вырезанные из единой разросшейся ветви.

– Говно было, есть и останется говном, – сказал. – И всегда – в конце концов – в говно попадет.

Налёг на вилы и притопил Мууса. С головой. Муус с плеском вырвался на поверхность, рыча, кашляя и отплевываясь. Равенга позволил ему немного покашлять и набрать воздуха, после чего притопил снова. На этот раз и вправду глубоко.

Повторил операцию несколько раз, после отбросил вилы.

– Оставьте его там, – приказал. – Пусть сам выкарабкивается.

– Это будет нелегко, – прикинул Тарп. – И подзатянется надолго.

– И пусть подзатянется. Мы не торопимся.

Глава шестнадцатая

*A mon retour, hé! je m'en desespere,
Tu mas reçu d'un baiser tout glacé.*

Пьер де Ронсар^[53]

На рейд как раз входил под полными парусами новиградский шкунер «Пандора Парви», воистину прекрасный корабль. Красивый и быстрый, подумал Геральт, спускаясь по трапу на покачивающийся причал. Он видел шкунер в Новиграде, расспрашивал, знал, что тот выходил из Новиграда на целых два дня позже галеры «Стинта», которой плыл он сам. И все же шкунер добрался в Керак почти в то же самое время. Может, нужно было подождать и сесть на борт шкунера, подумалось ему. Два дня в Новиграде, кто знает, может, я сумел бы добыть хоть какую-то информацию?

Пустая трата времени, решил он. «Может», «как знать», – да уж конечно! Что случилось – то случилось, ничем этого не изменить. И нечего над этим задумываться.

Он окинул прощальным взглядом шкунер, маяк и наливавшийся темными тучами горизонт. А потом быстрым шагом двинулся в сторону города.

* * *

От виллы как раз уносили паланкин, филигранную конструкцию с занавесями лилового цвета. Значит, подумал ведьмак, нынче вторник, среда или четверг. В эти дни Литта Нейд принимала пациенток, а пациентки, обычно состоятельные дамы из высших сфер, пользовались именно такими паланкинами.

Привратник впустил его молча. Вот и славно. Геральт был не в лучшем настроении и наверняка за словом бы в карман не полез. А то и за двумя-тремя.

Патио пустовало, вода в фонтане тихонько журчала. На столике красного дерева стояли графин и фужеры. Геральт налил себе без лишних церемоний.

Когда поднял голову, увидел Мозаику. В белом халате и фартуке. Бледную. С прилизанными волосами.

– Это ты, – сказала она. – Ты вернулся.

– Со всей уверенностью – я, – подтвердил он сухо. – И со всей уверенностью – вернулся. А это вино со всей уверенностью несколько прокисло.

– Я тоже рада тебя видеть.

– Коралл? На месте? А если на месте – то где?

– Только что я видела ее между ногами пациентки, – пожалала она плечами. – Наверняка там она и продолжает находиться.

– У тебя и правда нет выхода, Мозаика, – ответил он спокойно, глядя ей в глаза. – Ты должна стать волшебницей. У тебя воистину явные склонности и задатки. Твои убийственные остроты в ткацкой мануфактуре не оценили бы. И тем более – в лупанарии.

– Учусь и развиваюсь, – она не отводила взгляд. – И уже не плачу в уголке. Я свое отплакала. Этот этап уже позади.

– Нет, не позади, ты себя обманываешь. Впереди еще многое. И сарказм тебя не спасет. Особенно когда он искусственен и плохо спародирован. Но довольно об этом, не мне учить тебя жизни. Где, спрашивал я, Коралл?

– Здесь. Здравствуй.

Волшебница, словно призрак, выплыла из-за занавесей. Как и Мозаика, была в белом врачебном халате, а ее собранные рыжие волосы скрывала полотняная шапочка – и в обычных обстоятельствах он посчитал бы ее смешной. Но обстоятельства обычными не являлись, и смех был неуместен – ему потребовалось лишь мгновение, чтобы это понять.

Она подошла, молча поцеловала его в щеку. Губы ее были холодны. А глаза – обведены темными кругами.

Пахла она лекарствами. И чем-то, что использовала как дезинфектант. Это был скверный, отталкивающий, больной запах. Запах, в котором таился страх.

– Увидимся завтра, – опередила она его. – Завтра все мне расскажешь.

– Завтра.

Она взглянула на него, и был это взгляд из далёка, из-за разделявшей их пропасти времени и событий. Ему понадобилось лишь мгновение, чтобы понять, насколько глубока эта пропасть и сколь сильно разделяют их события.

– Может, лучше послезавтра. Иди в город. Повстречайся с поэтом, он очень о тебе беспокоился. Но сейчас уходи, прошу тебя. Мне нужно

заняться пациенткой.

Когда ушла, он глянул на Мозаику. Наверняка достаточно красноречиво, поскольку та поторопилась с объяснениями.

– Утром у нас были роды, – сказала, и голос ее слегка изменился. – Тяжелые. Она решилась на клещи. И все, что могло пойти скверно, пошло скверно.

– Понимаю.

– Сомневаюсь.

– До свиданья, Мозаика.

– Долго тебя не было, – подняла она голову. – Долго, дольше, чем я ожидала. В Риссберге ничего не знали – или делали вид, что не знают. Что-то произошло, верно?

– Что-то произошло.

– Понимаю.

– Сомневаюсь.

* * *

Лютик поражал сообразительностью. Провозгласил факт, с очевидностью которого Геральт еще не освоился окончательно. И который полностью еще не принял.

– Конец, ага? Ветром унесло? Ну ясно, ей и чародеям требовался ты, ты свое сделал, можешь уходить. И знаешь что? Я рад, что все закончилось. Однажды сей чудный роман обязан был завершиться, и чем дольше он затягивался, тем более опасные заключал в себе последствия. Тебе, если хочешь знать мое мнение, радоваться надо, что можешь о нем уже позабыть и что настолько просто все случилось. А потому на физиономии твоей должно быть выражение счастливое, а не мрачное и хмурое, каковое, уж поверь мне, тебе совершенно не к лицу, ибо с ним ты выглядишь в точности как человек с тяжелого похмелья, который вдобавок отравился закуской, не помнит чем и когда он сломал зуб и откуда на штанах его – следы семени.

– А может, – продолжал бард, совершенно не огорченный отсутствием реакции со стороны ведьмака, – подавленность твоя из чего иного вытекает? Пусть бы и из факта, что это тебя выставили за дверь, в то время как сам ты планировал финал в собственном стиле? Такой, с бегством на рассвете и цветочком на столе? Ха-ха, в любви – как на войне, дружище, а милая твоя поступила, словно заправский стратег. Пошла на опережение,

превентивным нападением. Наверняка читала она «Историю войн» маршала Пеллиграма. Пеллиграм приводит массу примеров побед, достигнутых с помощью подобного фортеля.

Геральт все еще не реагировал. Лютик, казалось, реакции и не ожидал. Допил пиво, кивнул корчмарке, чтобы принесла еще одно.

– Принимая вышесказанное во внимание, – произнес он, подкручивая колки лютни, – я всецело за секс на первом свидании. На будущее – и тебе настоятельно рекомендую. Элиминирует сие необходимость дальнейших свиданий с той же самой особой – а это бывает скучным и трудоемким. И если уж мы о том заговорили, то расхваленная тобой госпожа адвокат и вправду оказалась достойна усилий. Не поверишь...

– Поверю, – ведьмак не выдержал и довольно бесцеремонно оборвал товарища. – Поверю и без рассказа, потому можешь опустить подробности.

– Ну да, – констатировал бард. – Подавлен, печален и огорченьем снедаем, из-за чего саркастичен и резок. Причина – не только в женщине, сдается мне. В чем-то еще. Знаю, дери тебя за ногу. И вижу. В Новиграде не вышло, верно? Не нашел ты мечей?

Геральт вздохнул, хотя обещал себе не делать этого.

– Не нашел. Опоздал. Были сложности, то одно, то другое. Настигла нас гроза, потом лодка наша прохудилась... А потом один кожевник сильно прихворнул... Эх, не стану забивать тебе голову подробностями. Короче говоря – не успел я вовремя. Когда добрался до Новиграда, аукцион уже состоялся. В Доме Борсоди от меня быстренько отделались. Аукцион придерживается принципа сохранения тайны продажи, оберегая анонимность как персоны продающей, так и персоны покупающей. Посторонним лицам фирма не предоставляет никакой информации, бла-бла-бла, прощайте, милсдарь. Не узнал я ничего. Не знаю, проданы ли мечи, а если да, то кто покупатель. Не знаю даже, выставляли ли их вообще на аукцион. Продавец ведь мог и не последовать совету Пратта, могло с ним произойти все, что угодно. Не знаю я ничего.

– Неудача, – кивнул Лютик. – Череда несчастливых совпадений. Расследование кузена Феррана тоже замерло, думается, на мертвой точке. Кузен Ферран, коли уж мы об этом, непрерывно о тебе спрашивает. Где ты, есть ли какие от тебя вести, когда вернешься, успеешь ли на королевскую свадьбу и не забыл ли обещания, данного князю Эгмунду. Ясное дело, я и словом не обмолвился ни о твоих нанимателях, ни об аукционе. Но праздник Ламмас, напомним, не за горами, осталось десять дней.

– Знаю. Но может, за это время что-то да произойдет? Что-нибудь

переменится к лучшему? После череды несчастливых совпадений уместно было бы хоть какое-то разнообразие.

– Согласен. А если...

– Я обдумаю и приму решение. – Геральт не дал барду закончить. – К тому, чтобы выступать на королевской свадьбе телохранителем, меня ничто не обязывает. Эгмунд и инстингатор не отыскиали моих мечей, а условие было именно таким. Но не исключаю, что выполню княжескую просьбу. В пользу этого говорят материальные соображения. Князь хвалился, что на деньги он не поскупится. А все указывает на то, что понадобятся мне совершенно новые мечи, выполненные по специальному заказу. И это обойдется недешево. Ай, да что там говорить. Пойдем куда-нибудь, перекусим. И выпьем.

– К Равенге, в «Натуру»?

– Не сегодня. Сегодня я желаю вещей простых, натуральных, несложных и искренних. Если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Ясное дело, понимаю. – Лютик встал. – Пойдем к морю, в Пальмиру. Знаю одно местечко – подают там селедку, водку и рыбный суп, называемый «куры». Не смейся! Они и вправду его так зовут!

– Пусть зовут как хотят. Идем.

* * *

Мост через Адалатте был заблокирован, как раз двигались по нему колонна груженых возов и отряд всадников с заводными конями. Геральту и Лютику пришлось переждать, убравшись с дороги.

Кавалькаду замыкал одинокий наездник на гнедой кобыле. Кобыла дернула башкой и поприветствовала Геральта протяжным ржаньем.

– Плотва!

– Здравствуй, ведьмак, – всадник снял капюшон, открыл лицо. – Я как раз к тебе. Хотя и не надеялся, что так быстро тебя повстречаю.

– Здравствуй, Пинетти.

Пинетти спешил. Геральт отметил, что он вооружен. Было это довольно странно, маги редко носили оружие. Окованный бронзой пояс чародея оттягивал меч в богато украшенных ножнах. Был еще и кинжал, солидный и широкий.

Ведмак принял от чародея узду Плотвы, погладил кобылку по ноздрям и загривку. Пинетти стянул и заткнул за пояс перчатки.

– Прошу прощения, мастер Лютик, – сказал, – но я бы хотел остаться с

Геральтом наедине. То, что я должен сказать ему, предназначено исключительно для его ушей.

– У Геральта, – напыжился Лютик, – от меня секретов нет.

– Я знаю. Многое о его частной жизни я узнал из твоих баллад.

– Но...

– Лютик, – оборвал его Геральт. – Пойди-ка пройдишься.

– Спасибо, – сказал он, когда остались вдвоем. – Спасибо, что ты привел мою кобылку, Пинетти.

– Я заметил, что ты к ней привязан, – ответил чародей. – Поэтому, когда мы нашли ее в Соснице...

– Вы были в Соснице?

– Были. Нас вызвал констебль Торквиль.

– Вы видели...

– Видели, – резко оборвал его Пинетти. – Мы видели все. Не могу понять, ведьмак. Не могу понять. Почему ты его тогда не зарубил? Там, на месте? Поступил ты, позволь уж сказать, не самым умным образом.

Знаю, удержался от ответа Геральт. Конечно, знаю. Я оказался глуп и не использовал предоставленный судьбой шанс. А ведь что мне было за дело? Трупом больше, трупом меньше. Какая разница для платного убийцы? Мерзко было служить вам инструментом? Так ведь я всегда чей-то инструмент. Стоило сцепить зубы и сделать, что должно.

– Ты наверняка удивишься, – Пинетти заглянул ему в глаза, – но мы сразу бросились на подмогу, я и Харлан. Догадались, что подмогу ты ждешь. Накрыли мы Дегерлунда на следующий день, когда он расправился со случайной бандой.

Накрыли, удержался от того, чтобы повторить, ведьмак. И не мешкая скрутили ему шею? Будучи поумнее меня, не стали повторять моей ошибки? Да, конечно. Случилось все так, не было бы у тебя такого лица, Джианкампо.

– Мы не убийцы, – чародей покраснел, закашлялся. – Мы забрали его в Риссберг. Подняли шум... Все были против нас. Ортолан, что удивительно, держался нейтрально, а именно с его стороны мы ожидали наихудшего. Но Бирута Икарти, Раби, Сандовал, даже Зангенис, который ранее нас поддерживал... Выслушали мы длиннейшую лекцию о цеховой солидарности, о братстве, о лояльности. Мы узнали, что только последние мерзавцы подсылают к собрату наемного убийцу, что надобно слишком низко пасть, чтобы нанять ведьмака против соратника. Из низких побуждений. Из зависти к таланту и важности соратника, из зависти к его научным достижениям и удачам.

Упоминания об инцидентах на Взгорье, о сорока четырех трупах не привели ни к чему, удержался от утверждения ведьмак. Если не считать пожатия плечами. И наверняка длиннейшей лекции о науке, требующей жертв. О цели, которая оправдывает средства.

– Дегерлунд, – продолжил Пинетти, – предстал перед комиссией и выслушал суровый выговор. За упражнения в гоэтии, за убитых демоном людей. Держался гордо: рассчитывал, видимо, на вмешательство Ортолана. Но Ортолан словно позабыл о нем, окончательно предавшись своей новой страсти: разработке формулы необычайно действенного и универсального навоза, что произведет революцию в сельском хозяйстве. Оставшись в одиночестве, Дегерлунд сменил тон. На плаксивый и жалостливый. Изображал из себя оскорбленного. Жертву в равной степени как собственных амбиций, так и магического таланта, благодаря чему он вызвал демона столь сильного, что невозможно было с ним совладать. Клялся, что оставит упражнения в гоэтии, что уже никогда к ней не обратится. Что без остатка посвятит себя исследованиям по усовершенствованию человеческого рода, трансгуманизму, становлению интрогрессии генетических модификаций.

И ему поверили, удержался от комментария ведьмак.

– Ему поверили. Повлиял на это Ортолан, который внезапно предстал перед комиссией в навозных испарениях. Назвал Дегерлунда любимым юношей, который и впрямь допустил ошибку, но кто же без греха. Не сомневался, что юноша исправится, и утверждал, что он за это отвечает лично. Просил, чтоб комиссия темперировала гнев, выказала компассию и юношу не затравливала. Наконец провозгласил Дегерлунда своим наследником и ближайшим из учеников, всецело уступил ему Цитадель, свою приватную лабораторию. Сам он, заявил, в лаборатории не нуждается, поскольку резольвовался трудиться и упражняться под открытым небом, на фермах и огородах. Бируте, Раби и прочим речь эта пришлась по вкусу. Цитадель, с точки зрения своей неприступности, могла прекрасно служить местом уединения. Дегерлунд попался в собственные силки. Оказался под домашним арестом.

А сор смели под ковер, удержался ведьмак.

– Подозреваю, – Пинетти быстро взглянул на него, – причиной тому были и соображения о твоей персоне и репутации.

Геральт приподнял брови.

– Ваш ведьмачий кодекс, – продолжал волшебник, – якобы запрещает убивать людей. Но о тебе говорят, что ты трактуешь оный кодекс без особого благоговения. Будто случалось всякое, будто как минимум пара

персон рассталась с жизнью не без твоей помощи. Бирута и прочие от страха едва не обдригались. Что, мол, ты вернешься в Риссберг и закончишь дела, а при случае и они свое получают. А Цитадель – это стопроцентно безопасное укрытие, приспособленная под лабораторию древняя гномья крепость, защищенная магически. Никто в Цитадель не попадет, это невозможно. Так что Дегерлунд не только изолирован, но и в безопасности.

И Риссберг тоже – в безопасности, удержался ведьмак. Оберегаем от скандала и компрометации. Дегерлунд изолирован, скандал подавлен в зародыше. Никто не узнает, что ловчила и карьерист обманул и натянул нос чародеям из Риссберга, считающим и громогласно объявляющим себя элитой нации. Что, пользуясь наивностью и глупостью оной элиты, дегенерат и психопат сумел беспрепятственно убить сорок с лишком человек.

– В Цитадели, – чародей все не сводил с него глаз, – Дегерлунд будет под опекой и присмотром. Не вызовет он уже ни одного демона.

Никогда не было ни одного демона. И ты, Пинетти, хорошо об этом знаешь.

– Цитадель, – чародей отвел взгляд, посмотрел на корабли на рейде, – расположена внутри горы Кремора, той, у подножия которой лежит Риссберг. Попытка вторгнуться туда равнялась бы самоубийству. И не только из-за магической защиты. Помнишь, о чем ты тогда нам рассказывал? Об одержимом, которого некогда убил? В ситуации крайней необходимости, спасая одну жизнь ценою жизни другой, тем самым отменяя преступность поступка запрещенного? Значит, ты понимаешь, что нынче обстоятельства совершенно иные. Изолированный Дегерлунд не представляет опасности – реальной и непосредственной. Если ты прикоснешься к нему хотя бы пальцем, то совершишь поступок запрещенный и несправедливый. Если попытаешься его прикончить – пойдешь под трибунал за попытку убийства. Некоторые из наших, впрочем, я знаю, надеются, что попытаешься. И закончишь жизнь на эшафоте. Потому советую: отступись. Забудь о Дегерлунде. Предоставь событиям идти своим чередом.

– Молчишь, – констатировал Пинетти. – Воздерживаешься от комментариев.

– Потому как нечего комментировать. Меня интересует только одно. Ты и Тзара. Вы останетесь в Риссберге?

Пинетти засмеялся. Сухо и неискренне.

– Нас обоих, меня и Харлана, попросили удалиться, по собственному

желанию, по состоянию здоровья. Мы покинули Риссберг, и никогда уже туда не вернемся. Харлан отправляется в Повисс, на службу к королю Риду. Однако я склоняюсь к путешествию еще более далекому. В Империи Нильфгаард, слышал я, воспринимают магов потребительски и без особого уважения. Зато хорошо им платят. А раз уж зашла речь о Нильфгаарде... Чуть не позабыл. У меня есть для тебя прощальный подарок, ведьмак.

Он отстегнул ремни, обмотал их вокруг ножен и вручил меч Геральту.

– Это тебе, – произнес прежде, чем ведьмак успел вымолвить хоть слово. – Я получил его на шестнадцатилетие. От отца, который не мог смириться с тем, что я решил идти в школу магии. Он рассчитывал, что подарок повлияет на меня, что взяв в руки подобное оружие, я почувствую себя обязанным хранить родовую традицию и выберу военную карьеру. Ну что ж, родителя я подвел. Во всем. Я не любил охотиться, предпочитая рыбную ловлю. Не женился ни на одной из дочерей его сердечных приятелей. Не стал я воином, меч пылился в шкафу. Он мне ни к чему. Тебе послужит лучше.

– Но... Пинетти...

– Бери, без церемоний. Знаю, что твои мечи пропали и что ты в нужде.

Геральт взялся за рукоять, обтянутую шкурой ящерицы, до половины вынул клинок из ножен. На палец повыше эфеса виднелось клеймо в виде солнца о шестнадцати лучах, попеременно ровных и волнистых, символизирующих в геральдике солнечный блеск и солнечный жар. В двух пальцах над солнцем шла прекрасно исполненная стилизованными литерами инскрипция, прославленное фирменное клеймо.

– Клинок из Вироледы, – констатировал он. – На этот раз – настоящий.

– Прошу прощения?

– Ничего, ничего. Просто удивляюсь. И все еще не знаю, могу ли я принять...

– Можешь. На самом деле уже принял, он ведь у тебя в руках. Да к черту, давай обойдемся без сцен, ладно? Отдаю тебе меч из симпатии. Чтобы ты понял, что не всякий чародей тебе враг. А мне больше нравятся удочки. В Нильфгаарде реки чистые и красивые, в них полно форели и лососей.

– Спасибо. Пинетти?

– Да?

– Ты даешь мне этот меч исключительно из симпатии?

– Из симпатии, а как же, – чародей понизил голос. – А может, и не только. Какое мне, впрочем, дело, что еще произойдет, для каких целей тебе меч послужит? Прощаюсь я с этими краями, никогда сюда не вернусь.

Видишь тот пузатый галеон на рейде? Это «Эвриайль», порт назначения – Баккала. Отплываю послезавтра.

– Ты прибыл заранее.

– Да... – чуть запнулся маг. – Сперва я хотел бы здесь... кое с кем попрощаться.

– Удачи. Благодарю за меч. И за лошадь, еще раз. Пока, Пинетти.

– Пока, – волшебник не раздумывая пожал поданную ему руку. – Пока, ведьмак.

* * *

Он нашел Лютика – где же еще – в портовом кабаке, вовсю наворачивавшего рыбную похлебку.

– Я выезжаю, – проговорил коротко. – Сейчас.

– Сейчас? – Лютик замер, не донеся ложку до рта. – Сейчас? Я думал...

– Не важно, что ты думал. Я уезжаю немедленно. Кузена-инстингатора – предупреди. Вернусь к королевской свадьбе.

– А это что?

– А на что похоже?

– На меч, ясное дело. Откуда он у тебя? От чародея, верно? А тот, что ты получил от меня? Где он?

– Я его потерял. Возвращайся в верхний город, Лютик.

– А Коралл?

– Что Коралл?

– Что я должен сказать, когда спросит...

– Не спросит. Не найдет для этого времени. Будет кое с кем прощаться.

Интерлюдия

СЕКРЕТНО

Illustrissimus et Reverendissimus

Magnus Magister Нарсес де ля Рош^[54]

Главе Капитула Дара и Искусств, Новигард.

Datura ex Castello Rissberg,

die 15 mens. Jul. anno 1245 post Resurrectionem^[55].

Re:

Мастера Искусства, мага

Сореля Альберта Амадора Дегерлунда

Honoratissime^[56] Архимастер,

несомненно дошли до Капитула слухи об инцидентах, каковые имели место летом *anno currente*^[57] на западных границах Темерии, результатом коих инцидентов, как свидетельствуют, стала гибель около сорока – точнее сказать невозможно – персон, главным образом неквалифицированных лесных работников. Инциденты сии связываются, к нашему прискорбию, с личностью мастера Сореля Альберта Амадора Дегерлунда, члена исследовательской группы Комплекса Риссберг.

Исследовательская группа Комплекса Риссберг солидарна в страданиях с семьями жертв инцидентов, даже ежели жертвы сии, стоящие весьма низко в общественной иерархии, злоупотреблявшие алкоголем и ведущие аморальный способ жизни, наверняка ни в каких семейных связях не состояли.

Мы желаем напомнить Капитулу, что мастер Дегерлунд, ученик и любимец архимастера Ортолана, – известный ученый, специалист в области генетики, обладающий огромными, почти неоценимыми достижениями в области трансгуманизма, интрогрессии и специации. Исследования, которые проводит мастер Дегерлунд, могут стать ключевыми для развития и эволюции человеческой расы. Как известно, человеческая раса уступает расам нечеловеческим по многим физическим, психическим и психомагическим характеристикам. Эксперименты же мастера Дегерлунда, относящиеся к гибридизации и соединению фонда генов, имеют целью сперва сравнить человеческую расу с расами нечеловеческими, а в отдаленной перспективе – через специацию –

доминировать над ними и совершенно их подчинить. Полагаю, нам нет необходимости объяснять глобальное значение, кое имеют подобные вещи. Было бы нежелательным, чтоб некие малые инциденты замедлили или притормозили прогресс вышеозначенных научных работ.

Что же до самого мастера Дегелунда, то исследовательская группа Комплекса Риссберг принимает полную ответственность за медицинскую над ним опеку. У мастера Дегерлунда ранее уже диагностировали нарциссические склонности, отсутствие эмпатии и легкое эмоциональное замешательство. В период, предшествующий совершению поступков, в которых его обвиняют, оное состояние усилилось – до проявления симптомов аффективного биполярного расстройства. Можно с уверенностью утверждать, что в минуты совершения поступков, в которых его обвиняют, мастер Дегерлунд не контролировал свои эмоциональные реакции и способность различения добра и зла у него оказалась пониженной. Можно полагать, что мастер Дегерлунд был *non compos mentis, eo ipso*^[58] временно утратил вменяемость, а потому уголовной ответственности за приписываемые ему поступки не подлежит, поскольку *impune est admittendum quod per furorem alicuius accidit*^[59].

Мастер Дегерлунд оказался размещен *ad interim*^[60] в месте тайном, где он лечится и продолжает свои исследования.

Полагая дело закрытым, мы желали бы обратить внимание Капитула на личность констебля Торквилья, что проводит следствие в деле инцидентов в Темерии. Констебль Торквиль, подчиненный бейлифа из Горс Велена, из иных источников известный как функционер добросовестный и ярый защитник закона, выказывает в вопросе инцидентов в вышеозначенных селениях чрезмерное рвение и взял недолжный с нашей точки зрения след. Надлежало бы повлиять на его начальство, дабы оное несколько запал его пригасило. А если это не принесет надлежащих результатов, стоило бы проверить данные констебля, его жены, родичей, близких, детей и дальних членов семьи с точки зрения личной жизни, прошлого, возможных правонарушений, имущественных дел и сексуальных предпочтений. Рекомендуем контакт с адвокатской конторой Кодрингера и Фена, услугами которой, если могу я напомнить Капитулу, мы пользовались три года назад с целью дискредитации и компрометации свидетелей в деле, известном как «зерновая афера».

Item^[61], мы желаем обратить внимание Капитула, что в нынешнее дело оказался впутан, к сожалению, ведьмак, известный как Геральт из Ривии. Сей принимал непосредственное участие в инцидентах, и есть у нас

основание полагать, что связывает он эти происшествия с персоной мастера Дегерлунда. Оного ведьмака также надлежало бы успокоить, когда б начал он копаться в деле слишком глубоко. Обращаем внимание, что асоциальное поведение, нигилизм, эмоциональная нестабильность и хаотическая личность упомянутого ведьмака могут привести к тому, что подобное предостережение может оказаться *non sufficit*^[62] и необходимо будет применить средства экстремальные. Ведьмак находится под нашей постоянной слежкой, и мы готовы подобные средства применить – если, конечно же, Капитул сие одобрит и порекомендует.

В надежде, что вышеозначенное пояснение окажется для Капитула достаточным для закрытия дела, *bene valere optamus*^[63] и остаемся в неизменном уважении

от лица исследовательской группы Комплекса Риссберг
semper fidelis vestrarum bona amica^[64]

Бирута Анна Маркветта Икарти *manu propria*^[65]

Глава семнадцатая

*Отплати ударом на удар, презреньем на презренье,
смертью на смерть, и отплати сполна, с процентами!
Око за око, зуб за зуб, четырехкратно, стократно!*

Антон Шандор ЛаВей. Библия Сатаны

– Самое время, – хмуро произнес Франс Торквиль. – Успел ты, ведьмак, на представление, тютелька в тютельку. Сейчас начнется.

Он лежал на постели, навзничь, бледный, как беленая стена, с волосами мокрыми от пота и приклеившимися ко лбу. Была на нем лишь сорочка льняного полотна, которая Геральту сразу же напомнила ту, в каких хоронят. Левое бедро, от паха до колена, обмотано было пропитанной кровью повязкой.

Посредине комнаты стоял стол, накрытый простынкой. Невысокий типчик в черном кафтане без рукавов выкладывал на стол инструменты, по очереди, один за другим. Ножи. Клещи. Долота. Пилы.

– Об одном жалею, – скрежетнул зубами Торквиль. – Что добратся до них, сукиных детей, я не сумел. Воля богов, не суждено мне было... И уже не будет.

– Что случилось?

– То самое, мать его, что в Тисах, Роговизне, Соснице. Одно только необычно: на самом краю пущи. И не на поляне, а на большаке. Налетели на путников. Трех убили, двух детей украли. Так уж вышло, что мой отряд поблизости оказался, сразу рванули мы в погоню, вскоре их увидели. Двое дуболомов – здоровенных, что твои быки, и один уродливый горбун. Тот горбун из арбалесты меня и достал.

Констебль сцепил зубы, коротким жестом указал на забинтованную ногу.

– Я своим приказал, чтоб меня оставили, за теми гнались. Не послушали, сучьи дети. И в результате – ушли, твари. А я? Что с того, что меня спасли? Ежели мне нынче ногу отчекрыжат? Лучше б мне, сука, подохнуть там было, но еще тех-то в петле и ногами дрыгающими увидеть, прежде чем тьма на глаза падет. Не послушались приказа, босота. Теперь там вон сидят, стыдятся.

Подчиненные констебля и вправду, как один со смурными минами,

обсели лавку под стеной. Соседствовала с ними совершенно неуместная здесь сморщенная старушка в венке, абсолютно не подобавшем ее сединам.

– Можем начинать, – произнес типчик в черном кафтане. – Пациента на стол, привязать покрепче поясами. И пусть посторонние покинут комнату.

– Пусть останутся, – прохрипел Торквиль. – Мне надо знать, что смотрят. Будет тогда мне стыдно кричать.

– Погодите-ка, – выпрямился Геральт. – Кто решил, что ампутация необходима?

– Я решил, – черный типчик тоже выпрямился, но чтобы взглянуть Геральту в лицо, ему все равно приходилось сильно запрокидывать голову. – Я – мессир Люппи, лейб-медик бейлифа из Горс Велена, специально сюда присланный. Обследование выявило, что рана заражена. Ногу придется отрезать, иного спасения нет.

– И сколько берешь за процедуру?

– Двадцать крон.

– Держи тридцать. – Геральт высыпал из мешка три десятикрановки. – Собирай инструменты, пакуйся, возвращайся к бейлифу. Если он спросит, скажи, что пациенту стало лучше.

– Но... Я обязан опротестовать...

– Пакуйся и возвращайся. Какое из этих слов тебе не понятно? А ты, бабка, давай сюда. Раздвинь бинты.

– Он, – старушка указала на лейб-медика, – запретил мне к больному прикасаться. Потому как я, стало быть, знахарка и ведьма. Грозился донести на меня.

– Не обращай на него внимания. Он уже уходит.

Бабка, в которой Геральт сразу распознал травницу, послушалась. Осторожно распустила повязку, хотя Торквиль все крутил головой, шипел и постанывал.

– Геральт... – прохрипел. – Что ты задумал? Медикус говорил, что спасения нету... Лучше я ногу потеряю, чем жизнь.

– Да хрен там. Ничего не лучше. А теперь заткнись.

Рана выглядела отвратительно. Но Геральт видывал и похуже.

Вынул из сумы шкатулку с эликсирами. Мессир Люппи, уже собравшийся, присматривался, качал головой.

– Тут декокты не помогут, – объявил. – Не помогут лжемагия и знахарские фокусы. Шарлатанство, ничего более. Как медик, я должен возразить...

Геральт повернулся, глянул. Медик вышел. Поспешно. Споткнувшись

на пороге.

– Четверо ко мне. – Геральт откупорил флакончик. – Придержите его. Стисни зубы, Франс.

Вылитый на рану эликсир сильно вспенился. Констебль душераздирающе застонал. Геральт подождал миг-другой, вылил второй эликсир. Этот тоже пенился, но сперва шипел и дымился. Торквиль закричал, замотал головой, напрягся, закатил глаза и потерял сознание.

Старушка достала из узелка баклажку, выгребла оттуда пригоршню зеленой мази, толстым слоем намазала на кусок сложенного полотна, прикрыла рану.

– Живокост, – определил Геральт. – Состав из живокоста, арники и календулы. Хорошо, бабушка, очень хорошо. Еще быгодились зверобой, кора дуба...

– Видали его, – прервала бабка, не поднимая лица от ноги констебля. – Травничеству станет меня учить! Я, сынок, травами тогда уже лечила, когда ты еще няньку обрыгивал кашкой с молочком. А вы, бездельники, отойдите, а то света не вижу. Да и дух от вас крепкий. Менять надобно онучи, менять. Время от времени. Пошли прочь из избы, кому сказано?

– Ногу надо будет обездвижить. Вложить в длинные лубки...

– Сказала ж – не учи ученую. Да и сам – выдь во двор. Чего ты еще тут стоишь? Чего ждешь? Благодарности, что великодушно предоставил свои ведьмачьи лекарства? Обещанья, что он тебе этого по гроб жизни не забудет?

– Хочу его кое о чем спросить.

– Поклянись, Геральт, – совершенно неожиданно отозвался Франс Торквиль, – что ты их достанешь. Что не простишь им...

– Дам-ка я ему кой-чего на сон и супротив горячки, а то бредит. А ты, ведьмак, ступай. Обожди под избой.

Ждал он недолго. Бабка вышла, подтянула юбку, поправила сбившийся венок. Уселась рядом, на завалинке. Потерла стопой о стопу. Были они необычайно маленькими.

– Спит, – объявила она. – И пожалуй, выживет, если ничего дурного не случится, тьфу-тьфу. Кость срастется. Спас ты ему ходилку-то ведьмачьими чарами. Хромым останется и на коня, думается мне, уже никогда не сядет, но две ноги – не одна, хе-хе.

Она сунула руку за пазуху, под вышитую безрукавку, отчего запах трав только усилился. Вынула деревянную коробочку, открыла ее. Поколебалась секунду-другую, предложила Геральту.

– Нюхнешь?

– Нет, спасибо. Я фисстех не употребляю.

– А я вот... – травница втянула наркотик сперва одной, потом другой ноздрей. – А я вот – порой. Обалденно влияет! На остроту мысли. На долголетие. И на красоту. Ты только глянь на меня.

Он поглядел.

– За ведьмачье лекарство для Франса, – бабка вытерла слезящийся глаз, хлюпнула носом, – я благодарю; не забуду этого. Знаю, что вы тщательно те ваши декокты бережете. А ты поделился с ним, без раздумий. Хотя, окажись ты в нужде, может их как раз не хватить. Не боишься?

– Боюсь.

Она повернулась в профиль. И правда некогда была красивой женщиной. Но уж давненько.

– А сейчас, – отвернулась, – говори. О чем ты хотел спросить Франса?

– Не важно. Он спит, а мне пора в дорогу.

– Говори.

– Гора Кремора.

– Вот так бы и сразу. Что ты хочешь знать об этой горе?

* * *

Изба стояла далеко за селом, под самым бором, а тот стеной вздымался сразу за оградой сада, в котором ветки гнулись от тяжести яблок. Все остальное было в рамках сельской классики – сарай, сеновал, курятник, несколько ульев, огород, куча навоза. Из трубы сочилась лента белесого и приятно пахнувшего дыма.

Гребущиеся у плетня цесарки заметили ведьмака первыми, подняли адское голготание, предупреждая всю околицу. Крутившиеся во дворе детишки – трое – помчались в сторону дома. В дверях появилась женщина. Высокая, светловолосая, в переднике поверх полотняной юбки. Он подъехал ближе, спрыгнул с коня.

– Мое почтение, – поприветствовал ее. – Хозяин дома?

Дети – все девочки – вцепились в мамины юбки и фартук. Женщина глядела на ведьмака, и во взгляде ее не отыскать было симпатии. И не мудрено: она отлично видела рукоять меча над плечом ведьмака. Медальон на его шее. Серебряные шипы на перчатках, которые ведьмак совершенно не скрывал. Скорее – открыто демонстрировал.

– Хозяин, – повторил он. – Отто Дуссарт, стало быть. Есть у меня к нему дело.

– Какое?

– Личное. Он дома?

Она смотрела молча, чуть склонив набок голову. Была, как он решил, рустикального типа красоты, а стало быть, годков между двадцатью пятью и сорока пятью. Определить поточнее, как оно и случилось с большинством селянок, было невозможно.

– Он дома?

– Нет его.

– Тогда подожду. – Геральт забросил вожжи кобылы на жердь. – Пока вернется.

– Это может быть очень нескоро.

– Как-нибудь переживу. Хотя, сказать по правде, я бы предпочел ждать под крышей, а не под плетнем.

Женщина некоторое время мерила его взглядом. Его и его медальон.

– Гость в дом, – произнесла она наконец. – Приглашаю.

– Приглашение принято, – ответил он привычной формулировкой. – Закон гостеприимства я не преступлю.

– Не преступишь, – повторила она, растягивая слова. – Но меч у тебя – с собой.

– Такая профессия.

– Мечи калечат. И убивают.

– Жизнь тоже. Так что в итоге с приглашением-то?

– Просим в избу.

Входить, как обычно в подобных домах, нужно было через сени: темные и загроможденные. Сама изба оказалась довольно просторной, светлой и чистой, стены лишь подле кухни и печи носили следы сажи, в других же местах радовали белизной или цветными ковриками, всюду висела также разнообразнейшая домашняя утварь, пучки трав, косицы чеснока, вязанки перца. Полотняная завеса отделяла жилую комнату от кладовой. Пахло кухней. Капустой, стало быть.

– Просим садиться.

Хозяйка все еще стояла, мяла фартук. Дети присели подле печи, на низкой лавке.

Медальон на шее Геральта задрожал. Сильно и неудержимо. Бился под рубахой, словно плененная птица.

– Тот меч, – отозвалась женщина, отходя к кухне, – стоило в сенях оставить. Не по обычаю это – с оружием за стол садиться. Только разбойники так поступают. Ты разбойник?

– Ты хорошо знаешь, кто я такой, – отрезал он. – А меч останется там,

где он есть. Ради напоминания.

– О чем?

– О том, что поспешные поступки влекут за собой опасные последствия.

– Тут никакого оружия совсем нет, а значит...

– Ладно, ладно, – прервал он. – Давай друг друга не обманывать, госпожа хозяйка. Сельская хата – сущий арсенал, не один уже погиб от мотыги, а о цепах и вилах я даже вспоминать не стану. Слыхал я даже о человеке, которого прикончили билом от маслобойки. Всем можно причинить вред, если захочется. Или понадобится. И коли уж мы заговорили об этом, то – оставь в покое тот горшок с кипятком. И отойди от кухни.

– Ничего такого я не думала, – быстро произнесла женщина, очевидно, кривя душою. – И там не кипяток, а борщ. Угостить хотела...

– Спасибо. Но я не голоден. Поэтому горшок не трогай и отойди от печи. Сядь там, подле детей. И чинно подождем хозяина.

Сидели они в тишине, прерываемой лишь жужжанием мух. Медальон дрогнул.

– В печи казанок с капустой доходит, – прервала тяжелое молчание женщина. – Вынуть надобно, а то прогорит.

– Она, – Геральт указал на самую маленькую из девочек, – пусть это сделает.

Девочка неторопливо встала, зыркая на него из-под пшеничной челки. Взяла ухват на длинном черенке, склонилась над заслонкой печи. И внезапно прыгнула на Геральта, словно кошка. Намеревалась пригвоздить к стене его шею, но он уклонился, дернул за черенок, повалил девочку на пол. Еще падая, та начала превращаться.

Женщина и две прочих превратиться уже успели. На ведьмака в прыжке летели три зверя: серая волчица и два волчонка, с налитыми кровью глазами и оскаленными клыками. В прыжке они разделились, истинно по-волчьи, нападая со всех сторон. Он отскочил, на волчицу толкнул лавку, волчат отбросил ударами кулаков в утыканных серебром перчатках. Заскулили, припали к земле, ощерив клыки. Волчица дико завывала, прыгнула снова.

– Нет! Эдвина! Нет!

Она свалилась на него, прижимая к стене. Но уже в людском обличье. Превратившиеся девочки тут же сорвались с места, спрятались за печью. Женщина осталась, присев у его коленей, глядя пристыженным взглядом. Ведьмак не знал, стыдится ли нападения или того, что оно не удалось.

– Эдвина! Как же так? – загремел, уперев руки в бока, бородатый мужчина высоченного роста. – Что же это ты?

– Это ведьмак! – фыркнула женщина, все еще сидя на корточках. – Разбойник с мечом! За тобой пришел! Убийца! Кровью пахнет!

– Молчи, женщина. Я его знаю. Простите, господин Геральт. Ничего с вами не случилось? Простите. Она не ведала... Думала, что уж коли ведьмак...

Он прервался, огляделся беспокойно. Женщина и девочки сгрудились подле печи. Геральт готов был поклясться, что слышит тихое рычание.

– Ничего не случилось, – сказал он. – И я не в обиде. Но появился ты вовремя. Отнюдь не преждевременно.

– Знаю, – бородач заметно вздрогнул. – Знаю, господин Геральт. Садитесь, садитесь за стол... Эдвина! Пива подай!

– Нет. Выйдем, Дуссарт. На пару слов.

Посреди подворья сидел бурый кот, при виде ведьмака мгновенно сиганувший прочь и спрятавшийся в крапиве.

– Не хочу расстраивать твою жену и пугать детей, – произнес Геральт. – Кроме того, есть у меня дело, о котором я предпочел бы перемолвиться с глазу на глаз. Речь, видишь ли, идет об одной услуге.

– Что пожелаете, – выпрямился бородач. – Только скажите. Всякое ваше желание выполню, если только смогу. Долг у меня перед вами, большой долг. Благодаря лишь вам живым хожу по свету. Потому как во время оно вы меня пощадили. Вам благодаря...

– Не мне. Себе. Тому, что даже в волчьем обличье ты оставался человеком и никогда никому не причинил вреда.

– Не причинил, это правда. И что мне это дало? Соседи, заподозрив неладное, сразу против меня ведьмака вызвали. Хотя, бедолаги, грош к грошу собирали, чтобы вас нанять.

– Я подумывал вернуть им деньги, – признался Геральт. – Но это могло бы возбудить подозрения. Я дал им твердое ведьмачье слово, что снял с тебя волкулачье проклятие и совершенно вылечил от ликантропии, что нынче ты – наинормальнейший в мире. А такой поступок должен чего-то стоить. Если люди платят за что-то – значит, они в это верят; что оплачено, то становится истинным и легальным. Чем дороже – тем лучше.

– У меня аж мурашки бегают, когда тот день вспоминаю. – Диссарт, несмотря на загар, побледнел. – Я чуть от страху не помер, как вас с клинком серебряным увидал. Решил: последний мой час пробил. Мне же всякое слышать приходилось. О ведьмаках-убийцах, кровь и мясо любящих. А вы, как оказалось, человек справедливый. И добрый.

– Давай-ка без преувеличений. Но моего совета ты послушался и из Гуаамеза выехал.

– Пришлось, – хмуро произнес Дуссарт. – В Гуаамезе вроде бы поверили, что я – расколдованный, но вы были правы, бывшему волкулаку меж людьми непросто. По-вашему получилось: то, кем ты был, для людей всегда важнее того, кем стал. Пришлось оттуда выезжать, в чужие края идти, где меня никто не знал. Бродил я, бродил... Пока, наконец, сюда не попал. И тут с Эдвиной познакомился...

– Нечасто случается, чтобы двое териантропов соединились в пару, – покачал головой Геральт. – А еще реже бывает потомство от таких связей. Повезло тебе, Дуссарт.

– Это точно, – ощерился волкулак. – Малышки – как с картинки, красавицами растут. А с Эдвиной мы – душа в душу. Без нее мне не жить.

– Она во мне ведьмака сразу узнала. И немедленно была готова защищаться. Не поверишь, кипящим борщом хотела встретить. Наверняка и она наслушалась волкулачьих сказок о кровожадных ведьмаках, до мяса жадных.

– Простите ей, господин Геральт. А одного борща мы вместе попробуем. Эдвина чудный борщ варит.

– Может лучше мне не навязываться, – покачал головой ведьмак. – Детей пугать не хочу, а тем более супругу твою нервировать. Для нее я по-прежнему разбойник с мечом, и странно было бы ожидать, чтоб так вот сразу она прониклась доверием ко мне. Сказала, что я кровью пахну. В переносном, как понимаю, смысле.

– Не совсем. Без обид, господин ведьмак, но отдает от вас кровью ужасно.

– Я с кровью не имел дела...

– Я бы сказал: где-то недели две, – закончил волкулак. – Это старая кровь, мертвая, притрагивались вы к кому-то окровавленному. Есть и более ранняя кровь, где-то месячной давности. Холодная кровь. Кровь рептилии. Вы и сами истекали кровью. Из раны, живой кровью.

– Я изумлен.

– У нас, волкулаков, – Дуссарт гордо выпрямился, – чуток тоньше обоняние, чем у людей.

– Знаю, – улыбнулся Геральт. – Знаю, что волкулачье обоняние – воистину чудо природы. Именно потому я и пришел к тебе за помощью.

– Бурозубки, – сказал Дуссарт. – Бурозубки, значит, землеройки. И полевки. Много полевок. Говно. Много говна. Главным образом – куниц. И ласок. Ничего больше.

Ведьмак вздохнул, потом сплюнул. Не скрывал разочарования. Была это уже четвертая пещера, в которой Дуссарт не вынюхал ничего, кроме грызунов и охотившихся на грызунов хищников. И массу говна от тех и других.

Они перешли к следующему отверстию, зиявшему в скале. Камни выскальзывали из-под ног, катились по насыпи. Склон был отвесным, шли они с трудом, Геральт уже начинал уставать. Дуссарт в зависимости от местности то оборачивался волком, то оставался в человеческом облике.

– Медведица, – он заглянул в очередной грот, потянул носом. – С молодыми. Была, но ушла, здесь ее уж нет. Есть сурки. Землеройки. Нетопыри. Много нетопырей. Горностай. Куница. Росомаха. Много дерьма.

Следующая пещера.

– Самка хорька. В течке. Еще росомаха... Нет, две. Пара росомах.

– Подземный источник, вода, чуток с серой. Гремлины, целая группа, штук десять, пожалуй. Какие-то гады, может, саламандры... Нетопыри...

С расположенного где-то выше скального уступа взлетел огромный орел, кружил над ними, покрикивая.

Волкулак поднял голову, глянул на горные вершины. И на бегущие над ними темные тучи.

– Гроза идет. Такое уж лето, ни дня без грозы... Что делаем, господин Геральт? Следующая дыра?

– Да.

Чтобы добраться до нее, им пришлось миновать обрушивавшийся с утеса водопад, не слишком большой, но достаточный, чтобы серьезно их вымочить. Поросшие мхом скалы были здесь скользкими, будто мыло. Дуссарт, чтобы проще было идти, перекинулся в волка. Геральт несколько раз опасно оскальзывался, но справился, чертыхаясь и преодолевая трудный участок на четвереньках. Хорошо, что нет здесь Лютика, подумал, уж он бы описал это в балладе. Впереди ликантроп в волчьем образе, за ним ведьмак на четвереньках. Вот бы люди порадовались!

– Большая дыра, господин ведьмак, – поспешил с оценкой Дуссарт. – Большая и глубокая. Там – горные тролли, пять или шесть взрослых троллей. И нетопыри. Много нетопырьего дерьма.

– Идем дальше. К следующей.

– Тролли... Те же тролли, что и в предыдущей. Пещеры соединяются.

– Медведь. Пестун. Был там, но ушел. Недавно.

– Землеройки. Нетопыри. Листоносы.

От следующей пещеры волкулак отскочил, словно ошпаренный.

– Горгон, – прошептал. – В глубине сидит большой горгон. Спит. Кроме него, здесь ничего нет.

– Не удивляюсь, – проворчал ведьмак. – Уходим. Тихонько. А ну как он проснется...

Они отошли, встревоженно оглядываясь. К очередному гроту, к счастью, расположенному поодаль от лежища горгона, приближались очень медленно, понимая, что осторожность не помешает. Не помешала, но оказалась ненужной. Несколько следующих пещер не скрывали в своих глубинах ничего, кроме нетопырей, землероек, мышей, полевок и сурков. С огромными залежами дерьма.

Геральт был измучен и раздражен. Дуссарт тоже – и вполне явственно. Но держал, следовало признать, фасон, не выказывал недовольства ни словом, ни жестом. Однако у ведьмака насчет этого сомнений не было. Волкулак не верил в успех операции. Согласно тому, что Геральт слышал сам и что подтвердила бабка-травница, гора Кремора с восточной, отвесной стороны была дырява, словно сыр, проверчена бесчисленными пещерами. Пещер они и вправду обнаружили без счета. Но Дуссарт явно не верил, что удастся вынюхать и найти ту самую, являвшуюся подземным проходом внутрь скального комплекса Цитадели.

Вдобавок к остальному еще и сверкнуло. Загремело. И начался дождь. Геральту от всей души захотелось сплюнуть, мерзко выругаться и объявить о завершении предприятия. Он превозмог себя.

– Пойдем, Дуссарт. Следующая дыра.

– Как пожелаете, господин Геральт.

И вдруг, подле очередного зияющего в скале отверстия, наступил – словно в плохом романе – перелом.

– Нетопыри, – огласил волкулак, приняхиваясь. – Нетопыри и... И кот.

– Рысь? Камышовый?

– Кот, – выпрямился Дуссарт. – Обычный домашний кот.

* * *

Отто Дуссарт с интересом поглядывал на бутылочки эликсиров, на то, как ведьмак их выпивает. Наблюдал за изменениями, которые происходили во внешности Геральта, и глаза его расширялись от удивления и страха.

– Не приказывайте мне, чтобы я спускался с вами в эту яму, – сказал. –

Без обид, но я не пойду. От ужаса перед тем, что там может оказаться, у меня шерсть дыбом встает...

– Мне и в голову не пришло бы тебя об этом просить. Возвращайся домой, Дуссарт, к жене и детям. Ты оказал мне услугу, сделал, что я попросил, большего требовать я не могу.

– Я подожду, – запротестовал волкулак. – Подожду, пока вы выйдете.

– Не знаю, когда я оттуда выйду. – Геральт поправил меч за спиной. – И выйду ли вообще.

– Не говорите так. Я подожду... Подожду до сумерек.

* * *

Дно пещеры толстым слоем покрывало гуано нетопырей. Сами нетопыри – толстенные зверьки – целыми гроздьями висли под потолком, вертясь и сонно попискивая. Потолок сперва оставался высоко над головой Геральта, по ровной поверхности шагало в меру быстро и удобно. Удобство, однако, скоро закончилось – сперва пришлось наклоняться, сгибаться все ниже и ниже, пока не осталось иного выхода, кроме как пробираться на четвереньках. А под конец – ползти.

Был момент, когда он остановился, решив возвращаться: сделалось тесно настолько, что он всерьез боялся застрять.

Но услышал шум воды, а в лицо дохнуло прохладным воздухом. Понимая, чем рискует, он ввинтился в щель, с облегчением вздохнув, когда та начала расширяться. Коридор внезапно стал желобом, по которому он съехал вниз, прямо в русло подземного ручья, вытекавшего из-под одной скалы и исчезавшего под противоположной. Откуда-то сверху просачивался слабый свет, и именно оттуда – с горних высей – веяло свежестью.

Отнóрок, в котором исчезал ручей, казался заполненным водой доверху, и ведьмаку, хоть он и подозревал, что это сифон, нырять не хотелось. Выбрал он дорогу по ручью – вдоль верткого течения, вверх по уклону. Прежде чем добрался до большого зала, промок до нитки и перемазался илом из известковых наносов.

Зал был огромный, весь в величественных потеках, глазуриях, драпировках, сталагмитах, сталактитах и сталагнатах. Ручей тек по глубокому, зигзагообразному руслу. Сверху здесь тоже сочился слабый свет и ощущался легкий сквозняк. Ощущалось и кое-что еще. Обоняние ведьмака с нюхом волка сравниться не могло, но теперь и Геральт чувствовал то, что волкулак – ранее: слабый дух кошачьей мочи.

Он постоял минутку, огляделся. Поток воздуха указал ему проход, дыру, словно бы вход во дворец, фланкированный колоннами мощных сталагмитов. Тут же, рядом, он заметил наполненное песком мелкое углубление. Именно от этого углубления шибало котом. На песке виднелись многочисленные отпечатки кошачьих лапок.

Ведьмак перевесил за спину меч (ранее его пришлось снять из-за тесноты проходов). И вошел меж сталагмитами.

Уводивший чуть вверх коридор был высок и сух. Под ногами попадались камни, но идти не мешали. Вот ведьмак и шел. Пока путь ему не преградили двери. Солидные и замковые.

До этого момента Геральт совершенно не был уверен, идет ли он туда, куда следует, не был уверен, что попал в нужную пещеру. Однако двери вроде бы подтверждали его правоту.

В дверях, у самого порога, виднелось маленькое, совсем недавно вырезанное отверстие. Вход для кота.

Он толкнул двери – те даже не шелохнулись. Однако дрогнул – едва-едва – амулет ведьмака. Двери были магические, защищенные заклинанием. Однако то, как легонько дрогнул амулет, свидетельствовало о том, что заклинание не сложное. Он приблизил губы к створкам:

– Друг.

Двери бесшумно отворились на промасленных петлях. Как он точно угадал, их снабдили слабой магической защитой и фабричным паролем, как серийную продукцию, и никому – к его счастью – не захотелось установить там что-либо более изощренное. Заказчикам нужно было отгородиться от комплекса пещер и от существ, не способных воспользоваться даже подобной простой магией.

За дверьми – которые он на всякий случай заклинил камнем – естественные пещеры закончились. Начался коридор, пробитый в скале кирками.

До сих пор, несмотря на все увиденное, ведьмак сомневался. До того самого момента, когда различил впереди свет. Зыбкий свет факела или лампадки. А мгновение спустя услышал хорошо знакомый ему смех. Ржанье.

– Буууэх-хххrrrr-эээххх-буэээхх!

Свет и ржанье, как оказалось, доносились из большого помещения, освещенного воткнутой в железный захват толстой лучиной. Под стенами громоздились сундуки, тюки и бочки. За одним из сундуков, используя бочки как стулья, сидели Буэ и Бэнг. Играли в кости. Ржал Бэнг: видимо, как раз выбросил больше очков.

На сундуке стоял кувшин горькой. Подле лежала закуска.

Запеченная человеческая нога.

Ведьмак вынул меч из ножен.

– День добрый, парни.

Буэ и Бэнг какое-то время таращились на него, раззявив рты. А после зарычали, вскочили, сваливши бочки, схватились за оружие. Буэ за косу, Бэнг за широкий скимитар. И бросились на ведьмака.

Удивили его, хотя он понимал, что легко не будет. Но не ожидал, что уродливые огротолли окажутся столь проворны.

Буэ махнул косой низко, и если бы ведьмак не подпрыгнул – лишился бы ног. Он едва сумел уклониться от удара Бэнга, скимитар высек искры из каменной стены.

Ведьмак умел управляться с проворными особами. Как и с крупными. Проворные или медленные, крупные или мелкие – у всех есть места, чувствительные к боли.

И они понятия не имели, насколько стремителен ведьмак после выпитых эликсиров.

Буэ взвыл, пораженный в локоть, пораженный в колено Бэнг взвыл еще громче. Ведьмак обманул его быстрым вольтом, проскочил над острием косы, самым кончиком клинка рубанул Буэ в ухо. Буэ зарычал, трясая головой, взмахнул косой, атаковал. Геральт сложил пальцы и ударил его Знаком Аард. Буэ, получив заклинанием, шлепнулся задом на пол, зубы его отчетливо щелкнули.

Бэнг широко размахнулся скимитаром. Геральт ловко нырнул под острие, в прыжке хлестнул великана по второму колену, завертелся, подскочил к пытавшемуся встать Буэ, рубанул его по глазам. Буэ, однако, успел откинуть голову, клинок промазал, попал в надбровные дуги, кровь моментально залила глаза огротолля. Буэ зарычал, вскочил, кинулся на Геральта вслепую, Геральт отпрыгнул, Буэ столкнулся с Бэнгом, ударился о него. Бэнг его отпихнул и яростно рыча кинулся на ведьмака, наотмашь отбиваясь скимитаром. Геральт избежал острия быстрым финтом и полуоборотом, рубанул огротолля дважды, в оба локтя. Бэнг взвыл, но скимитар не выпустил, снова замахнувшись, рубанул широко и бестолково. Геральт отпрянул за пределы досягаемости острия. Обманный финт вынес его за спину Бэнга, он не мог не использовать шанс. Провернул меч и рубанул снизу, вертикально, ровнехонько между ягодицами. Бэнг схватился за задницу, завыл, завизжал, затоптал ножищами, согнул колени и обмочился.

Ослепленный Буэ взмахнул косой. Попал. Но не по ведьмаку, который

вывернулся в пируэте. Попал в своего все еще державшегося за зад коллегу. И снес ему голову с плеч. Из перерезанной трахеи с громким шипением вышел воздух, кровь из артерии ударила, словно лава из кратера вулкана, – высоко, почти под потолок.

Бэнг стоял, брызгая кровью, словно безголовая статуя в фонтане, удерживаясь вертикально лишь благодаря огромным плоским стопам. Но в конце концов склонился и рухнул, будто колосс.

Буэ протер залитые кровью глаза. Заревел, словно буйвол, когда до него дошло, что случилось. Затопал ногами, махнул косой. Закрутился на месте в поисках ведьмака. Не нашел. Потому что ведьмак был у него за спиной. Пораженный в подмышку, Буэ выпустил косу, бросился на Геральта с голыми руками, кровь снова залила ему глаза, и поэтому он наткнулся на стену. Геральт подскочил, рубанул.

Буэ, похоже, не знал, что артерия у него перерублена. И что он давно уже должен умереть. Рычал, вертелся на месте, размахивал ручищами. Колени под ним подогнулись, он рухнул в лужу крови. Стоя на корточках, ревел и продолжал размахивать конечностями, но все тише и медленнее. Геральт, чтобы закончить, подошел и ткнул его концом клинка под грудь. Это было ошибкой.

Огротроль застонал и ухватился за клинок, эфес и руку ведьмака. Глаза его уже застила мгла, но хватки он не разжал. Геральт поставил ему на грудь сапог, уперся, дернул. Хотя кровь брызгала у него из руки, Буэ не отпускал.

– Ты глупый сукин сын, – процедил, входя в комнату, Паштор, целясь в ведьмака из своей двулучной арбалесты. – Ты сюда за смертью пришел. Ты уже мертвяк, чертово семя. Держи его, Буэ!

Геральт дернулся. Буэ застонал, но не отпустил. Горбун ощерился и нажал на спуск. Геральт присел, уклоняясь, тяжелая арбалестная стрела чиркнула перьями о его бок, хряпнула в стену. Буэ отпустил меч, лежа на животе ухватил ведьмака за ноги, обездвижил. Паштор закричал триумфально и поднял арбалесту.

Но выстрелить не сумел.

В комнату ворвался, словно серый снаряд, огромный волк. Ударил Паштора по-волчьи, в ноги, сзади, порвал подколенные сухожилия и сосуды. Горбун заорал, рухнул. Тетива оброненной арбалесты щелкнула, Буэ захрипел. Стрела попала ему прямо в ухо и вошла по перья. А наконечник вышел из второго уха.

Паштор завыл. Волк распахнул ужасную пасть и схватил его за голову. Вой перешел в хрип.

Геральт наконец-то отпихнул мертвого огротролля.

Дуссарт, уже в человеческом обличье, поднимался над трупом Паштора. Вытер губы и подбородок.

– На сорок втором году жизни волкулаком, – сказал, встретившись с ведьмаком взглядом, – наконец довелось мне кого-то загрызть.

* * *

– Я должен был прийти, – оправдывался Дуссарт. – Я знал, господин Геральт, что надобно вас предостеречь.

– Насчет их? – Геральт вытер клинок, указал на неподвижные тела.

– Не только.

Ведьмак вошел в комнатку, на которую указывал волкулак. И непроизвольно отпрянул.

Каменный пол был черен от загустевшей крови. Посредине зияла темная, обложенная камнем дыра. Рядом громоздилась пирамида из трупов. Нагих и искалеченных, порезанных, четвертованных, иной раз с ободранной кожей. Непросто было определить, сколько их.

Из дыры, из глубины – слышалось это отчетливо – доносились отзвуки хруста, треска раздавливаемых костей.

– Раньше я не мог этого почувствовать, – пробормотал Дуссарт голосом, полным отвращения. – Только как вы ту дверь-то отворили, там, внизу, я вынюхал... Бежим отсюда, господин Геральт. Подальше от этой трупницы.

– Мне тут дело нужно завершить. Но ты – ступай. Спасибо тебе большое, что пришел на помощь.

– Не благодарите. Долг у меня к вам. Я рад, что смог его уплатить.

* * *

Вверх вела витая лестница, закручиваясь в выбитой в скале цилиндрической шахте. Непросто было определить наверняка, но Геральт прикидывал, что будь она лестницей обычной башни, он поднялся бы на первый, может, на второй этаж. Насчитал шестьдесят две ступени, когда его остановила дверь.

Как и у тех, внизу, у этой тоже имелся выпиленный ход для кота. Замковая, как и те, внизу, эта, однако, не была магической, легко уступила

нажиму на ручку.

Комната, в которую он вошел, была без окон и освещалась слабо. Под потолком висели несколько магических шаров, но активен оказался лишь один. Воняло ужасно: химией и всевозможной мерзостью. С первого же взгляда стало ясно, что именно здесь расположено. Банки, бутылки и флаконы на полках, реторты, стеклянные сосуды и трубки, стальные инструменты и оборудование, словом, лаборатория, вне всяких сомнений.

На полке у самого входа рядами стояли большие банки. В ближайшей было полно человеческих глаз, плававших в желтом растворе, словно мирабели в компоте. В другой банке находился гомункулус – крохотный, не больше двух кулаков. В третьей...

В третьей банке плавала человеческая голова. Черт он, может, и не различил бы – искаженных ранами, опухлостями и обесцвечиванием, слабо различимых сквозь мутноватый раствор и толстое стекло. Но голова была совершенно лысой. Только один чародей брил голову налысо.

Харлан Тзара, оказывается, не добрался до Повиссы.

В дальних банках тоже нечто плавало, разнообразные синие и бледные гадости. Но голов больше не было.

Центр помещения занимал стол. Стальной стол с дренажным стоком.

На столе лежал нагой труп. Трупик. Останки ребенка. Светловолосой девочки.

Останки были взрезаны в форме литеры «Y». Внутренние органы, вынутые, были разложены по обеим сторонам тела: ровно, умело и в строгом порядке. Выглядело это совершенно как гравюра в анатомическом атласе. Не хватало лишь пометок: рис. 1, рис. 2 и так далее.

Краем глаза он заметил движение. Большой черный кот пробежал под стеной, глянул на него, зашипел, выскочил в приоткрытую дверь. Геральт направился следом.

– Господин...

Он остановился. И обернулся.

В углу стояла клетка – низкая, напоминавшая куриную. Он увидел тонкие пальчики, стиснутые на железных прутьях. А потом глаза.

– Господин... Спасите...

Мальчик, самое большее годков десяти. Скорчившийся и плачущий.

– Спасите...

– Тихо. Тебе уже ничего не угрожает, но потерпи немного. Я за тобой вернусь.

– Господин! Не уходите!

– Тихо, я сказал.

Сперва была библиотека, щекотавшая нос пылью. Потом – словно бы салон. А потом спальня. Большое ложе с черным балдахином на краснодеревных столбиках.

Он услышал шелест. Обернулся.

В дверях стоял Сорель Дегерлунд. Завитой, в епанче, вышитой золотыми звездами. Рядом с Дегерлундом стояло нечто, не слишком высокое, совершенно серое и вооруженное зерриканской саблей.

– У меня есть приготовленная банка с формалином, – сказал чародей. – Для твоей головы, выродок. Убей его, Бета!

Дегерлунд еще заканчивал предложение, упиваясь звуками собственного голоса, когда серое создание атаковало – неистово быстрый серый призрак, ловкая и бесшумная серая крыса, в свисте и блеске сабли. Геральт уклонился от двух ударов, нанесенных классически, крест-накрест. В первый раз почувствовал подле уха движение воздуха под клинком, во второй – легкое прикосновение к рукаву. Третий удар он парировал мечом, на миг они сцепились. Увидел он лицо серой твари, большие желтые глаза с вертикальным зрачком, узкие щели на месте носа, острые уши. Рта у создания не было совсем.

Они расцепились. Тварь ловко вывернулась, моментально атаковала, легким, танцующим шагом, снова крест-накрест. Опять же предсказуемо. Была нечеловечески подвижна, невероятно быстра, адски гибка. Но – глупа.

Понятия не имела, насколько стремителен ведьмак после выпитых эликсиров.

Геральт позволил твари лишь один удар, из-под которого он ушел. Потом атаковал сам. Движением выученным и стократно отработанным. Обошел серую тварь быстрым полуоборотом, исполнил обманный финт и рубанул в ключицу. Кровь еще не успела брызнуть, когда он провернул меч и ударил создание подмышку. И отскочил, готовый продолжать. Но продолжать не пришлось.

У твари, как оказалось, имелся рот. Раззявился он на сером лице, словно лопнувшая рана, широко, от уха до уха, но не больше, чем на полпальца. Ни голоса, ни звука тварь не издала. Упала на колени, а потом набок. Миг-другой подергивалась еще, двигала ногами и руками словно пес, которому что-то снится. Потом умерла. В тишине.

Дегерлунд совершил ошибку. Вместо того чтобы убегать, он поднял обе ладони и принялся скандировать заклинание тьявкаушим, преисполненным злости и ненависти голосом. Вокруг его рук за клубился пламень, формируя огненный шар. Выглядело это отчасти как создание

сахарной ваты. Даже засмердело похоже.

Дегерлунд не успел сформировать шар до конца. Понятия не имел, насколько стремителен ведьмак после употребления эликсиров.

Геральт подскочил, рубанул по шару и рукам чародея. Пыхнуло, словно разгоралась печь, посыпались искры. Дегерлунд, визжа, выпустил пылавшую сферу из брызнувших кровью рук. Шар погас, наполнив помещение ароматом жженой карамели.

Геральт отбросил меч. Ударил Дегерлунда в лицо, с широкого замаха, раскрытой ладонью. Чародей вскрикнул, сжался, повернулся спиной. Ведьмак вздернул его, взял за ворот, обхватил шею предплечьями. Дегерлунд заверещал, начал брыкаться.

– Не можешь! – завыл. – Не можешь меня убить! Тебе нельзя... Я... Я человек!

Геральт сдавил его шею предплечьями. Сперва не слишком сильно.

– Это не я! – выл чародей. – Это Ортолан! Ортолан мне приказал! Заставил меня! А Бирута Икарти обо всем знала! Она! Бирута! Это была ее идея, тот медальон! Это она приказала мне его сделать!

Ведьмак усилил хватку.

– Спасииите! Люууудиии! Спасииитеее!

Геральт усилил хватку.

– Люд... На по... Нееееет...

Дегерлунд хрипел, изо рта его обильно текла слюна. Геральт отвернулся. Усилил хватку.

Дегерлунд потерял сознание, обвис. Сильнее. Хрупнула подъязычная кость. Сильнее. Сломалась гортань. Сильнее. Еще сильнее.

Треснули и сместились шейные позвонки.

Геральт удерживал Дегерлунда еще с минуту. Потом сильно рванул его голову вбок, для абсолютной уверенности. Потом отпустил. Чародей сполз на пол, мягко, словно шелковая ткань.

Ведьмак вытер обслюнявленный рукав о портьеру.

Большой черный кот появился из ниоткуда. Потерся о тело Дегерлунда. Лизнул неподвижную руку. Замяукал, заплакал жалобно. Лег рядом с трупом, вжался в его бок. Посмотрел на ведьмака широко раскрытыми золотыми глазами.

– Мне пришлось, – сказал ведьмак. – Так было нужно. Уж кто-кто, а ты должен понять.

Кот прикрыл глаза. В знак того, что понимает.

Глава восемнадцатая

*Усядемся и грустные сказанья
Припомним мы о смерти королей.
Одни из них низвергнуты с престола,
Другие же погибли на войне,
Преследуемы призраками были
Монархов, что низвергнули они,
Иль женами отравлены своими,
Иль, спящие, убиты... Сколько их
Умерщвлено!*

В. Шекспир. Ричард II^[66]

В день королевской свадьбы прекрасная погода радовала с самого рассвета, голубизну над Кераком не пятнало ни единое облачко. Уже с утра сделалось чрезвычайно тепло, но жару утихомиривал веющий с моря бриз.

На заре в Верхнем Городе царило оживление. Улицы и скверы тщательно заметали, фронтоны домов украшали лентами и гирляндами, на флагштоках поднимали флаги. По дороге, что вела к королевскому дворцу, с утра вилась цепочка носильщиков, груженные возы и повозки проезжали мимо пустых, возвращавшихся; спешили под гору лотошники, ремесленники, торговцы, гонцы и посланники. Чуть позже дорогу запрудили паланкины, на которых поднимались во дворец приглашенные на свадьбу гости. «Мои торжества – это вам не хрен собачий, – словно бы объявлял король Белогун. – Мои торжества должны остаться в памяти людской, и слава о них должна разойтись по всему белому свету». Оттого по приказу короля празднествам следовало начаться утром и продолжаться до поздней ночи. Все это время гостей ожидали совершенно невероятные представления.

Керак был королевством крохотным и, по сути, не слишком-то важным, поэтому Геральт сомневался, что мир и вправду заинтересуется свадьбой Белогуна, пусть бы тот решил чудить целую неделю напролет, бог весть какие представления изобретая: к людям из земель, что лежали миль за сто и больше, о случившемся и весточки бы не дошло. Но для Белогуна, как было хорошо известно, центр мира находился в Кераке, а самим миром

являлись окрестные земли.

Ведьмак с Лютиком приоделись так элегантно, как только сумели и смогли, Геральт для этого случая приобрел даже новенькую куртку из телячьей кожи, изрядно, кажется, переплатив. Что до Лютика, тот сперва объявил, что на королевский пир он забьет и участия в нем не примет. Все потому, что в списке гостей он значился как родственник королевского инстингатора, а не как поэт и бард с мировым именем. И ему не предложили выступить. Лютик расценил это как афронт и обиделся. Но, как обычно случалось с ним, обида не продлилась долго – всего-то половину дня.

Вдоль всей дороги, что вилась по склону горы, установили флагштоки, на них, лениво развеваемые бризом, висели желтые флаги с гербом Керака, голубым дельфином *pageant*, с красными плавниками и хвостом.

У входа на территорию дворца их ожидал родственник Лютика, Ферран де Леттенхоф, сопровождаемый парой королевских гвардейцев в цветах геральдического дельфина, сиречь в багрянце и синеве. Инстингатор поприветствовал Лютика и подозвал пажа, который должен был ассистировать поэту и провести его на место представления.

– Вы же, милсдарь Геральт, ступайте за мной.

Они прошли боковой парковой аллейкой, миновав, как видно, хозяйственную часть, поскольку с той стороны доносились бряканье горшков и кухонного инструментария, а также отвратительная божба, каковой шеф-повара сочно обкладывали поварят. Вдобавок оттуда славно и вкусно пахло. Геральт знал меню, известно ему было, чем станут потчевать свадебных гостей во время праздника. Пару дней назад вместе с Лютиком он наведалься в австерию «Natura Rerum». Феб Равенга, не скрывая гордости, похвалялся, что совместно с несколькими прочими рестораторами он организует пир и составляет список блюд, над созданием которых станет трудиться элита местных шеф-поваров. На завтрак, говорил он, поданы будут устрицы, морские ежи, креветки и крабовое соте. На второй завтрак – мясное желе и разнообразные паштеты, вяленые и маринованные лососи, утки в студне, овечьи и козьи сыры. На обед будет *ad libitum*^[67] мясной или рыбный бульон, к нему мясные либо рыбные палочки, потроха с тефтелями из печени, морской черт на решетке, поджаренный с медом, а также морские окуни с шафраном и гвоздикой.

Потом, разливался Равенга, модулируя дыхание, словно обученный оратор, поданы будут блюда из мяса в белом соусе с каперсами, яйцами и горчицей, лебяжьи бедра с медом, каплуны, обложенные солониной, куропатки с конфитюром из айвы, запеченные голуби да пирог из бараньих потрохов и ячменной каши. Разнообразнейшие салаты и овощи. Еще

карамельки, нуга, пирожные с начинкой, жареные каштаны, всяческие конфитюры да мармелады. Вина из Туссента, полагаю, подаваться станут непрерывно и постоянно.

Равенга описывал будущий пир так красочно, что аж слюнки текли. Геральт, однако, сомневался, что удастся ему попробовать хоть что-нибудь из упомянутого обширного меню. Ведь на этом пиру он не гость. Он, ведьмак, здесь в худшем положении, чем сбивавшиеся с ног пажи, которым всегда удается выхватить что-то из носимых тарелок или хотя бы сунуть палец в крем, соус либо паштет.

Главным местом торжеств был дворцовый парк, некогда храмовый сад, королями Керака перестроенный и расстроенный – главным образом колоннадами, беседками и газебо. Нынче среди деревьев и строений дополнительно понарасставили многочисленные цветные павильоны, прибежище же от палящего солнца обеспечивали натянутые на жердях полотнища. Тут уже собралась толпа гостей. Предполагалось, однако, что их окажется не так много: всего каких-то пара сотен. Список, ходили слухи, составлял сам король, приглашение должны были получить исключительно люди, входившие в круг избранных, элита. К элите, как оказалось, Белогун главным образом причислял родичей и свойственников. Кроме них, приглашенными оказались местная верхушка и сливки общества, ключевые чиновники администрации, богатейшие местные и заграничные деловые люди и дипломаты, то есть, изображавшие торговых атташе шпионы соседних стран. Список дополняло изрядное число нахлебников, подхалимов и передовиков по влезанью в королевский зад без мыла.

Перед одним из боковых входов во дворец ожидал князь Эгмунд, одетый в черный кафтан с богатой серебристо-желтой вышивкой. Сопровождало его несколько молодых мужчин. У всех были длинные завитые волосы, все носили подбитые ватой дублеты – по последнему писку моды – и обтягивающие штаны с тщательно набитыми гульфиками. Геральту они не понравились. Не только из-за иронических взглядов, которыми смерили его одежду. Слишком уж напоминали ему Сореля Дегерлунда.

При виде инстингатора и ведьмака князь тотчас отправил свиту прочь. Остался лишь один человек. У этого волосы были короткими, а штаны нормальными.

И все же Геральту он тоже не пришелся по нраву. Были у него странные глаза. И проглядывало в них нечто дурное.

Геральт поклонился князю. Князь, понятное дело, в ответ не кланялся.

– Отдай мне меч, – сказал он Геральту сразу же после приветствия. –

Ты не можешь расхаживать здесь с оружием. Не беспокойся, хотя и не будешь видеть меч, он постоянно будет у тебя под рукой. Я отдал соответствующие распоряжения. Если вдруг что начнется, меч тебе сразу же подадут. Позаботится об этом присутствующий здесь капитан Ропп.

– А какова вероятность, что нечто начнется?

– Будь она малой или отсутствуй вовсе, морочил бы я тебе голову? Ого! – Эгмунд присмотрелся к клинку и ножнам. – Меч из Вироледы! Не меч, а произведение искусства. Знаю, поскольку некогда был такой и у меня. Украл его мой единокровный брат, Вираксас. Когда отец изгнал его, перед отъездом он присвоил множество чужих вещей. На память, полагаю.

Ферран де Леттенхоф прокашлялся. Геральт вспомнил слова Лютика. Имя изгнанного первородного сына при дворе произносить было запрещено. Но Эгмунд, похоже, запретами пренебрегал.

– Произведение искусства, – повторил князь, продолжая осматривать меч. – Не любопытствуя, как ты его получил, поздравляю с приобретением. Поскольку не хочу верить, что те, украденные, были лучше этого.

– Вопрос вкуса, склонностей и предпочтений. Я бы предпочел получить те, украденные. Князь и господин инстигатор ручались, что найдут виновника. Было это, позволю себе напомнить, условием, согласно которому я принял задание охранять короля. Условие, очевидным образом, не было исполнено.

– Очевидным образом, не было, – холодно признал Эгмунд, отдавая меч капитану Роппу, человеку с неприятным взглядом. – А потому я испытываю необходимость тебе это компенсировать. Вместо трехсот крон, которыми я намеревался оплатить твои услуги, получишь пятьсот. Добавлю также, что следствие по делу твоих мечей до сих пор не закрыто и ты еще можешь их получить. Кажется, у Феррана есть подозреваемый. Верно, Ферран?

– Следствие, – сухо ответил Ферран де Леттенхоф, – однозначно указало на Никефора Мууса, магистратского и судебного урядника. Он сбежал, но поимка его – лишь вопрос времени.

– Недолгого, как я полагаю, – фыркнул князь. – Невеликое сие дело, поймать измазанного чернилами писарчука. Который наверняка ведь нажил за столом геморрой, а сие усложняет бегство, в равной степени пешее и конное. Как ему вообще удалось скрыться?

– Мы имеем дело, – прокашлялся инстигатор, – с человеком слабо предсказуемым. И пожалуй, сумасшедшим. Прежде чем исчез, он встрял в некий отвратительный скандал в заведении Равенги: дело там касалось, простите, человеческих отходов... Заведение пришлось на какое-то время

закрыть, потому как... Я опущу драматические подробности. Во время произведенного в жилище Мууса обыска украденные вещи не найдены, зато найдено... Простите... Кожаный ранец, до краев наполненный...

– Ладно-ладно, я догадываюсь чем именно, – скривился Эгмунд. – Да, это и вправду многое говорит о психическом состоянии упомянутой личности. Твои мечи, ведьмак, учитывая обстоятельства, похоже, пропали. Даже если Ферран его поймает, от безумца он ничего не узнает. Таких даже на пытку не стоит посылать, под пытками они лишь несут полную ересь да ерунду. А теперь – простите, долг зовет.

Ферран де Леттенхоф проводил Геральта к главному входу во дворец. Там они оказались на вымощенном каменными плитами дворе, где сенешали приветствовали прибывавших гостей, а гвардейцы и пажи сопровождали их дальше, в глубину парка.

– Чего мне следует ожидать?

– Прошу прощения?

– Чего мне здесь нынче следует ожидать? Какое из этих слов не было понятным?

– Князь Ксандер, – понизил голос инстингатор, – хвастался при свидетелях, что завтра уже будет королем. Но говорил это не впервые и – как всегда – будучи нетрезвым.

– Он способен совершить покушение?

– Не думаю. Но у него – камарилья, доносчики и фавориты. Эти – способней.

– Сколько правды в том, что Белогун уже сегодня назовет наследником сына, зачатого с новой супругой?

– Много.

– А теряющий шансы на трон Эгмунд – глядите и удивляйтесь – нанимает ведьмака, чтобы тот охранял и оберегал отца. Сыновья любовь, достойная удивления.

– Не отклоняйся от темы. Ты взялся за работу. Выполни ее.

– Взялся и выполняю. Хотя многого не понимаю. Не знаю, кто в случае чего встанет против меня. И стоило бы, думаю, мне знать, кто в случае чего меня поддержит.

– Если возникнет необходимость, меч, как и обещал князь, тебе отдаст капитан Ропп. Он же тебя и поддержит. Помогу и я, в меру сил. Потому что хорошо к тебе отношусь.

– С каких пор?

– Прошу прощения?

– Никогда ранее не разговаривали мы с глазу на глаз. Всегда был с

нами Лютик, а при нем я не хотел поднимать эту тему. Детальная письменная информация о моих якобы мошенничествах. Откуда она у Эгмунда? Кто ее состряпал? Ведь не сам же он. Это ты их состряпал, Ферран.

– Я не имею с той бумагой ничего общего. Уверяю...

– Плохой из тебя лжец, как для защитника закона. Даже не представляю, каким чудом ты добрался до эдакого-то положения.

Ферран де Леттенхоф сжал губы.

– Мне пришлось, – сказал. – Я исполнял приказы.

Ведьмак долго смотрел на него.

– Ты не поверишь, – сказал ему наконец, – сколько раз мне приходилось слышать нечто подобное. Радовало только, что чаще всего – из уст людей, которых как раз приказывали вешать.

* * *

Литта Нейд была среди гостей. Он заметил ее без труда. Поскольку – притягивала взор.

Сильно декольтированное платье из сочно-зеленого крепдешина украшала спереди вышивка в форме стилизованной бабочки, искрившейся от крохотных цехинов. Внизу у платья были оборки. К оборкам на платьях женщин старше десяти лет ведьмак относился обычно иронически-снисходительно, однако у Литты они гармонировали с остальным, к тому же – более чем очаровательно.

Шею чародейки обнимало кольцо из шлифованных изумрудов. Причем размером не меньше, чем с миндаль. Один – значительно крупнее миндаля.

Ее рыжие волосы были словно лесной пожар.

Подле Литты стояла Мозаика. В черном и ошеломляюще смелом платье из шелка и шифона, на рукавах и по плечам совершенно прозрачном. Шею и декольте девушки скрывало нечто вроде умело задрапированного жабо, что в сочетании с длинными черными перчатками добавляло ее образу экстравагантности и таинственности.

Обе носили сапожки с каблуком на четыре пальца. У Литты – из кожи игуаны, у Мозаики – черные лакированные.

Геральт пару мгновений колебался, стоит ли подходить. Но только пару мгновений.

– Приветствую, – невозмутимо поздоровалась она с ним. – Что за встреча, рада тебя видеть. Мозаика, ты выиграла, белые туфельки твои.

– Пари, – догадался он. – Что было предметом?

– Ты. Я полагала, будто больше тебя не увижу, заключила пари, что ты не появишься в городе. Мозаика пари приняла, потому как полагала иначе.

Она одарила его глубоким жадеитовым взглядом, явно ожидая комментария. Слова. Чего угодно. Геральт молчал.

– Приветствую, прекрасные дамы! – Лютик вырос, словно из-под земли, истинным *deus ex machina*. – Низко кланяюсь, пред красотой преклоняюсь. Госпожа Нейд, сударыня Мозаика. Простите, что без цветов.

– Прощаем. Что там нового в искусстве?

– Как обычно: все и ничего. – Лютик снял с подноса у проходившего мимо пажа бокалы с вином, вручил дамам. – Праздник слегка пресный, не находите? Но вино хорошее. «Эст-Эст», сорок за пинту. Красное тоже недурственное, я пробовал. Только гипокрас не пейте, не умеют они его приправлять. А гости продолжают сходиться, вы заметили? Как обычно в высших сферах, это такие гонки на выворот, бег *a rebours*^[68], выигрывает и собирает лавры тот, кто явится последним. И кто войдет красиво. Полагаю, мы как раз наблюдаем за финалом. Финишную черту пересекает владелец сети лесопилок с супругой, тем самым проигрывая идущему вслед за ним распорядителю порта с супругой. Тот же, в свою очередь, проигрывает неизвестному мне франту...

– Это шеф ковирского торгового представительства, – пояснила Коралл. – С супругой. Интересно, с чьей.

– К передовому отряду, поглядите-ка, присоединяется Пираль Пратт, старый бандюк. С симпатичной партнершей... Проклятие!

– Что случилось?

– Эта женщина рядом с Праттом... – задохнулся Лютик. – Это... Это Этна Асидер... Вдова, которая продала мне меч...

– Она так тебе представилась? – фыркнула Литта. – Этна Асидер? Банальная анаграмма. Эта дама – Антея Деррис. Старшая дочка Пратта. Никакая она не вдова, поскольку никогда не выходила замуж. Ходят слухи, что не любит мужчин.

– Дочка Пратта? Невозможно! Я у него бывал...

– И не встречал ее там, – не дала ему закончить чародейка. – Ничего странного. Антея не в лучших отношениях с семьей, даже фамилию не использует, предпочитает псевдоним, составленный из двух имен. С отцом она общается только по делам, которые, впрочем, они ведут чрезвычайно оживленно. Однако я и сама удивляюсь, увидав их тут вместе.

– Наверняка у них здесь дело, – быстро заметил ведьмак.

– Страшно подумать, какое. Антея официально занимается торговым

посредничеством, но ее излюбленный вид спорта – это мошенничество, обман и хитрованство. Поэт, у меня к тебе просьба. Ты человек бывалый, а Мозаика – нет. Проведи ее к гостям, представь тем, кого стоит знать. Укажи на тех, с кем зняться не стоит.

Заверив, что пожелание Коралл для него – закон, Лютик подставил Мозаике локоть. Ведьмак и чародейка остались сами.

– Пойдем. – Литта прервала затянувшееся молчание. – Прогуляемся. Туда, на холм.

С холма, от газебо, с высоты, открывался вид на город, на Пальмиру, на порт и море. Литта приставила ладонь ко лбу.

– Что это там входит на рейд? И бросает якорь? Трехмачтовый фрегат интересной конструкции. Под черными парусами, ха, довольно необычно...

– Оставим фрегаты. Лютик и Мозаика отосланы, мы теперь одни и в отдалении.

– А ты, – повернулась она, – раздумываешь, для чего. Ждешь, что же такого я тебе скажу. Ждешь вопроса, который тебе задам. А может, я просто хочу передать тебе последние сплетни? Из среды чародеев? Ах, нет, не бойся, они не касаются Йеннефер. Они касаются Риссберга, места тебе по некоторым причинам небезызвестного. Там в последнее время произошли серьезные перемены... Как-то не замечаю в твоём взгляде проблеска интереса. Мне продолжать?

– Прошу.

– Все началось со смертью Ортолана.

– Ортолан мертв?

– Умер почти неделю назад. Согласно официальной версии, насмерть отравился навозом, над которым работал. Но поговаривают, что это была апоплексия, вызванная известием о внезапной смерти одного из его любимчиков, который погиб в результате какого-то неудачного и весьма подозрительного эксперимента. Речь идет о некоем Дегерлунде. Вспоминаешь его? Вы встречались, когда ты гостил в замке?

– Не исключаю. Я многих там встречал. Не всех стоило запоминать.

– Ортолан, якобы, обвинил в смерти любимчика все правление Риссберга, разъярился – и хватил его удар. Он и вправду был стареньким, многие годы страдал от повышенного артериального давления, не была тайной и его тяга к фисстеху, а фисстех с повышенным давлением – смесь взрывоопасная. Но что-то там и вправду должно было случиться, поскольку в Риссберге произошли серьезные персональные передвижки. Еще до смерти Ортолана там дошло до конфликтов, уйти принудили, кроме

прочего, Альджернона Джанкампо, более известного как Пинетти. Его ты помнишь наверняка. Поскольку если там и стоило кого-то помнить, так наверняка – его.

– Точно.

– Смерть Ортолана, – Коралл смерила его внимательным взглядом, – вызвала быструю реакцию Капитула, до слуха которого уже добрались некие беспокоящие известия о выходках покойника и его любимчика. Что интересно, а в наши времена вдобавок еще и знаменательно, лавину вызвал маленький камешек. Ничего не значащий человек из простонародья, некий чересчур ревностный шериф или констебль. Онный заставил действовать своего начальника, бейлифа из Горс Велена. Бейлиф передал обвинение выше, и так, ступень за ступенью, дело дошло до королевского совета, а оттуда – до Капитула. Чтобы не продолжать: отыскиали тех, кто был виновен в недосмотре. Из правления пришлось уйти Бируте Икарти, она вернулась в университет, в Аретузу. Ушли Аксель Раби и Сандовал. Удержался Зангенис, был отмечен милостью Капитула, донесся на тех троих и свалив на них всю вину. И как тебе это? Может, хочешь что-то сказать?

– А что бы я мог сказать? Это ваши дела. И ваши скандалы.

– Скандалы, начавшиеся в Риссберге вскоре после твоего визита туда.

– Ты переоцениваешь меня, Коралл. И мое влияние на те или иные события.

– Я никогда ничего не переоцениваю. И редко – недооцениваю.

– Мозаика и Лютик скоро вернутся, – он взглянул ей в глаза, в упор. – А ты ведь не без причины велела им отойти. Скажи, наконец, в чем дело.

Она выдержала взгляд.

– Ты прекрасно знаешь, в чем дело, – ответила. – Поэтому не оскорбляй мой интеллект тем, что демонстративно принижаешь свой. Ты не был у меня больше месяца. Нет, не думай, что я жажду тошнотворного мелодраматизма или патетически-сентиментальных жестов. От связи, которая завершилась, я не жду ничего, кроме приятных воспоминаний.

– Кажется, ты использовала слово «связь»? Меня всегда удивляла емкость его смыслового наполнения.

– Ничего, кроме приятных воспоминаний, – пропустила она шпильку мимо ушей, но взгляд не отвела. – Не знаю, как в твоём случае, но если речь обо мне, что ж, буду искренней, не всё тут так уж хорошо. Стоило бы, полагаю, приложить немного усилий в этом отношении. Надеюсь, что – не слишком много. Так, что-нибудь малое, но милое, милый финальный аккорд, нечто, что оставит приятное послевкусие. Хватит тебя на нечто подобное? Захочешь навестить меня?

Он не успел ответить. Начал оглушительно бить колокол на кампанилле, ударил десять раз. Потом проревели трубы: громкими, медными и несколько какофоничными фанфарами. Толпу гостей разделили, создав коридор, сине-красные гвардейцы. Под аркой входа во дворец появился гофмейстер, с золотой цепью на шее и большим, как дубина, жезлом в руках. За гофмейстером ступали герольды, за герольдами – сенешали. За сенешалями же, в соболином колпаке на голове и со скипетром в руке, шествовал собственной костистой и жилистой персоной Белогун, король Керака. Рядом с ним шагала щуплая блондиночка в вуали, очевидно – королевская избранница и в ближайшем обозримом будущем – супруга и королева. Блондиночка была одета в снежно-белое платье и обвешана бриллиантами – пожалуй, чрезмерно, пожалуй, по-нуворишески и, пожалуй, безвкусно. Подобно королю, облачилась она в горностаевую накидку, придерживаемую сзади пажами.

За королевской парой – однако на красноречивом отдалении в десяток шагов от придерживавших горностаи пажей – ступала королевская родня. Был там, понятное дело, Эгмунд, а рядом с ним – кто-то светлый, словно альбинос, и это мог быть только его брат Ксандер. За братьями шли остальные родственники, несколько мужчин, несколько женщин, да еще пара-другая подростков и недорослей, как видно, потомство легальное и внебрачное.

Мимо кланявшихся гостей и глубоко приседавших дам королевская свита добралась до цели, которой было слегка напоминавшее эшафот возвышение. На возвышении, сверху накрытом балдахинном, с боков украшенном гобеленами, стояли два трона. На оных и уселись король и невеста. Остальной родне пришлось стоять.

Трубы во второй раз поразили уши медным ревом. Гофмейстер, взмахивая ладонями, словно дирижер перед оркестром, побуждал гостей к крикам, приветствиям и здравиям. Со всех сторон послушно раздались и посыпались пожелания непрерывного здоровья, счастья, благополучия, всего наилучшего, долгие лета, лета дóльшие, самые долгие и еще длиннее; гости и дворя выкрикивали наперебой. Король Белогун же не изменил высокомерного и напыщенного выражения лица, а удовольствие от пожеланий, комплиментов и пеанов в честь свою и своей избранницы демонстрировал лишь легким покачиванием скипетра.

Гофмаршал утихомирил гостей и заговорил: говорил долго, плавно переходя от напыщенности к высокопарности и назад. Геральт все внимание посвятил разглядыванию толпы, потому оное выступление до него дошло с пятого на десятое. Король Белогун, оглашал всем и всякому

гофмейстер, искренне рад прибытию столь изрядного числа высоких гостей, он рад всех приветствовать, и в день столь торжественный желает он гостям того же, что и они ему, церемония брачная произойдет пополуденной порою, а до того времени пусть гости едят, пьют и развлекаются на многочисленных, для этих обстоятельств запланированных, представленьях.

Рык труб провозгласил конец официальной части. Королевская свита покидала сады. Среди гостей Геральт уже успел отметить несколько довольно подозрительно ведущих себя группок. Особенно не нравилась ему одна, поскольку кланялась она кортежу не столь глубоко, как остальные, и пыталась протиснуться ко вратам дворца. Он потихоньку сдвигался в сторону сине-красной шеренги солдат. Литта шагала рядом.

Белогун ступал, глядя прямо перед собой. Невеста осматривалась, порой кивала приветствующим ее гостям. Дыхание ветра приподняло на момент ее вуаль. Геральт увидел большие голубые глаза. Увидел, как глаза эти находят внезапно среди толпы Литту Нейд. И как в этих глазах разгорается ненависть. Чистая, явная, почти дистиллированная ненависть.

Длилось сие секунду, потом взревели трубы, свита прошла, гвардейцы промаршировали. Подозрительно ведшая себя группка, как оказалось, целью своей имела всего лишь стол с вином и закусками, который она окружила и принялась опустошать раньше остальных. На устроенных тут и там сценах начались выступления – заиграли капеллы гуслей, лир, дудок и свирелей, запели хоры. Жонглеров сменяли фокусники, силачи уступали место акробатам, канатоходцев сменяли полуобнаженные танцовки с тамбуринами. Делалось все веселее. Щеки девиц начинали алеть, лбы мужчин – поблескивать от пота, речь тех и других становилась все громче. И – слегка сбивчивой.

Литта оттащила его за павильон. Вспугнули они парочку, которая скрывалась там с целями однозначно сексуальными. Чародейка почти не обратила на это внимания.

– Не знаю, что здесь готовится, – сказала. – Не знаю, хотя и догадываюсь, для чего и зачем ты здесь. Но я держусь начеку, и все, что ты намереваешься делать, рассудительно. Королевская невеста – это никто иная, как Ильдико Брекль.

– Не спрашиваю, знаешь ли ты ее. Я видел тот взгляд.

– Ильдико Брекль – повторила Коралл. – Так она зовется. Выгнали ее из Аретузы на третьем году обучения. За мелкие кражи. Как вижу, она сумела устроиться. Чародейкой не стала, но через несколько часов сделается королевой. Вишенка в крему, твою мать! Семнадцать лет?

Старый дурак. Ильдико добрых двадцать пять.

– И похоже, она тебя не любит.

– Со взаимностью. Это заядлая интриганка, от нее всегда проблемы. Но это не конец. Тот фрегат, который вошел в порт под черными парусами. Я уже знаю, что это за корабль, слышала о нем. «Ахеронтия». У нее отвратительная слава. Там, где она появляется, всегда что-то да случается.

– Например?

– Это команда наемников, которых якобы можно нанять на любой случай. А для чего, как полагаешь, нанимают наемников? Для строительных работ?

– Мне нужно идти. Прости, Коралл.

– Что бы ни планировалось, – произнесла она медленно, глядя ему в глаза. – Что бы ни произошло, я не могу в это вмешиваться.

– Не бойся. Я не собираюсь звать тебя на помощь.

– Ты плохо меня понял.

– Наверняка. Прости, Коралл.

* * *

Сразу за поросшей плющом колоннадой он столкнулся с возвращавшейся Мозаикой. Удивительно спокойной и холодной посреди жары, гомона и бардака.

– Где Лютик? Он оставил тебя?

– Оставил, – вздохнула она. – Но чрезвычайно извинялся – и просил передать извинения тебе. Его попросили о приватном выступлении. В дворцовых комнатах, для королевы и ее фрауциммер^[69]. Не смог отказать.

– Кто попросил?

– Мужчина, выглядевший как солдат. Со странным выражением глаз.

– Мне нужно идти. Прошу прощения, Мозаика.

За увитым разноцветными лентами павильоном собралась толпа, был сервирован стол: паштеты, лососи и утки в студне. Геральт прокладывал себе дорогу, высматривая капитана Роппа или Феррана де Леттенхофа. Вместо этого он столкнулся прямо с Фебом Равенгой.

Ресторатор выглядел как аристократ. Облачен был в парчовый дублет, на голове красовалась шляпа, украшенная пучком пышных страусовых перьев. Сопровождала его дочка Пираля Пратта, одетая в элегантную мужскую одежду.

– О, Геральт! – обрадовался Равенга. – Позволь, Антея, представлю

тебе: Геральт из Ривии, славный ведьмак. Геральт, это сударыня Антея Деррис, концессионерка. Выпей с нами вина...

– Простите, – извинился он, – но я спешу. А с госпожой Антеей я уже познакомился, хоть и не лично. На твоём месте, Феб, я бы ничего у нее не покупал.

Арку над входом во дворец некий ученый лингвист украсил девизом: CRESCITE ET MULTIPLICAMINI^[70].

Остановили Геральта скрещенные алебарды.

– Вход запрещен.

– Я должен срочно увидаться с королевским инстигатором.

– Вход запрещен, – из-за алебардчиков выступил командир караула. В левой руке он сжимал спонтон^[71]. Грязный палец правой уткнул прямо в нос Геральту. – Запрещен, понимаете, милсдарь?

– Если не уберешь палец от моего лица, сломаю его в нескольких местах. Ну вот, так намного лучше. А теперь води к инстигатору!

– И всякий раз, как сталкиваешься со стражей, – тут же скандал, – отозвался из-за спины ведьмака Ферран де Леттенхоф, шедший, должно быть, следом. – Это серьезный недостаток характера. Способен повлечь за собой досадные последствия.

– Не люблю, когда кто-то запрещает мне входить.

– Как раз для того все эти стражи и посты. Не пришлось бы их расставлять, если б вход был для всех свободен. Пропустите его.

– У нас приказ самого короля, – нахмурился командир стражи. – Никого не впускать без проверки!

– Ну так проверьте его.

Проверка была тщательной, стражники не ленились, обыскали старательно, не ограничились простым ощупыванием. Ничего не нашли, кинжал, обычно спрятанный за голенищем, Геральт на пир не взял.

– Довольны? – инстигатор взглянул на командира сверху вниз. – Тогда отойдите и пропустите нас.

– Вы, ваша милость, уж извините нас, – процедил командир. – Но приказ короля был четким. Касался всех.

– Что-что? Не забывайся, хам! Знаешь, перед кем стоишь?

– Никого без проверки, – командир кивнул стражникам. – Приказ был четким. Пусть ваша милость не напрашивается на проблемы. Для нас и... для себя.

– Что тут вообще происходит?

– Уж прошу насчет этого прощения. Мне приказали проверять.

Инстигатор вполголоса выругался и позволил обыскать себя. Не было при нем даже перочинного ножика.

– Хотел бы я знать, что все это должно значить, – сказал, когда они с Геральтом наконец-то зашагали по коридору. – Я серьезно обеспокоен. Серьезно обеспокоен, ведьмак.

– Ты видел Лютика? Якобы его вызвали во дворец для певческого выступления.

– Мне об этом ничего не известно.

– А известно, что в порт вошла «Ахеронтия»? Тебе говорит о чем-то это название?

– И о многом. А беспокойство мое только растет. Ежеминутно. Поспешим!

В вестибюле – некогда храмовом виридарии – крутились вооруженные протазанами гвардейцы, сине-красная униформа мелькала на галереях. Стук сапог и громкие голоса доносились также из коридоров.

– Эй! – инстигатор махнул проходившему мимо солдату. – Сержант! Что тут происходит?

– Простите, ваша милость... Спешу по приказу...

– Стоять, я сказал! Что тут происходит? Требую объяснений! Что-то случилось? Где князь Эгмунд?

– Господин Ферран де Леттенхоф.

В дверях, под знаменами с голубым дельфином, в сопровождении четверых верзил в кожаных кабатах, стоял король Белогун собственной персоной. Он избавился от королевских атрибутов, а потому на короля похож не был. А был похож на селянина, у которого вот только что отелилась корова. Произведя на белый свет славненького теленка.

– Господин Ферран де Леттенхоф, – в голосе короля звучала радость от внезапно случившегося приплода. – Королевский инстигатор. Значит, мой инстигатор. А может – не мой? Может, сына моего? Появляешься, хоть я тебя не призывал. Пусть, думал я, Ферран развлечется, пусть поест, попьет вволю, приглядит себе кого да и трахнет в беседке. Я Феррана звать не стану, не хочу, чтоб он был здесь. А знаешь ли, почему не хочу? Потому что не уверен я, кому именно ты служишь. Кому служишь, Ферран?

– Служу, – инстигатор глубоко поклонился, – вашей королевской милости. И я абсолютно вашей милости верен.

– Все слышали? – король театрально огляделся. – Ферран мне предан! Хорошо, Ферран, хорошо. Именно такого ответа я и ожидал от королевского инстигатора. Можешь остаться, ты пригодишься. Сейчас я возложу на тебя задания, что придется в самый раз для инстигатора... О! А

этот? Кто это здесь? Погоди-погоди! Не тот ли ведьмак, который занимался мошенничеством? На которого указала нам чародейка?

– Выяснилось, что он невиновен, чародейку обманули. Донесли на него...

– На невиновных не доносят.

– Было решение суда. Дело закрыли из-за недостатка улик.

– Но дело было, а значит, был и запашок. Решения судов и приговоры произрастают из фантазий и фанаберий судейских урядников, а запашок исходит из самой сути дела. Но хватит о том, не стану тратить время на лекции по юриспруденции. В день собственной женитьбы проявлю милосердие, не отдам приказа взять его под стражу, однако ж пусть этот ведьмак тотчас сгинет с глаз моих долой. И никогда больше на глаза мне не попадается!

– Ваше королевское величество... Я обеспокоен... В порт, говорят, вошла «Ахеронтия». В этой ситуации соображения безопасности требуют обеспечить охрану... Ведьмак мог бы...

– Что – «мог бы»? Заслонить меня собственной грудью? Поразить самозванцев ведьмачьими чарами? Именно такое задание и возложил на него Эгмунд, мой любящий сын? Охранять отца и обеспечивать ему безопасность? Ступай-ка за мной, Ферран. Ха, да к дьяволу, ступай и ты, ведьмак. Кое-что покажу вам. Увидите, как я беспокоюсь о собственной безопасности и как обеспечиваю себе охрану. Поглядите. И послушайте. Может, научитесь кой-чему. И кое-что узнаете. О себе. Вперед, за мной!

Они зашагали, подгоняемые королем и окруженные верзилами в кожаных кабатах. Вошли в большой зал: здесь, под расписанным морскими волнами и чудовищами плафоном, стоял на возвышении трон, на коем Белогун и уселся. Напротив, под фреской, представлявшей стилизованную карту мира, на лавке, под охраной таких же верзил, сидели королевские сыновья. Князя Керака. Черный, словно ворон, Эгмунд и светлый, словно альбинос, Ксандер.

Белогун устроился на троне. Глядел на сыновей сверху вниз, взглядом триумфатора, пред которым коленопреклоненно молят о пощаде и милости разгромленные в битве враги. Однако на известных Геральту картинах на лицах у триумфаторов заметны были достоинство, честь, благородство и уважение к побежденным. На лице Белогуна всего этого было не сыскать. Проступала на нем исключительно едкая насмешка.

– Мой придворный шут, – проговорил король, – вчера расхворался. Понос у него. Думал я – не повезло, не будет шуток, не будет потех, не будет смеху. Я ошибался. Вон же как смешно. Того и гляди, скоро треснешь

со смеху. Потому что это вы, вы оба, сыны мои, смешны. Достойны жалости, но смешны. Годами, гарантирую я вам, в постели с моей супружницей, после шуточек да любовных скачек, когда б ни вспомнили мы о вас и об этом дне, всегда будем смеяться. Потому как нет ничего смешнее глупца.

Ксандер, как нетрудно было заметить, боялся. Бегал глазами по залу и интенсивно потел. Эгмунд – напротив, не выказывал страха. Смотрел прямо в глаза отцу и отвечал иронией на иронию.

– Народная мудрость гласит: надейся на лучшее, готовься к худшему. А что может быть хуже, чем предательство родных сынов? Среди наиболее доверенных ваших сподобников я разместил своих агентов. Ваши соучастники предали вас тотчас же, едва только их прижали. Ваши фактотумы и фавориты как раз бегут из города.

– Да, сыны мои. Думали вы, будто я слепой и глухой? Будто старый я, дряхлый и бестолковый? Думали, будто не вижу, что оба вы жаждете трона и короны? Что жаждете их, словно свинья – трюфелей? Свинья, как унюхает трюфеля, дуреет. От страсти, от жажды, от возбуждения и дикого аппетита. Свинья безумствует, визжит, роет, ничего окрест не замечает – только бы до трюфелей добраться. Чтобы ее отогнать, приходится лупить палкой. И вы, сыны мои, именно свиньями и оказались. Унюхали гриб, ошалели от жадности и аппетита. Но хрен вы получите, а не трюфель! А вот палки непременно отведаете. Выступили вы против меня, сыны, восстали на мою власть и персону. Здоровые же люди, что против меня выступают, обычно резко умаляются в здоровье. Это факт, подтвержденный медицинскими науками.

– В порту бросил якорь фрегат «Ахеронтия». Приплыл он сюда по моему приказу, это я нанял капитана. Суд соберется к утру, приговор огласят до полудня. А в полдень оба вы окажетесь на корабле. Его вам позволят оставить, лишь когда фрегат пройдет морской маяк в Пакс де Мар. Что на самом деле означает: вашим новым местом обитания станет Назаир. Эббинг. Маэхт. Или Нильфгаард. Или же самый предел мира и преддверье ада, если в воле вашей будет туда отправиться. Поскольку сюда, в эти края, вы не вернетесь никогда. Никогда. Если дорожите головами на своих плечах.

– Ты хочешь нас изгнать? – завыл Ксандер. – Так же, как изгнал Вираксаса? Наши имена тоже запретишь произносить при дворе?

– Вираксаса изгнал я во гневе и без приговора. Что не означает, будто не прикажу его казнить, если осмелится вернуться. Вас же двоих к изгнанию приговорит трибунал. Законно и правомочно.

– Ты так в этом уверен? А вот увидим! Увидим, что на такое бесправие скажет суд!

– Суд знает, какого приговора я жду – и ровно такой вынесет. Единомысленно и единогласно.

– Как же, единогласно! В этой стране суды независимы!

– Суды – да. А судьи – нет. Глуп ты, Ксандер. Мать твоя была дурища, глупее сапога, а ты в нее пошел. Даже это покушение наверняка не сам подстроил, все спланировал кто-то из твоих фаворитов. Но в целом-то я счастлив, что ты влез в заговор, с радостью от тебя избавлюсь. Другое дело Эгмунд, да, Эгмунд у нас ловкач. Ведьмак, нанятый для охраны отца заботливым сыном, ах, как же ловко скрывал ты это в тайне – чтобы все узнали. А потом – контактный яд. Хитрая штуковина оный яд, еду и напитки для меня пробуют, но кто бы подумал о рукояти кочерги для камина в королевской спальне? Кочерги, которой пользуюсь только я – и никому прикасаться к ней не позволяю? Умно, умно, сын. Только вот отравитель твой тебя предал, так уж оно повелось, предатели предают предателей. Отчего молчишь, Эгмунд? Нечего сказать?

Глаза Эгмунда оставались холодны, все еще не было в них ни тени страха. Совершенно не пугает его перспектива банниции, понял Геральт, не думает он об изгнании и о жизни на чужбине, не думает об «Ахеронтии», не думает о Пакс де Мар. О чем же он думает?

– Нечего, – повторил король, – сказать тебе, сын?

– Только одно, – процедил Эгмунд. – Одну из народных мудростей, которые ты так любишь. Нет дурня большего, чем дурень старый. Припомни мои слова, отец. Когда наступит подходящее время.

– Увести их, запереть и стеречь, – приказал Белогун. – Это твое задание, Ферран, это – роль инстингатора. А теперь позвать сюда портного, гофмейстера и нотариуса, все другие – прочь! А ты, ведьмак... Научился нынче кой-чему, верно? Узнал кое-что о себе? Как минимум то, что ты – наивный фраер? Если ты это понял, будет хоть какая-то польза от твоего визита сюда. Каковой визит как раз завершен. Эй, там, двоих ко мне! Проводить ведьмака до ворот и вышвырнуть прочь. Да следите, чтобы не стянул чего из столового серебра!

* * *

В коридоре за вестибюлем дорогу им заступил капитан Ропп. В сопровождении двух персон с одинаковыми глазами, движениями и

осанкой. Геральт готов был поспорить, что все трое некогда служили в одном отряде. И внезапно понял: знает, что случится и как пойдут дела. Поэтому не удивился, когда Ропп заявил, что принимает на себя охрану эскортированного, и приказал гвардейцам уйти прочь. Геральт знал: капитан велит ему идти следом. И ждал того, что двое остальных пойдут позади, у него за спиной.

Он догадывался, кого увидит в комнате, в которую они вошли.

Лютик был бледен как покойник и явственно напуган. Но похоже, оставался цел и невредим. Сидел на стуле с высокой спинкой. За стулом стоял худой тип с зачесанными и перехваченными сзади волосами. Тип держал в руке мизерикорд с длинным, тонким, четырехгранным клинком. Клинок был направлен прямо в шею поэта, под челюсть, снизу вверх.

– Только без глупостей, – предупредил Ропп. – Без глупостей, ведьмак. Одно необдуманное движение, только дернись, и господин Самса заколет музыкантишку, словно свинью. Не задумываясь.

Геральт знал, что господин Самса именно так и поступит. Потому как глаза у господина Самсы были еще паскудней, чем у Роппа. Были это глаза с особенным выражением. Людей с подобным взглядом порой можно повстречать в моргах и прозекториях. И трудятся они там вовсе не для того, чтобы заработать на хлеб, но чтобы реализовывать свои тайные склонности.

Геральт понимал также, отчего князь Эгмунд был спокоен. Отчего без страха глядел в будущее.

И в глаза отца.

– Нам нужно, чтобы ты оставался послушным, – сказал Ропп. – Будешь послушным – оба уцелеете.

– Сделаешь, что прикажем, – врал дальше капитан, – и тогда отпустим тебя с виршеплетом. Будешь упираться – убьем обоих.

– Ты совершаешь ошибку, Ропп.

– Господин Самса, – Ропп не обратил внимания на предупреждение, – останется здесь с музыкантишкой. Мы же – то есть, я и ты – отправимся в королевские комнаты. Там будет стража. У меня, как видишь, есть твой меч. Я отдам тебе его, а ты займешься стражей. И подмогой, которую стража, возможно, успеет вызвать, прежде чем ты всех перебеешь. Заслышав бой, слуги выведут короля секретным проходом, а там его уже будут поджидать Рихтер и Твердорук. Которые слегка изменят тутошний порядок престолонаследования и историю тутошней монархии.

– Ты совершаешь ошибку, Ропп.

– Теперь, – сказал капитан, подходя вплотную. – Теперь ты

подтвердишь, что уразумел задание и что выполнишь его. Если ты этого не сделаешь, прежде чем я досчитаю до трех, господин Самса проткнет музыкантишке барабанную перепонку в левом ухе, а я стану считать дальше. Не будет ожидаемого эффекта – и господин Самса ткнет во второе ухо. А потом выколет поэту глаз. И так далее, до тех пор, пока не придет черед воткнуть клинок в мозг. Я начинаю считать, ведьмак.

– Не слушай его, Геральт! – Лютик каким-то чудом сумел подать голос из стиснутой глотки. – Они не отважатся ко мне прикоснуться! Я знаменит!

– Он, – холодно прикинул Ропп, – похоже, не воспринимает нас всерьез. Господин Самса, правое ухо.

– Стой! Нет!

– Так-то лучше, – кивнул Ропп. – Так-то лучше, ведьмак. Подтверди, что ты понял задание. И что выполнишь его.

– Сперва стилет – подальше от уха поэта.

– Ха, – фыркнул господин Самса, вскидывая мизерикорд высоко над головою. – Так хорошо?

– Так хорошо.

Геральт левой рукой схватился за запястье Роппа, а правой – за рукоять своего меча. Притянул капитана сильным рывком и изо всех сил боднул лбом в лицо. Хрупнуло. Прежде чем Ропп упал, ведьмак единым плавным движением выхватил меч из ножен и с короткого разворота отрубил Самсе поднятую руку с мизерикордом. Самса вскрикнул, упал на колени. Рихтер и Твердорук прыгнули на ведьмака с выхваченными кинжалами, он ворвался меж ними полувольтом. В прыжке рассек шею Рихтеру, кровь брызнула аж на свисавшую с потолка люстру. Твердорук атаковал, закручивая ножевые финты, но споткнулся о лежавшего Роппа, на миг утратил равновесие. Геральт не дал Твердоруку его восстановить. В быстром выпаде секанул снизу в подмышку и второй раз, сверху, в сонную артерию. Твердорук упал, свернулся в клубок.

Господин Самса его удивил. Хоть без правой руки, хоть брызгал кровью из обрубка, левой он отыскал на полу мизерикорд. И замахнулся им на Лютика. Поэт крикнул, но выказал быстроту реакции. Упал со стула и отгородился им от нападавшего. А большего Геральт господину Самсе и не позволил. Кровь снова брызнула на потолок, люстру и торчавшие в ней огарки свечей.

Лютик поднялся на колени, уперся лбом в стену, после чего обильно, фонтаном, сблевал.

В комнату ворвался Ферран де Леттенхоф, с ним несколько гвардейцев.

– Что происходит? Что тут случилось? Юлиан! Ты в порядке? Юлиан!
Лютик поднял руку в знак того, что ответит через миг-другой, поскольку сейчас занят. После чего сблевал снова.

Инстигатор велел гвардейцам выйти, закрыл за ними двери. Присмотрелся к трупам, осторожно, чтобы не вступить в растекшуюся кровь и следя, чтобы кровь, капающая с люстры, не запятнала его дублета.

– Самса, Твердорук, Рихтер, – опознал. – И господин капитан Ропп. Доверенные князя Эгмунда.

– Они выполняли приказ, – пожал плечами ведьмак, глядя на меч. – Точно так же, как ты, подчинялись приказам. А ты об этом ничего не знал. Верно, Ферран?

– Я ничего об этом не знал, – быстро заверил инстигатор и отступил, опершись спиной о стену. – Клянусь! Ты ведь не подозреваешь... Не думаешь...

– Если бы думал – ты бы уже был мертв. Я тебе верю. Ты бы не рисковал жизнью Лютика.

– Нужно сообщить об этом королю. Я опасюсь, что для князя Эгмунда это может означать исправления и дополнения к обвинительному акту. Ропп жив, мне кажется. Он сознается...

– Сомневаюсь, чтоб он сумел.

Инстигатор присмотрелся к капитану, который лежал, скорчившись, в луже мочи, обильно истекал слюной и непрерывно трясся.

– Что с ним?

– Обломки носовой кости в мозгу. И полагаю, несколько – в глазных яблоках.

– Ты ударил слишком сильно.

– Ровно так, как хотел. – Геральт отер клинок меча стянутой со стола скатеркой. – Лютик, ты там как? В порядке? Можешь встать?

– В порядке, в порядке, – пробормотал Лютик. – Мне уже полегчало. Сильно полегчало...

– Не выглядишь ты как тот, кому полегчало.

– Да к дьяволу, я ж едва-едва смерти избежал! – поэт встал, придерживаясь за комод. – Проклятие, я в жизни никогда так не боялся... Казалось, что мне донце из задницы вышибет. И все из меня снизу вылетит – включая зубы. Но когда я тебя увидал, понял, что ты меня спасешь. То есть, не понял, но всерьез на это рассчитывал... Вот ведь, сколько здесь крови... Как тут смердит! С'час опять сблюю...

– Идем к королю, – произнес Ферран де Леттенхоф. – Дай мне твой меч, ведьмак... И почисти его немного. Ты, Юлиан, останься...

– Да куда уж! Я даже на миг здесь не останусь. Предпочитаю держаться рядом с Геральтом.

* * *

Вход в королевскую прихожую стерегли гвардейцы, однако они узнали и пропустили инстингатора. С входом же в собственно комнаты оказалось не так просто. Непроходимым барьером стали герольд, два сенешаля и их ассистенты – четверо верзил.

– Король, – заявил герольд, – примеряет свадебный наряд. Велел ему не мешать.

– У нас важное и не терпящее отлагательств дело!

– Король категорически приказал, чтобы не мешали. А господину ведьмаку, как мне сдается, вообще велели покинуть дворец. Что же ты здесь делаешь?

– Я объясню это королю. Прошу нас пропустить!

Ферран оттолкнул герольда, отодвинул сенешаля.

Геральт двинулся следом. Но они все равно сумели добраться лишь до порога комнаты, за спины нескольким столпившимся здесь дворянам. Дальнейшее продвижение сделали невозможным крепыши в кожаных кабатах, по приказу герольда припершие ведьмака с инстингатором к стене. При этом отнюдь не церемонились, однако Геральт взял пример с Леттенхофа и не сопротивлялся.

Король стоял на низком табурете. Портной со шпильками во рту поправлял ему шаравоны. Рядом стояли гофмейстер и некто в черном, по всей видимости, нотариус.

– Сразу после свадебной церемонии, – говорил Белогун, – я оглашу, что наследником престола делается сын, которого родит мне моя молодая жена. Шаг сей должен обеспечить мне ее благосклонность и чувственность, хе-хе. Даст это мне также немного времени и спокойствия. Пройдет лет двадцать, прежде чем засранец достигнет возраста, в котором начинают плести интриги.

– Однако, – король скривился и подмигнул гофмейстеру, – ежели я пожелаю, то все отзову и назначу наследником кого-нибудь совсем другого. Как бы там ни было, этот брак – морганатический, дети от таких связей титулов не наследуют, верно? И кто же способен предвидеть, сколько я с нею выдержу? Или других девок на свете нет, покрасивше и помоложе? Поэтому надобно будет должным образом составить документы, какой-

нито брачный контракт или что-то в этом роде. Надейся на лучшее, готовься к худшему, хе-хе-хе.

Прислужник подал королю поднос, на котором громоздились драгоценности.

– Прочь, – скривился Белогун. – Не стану обвешиваться побрякушками, словно какой франт или нувориш. Только это вот и надену. Дар моей избранницы. Маленькое, но со вкусом. Медальон с гербом моей страны, подобает мне такой носить. Это ее слова: герб страны на шее, благо страны в сердце.

Геральт, прижатый к стене, сообразил не сразу.

Кот, ударяющий лапкой в медальон. Золотой медальон на цепочке. Голубая эмаль, дельфин. *D'or, dauphin nageant d'azur, lorré, peautré, oreille, barbé et créte de gueules*^[72].

Было слишком поздно, чтобы он мог отреагировать. Не успел даже крикнуть, предостеречь. Увидел, как золотая цепочка внезапно сжимается, передавливает шею короля, будто гаррота. Белогун покраснел, раззявил рот, не сумел ни вдохнуть, ни крикнуть. Обеими руками ухватился за горло, пытаясь сорвать медальон или хотя бы втиснуть под цепочку пальцы. Не удалось, звенья глубоко врезались в плоть. Король грохнулся с табурета, закружил, сбив портного. Портной пошатнулся, закашлялся, может, даже проглотил свои шпильки. Столкнулся с нотариусом, оба упали. Белогун тем временем посинел, вытаращил глаза, рухнул на пол, несколько раз дернул ногами, напрягся. И сделался недвижим.

– Спасите! Король без сознания!

– Медика! – закричал гофмейстер. – Вызвать медика!

– Боги! Что случилось? Что с королем?

– Медика! Живо!

Ферран де Леттенхоф приложил пальцы к вискам. Было у него странное выражение лица. Выражение лица человека, до которого начинает доходить...

Короля положили на кушетку. Вызванный медик долго его осматривал. Геральта близко не подпустили, не позволили взглянуть. И все же он знал, что цепочка успела разжаться еще до того, как консилиар прибежал.

– Апоплексия, – объявил, выпрямляясь, медик. – Причинённая духотою. Дурные воздушные испарения вошли в тело и отравили гуморы. Виновны непрестанные грозы, усиливающие жар крови. Наука бессильна, я не могу ничего поделать. Наш добрый и милостивый король мертв. Покинул сей мир.

Гофмейстер вскрикнул, закрыл лицо ладонями. Герольд обеими

руками ухватился за берет. Кто-то из дворян всхлипнул. Некоторые пали на колени.

В коридоре и вестибюле внезапно раздались тяжелые шаги. В дверях появился великан, мужичина ростом футов в семь, не меньше. В мундире гвардейца, но со знаками более высокого звания. Великана сопровождали люди в платках на головах и с серьгами в ушах.

– Господа, – проговорил в установившейся тишине великан, – прошу вас пройти в тронный зал. Немедленно.

– В какой еще тронный зал? – вскинулся гофмейстер. – И зачем бы? Вы отдаете себе отчет, господин де Сантис, что тут произошло? Какое несчастье случилось? Вы не понимаете...

– В тронный зал. Это приказ короля.

– Король мертв!

– Да здравствует король. В тронный зал, прошу. Все. Немедленно.

В тронном зале, под морским плафоном с тритонами, сиренами и гиппокампами, собралось с дюжину мужчин. У одних на головах были разноцветные платки, у других – моряцкие шляпы с лентами. Все собравшиеся были загорелыми, все носили в ушах серьги.

Наемники. Нетрудно было догадаться. Команда фрегата «Ахеронтия».

На троне, на возвышении, сидел темноволосый и темноглазый мужчина с крупным носом. Тоже загорелый. Но серьги в ухе не носил.

Рядом, на приставленном кресле, сидела Ильдико Брекль, все еще в снежно-белом платье и по-прежнему обвешанная бриллиантами. Недавняя королевская невеста и избранница не сводила с темноволосого мужчины полного обожания взгляда. Геральт, который уже какое-то время догадывался как о ходе событий, так и о причинах, сопоставил факты и сумел сложить два и два. Сейчас, однако, даже некто с разумом куда более ограниченным должен был видеть и понимать, что Ильдико Брекль и темноволосый мужчина знакомы – и очень близко. И похоже, давно.

– Принц Вираксас, князь Керака, еще недавно наследник престола и короны, – огласил гудящим баритоном гигант, де Сантис. – В настоящее время – король Керака, законный властитель страны.

Первым склонился, а потом встал на одно колено гофмейстер. За ним – герольд. Далее – сенешали, низко склоняя головы. Последним, кто поклонился, был Ферран де Леттенхоф.

– Ваше королевское величество.

– Пока что довольно будет и «вашей милости», – поправил Вираксас. – Полным титулом я стану пользоваться после коронации. С которой, впрочем, мы не станем медлить. Чем быстрее, тем лучше. Верно, господин

гофмейстер?

Стало очень тихо. Слышно было, как у кого-то из дворян урчит в животе.

– Мой отец, земля ему пухом, мертв, – проговорил Вираксас. – Ушел к своим славным предкам. Оба моих младших брата, что меня не удивляет, обвинены в измене. Процесс над ними состоится согласно воле мертвого короля, оба брата окажутся виноватыми и по приговору суда покинут Керак навсегда. На борту фрегата «Ахерония», нанятом мной... и моими владетельными друзьями и защитниками. Умерший король, насколько я знаю, не оставил никакого завещания или официальных распоряжений относительно наследования. Найдись такие распоряжения, я бы выполнил волю короля. Но их нет. Так что по праву наследования корона принадлежит мне. Есть ли среди присутствующих кто-то, кто хотел бы на это возразить?

Какового среди присутствующих не нашлось. Все присутствующие были в достаточной степени одарены разумом и инстинктом самосохранения.

– Тогда прошу начать приготовления к коронации, пусть вопросом займутся те, в чьей компетенции это находится. Коронация состоится одновременно со свадьбой. Ибо я решил воскресить древний обычай королей Керака, закон, установленный столетия тому. Гласящий, что если жених умер до свадьбы, невесту должен взять в жены ближайший неженатый родственник.

Ильдико Брекль – и это читалось по ее сияющему лицу – древнему обычаю готова была следовать хоть сей же миг. Остальные собравшиеся молчали, пытаясь, несомненно, упомнить, кто, когда и по какой причине такой обычай установил. И каким образом оный обычай мог быть установлен столетия назад, если королевство Керак не просуществовало и ста лет. Сморщенные мыслительным усилием лбы дворян, однако, быстро разгладились. Поскольку каждый пришел к соответствующему выводу. Что, пусть пока не было коронации и пусть Вираксас всего лишь «ваша милость», но он уже практически король, а король всегда прав.

– Исчезни отсюда, ведьмак, – шепнул Ферран де Леттенхоф, всовывая Геральту в руки его меч. – Забери отсюда Юлиана. Исчезните оба. Вы ничего не видели, ничего не слышали. Чтоб никто вас со всем этим не связал.

– Понимаю, – Вираксас смерил взглядом придворных, – и могу уразуметь, что для некоторых из присутствующих здесь ситуация неожиданна. Что для некоторых изменения произошли слишком внезапно и

резко, а события развиваются слишком быстро. Также не могу я исключить, что для некоторых из здесь присутствующих дело идет не так, как они предполагали, и что состояние дел им не по нраву. Полковник де Сантис сразу выбрал должную сторону и принес мне присягу. Ожидаю я того же и ото всех прочих.

– Начнем же мы, – кивнул он, – с верного слуги моего светлой памяти отца. А также – исполнителя приказов моего брата, который на жизнь отца посягал. Начнем с королевского инстингатора, господина Феррана де Леттенхофа.

Инстингатор поклонился.

– Следствие тебя не минует, – пообещал Вираксас, – и выяснит, какую роль сыграл ты в заговоре принцев. Заговор завершился фиаско, что характеризует заговорщиков как неудачников. Ошибку я мог бы простить, неудачу – нет. Не инстингатору, хранителю закона. Но об этом позже, начнем же с вещей фундаментальных. Подойди, Ферран. Желаем мы, чтобы ты показал и доказал, кому служишь. Желаем, чтобы принес ты нам надлежащую клятву. И поцеловал нашу королевскую руку.

Инстингатор послушно двинулся к возвышению.

– Исчезни отсюда, – успел прошептать. – Исчезни как можно быстрее, ведьмак.

* * *

Развлечения в садах продолжались.

Литта Нейд сразу же заметила кровь на манжетах рубахи Геральта. Мозаика заметила тоже и – в отличие от Литты – побледнела.

Лютик подхватил с подноса проходившего пажа два бокала, выпил залпом, один за другим. Подхватил еще два, предложил дамам. Те отказались. Лютик выпил один, а второй, поколебавшись, вручил Геральту. Коралл, прищурившись, всматривалась в ведьмака, явно готовая действовать.

– Что случилось?

– Сейчас узнаешь.

Колокол на кампанилле начал бить. Бил он так зловеще, так замогильно и так тоскливо, что пирующие гости примолкли.

На схожий с эшафотом помост поднялись гофмейстер и герольд.

– Преисполненный жалостью и страданием, – проговорил в тишине гофмейстер, – я должен сообщить почтенной публике печальное известие.

Король Белогун, наш любимый, добрый и милостивый владыка, пораженный безжалостной рукою судьбы, умер внезапно, покинул сей мир. Но короли Керака не умирают! Король умер – да здравствует король! Да здравствует его королевское величество король Вираксас! Первородный сын почившего короля, истинный наследник трона и короны! Король Вираксас Первый! Троекратно «да здравствует»! Да здравствует! Да здравствует!

Хор нахлебников, подхалимов и жоповлазов подхватил призыв. Гофмейстер утихомирил их жестом.

– Король Вираксас погружен в траур, как и весь двор. Пир нынче прекращен, гостей просят покинуть территорию дворца. Король вскоре планирует собственную свадьбу, тогда и повторится пир. Чтобы еда не пропала, король приказал вынести ее в город и выставить на рынке. Едой одарен будет и народ Пальмиры. Для Керака настает время счастья и процветания!

– Что ж, – произнесла Коралл, поправив волосы. – Много правды в словах о том, что смерть жениха может изрядно подпортить свадьбу. Белогун был не без изъянов, но не был он и наихудшим, пусть почит он в покое, и пусть земля станет ему пухом. Пойдем отсюда. Все равно здесь становилось скучно. А день хороший, так что прогуляемся-ка по террасам, поглядим на море. Поэт, будь любезен и подай руку моей ученице. Я пойду с Геральтом. Потому как, насколько понимаю, у него есть что мне рассказать.

Едва миновал полдень. Не хотелось верить, что столько всего случилось за столь короткое время.

Глава девятнадцатая

Воин не умирает легко. Смерть, чтобы им овладеть, должна сойтись с ним в бою. А воин так просто смерти не уступит.

Карлос Кастанеда. Колесо времени

– Эй! Смотрите! – закричал внезапно Лютик. – Крыса!

Геральт не обратил внимания. Знал поэта, знал и то, что тот привык пугаться невесть чего, восхищаться чем попало и искать сенсаций там, где ими даже не пахло.

– Крыса! – не унимался Лютик. – О, вторая! Третья! Четвертая! Проклятие! Геральт, взгляни!

Он вздохнул и повернулся.

Земля под обрывом с террасой потемнела от крыс. Пространство между Пальмирой и холмом жило, двигалось, волновалось и попискивало. Сотни, а возможно и тысячи грызунов бежали со стороны порта и устья реки, спешили вверх, вдоль частокола, на холм, в леса. Другие прохожие тоже заметили это, отовсюду раздавались возгласы удивления и страха.

– Крысы бегут из Пальмиры и порта, – объявил Лютик, – потому что напуганы! Я знаю, что случилось! Наверняка к берегу пристал корабль крысоловов!

Никому не хотелось комментировать. Геральт смахнул пот с век, жара стояла ужасная, от горячего воздуха перехватывало дыхание. Он взглянул на небо, прозрачное, без единого облачка.

– Идет шторм. – Литта произнесла вслух то, что пришло ему в голову. – Сильный шторм. Крысы его чувствуют. И я – тоже. Чувствую это в воздухе.

И я, подумал ведьмак.

– Гроза, – повторила Коралл. – Гроза придет с моря.

– Откуда опять гроза? – Лютик обмахнулся шляпой. – С чего бы? Погода как на картинке, небо чистое, ни ветерка. А жаль, на такой-то жаре ветерок пригодился бы. Морской бриз...

Прежде чем он закончил – повеяло. Легкий бриз нес запах моря, давал приятное облегчение, освежал. И быстро набирал силу. Флажки на мачтах, недавно свисавшие вяло и печально, развернулись, захлопали.

Небо на горизонте потемнело. Ветер усилился. Легкое дыхание превратилось в шум, шум перешел в свист.

Флажки на мачтах затрепетали и отрывисто забились, хлопая тканью. Заскрипели флюгера на крышах и башнях, заскрежетали и застучали жестяные накладки на трубах. Заклацали ставни. Поднялись тучи пыли.

Лютик двумя руками ухватился за шляпу, едва успел, иначе та улетела бы прочь.

Мозаика схватилась за платье, внезапный порыв высоко, почти до бедер, задрал шифон. Прежде чем она совладала с развеваемой тканью, Геральт с удовольствием полюбовался ее ногами. Она заметила этот взгляд. Не отвела своего.

– Гроза... – Коралл, чтобы говорить, пришлось отвернуться, ветер дул уже такой, что уносил слова. – Гроза! Идет шторм!

– Боги! – крикнул Лютик, не веривший ни в каких богов. – Боги! Что происходит? Это конец света?

Небо быстро темнело. А горизонт внезапно сделался чёрен.

Ветер усиливался, высвистывая безумную мелодию.

На рейде за мысом море подергивалось барашками, волны били в волнолом, разбрызгивая белую пену. Шум моря нарастал. Сделалось темно, словно ночью.

Среди стоявших на рейде кораблей наметилось оживление. Несколько из них, в том числе – почтовый клипер «Эхо» и новиградский шкунер «Пандора Парви», поспешно ставили паруса, готовясь убежать в открытое море. Остальные корабли спускали паруса, оставаясь на якоре. Геральт помнил некоторые из них, видел их с террасы виллы Коралл. «Алькэ», когг из Цидариса. «Фуксия», не помнил откуда. И галеоны: «Гордость Цинтры» под флагом с голубым крестом. Трехмачтовый «Вертиго» из Лан Эксетера. Имеющий сто двадцать футов между штевнями реданский «Альбатрос». Несколько других. В том числе и фрегат «Ахерония» под черными парусами.

Ветер уже не свистел. Выл. Геральт увидал, как из Пальмиры взлетает в небо первая крыша, как распадается в воздухе. Не пришлось долго ждать второй. Третьей. И четвертой. А ветер все усиливался. Лопотание флажков превратилось в непрерывный шум, бились ставни, градом сыпались черепица и водостоки, падали трубы, хлопались о мостовую цветочные горшки. Движимый ветром, начал звонить колокол кампаниллы: обрывистым, испуганным, зловещим звоном.

А ветер все усиливался. И гнал к берегу все бóльшие волны. Шум моря нарастал, делался все сильнее. Вскоре он превратился в монолитный

и глухой гул, словно гудение некоей дьявольской машины. Волны росли; увенчанные белой пеной, валы рушились на берег. Земля под ногами дрожала. Ветер выл.

«Эхо» и «Пандора» не сумели сбежать. Вернулись на рейд, бросили якоря.

Крики собравшихся на террасах людей звучали все громче, полные удивления и испуга. Вытянутые руки указывали на море.

Морем шла большая волна. Колоссальная стена воды. Возносившаяся, как казалось, на высоту галеоновых мачт.

Коралл схватила ведьмака за плечо. Что-то говорила, а вернее, пыталась говорить, вихрь затыкал ей рот.

– ...бегать! Геральт! Нужно отсюда убежать!

Волна обрушилась на порт. Люди кричали. Под напором массы воды в ошметки и щепки разбился мол, взлетали балки и доски. Завалился док, сломались и пали «журавли» и пилоны подъемников. Стоявшие у побережья лодки и баркасы кувыркались, словно детские игрушки, словно кораблики из коры, пускаемые уличными мальчишками по канавам. Стоявшие ближе к побережью халупы и сараи попросту смыло, не осталось от них и следа. Волна ворвалась в устье реки, мигом превратив ее в адскую купель. Из заливаемой Пальмиры сбегали толпы людей, большинство – к Высокому Городу, к стражницей. Эти спаслись. Некоторые для бегства выбрали берег реки. Геральт видел, как поглощает их вода.

– Вторая волна! – кричал Лютик. – Вторая волна!

Точно, была вторая. А потом третья. Четвертая. Пятая. И шестая. Стены воды неслись на рейд и порт.

Волны с силой ударили в заякоренные корабли, те дико заплясали на цепях, Геральт видел, как с бортов сыплются люди.

Развернутые носами по ветру, корабли сопротивлялись стойко. Какое-то время. Теряли мачты, одну за другой. Потом волны пошли поверху. Корабли скрывались в пене и выныривали, скрывались и выныривали.

Первым перестал выныривать почтовый клипер «Эхо». Он просто исчез. Через миг та же судьба постигла «Фуксию», галера распалась на куски. Натянутая якорная цепь разорвала корпус «Алькэ», когг мгновенно исчез в бездне. Нос и форштевень «Альбатроса» оторвались под напором, разбитый корабль камнем пошел на дно. Якорь «Вертиго» сорвался, галеон заплясал на гребне волны, перевернулся и разбился о волнолом.

«Ахеронтия», «Гордость Цинтры», «Пандора Парви» и два неизвестных Геральту галеона сбросили якоря, волны понесли их к берегу. Действо это лишь на первый взгляд было отчаянно самоубийственным. У

капитанов был выбор – или верная гибель в бурных водах, или рискованный маневр, чтобы войти в устье реки.

Неизвестным галеонам не повезло. Ни один даже не сумел толком сманеврировать. Оба разбились о пирс.

«Гордость Цинтры» и «Ахеронтия» тоже не удержали курс. Столкнулись, сцепились, волны бросили их на берег и разнесли в щепки. Остатки унесло водой.

«Пандора Парви» прыгала и танцевала на волнах, словно дельфин. Но держала курс, увлекаемая напрямиком в кипящее, подобно котлу, устье Адалатте. Геральт слышал крики людей, поддерживавших капитана.

Коралл крикнула, указывая.

Шла седьмая волна.

Те, прежние, если прикидывать по мачтам кораблей, Геральт оценивал в каких-то пять-шесть саженей, в тридцать-сорок футов. Та, что шла с моря, закрывая собой небо, была вдвое выше.

Убегавшие из Пальмиры люди, собравшиеся подле караульни, принялись кричать. Вихрь валил их, бросал на землю, прижимал к частоколу.

Волна ударила в Пальмиру. И попросту стерла ее, смыла с лица земли. Вода в мгновение ока достигла ограды, поглощая сбившихся там людей. Увлекаемые волной, древесные обломки ударили в частокол, выламывая бревна. Завалилась и поплыла караульня.

Неудержимый водный таран грянул в склон обрыва. Холм сотрясся так, что Лютик и Мозаика упали, а Геральт с немалым трудом удержал равновесие.

– Нужно убегать! – крикнула Коралл, вцепившись в балюстраду. – Геральт! Прочь отсюда! Идут следующие волны!

Волна обрушилась на них, захлестнула. Люди на террасе – те, что не разбежались раньше, – кинулись наутек. Мчались с криками, выше, как можно выше, на вершину, в сторону королевского дворца. Очень немногие остались. Геральт узнал среди них Равенгу и Антею Деррис.

Люди вопили, указывали руками. Волны подмыли обрыв справа от них, под кварталом вилл. Первая из вилл сложилась, будто карточный домик, и соскользнула по склону, прямо в кипень. За первой пошла вторая, третья и четвертая.

– Город распадается! – завыл Лютик. – Разлетается!

Литта Нейд вскинула руки. Проскандировала заклинание. И исчезла. Мозаика вцепилась в плечо Геральта. Лютик вскрикнул.

Вода была уже под ними, под террасой. А в воде были люди. Сверху

им протягивали жерди, багры, кидали веревки, вытаскивали наверх. Недалеко от них крепко сложенный мужчина прыгнул в водовороты, вплавь бросился на помощь тонущей женщине.

Мозаика крикнула.

Ведьмак увидел танцующий на волнах кусок крыши. И вцепившихся в крышу детей. Трех детей. Он сдернул меч из-за спины.

– Держи, Лютик!

Сбросил куртку. И прыгнул в воду.

Это не было обычное плавание, и от привычных навыков здесь было мало толку. Волны швыряли его вверх, вниз и в стороны, его били крутившиеся в кипении балки, доски и куски мебели, напивавшие доски и бревна грозили раздавить его всмятку. Когда наконец он доплыл и ухватился за крышу, был уже порядком побит. Крыша подпрыгивала и вертелась на волнах, словно волчок. Ребятишки вопили на все голоса.

Трое, подумалось ему. Я никак не сумею поднять всех троих.

Почувствовал плечо у своего плеча.

– Двоих! – Антея Деррис выплюнула воду, схватила одного из детей. – Бери двоих!

Это было непросто. Мальчишку он стянул, зажал подмышкой. Паникующая девочка вцепилась в кровлю так крепко, что он долго не мог разжать ее хватку. Ему помогла волна, накрыв их и заливая. Притопленная девочка отпустила кровлю, Геральт сунул ее под вторую подмышку. А потом все трое начали тонуть. Детишки булькали и дергались. Геральт едва справлялся.

Сам не понимал как, но сумел вынырнуть. Волна ударила его о стену террасы, вышибая дыхание. Он не выпустил детей. Люди наверху кричали, пытались помочь, подавая что-то, за что они могли бы ухватиться. Не сумели. Водоворот подхватил, поволок. Ведьмак столкнулся с кем-то – это была Антея Деррис с девочкой в руках. Она сражалась, но он видел, что женщина на пределе сил. С трудом удерживала над водой голову ребенка – и свою.

Рядом раздался плеск, прерывистое дыхание. Мозаика. Вырвала у него одного ребенка, поплыла. Он видел, как в нее ударила увлекаемая волной балка. Мозаика крикнула, но ребенка не выпустила.

Волна снова швырнула его на стену террасы. Теперь люди наверху были готовы, принесли даже лестницы, свисали с них с протянутыми руками. Приняли у них детей. Он видел, как Лютик хватает и вытягивает на террасу Мозаику.

Антея Деррис взглянула на него. Оказалось, у нее красивые глаза.

Улыбнулась ему.

Волна ударила в них досками и бревнами. Огромными столпами, вырванными из частокола.

Одна свая попала в Антею Деррис и прибила ее к террасе. Антея выплюнула кровь. Много крови. Потом свесила голову на грудь и исчезла под водой.

Геральта ударила пара бревен, одно в плечи, второе в бедро. Удары парализовали, он моментально и полностью одеревенел. Захлебнулся и пошел ко дну.

Кто-то схватил его: железной, болезненной хваткой, вздернул вверх, к свету, на поверхность. Он потянулся, нащупал большой, твердый, словно камень, бицепс. Силач работал ногами, вспарывал воду, словно тритон, свободной рукой отталкивая плававшую вокруг древесину и крутившихся на волнах утопленников. Сверху крики – радостные. Протянутые руки.

Через миг он уже лежал в луже воды, кашляя, отплевываясь и рыгая на каменные плиты террасы. Рядом стоял на коленях Лютик, бледный, словно бумага. С другой стороны – Мозаика.

Тоже без румянца, с трясущимися руками. Геральт с трудом сел.

– Антея?

Лютик покачал головой, отвернулся. Мозаика уткнулась лицом в колени. Он видел, как девушка содрогается от рыданий.

Рядом сидел его спаситель. Силач. Вернее, силачка. Неопрятная щетина на остриженной под ноль голове. Живот, словно перетянутый рулет. Спина как у борца. Икры как у дискобола.

– Я обязан тебе жизнью.

– Да ладно... – комендантка кордегардии небрежно отмахнулась. – Не о чем говорить. А так-то вообще ты засранец, и у нас к тебе счет, у меня и девок, за ту драку. Поэтому лучше на глаза нам не попадайся, не то прибьем. Ясно?

– Ясно.

– Но надобно признать, – комендантка сплюнула в сердцах, вытряхнула воду из уха, – что ты отважный засранец. Отважный ты засранец, Геральт из Ривии.

– А ты? Как тебя зовут?

– Виолетта, – сказала комендантка, внезапно мрачняя. – А она? Та...

– Антея Деррис.

– Антея Деррис, – повторила она, кривясь. – Жаль.

– Жаль.

На террасе людей стало больше, сделалось тесно. Не было уже

страшно, посветлело, ветер утих, флажки обвисли. Волны слабели, вода отступала. Оставляя поле боя и руины. И трупы, по которым уже ползали крабы.

Геральт с усилием поднялся. Каждое движение и каждый глубокий вдох отзывались в боку тупой болью.

Дичайше болело колено. Оба рукава рубахи были оборваны, он не мог вспомнить, когда именно их потерял. Кожа на левом локте, правом плече и, кажется, на лопатке, была содрана до живого мяса. Из многочисленных царапин сочилась кровь. Но, если подытожить – ничего серьезного, ничего, о чем стоило бы переживать.

Солнце пробилось сквозь тучи, на спокойном море заиграли отблески. Сверкнула крыша морского маяка на конце мола, фонаря из белого и красного кирпича, реликта эльфийских времен. Реликта, который выдержал уже немало подобных бурь. И казалось, что не одну еще выдержит.

Преодолев уже спокойное, хотя и забитое плавающим мусором устье реки, на рейд выходил шкунер «Пандора Парви», под полными парусами, словно на параде. Толпа ликовала.

Геральт помог подняться Мозаике. На девушке тоже осталось не слишком много одежды. Лютик подал ей плащ – укрыться. И прокашлялся со значением.

Перед ними предстала Литта Нейд. С медицинской сумкой на плече.

– Я вернулась, – сказала, глядя на ведьмака.

– Нет, – покачал он головой. – Ты ушла.

Она посмотрела на него. Холодными, чужими глазами. И сразу сконцентрировала взгляд на чем-то чрезвычайно далеко, расположенном за правым плечом ведьмака.

– Значит, вот как ты хочешь это разыграть, – произнесла холодно. – Вот какие воспоминания по себе оставить. Что ж, твоя воля, твой выбор. Хотя стиль мог бы выбрать и чуть менее патетический. Ну, откланиваюсь. Иду помочь раненым и нуждающимся. А ты, похоже, в моей помощи не нуждаешься. Как и во мне самой. Мозаика!

Мозаика покачала головой. Взяла Геральта под руку. Коралл фыркнула.

– Значит, так? Так желаешь? Таким вот образом? Что ж, твоя воля. Твой выбор. Прощай.

Повернулась и ушла.

В толпе, которая начала собираться на террасе, появился Феб Равенга. Должно быть, принимал участие в спасательных работах, поскольку мокрая одежда свисала с него клочьями. Какой-то услужливый фактотум подошел и подал ему шляпу. Вернее то, что от нее осталось.

– Что теперь? – спросил кто-то из толпы. – Что теперь, господин советник?

– Что теперь? Что делать?

Равенга глянул на них. Смотрел долго. Потом выпрямился, отжал шляпу и надел ее на голову.

– Похоронить мертвых, – сказал. – Позаботиться о живых. И начинать отстраиваться.

* * *

Ударил колокол на кампанилле. Словно желал подать знак, что – уцелел. Что, хотя многое изменилось, однако некоторые вещи остались неизменными.

– Пойдем отсюда. – Геральт вынул из-за воротника мокрые водоросли. – Лютик? Где мой меч?

Лютик задохнулся, указывая на пустое место под стеной.

– Да только что... Только что здесь был! Твой меч и твоя куртка! Украли! Сучье племя! Украли! Эй, люди! Тут был меч! Отдайте, прошу! Люди! Ах вы, сукин-сыны! Чтоб вас разорвало!

Ведьмак внезапно покачнулся, почувствовав дурноту. Мозаика его поддержала. Худо мне, подумалось ему. Худо мне, если удерживать меня приходится девушке.

– Хватит с меня этого города, – сказал он. – Хватит всего, чем этот город является. И что он собой представляет. Пойдемте отсюда. Побыстрее. И подальше.

Интерлюдия

Двенадцатью днями позже

Фонтан тихонько журчал, облицовка пахла мокрым камнем. Пахли цветы, пах плющ, взбиравшийся по стенам патио. Пахли яблоки на блюде на мраморной столешнице. Два бокала потели от охлажденного вина.

У столика сидели две женщины. Две чародейки. Окажись случайно рядом некто с артистическим вкусом, преисполненный художественного воображения и склонный к лирическим аллегориям, у него не было бы проблем с описанием обеих. Пламенно-рыжая Литта Нейд в киноварно-зеленом платье была словно закат солнца в сентябре. Йеннефер из Венгерберга, черноволосая, одетая в черное и белое, вызывала мысли о декабрьском утре.

– Большинство соседних вилл, – прервала молчание Йеннефер, – лежит в обломках под обрывом. А твоя – нетронута. Ни одна черепица не упала. Счастливица ты, Коралл. Подумай, советую, не испытать ли судьбу в лотерее.

– Священники, – улыбнулась Литта Нейд, – не назвали бы это счастьем, упомянув о защите богов и небесных сил. Божества защищают справедливых и оберегают добродетельных. Награждают почтительность и праведность.

– Конечно. Награждают. Если захотят и если случайно окажутся поблизости. Твое здоровье, подруга.

– Твое здоровье, подруга. Мозаика! Налей госпоже Йеннефер. Ее бокал уже пуст.

– Что касается виллы, – Литта отправила Мозаику прочь – взглядом, – то ее можно купить. Продаю, поскольку... Поскольку должна я отсюда выехать. Аура Керака перестала мне служить.

Йеннефер приподняла брови. Литта не заставила себя ждать.

– Король Вираксас, – сказала с едва заметным сарказмом, – начал свое правление с воистину королевских эдиктов. *Primo*, день его коронации станет в Кераке государственным праздником и днем, свободным от работы. *Secundo*, оглашается амнистия... для уголовников, политические же преступники продолжают сидеть – причем без права свидания и переписки. *Tertio*, возрастают на сто процентов пошлины и портовые сборы. *Quarto*, в двухнедельный срок Керак должны покинуть все нелюди и

полукровки, мешающие экономике страны и лишаящие работы людей чистой крови. *Quinto*, в Кераке запрещается применение любой магии без согласия короля, и магам не позволено обладать землей либо недвижимостью. Обитающие в Кераке чародеи должны лишиться недвижимости и получить лицензию. Или покинуть королевство.

– Чудесное доказательство благодарности, – фыркнула Йеннефер. – А ведь поговаривают, что чародеи-то и вознесли Вираксаса на престол. Что организовали и профинансировали его переворот. И что помогли прийти к власти.

– И верно поговаривают. Вираксас обильно заплатит за это Капитулу – для того-то он повышает пошлины и рассчитывает на конфискации имений нелюдей. А эдикт касается меня лично, ни у кого больше из чародеев в Кераке дома нет. Это месть Ильдико Брекль. А также реванш за оказываемую мною здешним дамам медицинскую помощь, каковую советники Вираксаса полагают аморальной. Капитул мог бы оказать давление, чтобы поддержать меня, но делать этого не станет. Капитулу мало полученных от Вираксаса торговых привилегий, доли в верфи и морском промысле. Он продолжает вести переговоры и не желает ослаблять своих позиций. И потому мне, признанной *persona non grata*, придется эмигрировать в поисках новых пажитей.

– Что, как полагаю, сделаешь ты безо всякого сожаления. С нынешними правителями Керак, думаю, вряд ли выиграет в конкурсе на самое теплое место под солнцем. Эту виллу продашь, купишь новую. Хотя бы и в Лирии, в горах. Нынче лирийские горы в моде. Много чародеев перебралось туда, поскольку там и красиво, и налоги умеренные.

– Не люблю я гор. Предпочитаю море. Переживать не о чем, без труда найду какую-нибудь пристань – при моей-то специализации. Женщины есть всюду, и всем я необходима. Пей, Йеннефер. Твое здоровье.

– Приглашаешь выпить, а сама едва губы смачиваешь. Быть может, ты нездорова? Выглядишь не слишком хорошо.

Литта театрально вздохнула.

– Последние дни были тяжелыми. Дворцовый переворот, эта ужасная буря, ах... К тому же, утренняя тошнота... Знаю, она пройдет после первого триместра. Но до того – еще целых два месяца...

В тишине, которая воцарилась, можно было услышать жужжанье осы, кружившей над яблоком.

– Ха-ха, – прервала молчание Коралл. – Я пошутила. Жаль, что ты не видишь своего лица. Позволила себя обмануть! Ха-ха.

Йеннефер глянула вверх, на поросшую плющом стену. И смотрела на

нее долго.

– Позволила себя обмануть, – продолжила Литта. – И я готова поспорить, что у тебя сразу заработало воображение. Тотчас же, признайся, ты соотнесла мое благословенное состояние с... Не надо такого лица, не надо. Сплетня до тебя должна была дойти, слухи ведь разбежались, словно круги по воде. Но не переживай, в сплетнях нет и слова правды. К тому же, на беременность шансов у меня не больше, чем у тебя, здесь все по-прежнему. А с твоим ведьмаком меня связывают исключительно дела. Профессиональные. Ничего больше.

– Ах.

– Народ такой народ, обожает сплетничать. Увидят женщину с мужчиной – и мигом превращают это в любовное приключение. Ведьмак, признаюсь, бывал у меня частенько. И конечно, видывали нас вместе в городе. Но наши отношения, повторяюсь, были исключительно деловыми.

Йеннефер отставила бокал, уперла локти в стол, соединила кончики пальцев, складывая ладони в домик. И взглянула рыжеволосой чародейке в глаза.

– *Primo*, – Литта легонько закашлялась, но взгляд не опустила, – я бы никогда не сделала чего-то подобного подруге. *Secundo*, твой ведьмак вовсе мною не интересовался.

– Вовсе? – Йеннефер приподняла бровь. – Правда? И чем же это объяснить?

– Может, – Коралл слегка улыбнулась, – перестали его интересовать женщины зрелые? Независимо от их нынешней внешности? Может, предпочитает он по-настоящему молодых? Мозаика! Подойди-ка к нам. Ты только погляди, Йеннефер. Цветущая юность. И – до недавнего времени – невинность.

– Она? – возмутилась Йеннефер. – Он – с ней? С твоей ученицей?

– Ну, Мозаика. Просим. Расскажи нам о твоём любовном приключении. Нам интересно послушать. Мы любим романы. Рассказы о несчастливой любви. И чем более несчастливой – тем лучше.

– Госпожа Литта... – девушка, вместо того, чтобы покраснеть, побледнела, словно покойница. – Прощу вас... Вы ведь уже меня за это наказали... Сколько раз можно наказывать за одну и ту же вину? Не приказывайте мне...

– Рассказывай!

– Тише, Коралл, – отмахнулась Йеннефер. – Не обижай ее. Не так уж это интересно.

– Вот в это я как раз не поверю, – зло усмехнулась Литта Нейд. – Но

хорошо, девушку я прощаю, я ей действительно уже назначила наказание, извинения приняла и позволила продолжить обучение. Да и перестали меня радовать ее бубнеж и признания. Если коротко: она втюрилась в ведьмака и сбежала с ним. А он, когда наскучила, бросил Мозаику. Однажды утром она пробудилась в одиночестве. От любовника и постель остыла, и след пропал. Ушел, поскольку был должен. Развеялся, словно дым. Умчался с ветром.

Белокожая девушка, хотя и казалось это невозможным, побледнела еще сильнее. Руки ее тряслись.

– Оставил цветы, – тихо сказала Йеннефер. – Букетик цветов. Правда? Мозаика подняла голову. Но ничего не ответила.

– Цветы и письмо, – повторила Йеннефер.

Мозаика молчала. Но румянец медленно возвращался на ее лицо.

– Письмо, – сказала Литта Нейд, глядя на девушку с интересом. – О письме она мне не говорила. Не вспоминала о нем.

Мозаика сжала губы.

– Значит, поэтому, – закончила с притворным спокойствием Литта. – Поэтому ты вернулась, хотя понимала, что наказание будет суровым, куда суровей того, что ты понесла на самом деле. Это он велел тебе вернуться. Если бы не он – ты бы не возвратилась.

Мозаика не ответила. Йеннефер тоже молчала, накручивая на палец черный локон. Внезапно подняла голову, взглянула в глаза девушке. И улыбнулась.

– Он приказал тебе ко мне вернуться, – сказала Литта Нейд. – Приказал вернуться, хотя представлял, что тебе может грозить. Этого я от него, признаюсь, не ожидала.

Фонтан журчал, пахло мокрым камнем. Пахли цветы, пах плющ.

– Этим он меня застал врасплох, – повторила Литта. – Этого я от него не ожидала.

– Потому что ты его не знаешь, Коралл, – спокойно ответила Йеннефер. – Совершенно не знаешь.

Глава двадцатая

*What you are I cannot say;
Only this I know full wel —
When I touched your face today
Drifts of blossom flushed and fell.*

Siegfried Sassoon^[73]

Мальчишка с конюшни получил полкроны еще вчера, лошади ждали, оседланные. Лютик зевал, почесывая в затылке.

– Боги, Геральт... Нам и вправду нужно выбираться в такую рань? Ведь еще темно...

– Уже не темно. В самый раз. Солнце встанет самое большее через час.

– Только через час. – Лютик взгромоздился в седло мерина. – Я бы этот час лучше поспал...

Геральт взлетел в седло, подумав, бросил конюшонку еще полкроны.

– Нынче август, – сказал. – От восхода до заката каких-то четырнадцать часов. Я бы хотел за это время уехать как можно дальше.

Лютик зевнул. И словно только сейчас увидал расседланную кобылку в яблоках, стоящую в стойле. Кобылка махнула головой, словно желала о себе напомнить.

– Погоди, – задумался поэт. – А она? Мозаика?

– Она с нами дальше не едет. Мы расстаемся.

– Как так? Я не понимаю... Будь добр, поясни, пожалуйста...

– Не буду добр. Не сейчас. По дороге, Лютик.

– Ты точно знаешь, что делаешь? Осознаешь в полной мере?

– Нет. Совершенно не осознаю. И ни слова больше, я не желаю об этом нынче говорить. Едем.

Лютик вздохнул. Тронул мерина. Оглянулся и вздохнул снова. Был поэтом, потому имел право вздыхать сколько пожелает.

Трактир «Тайна и Шепот» весьма недурно смотрелся на фоне зари, в туманном свете раннего утра. На ум приходил тонуций в мальвах, окруженный вьюнком и плющом двор феи, лесной храм тайной любви. Поэт задумался.

Вздохнул, зевнул, откашлялся, сплюнул, завернулся в плащ, тронул

шпорами коня. Из-за этих нескольких мгновений задумчивости он поотстал. Геральт был едва виден в тумане.

Ведьмак ехал быстро. И не оглядывался.

* * *

– Пожалуйста, вот вино, – корчмарь поставил на стол фаянсовый кувшин. – Яблочное из Ривии, как вы и хотели. А жена просила узнать, как господа находят свининку.

– Находим ее в каше, – ответил Лютик. – Время от времени. Не так часто, как нам хотелось бы.

Корчма, к которой они под конец дня добрались, именовалась, как извещала цветистая вывеска, «Под Вепрем и Оленем». Но обещания подобной дичи так и оставались обещаниями, в меню ее было не сыскать. Местным фирменным блюдом оставалась каша с кусками жирной свинины и густой луковой подливкой. Лютик, похоже, из принципа, покрутил чуток носом на слишком плебейскую, на его взгляд, пищу. Геральт не жаловался. Свининка была вполне себе, подлива оказалась сносной, а каша – дошедшей: и вот это последнее удавалось далеко не каждой кухарке из придорожных корчем. Все могло быть куда хуже, особенно учитывая, что выбор-то – ограничен. Геральт настаивал, что они должны преодолеть за день как можно большую дистанцию, и на постоянных дворах, мимо которых проезжали раньше, останавливаться не хотел.

Как оказалось, не только для них «Под Вепрем и Оленем» стала концом дневного этапа пути. Лавку под стеной занимали проезжие купцы. Купцы современные, в отличие от традиционных, не пренебрегающие слугами и не полагающие уроном для чести сидеть вместе с ними за вечерей. Современность и толерантность, понятное дело, имели определенные границы – купцы занимали один конец стола, слуги другой, а демаркационная линия была хорошо заметна. В блюдах – тоже. Слуги ели свинину в каше, изюминку местной кухни, запивая все дешевым пивом. А вот господа купцы получили по цыпленку и несколько кувшинов вина.

За столом противоположным, под головой вепря, ужинала пара: светловолосая девушка и мужчина в годах. Девушка одета была богато, но неброско и вовсе не по-девичьи. Мужчина выглядел урядником, да при том не из значительных. Пара ужинала совместно, разговор вела весьма оживленный, но казалось это знакомство недавним и, скорее, случайным, что ясно было по поведению урядника, который напирал на девушку в

явственной надежде на нечто большее – девушка же принимала сие с вежливой, но хорошо заметной ироничной осторожностью.

Одну из лавок покороче занимали четыре жрицы. Странствующие целительницы, о чем свидетельствовали их серые одежды и закрывавшие волосы облегающие капоры. Еда, которую они вкушали, была, как заметил Геральт, более чем скромна: кажется, ячневая каша без приправы. Жрицы никогда не просили за исцеление плату, лечили всех и задаром, обычай же требовал предоставлять им за это, когда возникала необходимость, – гостеприимство и ночлег. Корчмарь из «Вепря и Оленя» обычай знал, но, похоже, намеревался соблюсти его с наименьшими затратами.

На лавке соседней, под оленьими рогами, обустроились трое местных, занятых бутылкой пшеничной, и похоже, не первой. Утолив уже более-менее ежевечернюю жажду, они осматривались в поисках развлечения. Нашли его, понятное дело, скоренько. Не повезло жрицам. Хотя, наверное, к подобным обстоятельствам они привыкли.

Стол в углу занимал еще один гость. Подобно самому столу, скрытый в тени. Гость, как приметил Геральт, не ел и не пил. Сидел неподвижно, опершись спиной о стену.

Трое местных развлекались, их шутовские выпады в адрес жриц становились все вульгарнее и неприличнее. Жрицы сохраняли стоическое спокойствие, совершенно не обращая на них внимания. Местных, похоже, это начинало раздражать, причем сообразно с убыванием пшеничной в бутылке. Геральт стал быстрее работать ложкой. Решил набить пьянчугам морды, но не хотел, чтобы из-за этого у него остыла каша.

– Ведьмак Геральт из Ривии.

В углу, в тени, внезапно вспыхнул огонек.

Сидевший за столом одинокий мужчина поднял руку над досками. Из пальцев его выстрелили дрожащие язычки пламени. Мужчина приблизил руку к стоявшему на столе подсвечнику, по очереди зажег все три его свечи. Позволил, чтобы те хорошенько его осветили.

Волосы его были серые, будто пепел, пронизанные на висках снежно-белыми нитями. Трупно-бледное лицо. Крючковатый нос. И светло-желтые глаза с вертикальным зрачком.

На шее его, вытасценный из-под рубахи, поблескивал в свечных огоньках медальон.

Голова щерящего зубы кота.

– Ведьмак Геральт из Ривии, – повторил мужчина в тишине, установившейся в зале. – По дороге в Вызиму, как полагаю? За наградой, обещанной королем Фольтестом? За двумя тысячами оронов? Я верно

догадался?

Геральт не ответил. Не шевельнулся даже.

– Я не спрашиваю, знаешь ли ты, кто я такой. Наверняка знаешь.

– Немного вас осталось, – спокойно ответил Геральт. – А потому и догадаться несложно. Ты – Бреген. Также именуемый Котом из Иелло.

– Ты гляди-ка, – фыркнул мужчина с медальоном кота. – Прославленный Белый Волк знает мое имя. Воистину честь для меня. А то, что ты собираешься украсть мою награду, мне тоже считать своего рода честью? Мне стоит уступить первенство, раскланяться и попросить прощения? Как в волчьей стае: отойти от добычи и ждать, поджав хвост, пока вожак насытится? Пока милостиво соизволит оставить объедки?

Геральт молчал.

– Я не уступлю тебе первенства, – продолжил Бреген, называемый Котом из Иелло. – И не стану делиться. Ты не отправишься в Вызиму, Белый Волк. Не украдешь у меня награду. Поговаривают, будто Весемир вынес мне приговор. Так у тебя есть okazия его исполнить. Выходи из корчмы. На площадь.

– Я не стану с тобой сражаться.

Мужчина с медальоном кота вылетел из-за стола в рывке столь стремительном, что взгляд не успел за ним уследить. Сверкнул подхваченный со стола меч. Мужчина дернул одну из жриц за капюшон, стянул ее с лавки, бросил на колени и приставил клинок к шее.

– Ты станешь со мной сражаться, – холодно произнес он, глядя на Геральта. – Выйдешь на площадь прежде, чем я досчитаю до трех. В противном случае кровь жрицы забрызгает стены, потолок и мебель. А потом я стану резать остальных. По очереди. Никому не двигаться! Даже не шевелиться!

На корчму опустилась тишина: глухая и абсолютная. Все замерли. И таращились с раззявленными ртами.

– Я не буду с тобой сражаться, – спокойно повторил Геральт. – Но если ты обидишь эту женщину – умрешь.

– Один из нас умрет, это точно. Там, на площади. Но, пожалуй, не я. Ходят слухи, что твои славные мечи украдены. А о новых, как я вижу, ты не успел побеспокоиться. Полагаю, нужно иметь немалую гордыню, чтобы отправляться красть у кого-то награду, предварительно не вооружившись. А может, прославленный Белый Волк настолько хорош, что и сталь ему уже не нужна?

Скрипнул отодвигаемый стул. Светловолосая девушка встала. Вытащила из-под стола продолговатый сверток. Положила его перед

Геральтом и отступила назад, садясь подле урядника.

Он знал, что это такое. Еще до того, как развязал ремень и развернул войлок.

Меч из стали сидеритовой, полной длины в сорок с половиной дюймов, клинок – длиной в двадцать семь с четвертью. Вес тридцать и семь унций. Рукоять и эфес простые, но элегантные.

Второй меч, сходной длины и веса, серебряный. Частично, конечно; чистое серебро слишком мягкое, чтобы хорошо его наточить. На клинке – магические глифы, по всей длине вытравлены рунические знаки.

Эксперты Пираля Пратта не сумели их прочесть, тем самым вызывая сомнение в своих знаниях. Древние руны складывались в надпись: *Dubhenn haern am glandeal, morch am fhean aiesin*. «Сверканье мое разорвет тьму, свет мой – мрак разгонит».

Геральт поднялся. Вынул стальной меч из ножен. Неторопливым и слитным движением. Не смотрел на Брегена. Смотрел на клинок.

– Отпусти женщину, – сказал спокойно. – Сейчас же. В противном случае – умрешь.

Рука Брегена дрогнула, по шее жрицы потекла струйка крови. Жрица даже не охнула.

– Я в нужде, – зашипел Кот из Иелло. – Эта награда должна быть моей!

– Отпусти женщину, я сказал. Иначе я убью тебя. Не на площади, а здесь, на месте.

Бреген сгорбился. Дышал тяжело. Глаза его зловеще блестели, губы мерзко кривились. Белели косточки стиснутых на рукояти пальцев. Внезапно он отпустил жрицу, оттолкнул ее. Люди в корчме вздрогнули, будто пробудившись от кошмарного сна. Раздались громкие вздохи.

– Придет зима, – с усилием проговорил Бреген. – А мне, в отличие от некоторых, негде зимовать. Уютный и теплый Каэр Морхен – не для меня!

– Нет, – ответил Геральт. – Не для тебя. И ты хорошо знаешь, какова причина.

– Каэр Морхен – только для вас, добрых, честных и справедливых, верно? Лицемеры засранные. Вы такие же убийцы, как и мы, ничем от нас не отличаетесь!

– Уходи, – сказал Геральт. – Покинь это место и отправляйся своей дорогой.

Бреген спрятал меч. Выпрямился. Когда шагал через комнату, глаза его изменились. Зрачки заполняли всю радужку.

– Это ложь, – проговорил Геральт, когда Бреген его миновал, – будто

Весемир к чему-то там приговорил тебя. Ведьмаки не сражаются с ведьмаками, не скрещивают с ними мечи. Но если когда-либо повторится то, что случилось в Иелло, если дойдет до меня слух о чем-то подобном... Тогда я сделаю исключение. Отыщу и убью. Отнесись к этому предупреждению всерьез.

Глухая тишина царила в зале корчмы еще несколько минут после того, как за Брегенем затворилась дверь. Полный облегчения вздох Лютика показался в этой тишине подобным грому. И сразу после началось движение. Местные выпивохи потихоньку смылись, даже не допив водку. Купцы остались, хотя притихли и побледнели, однако же приказали выйти из-за стола челяди, как видно повелев тщательно охранять возы и коней, при такой-то сомнительной компании поблизости. Жрицы осмотрели рану на шее своей подруги, поблагодарили Геральта молчаливыми поклонами и удалились на отдых, должно быть в сенник, поскольку вряд ли корчмарь предоставил им постели в спальном комнате.

Геральт поклоном и жестом пригласил к столу светловолосую деву, благодаря которой получил назад свои мечи. Она воспользовалась приглашением с явственной охотой, совершенно без сожаления оставив своего прежнего товарища, урядника, который сидел теперь с надутым видом.

– Я – Тициана Фреви, – представилась она, подавая Геральту ладонь и по-мужски ее пожимая. – Рада познакомиться.

– С полной взаимностью с моей стороны.

– Слегка поволновалась кровь, да? Вечера в придорожных корчмах бывают скучными, нынешний же оказался интересным. В какой-то момент я даже испугалась. Но полагаю, это были своеобразные мужские состязания? Тестостероновый поединок? Мерились причиндалами – у кого длиннее? Реальной угрозы ведь не было?

– Не было, – соврал он. – Главным образом, из-за мечей, которые получил благодаря тебе. Спасибо за них. Но не могу не задаться вопросом: каким образом они к тебе попали.

– Это должно было остаться секретом, – пояснила она легко. – Мне поручили подбросить тебе мечи тихонько и скрытно, после чего – исчезнуть. Но внезапные обстоятельства вынудили скорректировать условия. Мне пришлось, поскольку так сложилась ситуация, отдать тебе оружие явно, с открытым, так скажем, забралом. Не объясниться теперь было бы невежливо. Поэтому от объяснений я отказываться не стану, принимая ответственность за раскрытие тайны. Мечи я получила от Йеннефер из Венгерберга. Произошло это в Новиграде, две недели назад. Я

– двимвеандра. Встретила Йеннефер случайно, у госпожи наставницы, у которой я как раз завершала практику. Когда она узнала, что я отправляюсь на юг, и когда моя наставница поручилась за меня, госпожа Йеннефер попросила меня об этой миссии. И дала мне рекомендательное письмо к знакомой магичке из Марибора, у которой я намеревалась практиковать.

– Как... – Геральт сглотнул. – Как она себя чувствует? Йеннефер? У нее все в порядке?

– Полагаю, все прекрасно. – Тициана Фреви взглянула на него из-под ресниц. – Чувствует она себя чудесно, выглядит на зависть всем. Я, например, завидую, если говорить откровенно.

Геральт встал. Подошел к корчмарю, который едва не свалился в обморок от страха.

– Не нужно было... – скромно сказала Тициана, когда через минутку корчмарь поставил перед ними графин «Эст-Эста», самого дорогого белого вина из Туссента. И несколько дополнительных свечей, воткнутых в горлышки старых бутылок.

– Лишние хлопоты, право же, – добавила она, когда через миг-другой на столе появились и миски: одна с ломтями сырой, подсушенной ветчины, вторая – с копченой форелью, третья – с ассортиментом сыров. – Слишком уж ты тратишься, ведьмак.

– Есть повод. И прекрасное общество.

Она поблагодарила кивком. И улыбкой.

Красивой улыбкой.

Каждая заканчивающая школу магии чародейка оказывалась перед выбором. Могла остаться в университете как ассистентка наставниц-прецепторов. Могла обратиться с просьбой к одной из независимых наставниц, чтобы та приютила ее у себя как постоянную практикантку. Либо могла избрать дорогу двимвеандры. Система эта была заимствована у цехов. Во многих из них готовящийся стать подмастерьем ученик должен был предпринять путешествие, во время которого брался за случайную работу в разных мастерских, то тут, то там, и лишь через несколько лет возвращался, чтобы пройти экзамен и принять чин мастера. Однако имелись некоторые отличия. Принуждаемый к путешествию и не находящий работы подмастерье слишком часто голодал, а странствия нередко превращались в тяжкие скитания. Двимвеандрой же становились по собственной воле и желанию, а Капитул чародеев создал для странствующих магичек специальный стипендиальный фонд, и, как Геральт слышал, довольно значительный.

– Тот пугающий тип, – включился в беседу поэт, – носил медальон,

похожий на твой. Это был один из Котов, верно?

– Верно. Я не хочу об этом говорить, Лютик.

– Ославленные Коты, – обратился поэт к чародейке. – Ведьмаки, но неудачные. Бракованные мутации. Безумцы, психопаты и садисты. Котами прозвали себя сами, поскольку и вправду подобны котам: агрессивные, жестокие, непредугадываемые и непредсказуемые. А Геральт, как обычно, преуменьшает, чтобы нас успокоить. Потому как угроза была – и серьезная. Чудо, что обошлось без резни, крови и трупов. Могла начаться бойня, как в Иелло четыре года назад. В любой момент я ожидал...

– Геральт попросил об этом не говорить, – отрезала Тициана Фреви, вежливо, но твердо. – Давай это уважать.

Ведьмак взглянул на нее с одобрением. Девушка показалась ему милой. И симпатичной. Даже весьма симпатичной.

Чародейкам, как он знал, красоту наводили, престиж профессии требовал, чтобы магички вызывали восхищение. Но улучшение никогда не доходило до полного совершенства, всегда что-то да оставалось. Тициана Фреви исключением не была. Ну лбу у нее, сразу у линии волос, виднелись несколько едва заметных отметин от оспы, пережитой, наверняка, в детстве, когда не было у нее еще иммунитета. Линию красивого рта слегка портил крохотный кривой шрам над верхней губой. Геральт – уж не помнил в который раз – почувствовал злость, злость на свое зрение, на глаза, заставлявшие отмечать столь мало значимые подробности, детальки, которые были ничем по сравнению с тем фактом, что Тициана сидела с ним за одним столом, пила «Эст-Эст», ела вяленую форель и улыбалась ему. Ведьмак знал и был знаком воистину с небольшим числом женщин, красоту которых можно было счесть безукоризненной, а шанс, что хоть кто-то из них ему улыбнется, он имел основания полагать равным нулю.

– Он говорил о какой-то награде... – Лютика, коль он оседлывал какую тему, непросто было принудить к отступлению. – Кто-нибудь знает, в чем там дело? Геральт?

– Понятия не имею.

– А я – имею, – похвастала Тициана Фреви. – И удивляюсь, что вы не слышали – это ведь было громкое дело. Фольтест, король Темерии, назначил награду. За снятие проклятия с дочки, зачарованной. Укололась веретеном и заснула, бедняжка, как говорят, сном вечным, лежит во гробе в церкви, поросшей боярышником. Другой слух гласит, что гроб – стеклянный и размещен на вершине стеклянной горы. Еще один – что принцессу превратили в лебедя. Иной – в ужасное чудовище, в стрыгу. Из-за проклятия, поскольку принцесса – плод кровосмешения. Сплетни эти

вроде бы придумывает и распространяет Визимир, король Редании, у которого с Фольтестом споры о территории, крепко он с ним рассорился и вон из кожи лезет, чтобы ему досадить.

– Это и вправду кажется вымыслом, – подытожил Геральт. – Опирающимся на сказку или легенду. Проклятая и преображенная принцесса, заклятие как кара за кровосмешение, награда за расколдовывание. Классика и банальности. Тот, кто это выдумал, не слишком-то напрягался.

– Дело, – проговорила двимвеандра, – имеет явный политический подтекст, поэтому Капитул запретил чародеям в него вмешиваться.

– Сказка или нет, – но тот Кот в нее верил, – проговорил Лютик. – Явно спешил он в Вызиму, к зачарованной принцессе, чтобы снять проклятие и присвоить обещанную королем Фольтестом награду. Поверил, что Геральт тоже туда направляется и хочет его обмануть.

– Он ошибался, – сухо проговорил Геральт. – Я не направляюсь в Вызиму. Впредь не собираюсь лезть в политику. Это работа в самый раз для кого-то такого, как Бреген, пребывающего, как он сам говорил, в нужде. Я – не в нужде. Мечи я отыскал, тратиться на новые не придется. Средства у меня есть. Спасибо чародеям из Риссберга...

– Ведьмак Геральт из Ривии?

– Так и есть. – Геральт смерил взглядом урядника, что стоял рядом с хмурым лицом. – А кто спрашивает?

– Это не важно, – урядник вскинул голову и напыжился, пытаясь казаться значимым. – Важен судебный иск. Каковой я вам и вручаю. При свидетелях. Согласно закону.

Урядник отдал ведьмаку свиток бумаги. После чего вышел, не преминув одарить Тициану Фреви взглядом, полным презрения.

Геральт сорвал печать, развернул свиток.

– *Datum ex Castello Rissberg, die 20 mens. Jul. anno 1245 post Resurrectionem*, – прочел. – В Городской суд в Горс Велене. Истец: Комплекс Риссберг, дело гражданское. Ответчик: Геральт из Ривии, ведьмак. Иск о: возвращение платы в тысячу (прописью: тысячу) новиградских крон. Требуем мы, *primo*: приказать ответчику Геральту из Ривии вернуть взнос в тысячу новиградских крон купно с надлежащими процентами. *Secundo*: присудить ответчику оплатить средства процесса согласно предписанным нормам. *Tertio*: придать приговору режим безотлагательного исполнения. Обоснование: истец получил от сообщества «Комплекс Риссберг» гражданскую квоту в тысячу новиградских крон. Доказательства: копии банковских переводов. Квота являлась платой

авансом за услуги, которые истец никогда не предоставлял и, по злому умыслу, предоставлять не намеревается... Свидетели: Бирута Анна Маркветта Икарти, Аксель Мигуэль Эспара, Иго Тарвикс Сандовал... Сукины дети.

– Я вернула тебе мечи, – опустила взгляд Тициана. – И одновременно повесила тебе на шею новую проблему. Этот судейский меня обманул. Нынче утром подслушал, как я расспрашивала о тебе на паромной пристани. И сразу после вцепился, словно репей в собачий хвост. Теперь я понимаю, зачем. Этот иск – моя вина.

– Тебе понадобится адвокат, – хмуро произнес Лютик. – Но я бы не рассчитывал на госпожу юристку из Керака. Толк от нее если и есть какой – то уж не в судебном зале.

– Адвоката мне нанимать нет смысла. Вы обратили внимание на дату иска? Готов поспорить, что уже все рассмотрено и приговор вынесен – заочно. И что они уже арестовали мой счет.

– Я прошу прощения, – произнесла Тициана. – Это моя вина. Прости.

– Нечего извиняться, ты ни в чем не виновата. А они пусть подавятся, Риссберг вместе с судами. Хозяин! Графин «Эст-Эст», будь-ка любезен!

* * *

Вскоре они оказались единственными гостями в зале, и корчмарь демонстративными зевками дал им понять, что пора заканчивать. Первой отправилась к себе Тициана, вскоре вслед за ней сдался и Лютик.

Геральт не пошел в комнатку, которую делил с поэтом. Вместо этого негромко постучал к Тициане Фреви. Та открыла мгновенно.

– Я ждала, – пробормотала, втягивая его внутрь. – Знала, что ты придешь. А если бы не пришел, я отправилась бы тебя искать.

* * *

Должно быть, усыпила его с помощью чар, иначе бы он наверняка проснулся, когда уходила. А уйти должна была до рассвета, еще в темноте. Остался от нее лишь аромат. Слабый запах ириса и бергамота. И чего-то еще. Розы?

На столике, на его мечях, лежал цветок. Роза. Одна из белых роз, что стояли в вазонах перед корчмой.

Никто не помнил – чем было это место, кто его построил и чему оно служило. За корчмой, в котловине, остались руины древнего строения, некогда большого и наверняка богатого комплекса. От зданий почти ничего не уцелело: остовы фундаментов, заваленные сором ямы, то тут, то там – каменные блоки. Остальное разобрано и разграблено. Строительный материал был в цене, ничто не должно пропасть зря.

Они ступили под остатки разрушенной арки, некогда – внушительной, а нынче выглядевшей словно виселица; унылое впечатление усиливал плющ, свисавший, будто обрезанная веревка. Шли они аллейкой, ведущей меж деревьями. Деревья усохшие, искалеченные и уродливые, словно придавленные грузом тяготевшего над этим местом проклятия. Аллейка вела к саду. Вернее, к тому, что когда-то было садом. Клумбы барбарисов, дрека и роз, некогда умело подстриженные, нынче были диким и бессмысленным переплетением веток, колючих лиан и сухих стеблей. Из переплетенья выглядывали обломки скульптур и памятников: некогда, кажется, полноростовых. Обломки же были столь ничтожны, что невозможно было и приблизительно определить, кого – или что – памятники эти изображали. Впрочем, это и не имело большого значения. Статуи были прошлым. Не уцелели, а поэтому в расчет нынче не шли. Остались руины, и они-то, казалось, сохранятся надолго, руины – вечны.

Руины. Памятники разрушенного мира.

– Лютик?

– Да?

– В последнее время все, что могло пойти плохо – пошло плохо. И кажется мне, что именно я все испортил. В последнее время к чему бы я ни прикоснулся, все порчу.

– Тебе так кажется?

– Мне так кажется.

– Ну, тогда наверняка так и есть. Комментариев не жди. Мне надоело комментировать. А теперь попричитай над собой в тишине, если могу я о том просить. Я как раз творю, и твои нюни меня отвлекают.

Лютик уселся на поваленной колонне, сдвинул шляпу на затылок, положил ногу на ногу, подкрутил колки лютни.

Очаг погас,
свеча – и та

под ветром зыбким стынет, меркнет.

И вправду дохнул ветер, внезапно и резко. А Лютик перестал играть. И громко вздохнул.

Ведьмак развернулся.

Она стояла у входа в аллею, между треснувшим постаментом неузнанного памятника и спутанными ветками сухого кизила. Высокая, в облегающем платье. С головой сероватой масти, свойственной более корсакам, нежели чернобуркам. С острыми ушами и продолговатой мордой.

Геральт не двинулся с места.

– Я обещала, что приду, – в лисьей пасти блеснули ряды зубов. – Однажды. Нынче – тот самый день.

Геральт не двинулся с места. На спине чувствовал знакомую тяжесть двух мечей, тяжесть, которой ему не хватало вот уже месяц. Ту тяжесть, что обычно даровала спокойствие и уверенность. Но сейчас, в этот миг, тяжесть была лишь тяжестью.

– Я пришла... – агуара блеснула клыками. – Сама не знаю, зачем я пришла. Чтобы попрощаться, возможно. Может, чтобы позволить попрощаться с тобой ей.

Из-за лисицы выступила худенькая девочка в облегающем платье. Ее бледное и неестественно неподвижное лицо все еще было наполовину человеческим. Но, пожалуй, уже более лисьим, чем человеческим. Изменения шли быстро.

Ведьмак покачал головой.

– Ты вылечила... Оживила ее? Нет, это невозможно. Значит, она была живой там, на корабле. Живой. Притворялась мертвой.

Агуара громко тьякнула. Геральту понадобилась секунда, чтобы понять: это смех. Лисица смеялась.

– Некогда мы могли многое! Наводить иллюзии волшебных островов, показывать пляшущих в небе драконов, создавать видимость огромного войска, приближающегося к стенам города... Некогда, раньше. Теперь мир изменился, наши возможности уменьшились... а разум умалился. Больше в нас от лис, чем от агуар. Но до сих пор даже самая малая из нас, самая молодая лиса сумеет обмануть иллюзией ваши примитивные человеческие разумы.

– Впервые в жизни, – сказал Геральт миг спустя, – я рад, что меня обманули.

– Неправда, что ты все сделал плохо. И в награду ты можешь

прикоснуться к моему лицу.

Он кашлянул, глядя на острые зубы.

– Хм-м...

– Иллюзия – это то, о чем ты думаешь. Чего боишься. И о чем мечтаешь...

– Прошу прощения?

Лисица тихо залаяла. И превратилась.

Темные, фиалковые глаза, горящие на бледном, треугольном лице. Вороново-черные, будто буря, локоны каскадом спадали на плечи, сияли, отражали свет, словно павлиньи перья, развиваясь и волнуясь при каждом движении. Губы, изумительно узкие и бледные под помадой. На шее – черная бархотка, а на бархотке обсидиановая звезда, искрящаяся и отбрасывающая тысячи отражений...

Йеннефер улыбнулась. А ведьмак прикоснулся к ее щеке.

И тогда сухой дрок зацвел.

А потом подул ветер, шевельнул куст. Мир исчез в вихре кружащих белых лепестков.

– Иллюзия, – услышал он голос агуары. – Всё – лишь иллюзия.

* * *

Лютик закончил петь. Но не откладывал лютню. Сидел на обломке поваленной колонны. Смотрел в небо.

Геральт сидел рядом. Думал о том, о сем. Всевозможные вещи раскладывал по полочкам внутри себя. Вернее, пытался разложить. Строил планы. В большинстве своем – совершенно нереальные. Обещал себе то да се. Сильно сомневаясь, сумеет ли он сдержать хотя бы одно обещание.

– А ведь вот же, – сказал внезапно Лютик, – никогда ты не поблаговаришь меня за баллады. Столько я их рядом с тобой сложил и пропел. А ты ни разу не сказал: «Славно получилось. Хотел бы я, чтоб ты снова это сыграл». Никогда ты мне такого не говорил.

– Верно. Не говорил, что хотел бы. Желаете знать, почему?

– Почему?

– Потому что не хотел.

– Это настолько не произносимо? – не сдавался бард. – Так тяжело? Сказать: «Сыграй еще раз, Лютик. Сыграй „Как проходит время“».

– Сыграй еще раз, Лютик. Сыграй «Как проходит время».

– Сказал ты это совершенно неубедительно.

- И что с того? Ты ведь и так сыграешь.
– Даже и не сомневайся!

Очаг погас,
свеча – и та
под зыбким ветром стынет, меркнет.
Проходят дни
идут года
безмолвно, тихо, незаметно.

Нам нелегко, но этот дар —
быть вместе – так же неизменен.
Ведь дни идут,
бегут года
безмолвно, тихо, незаметно.

Дороги наши – навсегда
в воспоминаньях, неотменны.
Но дни идут,
бегут года
безмолвно, тихо, незаметно.

Ну что же, милая, – итак,
с триумфом, вопреки зиме мы
споем: «Идут,
бегут года
безмолвно, тихо, незаметно...»^[74]

- Геральт поднялся.
– Пора в путь, Лютик.
– Да? И куда же?
– А не все ли равно?
– В общем-то, верно. Едем.

Эпилог

На холме белели остатки строений, превратившихся в руины настолько давно, что успели полностью зарости. Плющ увил стены, молодые деревца пробились сквозь рассеявшиеся полы. Был здесь – но Нимуэ знать этого не могла – храм, вотчина жрецов некоего позабытого бога. Для Нимуэ это были лишь руины. Куча камней. И указатель. Знак того, что она идет верной дорогой.

Поскольку сразу за холмом и руинами гостинец раздваивался. Один путь вел на запад, через вересковые пустоши. Второй, тянувшийся на север, исчезал в густом и темном лесу. Нырнул в темную чащобу, тонул в мрачной темноте, исчезал среди деревьев.

И это была ее дорога. На север. Через печально знаменитый Соичьий лес.

Россказням, которыми ее пытались пугать в Ивало, Нимуэ не слишком-то верила, во время путешествия она неоднократно сталкивалась с подобным, в каждой округе бытовал свой жуткий фольклор, местные страсти да ужасы, чтоб нагонять страх на приезжих. Нимуэ уже пугали русалками в озерах, берегинями в речках, умертвиями на перепутьях и упырями на кладбищах. Каждый второй мост оказывался логовом троллей, что ни группка кривых верб – то засада стрыги. Нимуэ в конце концов привыкла, повседневные страхи перестали пугать. Но недостает сил, чтобы совладать со странным беспокойством, охватывающим тебя, когдаходишь в темный лес, ступаешь на тропу меж курганами в тумане или бредешь среди затянутых испарениями болот.

Теперь, перед темной стеной леса, она тоже ощущала это беспокойство, скользившее мурашками по затылку и иссушавшее рот.

Дорога наезжена, повторяла она мысленно, вся в колеях от повозок, истоптана копытами коней и волов. Что с того, что лес выглядит страшно, это вовсе не какая-нибудь глушь, а торный путь к Дориану, ведущий сквозь остатки пуши, которая уцелела от топоров и пил. Многие здесь ездят, многие здесь ходят. Я тоже пройду. Я не боюсь.

Я – Нимуэ верх Вледир ап Гвин.

Ямина, Гвадо, Сибелл, Брюгге, Кастерфурт, Мортара, Ивало, Дориан, Анхор, Горс Велен.

Она огляделась, не приближается ли кто. Было бы, подумала, веселей в компании. Но гостинцем этим, как назло, особенно здесь, особенно теперь,

угощаться никто не хотел. Был он почти вымершим.

Ну, что ж. Нимуэ откашлялась, поправила узелок на плече, крепко сжала посох. И вошла в лес.

В чащобе преобладали дубы, вязы и старые, сросшиеся друг с другом грабы, попадались также сосны и ели. Внизу царствовал густой подлесок, переплетенья боярышника, орешника, черемухи и жимолости. В таком подлеске обычно кишмя кишели лесные птицы, но в этом лесу царила зловещая тишина. Нимуэ шагала, устремив взгляд в землю. Она вздохнула с облегчением, когда в глубине леса внезапно застучал дятел. Кто-то здесь, однако, живет, подумала она, я тут не одна-одинешенька.

Она остановилась и резко повернулась. Не заметила ничего и никого, но миг назад была уверена, что кто-то идет за ней. Чувствовала, что за ней наблюдают. Наблюдают скрытно. Страх перехватил горло, дрожью скользнул по спине.

Она пошла быстрее. Лес, как ей казалось, стал редеть, сделалось светлее и зеленее, поскольку в чаще начала преобладать береза. Еще поворот, еще пару, подумалось ей лихорадочно, еще чуть-чуть – и лес закончится. Я оставлю его позади вместе с тем, что за мной крадется. И отправлюсь дальше.

Ямина, Гвадо, Сибелл, Брюгге...

Она даже не услышала шелеста, а движение уловила краем глаза. Из густого папоротника выстрелил серый, плоский, многолапый и невероятно быстрый абрис. Нимуэ завопила при виде щелкающих клешней, огромных, словно косы. Щетинящихся шипами лап. Многочисленных глаз, окружавших башку, подобно короне.

Она почувствовала сильный рывок – ее сдернуло с места и резко отшвырнуло в сторону. Она повалилась спиной на спружинившие заросли орешника, вцепилась в них, готовая вскочить и бежать. Замерла, глядя на развернувшуюся на дороге дикую пляску.

Многоногое создание прыгало и крутилось, крутилось неимоверно быстро, размахивая лапами и щелкая ужасными жвалами. А вокруг него, еще быстрее, так быстро, что движения смазывались, танцевал человек. Вооруженный двумя мечами.

На глазах у окаменевшей со страха Нимуэ в воздух взлетела сперва одна, потом вторая, потом третья отрубленная лапа. Удары меча обрушивались на плоский корпус, из которого брызгали потоки зеленой жидкости. Тварь дергалась, кидаясь из стороны в сторону, наконец диким прыжком метнулась к лесу, спасаясь бегством. Далеко не сбежала. Человек с мечами догнал ее, наступив, с размаху пригвоздил к земле остриями

обоих клинков. Тварь долго молотила по земле лапами и наконец замерла.

Нимуэ прижала руки к груди, пытаясь хотя бы так успокоить колотившееся сердце. Видела, как ее спаситель приседает над убитой тварью, как ножом отковыривает нечто с ее панциря. Как вытирает клинки мечей и вкладывает их в ножны за спиной.

– В порядке?

Нимуэ не сразу сообразила, что вопрос обращен к ней. Но и так не смогла бы ни отозваться, ни подняться с орешника. Избавитель не спешил вытягивать ее из кустов, поэтому пришлось выползать самой. Ноги тряслись так, что с трудом могла стоять. Сухость во рту не проходила.

– Дурная идея – такое вот одинокое путешествие через лес, – сказал избавитель, подходя ближе.

Снял капюшон, снежно-белые волосы едва ли не светились в лесном полумраке. Нимуэ чуть не вскрикнула, непроизвольным жестом прижала руки ко рту. Немыслимо, подумала она. Абсолютно невозможно. Это мне, должно быть, снится.

– Но отныне... – продолжил беловолосый, разглядывая лежавшую на ладони черную, с прозеленью медную табличку. – Отныне тут можно ходить без опаски. Потому как – что тут у нас? IDR UL Ex IX 0008 BETA. Ха! Не хватало мне тебя для общего счета, восьмерочка. Но теперь счет закрыт. Как ты, девушка? Ах, прости. Пересохло во рту, да? Язык как мочало? Знаю такое состояние, знаю. Вот, глотни.

Она приняла флягу дрожащей рукой.

– И куда мы путешествуем?

– До Д... До До...

– До?

– До... Дориана. Что это было? Это... там?

– Шедевр. Чудесное творение номер восемь. Не важно, впрочем, что это было. Важно – что быть перестало. А ты кто? Куда направляешься?

Она кивнула, сглотнула. И решилась. Сама удивилась своей отваге.

– Я... Я – Нимуэ верх Вледир ап Гвин. Из Дориана пойду в Анхор, оттуда – в Горс Велен. В Аретузу, школу чародеек на острове Танедд.

– Ого. А откуда путь держишь?

– Из села Ямина. Через Гвадо, Сибелл, Брюгге, Кастерфурт...

– Знакомый путь, – прервал он ее. – Воистину ты прошла половину мира, Нимуэ, дочь Вледира. В Аретузе должны добавить тебе за это баллы на вступительном экзамене. Но, полагаю, не добавят. Амбициозную ты поставила перед собой цель, девушка из села Ямина. Чересчур амбициозную. Идем со мной.

– Добрый... – Нимуэ все еще не держали ноги. – Добрый господин...

– Да?

– Благодарю за спасение.

– Благодарить надлежит мне – тебя. Я уже несколько дней высматриваю кого-нибудь вроде тебя. Если кто сюда и направлялся, то шли обычно большими группами, шумно и оружно, на таких наш шедевр номер восемь не решался нападать, из укрытия и носа не казал. А ты его оттуда выманила. Даже с большого расстояния он способен различить легкую добычу. Кого-то, кто странствует в одиночестве. И кто невелик. Без обид.

Край леса, как оказалось, был совсем рядом. Дальше, подле группки деревьев, ждала лошадь беловолосого. Гнедая кобыла.

– До Дориана, – сказал беловолосый, – отсюда каких-то сорок миль. Для тебя – три дня дороги. Три с половиной, если считать остаток сегодняшнего. Ты это понимаешь?

Нимуэ почувствовала внезапную эйфорию, перечеркнувшую отупение и прочие результаты испуга. Это сон, подумала. Мне это снится. Это не может быть наяву.

– Что с тобой? Ты хорошо себя чувствуешь?

Нимуэ собрала всю свою отвагу.

– Эта кобыла... – от возбуждения она едва могла говорить внятно. – Эта кобыла зовется Плотвой. Потому что каждая твоя лошадь так зовется. Потому что ты – Геральт из Ривии. Ведьмак Геральт из Ривии.

Он смотрел на нее долго. Молчал. Нимуэ тоже безмолвствовала, глядя в землю.

– Какой нынче год?

– Тысяча триста... – она подняла удивленно глаза. – Тысяча триста семьдесят третий после Возрождения.

– Тогда, – беловолосый отер лицо рукой в перчатке, – Геральт из Ривии давно уже мертв. Умер он сто пять лет тому назад. Но я думаю, что его бы порадовало, что и спустя сто пять лет люди его помнят. Помнят, кем он был. Ха, помнят даже, как зовут его лошадь! Да, полагаю, он был бы рад... Если бы мог об этом знать. Пойдем. Я тебя проведу.

Они долго шагали в молчании. Нимуэ кусала губы. Устыдившись, решила больше ничего не говорить.

– Перед нами, – прервал напряженную тишину беловолосый, – распутье и тракт. Дорога к Дориану. Доберешься в безопасности...

– Ведьмак Геральт не умер! – выпалила Нимуэ. – Он просто ушел, ушел в Страну Яблонь. Но он вернется... Вернется, потому что так гласит легенда.

– Легенды. Байки. Сказки. Россказни и поболтушки. Я мог бы догадаться, Нимуэ из села Ямина, идущая в школу чародеек на острове Танедд. Ты не отважилась бы на столь опасное путешествие, когда б не сказки и легенды, на которых ты выросла. Но это лишь сказки, Нимуэ. Только сказки. Ты уже слишком далеко ушла от дома, чтобы не понимать этого.

– Ведьмак вернется из иных миров! – не сдавалась она. – Вернется, чтобы защищать людей, когда Зло вновь поднимет голову. До тех пор, пока будет существовать тьма, будут нужны и ведьмаки. А ведь тьма все еще существует!

Он долго молчал, глядя в сторону. Наконец повернулся к ней. И улыбнулся.

– Тьма все еще существует, – согласился. – Несмотря на поступь прогресса, который, как следует нам верить, призван разогнать тьму, уничтожить угрозы и отогнать страхи. До сих пор прогресс изрядных успехов на этом поприще не достиг. До сих пор прогресс только уверяет нас, будто тьма – всего лишь застывшее взор суеверие, что бояться нечего. Но это ложь. Бояться есть чего. Потому что всегда, всегда будет существовать тьма. И всегда будет таящееся в темноте Зло, всегда будут во тьме клыки и когти, убийство и кровь. И всегда будут нужны ведьмаки. И крайне необходимо, чтобы всегда они появлялись там, где в них нужда. Там, откуда доносятся крики о помощи. Там, откуда их зовут слабые. Чтобы они появились, призванные, с мечом в руке. С мечом, сверканье которого разобьет тьму, свет которого – разгонит мрак. Красивая сказка, верно? И заканчивается хорошо, как всякой сказке и надлежит.

– Но... – заикнулась она. – Но ведь сто лет... Как это возможно, чтобы... Как это возможно?

– Такие вопросы, – прервал он ее, все еще с улыбкой, – нельзя задавать будущей адептке Аретузы. Школы, в которой учат, что нет вещей невозможных. Потому что все, что нынче кажется невозможным, завтра станет будничной явью. Такой девиз должен висеть над входом в университет, который вскоре станет твоим университетом. Счастливой дороги, Нимуэ. Бывай. Тут мы расстаемся.

– Но... – она почувствовала внезапное облегчение, а слова полились рекой. – Но я хотела бы знать... Знать больше! О Йеннефер. О Цири. О том, как на самом деле закончилась та история. Я читала... Я знаю легенду. Знаю все. О ведьмаках. О Каэр Морхене. Знаю даже названия всех ведьмачьих Знаков! Прошу, расскажи мне...

– Тут мы расстанемся, – прервал он ее ласково. – Перед тобой лежит

дорога к твоему предназначению. Передо мной же – совершенно иной путь. Сказание продолжается, история никогда не завершается. Что же до Знаков... Есть такой, какого ты еще не знаешь. Носит он название Сомнэ. Взгляни на мою ладонь.

Она взглянула.

– Иллюзия, – услышала еще откуда-то, из далекого далека. – Все – иллюзия.

– Эй, девушка! Не спи, а то ограбят тебя!

Она вскинула голову. Протерла глаза. И вскочила с земли.

– Я заснула? Спала?

– Еще бы! – засмеялась с козел правившая повозкой толстая тетка. – Будто камень! Как убитая! Я дважды тебя окликала, а ты – ничего. Уж я хотела с повозки слазить... Ты одна? Что ты так осматриваешься? Выглядываешь кого?

– Человека... беловолосого... Был здесь... А может... Я и сама уже не знаю...

– Никого ты здесь не видела, – ответила женщина. Из-за ее спины, из-за занавесей, выглядывали мордашки двоих детей.

– Вижу, ты странствуешь, – женщина глазами указала на узелок и посох Нимуэ. – Я еду в Дориан. Хочешь – подвезу. Если и тебе в ту сторону.

– Спасибо. – Нимуэ вскарабкалась на козлы. – Стократное спасибо.

– Но-о! – женщина ударила вожжами. – Тогда – поехали! Удобней ведь ехать, чем пешкодралом, а? Ох, должно быть, подустала, если тебя сон такой сморил, что у самой-то дороги и закемарила. Спала, скажу тебе...

– Как камень, – вздохнула Нимуэ. – Знаю. Устала я и уснула. А до того было у меня...

– Ну? Что было?

Она оглянулась. Позади вставал черный лес. Впереди же лежала дорога среди ряда верб. Дорога к предназначению.

Сказание продолжается, подумала она. История никогда не заканчивается.

– Был у меня чудесный сон...

Пара слов от переводчика и редактора

Этого романа долго ждали: о его выходе было известно еще за пару лет до премьеры, но подробностей ни автор, ни его издатели не раскрывали. Ясно было только одно: это не прямое продолжение «Владычицы озера» и не приквел, посвященный «юным годам ведьмака». На польском роман вышел 6 ноября 2013 года – и мгновенно стал бестселлером. Читатели восторгались, возмущались, спорили до хрипоты...

А мы – что ж, сперва эту книгу каждый из нас прочел просто так, для себя, – и оба посмеивались, дескать, вот уж кто-то намучается, переводя... А потом вышло как у одного из любимых поэтов Сапковского: «Мне сказали в нашем спортотделе: „Ну, говорят, прекрасно, ты и защитишь“».

В русском переводе мы позволили себе некоторую вольность. Анджей Сапковский – человек эрудированный, тексты его насыщены фразами из латинского, английского, французского. Мы решили следовать традиции, заданной покойным Евгением Вайсбротом, и в примечаниях давали переводы всех этих фраз (порой – ключевых для понимания происходящего в книге). Также мы в некоторых случаях дали комментарии к тем или иным историческим и культурным реалиям, к которым отсылает Сапковский.

С другой стороны, посоветовавшись с автором, мы восстановили историческую справедливость. Дело в том, что имя возлюбленной Геральта на польском пишется как «Yennefer» – и, по словам Сапковского, должно переводиться как «Йеннефер» и никак иначе.

В заключение хотим поблагодарить Анджея Сапковского за подробные консультации и подчеркнуть: все ошибки, если таковые всё же вкрались в перевод, – исключительно на совести переводчика и редактора.

Примечания

Пер. Н. Полилова. – *Здесь и далее, кроме отдельно оговоренных случаев, – примеч. пер.*

В силу самого факта (*лат.*).

«Природа вещей» (с *лат.*); стоит напомнить, что похоже («De Rerum Natura» – «О природе вещей») называлась знаменитая поэма Тита Лукреция Кара.

Известна также под названиями «левкрокотта», «корокотта» и т. д. Как сказано у Плиния, «левкрокота – животное, обладающее необычайной скоростью; размером она с дикого осла, с ногами оленя, шеей, хвостом и грудью как у льва, головой барсука, раздвоенным копытом, пасть достигает ушей, а вместо зубов одна сплошная кость; говорят, что это животное может подражать человеческому голосу». – *Примеч. ред.*

Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

От *лат.* «delinquens», «правонарушитель» – человек, нарушающий правовые нормы.

Плывущий (фр.); голубой плывущий дельфин – один из типов геральдических фигур. – *Примеч. ред.*

Дословно – «извещение о преступлении» (*лат.*), то есть – именно что донос. В дальнейшем мы не даем перевод латыни там, где она тут же дублируется на русском (в оригинале – на польском), а также в тех случаях, когда смысл ясен из контекста. – *Примеч. ред.*

Еди́чное сви́детельство – не в счёт. Сви́детельствует один – никто не сви́детельствует (*лат.*).

При сомнении – воздержись (*лат.*).

Пер. Ю. Корнеева.

Во обеспечение расходов (*лат.*).

От нидерл. *windboom*, от *winden* – «навивать» и *boom* – «дерево»: выемный рычаг, служащий для поворота кабестана, стоячего ворота для подъема и спуска якоря.

То бишь – квинтэссенцией. В данной цитате из древнего трактата Фортегуэрра (а также автор), безусловно, отсылает нас к исходному, алхимическому смыслу латинского выражения «quinta essentia». – *Примеч. ред.*

От гэльск. «*Samhuinn*»; то же, что «Самайн» – кельтский праздник окончания уборки урожая; обычно проведение его относят к октябрю-ноябрю.

Вареная кожа (*фр.*).

Кличку себе Тонто́н взял по названию соответствующего типа гладиаторов – как раз вооружавшихся трезубцем, кинжалом и сетью. Правда, доспехи из бычьей кожи они не носили, как правило, ограничиваясь наручем и наплечником, закрывавшим плечо и левую часть груди. – *Примеч. ред.*

Дикие ночи! Дикие ночи!
Будь мы вдвоем —
Дикие ночи стали бы
Нашим богатством.

(Пер. Д. Даниловой.)

Я долг свой исполняю ежедневно:
целую и ласкаю там и тут,
и славлю красоту ее.
И гневно
меня в лицо предателем зовут.

(Пер. В. Аренева.)

Ничему не удивляйся (*лат.*).

Шкунер – от нидерл. «*schoener*»: архаизированное название типа корабля, более известного нам как «шхуна».

«С наибольшим почетом» (*лат.*).

Название для системы точных наук в средневековой системе образования: арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Вместе с тривиумом (грамматикой, диалектикой и риторикой) как раз и составляли упомянутые семь свободных искусств.

Сфера мира подразделяется (*лат.*).

Либо (лат.).

Подпорка (*лат.*).

Что и требовалось доказать (*лат.*).

Мы же позволим себе добавить: эхинопсами в нашей реальности называют безобидных малых ежевых тенреков, а также – растения рода мордовник, вряд ли те или другие способны причинить людям ощутимый вред. – *Примеч. ред.*

Мазь Ортолана (с лат.).

Мятеж (*фр.*).

Без гнева и пристрастия (*лат.*).

Из града Керака, дня 5 июля года 1245 п (осле) С (опряжения Сфер) (с лат.).

Всего наилучшего (с *лат.*).

Тупик (*фр.*).

Прозвище данного чародея отсылает нас, по признанию самого автора, к вполне реальному человеку. Джованни Джузеппе Пинетти (1750–1800) – знаменитый фокусник, чародей и иллюзионист, выступал при многих королевских дворах Европы, в том числе – по свидетельству Адама Мицкевича – в Гродно и Вильнюсе, где о нем осталось много исторических анекдотов. Фокусы и трюки Пинетти были очень необычны и зрелищны, поэтому многие верили в то, что он владеет черной магией и заключил договор с Дьяволом. Адам Мицкевич в двенадцатой книге поэмы «Пан Тадеуш» упоминает о Пинетти:

Тут Генрик Домбровский выразил удивленье
И молвил: «Пан Войский, не китайские ль это тени?
А может, на службу вам бесов своих дал Пинетти?...»

– *Примеч. ред.*

Мир (*лат.*).

От фр. *verdure* – зелень, трава, листва – вид гобеленов, изображавший животных на фоне природы. – *Примеч. ред.*

Шаровая молния (с лат.).

Золотая стрела (*с лат.*).

Ортолан – птица вида *Emberiza hortulana*, то бишь садовая овсянка.

Гамбузия – рыбка семейства пецилиевых, действительно отлично справляется с уничтожением личинок малярийных комаров. – *Примеч. ред.*

К делу (с лат.).

С присными (с лат.).

Разновидность рабочей куртки, кафтана.

Перевод В. Аренева.

После Сопряжения (*лат.*).

Басон, по Далю, тесьма, особенно шерстяная, для нашивок на служительскую одежду, для обивки езжалой и сиделой утвари и пр.

«Великое противоядие» (с лат.).

«О природе чудовищ» (с лат.).

В три четверти (с *фр.*).

«Образ мира» (с лат.).

«Ум мира» (с лат.).

Это – первые строки одного из сонетов цикла «Amours Diverses». В переводе на русский: «Я так спешил к тебе (отчаянье берёт)/А ты и поцелуй едва мне подарила». – *Примеч. ред.*

Глубокоуважаемый и Многоуважаемый/Великий Магистр (с лат.).

Датировано в Замке Риссберг/дня 15 месяца июля года 1245 после
Сопряжения (*с лат.*).

Глубокоуважаемый (с лат.).

Сего года (с лат.).

Не владеющий рассудком, сиречь... (*лат.*)

Каре не подлежат деяния, что во гневе были совершены (*лат.*).

Временно (*лат.*).

Также (*лат.*).

Не достаточным (с лат.).

Желаем доброй жизни (*с лат.*).

Всегда верна, ваша лучшая подруга (с *лат.*).

Собственноручно (с лат.).

Пер. Л. Михаловского.

По желанию (с лат.).

Наоборот ($\phi p.$).

Фрауциммер – высокая должность среди служанок дамы высшего света, confidentка и наперсница.

Плодитесь и размножайтесь (*с лат.*).

Вид короткой алебарды, обычно его носили офицеры. – *Примеч. ред.*

Перед нами блазон – особый код, которым описывали геральдические изображения на гербах и флагах. Обычно предельно краток (как и любой подобный код), однако в переводе требует более развернутого описания. Итак: «на золотом поле голубой плывущий дельфин с красными плавниками, хвостом, ушными отверстиями, бородой и гривой». – *Примеч. ред.*

Не могу сказать, кто ты,
но одно я точно знаю:
лишь коснусь лица – цветы,
распустившись, отцветают.

Зигфрид Сассун (Пер. В. Аренева.)

Перевел стихотворение В. Арнев.